

ЭЛИЗАТ КУЛИЕВА

83.3(2р=Банк)

К 903

12 52105

Мой жених,
мой ангел,
мой друг...

14р

ЭЛИЗАТ КУЛИЕВА

✓

Мой жених,
мой ангел,
мой друг...

Воспоминания.
Письма.
Дневники.

Нальчик
"ЭЛЬБРУС"
2002

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(НАЦИОНАЛЬНАЯ) БИБЛИОТЕКА
И ИНФОРМАЦИОННО-УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

1252705

К903

Редакционный совет:

Т. Ш. Биттирова

А. С. Созаев

А. М. Теплеев

З. Х. Толгуров

С. И. Эфендиев

К $\frac{4702110600-071}{M125(03)-2002}$ 2002

ISBN 5-7680-1765-8

© Э. Э. Кулиева, 2002

Воспоминаніи.

ВѢ

*Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг.
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?*

А. Фет

Кайсын Кулиев... Мне посчастливилось жить рядом с ним, наблюдать его в часы творческого вдохновения и просто в быту. Писать о нем трудно. Возможно ли передать полно прелесть и неповторимость родной земли, ее предрассветного утра, шелеста листьев, журчания горных речушек и бурливого потока быстрых рек? Таким мне представляется и Кайсын. Великая мудрость и простота жили в нем рядом. Строки из стихотворения Александра Блока, одного из любимых поэтов Кайсына:

Он весь дитя добра и света,
Он весь Свободы торжество! —

можно полностью отнести и к Кайсыну Кулиеву.

Доброта Кайсына — бескорыстная, безграничная — порой казалась неестественной, а для обывателя тем более. Его доверчивость ко всем, с кем ему приходилось общаться, удивляла. Он не видел или не хотел видеть притворства, умел прощать человеческие слабости, не способен был держать зла. Он мог оценить достоинства недругов и даже оказать им помощь, если они нуждались в ней. Эти качества Кулиева некоторые расценивали как излишнюю мягкость, но истинные друзья поэта хорошо знали: когда коснется серьезного, глобального, он становится бескомпромиссным, яростным, как буря, как ураган, защищая права человека. Кайсын Кулиев — человек не полутонов, а ярких, щедрых, переливающихся через край красок. Он — торжество жизни во всем его многообразном великолепии. Он — высший справедливый суд, высшее милосердие, к сожалению, не всегда доступное и понятное даже тем, кому очень дорог.

* * *

Когда оглядываешь окрестности села, где родился и рос поэт, захватывает дух от вида скал-исполинов, стоящих степной, от безбрежно-лазурного неба, простирающегося над снежными вершинами. Далеко внизу вьется горная река, уводящая своим глухим рокотом в глубь времен... Величественная, пленяющая картина, созвучная поэзии великого балкарца.

Кайсын Кулиев... Его вначале нарскили Солтан-Хамидом,

но близкий родственник отца переименовал маленького джигита, и он стал Кайсыном.

Кулиевы в Чегемском ущелье издавна пользовались всеобщим уважением. Физически крепкие, мужественные, с чувством собственного достоинства — они умели постоять за справедливость.

Дед Кайсына, Хажибий, имел пятерых сыновей и столько же дочерей. А у Шувы, отца Кайсына, от первого брака было шестеро детей: Осман, Али, Гешепез, Кани, Аубекир и Муса. Шува родился предположительно в 1879 году, женился, когда ему исполнилось 23 года. По рассказам родичей, это был сильный, волевой, красивый человек с открытой, доброй душой, уважавший обычаи предков.

Первая жена Шувы, Кудасва Алтын, умерла через десять лет после замужества. По прошествии года после смерти женщины фамильный совет решил привести в дом овдовевшего двоюродную сестру покойной — красавицу Узейрхан, в надежде, что родственница будет хорошо относиться к детям Шувы. В селении Жуунгу и его окрестностях молва об Узейрхан шла, как о лучшей девушке в ущелье, — трудолюбивая, добрая, молчаливая. Во время танцев на свадьбах или праздниках в ее честь всегда раздавались выстрелы, — так приветствовали аульчане дочь Бечелова Бизанка. Бечеловы — мягкие, бесхитростные люди, а семья Бизанка отличалась особой добросердечностью. По соседству с ними жила бедная семья, и Бизанк никогда не забывал о ней. У соседей подросла дочь, и как-то раз вместе с Узейрхан ее тоже пригласили на свадьбу, но девушке не в чем было пойти, и тогда Узейрхан дала ей свое платье, в котором появлялась в торжественные дни. На этот раз в честь Узейрхан выстрелов не последовало, они прозвучали, когда в круг для танцев вошла ее соседка. То ли платье ввело в заблуждение, то ли девушка больше понравилась собравшимся, кто знает? Но Узейрхан вернулась домой расстроенная и с тех пор перестала выходить в «свет». Сватовство пришлось на ту пору, когда девушке казалось, что ее слава окончательно померкла. Не перечая старшим, она дала согласие на брак с Шувой. Это было в 1913 году.

Суровая жизнь в горах порождала суровые законы. Особое место уделялось послушанию и уважению к старшим рода, к мужу, к его близким. Жена, как олицетворение женственности и хранительница домашнего очага, строго блюла обычаи и сохраняла семью. Если муж отсутствовал длительное время, то на убранной постели поверх подушки должна была возвышаться папаха отца семейства как свидетельство уважения к нему. Чем мягче, покладистей, трудолюбивей

была женщина, тем больше ее ценили. С ней считались, со-
вествовались, уважали.

Женщина у балкарцев не была порабощенной. Если она
серьезно относилась к своим обязанностям — снохи, матери,
жены, то заслуживала уважение не только со стороны мужа
и родни, но и всего ущелья. Такой прекрасной невесткой ока-
залась и дочь Бечеловых. Она родила Шуве дочь, сына, но
тот вскоре умер. Потом у них родился будущий поэт, став-
ший гордостью и славой не только Балкарии, но и всей стра-
ны. Несмотря на разницу в возрасте (Шува был старше Узе-
ирхан на семнадцать лет), они жили душа в душу, но по исте-
чении шести лет женщина овдовела.

Отцу Кайсына было сорок лет, когда его старший брат
Дока велел ему поехать в селение Быллым, чтобы привезти
невесту для двоюродного брата Мажиды. Кулиевы готовились
к свадьбе, медлить было нельзя. Шуве, любившему веселье,
на этот раз никуда не хотелось ехать, он будто предчувство-
вал неладное, но послушаться старших не мог. Пришлось
ехать. Доставив девушку в дом жениха, он почувствовал не-
домогание и заспешил домой. Пот лил с него градом. Еле
державшийся в седле Шува, увидев на обочине дороги без-
домного котенка, спсился с коня, подобрал его и привез
домой. Узеирхан поразило лицо мужа. Подал ей котенка и
велел накормить его, взял на руки тянувшегося к нему двух-
летнего сынишку и, прижимая его к груди, прошептал: «Что
ждет тебя в этой трудной жизни, мой мальчик? Кто же ста-
нет теперь опорой тебе, мой маленький?» Отвернувшись,
смахнул слезу. Услышав его слова, Узеирхан побледнела.
После той злополучной поездки отец Кайсына слег и больше
не вставал. Вест о том, что Шува заразился тифом, когда
поехал за невестой Мажиды в селение Быллым, очень быст-
ро облетела ущелье. Люди, не боясь заразиться, шли прове-
дать больного. Прибежал и один человек, с которым он не
разговаривал несколько лет из-за его вероломства. Больной
приказал выгнать его. И когда спустя два дня у Шувы нача-
лась агония и тот снова пришел к нему, умирающий жестом
дал понять, что тому не дозволено оплакивать его. Он не мог
простить предательства.

Вот в такой среде рос и жил Кайсын Кулиев.

После смерти мужа на хрупкие плечи Узеирхан легла
непосильная ноша. Кайсын с грустью рассказывал, как Узе-
ирхан, обняв его и Марьям, часто плакала, сидя у очага.
В поэзии Кулиева присутствует эта пронзительная боль вдов-
ьих слез. Зная Кайсына в детстве рассказывали, что он
был очень впечатлительным ребенком, отличался от сверст-

ников изумительным умом, необыкновенным воображением и восприимчивостью.

Пожив какое-то время в доме мужа, Узеирхан, забрав Марьям и Кайсына, уходит в Нижний Чегем, к брату Якубу, а позже переходит жить к старшему брату Исламу. Наконец молодая женщина решается выйти замуж. Ее второй муж, Узденов Шимауха, был вдовцом и имел детей. Его покойная жена, Шаваева Сырмахан, также как и первая жена Шувы, приходилась Узеирхан двоюродной сестрой. У Кайсына появились две сестрички — Марзият, а потом Шахидат. Они еще с детства привыкли клясться именем Кайсына: «Къайсын сау келсин! (Чтобы Кайсын вернулся живым!)». Когда девочки немного подросли, брат уехал учиться в Нальчик, потом в Москву. В 1940 году он преподает в Нальчикском пединституте, и в этом же году его призывают в Красную Армию. Вскоре началась финская война, а в 1941-м — Великая Отечественная. Просьба его сестер была услышана Всевышним — Кайсын вернулся с фронта живым.

После возвращения балкарцев из высылки Узеирхан прожила на свете всего шесть лет, она умерла в 67 лет, как и Кайсын. В марте 1982 года похоронили сестру поэта Марьям, следом за ней ушли Гешепез и Шахидат, а в июне 1985 не стало Кайсына Кулиева — светоча и опоры народной... Через несколько лет умерли Аубекир и Кани Кулиевы. Сестра поэта Марзият до настоящего времени произносит клятву-молитву, начатую ею в детстве: «Кайсын сау келсин!»

Кулиев признавался мне, что некоторые родичи были неласковы с ним в детстве. В повести «Скачи, мой ослик», которую Кайсын посвятил своему сыну Ахмату, фигурирует один из них. С незаживающей болью всломинал он о жестокости этого человека. «Людей обижать нельзя, особенно детей!» — повторял поэт и был верен этому завету всегда. Он не переносил лживых и лстивых, но не обижал даже их. У меня бывали по этому поводу разногласия с ним — мне хотелось сказать им все, что думаю о них, но Кайсын не разрешал, говорил: «Надо быть снисходительным». Я же считала, что нельзя общаться с людьми подобного рода и допускать их к себе близко.

О своей нелегкой судьбе Кулиев рассказывал подробно, поэтому, когда читаешь о нем (в последнее время выходит много книг о поэте), досадуешь — иногда на некоторые неточности, а порою и вымыслы.

Когда пишешь о такой личности, каким был Кайсын Кулиев, надо быть предельно честным и чистым. «Надо говорить правду и писать только правду», — говорил поэт, обращая

эти слова не только к себе, но и к современникам, и к потомкам...

* * *

8 марта 1944 года, когда выселяли балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан, мне исполнилось четыре года. Я не помню ни солдат с их ружьями, зловеще поблескивавшими на свету, ни тесных вагонов, куда «еле проникал желанный луч солнца», как пишут в своих воспоминаниях некоторые мои сверстники.

Моя детская память зафиксировала пеструю шапочку (видимо, моя) и большую черную тарелку (репродуктор). Мама рассказывала, что я боялась этого предмета, думая, что в нем сидит человек и разговаривает. Помню снег. Мама и какая-то женщина держат меня за руки, и я скольжу по снегу, а рядом шагают люди, странно вытягивая вперед то одну, то другую ногу. Может, это и были солдаты.

Смутно припоминаю что-то вроде поля. Кто-то помогает мне выбраться из окошечка. Люди куда-то идут, и я увязываюсь за ними. Мама почему-то рядом нет. Вижу — летит на меня что-то круглое, огненное, и кто-то резко отбрасывает меня в сторону, я падаю... О том, что это был поезд и спасла меня от смерти наша сноха Ханшият Кульбаева, узнаю позже, от взрослых. Помню, как ехали на бичке. Мама плакала, она искала потерянный чемодан...

Мне шел седьмой год, когда мой папа вернулся с фронта. Меня наряжали его племянницы — Ариубат и Фазика; они заплели косички, надели новое платье, сшитое ими, и даже надушили одеколоном. Все наши родственники и знакомые пошли встречать воина-солдата. На мосту появились двое мужчин в военной форме, и все заспешили им навстречу. Мне сказали, чтобы я побежала к отцу и показали, к кому из них следует подбежать: «Вон тот, который немного отстал, он твой папа!» Но я побежала навстречу другому. Он расцеловал меня, потом высоко поднял над головой! Это и был мой папа. Родственники, вспоминая об этом дне, говорили: «Сердце признало родную душу, поэтому ты побежала к отцу, а не к его товарищу». Моя любимая бабушка плакала в тот день, а люди успокаивали: «Ну, Мингсом, теперь можешь спокойно умереть, сын твой вернулся живым-невредимым!» Она соглашалась, а слезы текли и текли из ее глаз, и на губах светилась улыбка. Через несколько месяцев ее похоронили. Прошло два года, и папа ушел от нас. Помню, как в чемодан складывались вещи и фотографии папы. Улу-

чив момент, когда взрослые вышли во двор, я взяла снимки и спрятала. Глядя на фотографии отца, плакала, не понимая, как он мог уйти от меня. Мама отказывалась принимать от него какую-либо помощь, обида ее не проходила. Мой младший брат Володя постоянно болел, и у мамы не было возможности работать, поэтому голод и лишения мы испытали с лихвой. От постоянного стона и плача больного ребенка у мамы не было покоя. Иногда я просыпалась ночью из-за рыданий мамы, не очень понимая, отчего она плачет, и, прижавшись к ней, тоже плакала.

В дождливые дни вся наша комната бывала уставлена посудой, в которую со звоном падали с потолка струйки воды. Крыши домов в Средней Азии в те годы были глиняные и в дождь протекали. Мама прибавала к потолку бумагу, чтобы как-то приукрасить наше убогое жилище, но все ее усилия были напрасными: от сырости она свисала клочьями, делая наше жилище еще более жалким. Бывало даже, под потолком появлялись змеи. Но никакие бедствия не могли вторгнуться в мой воображаемый мир, где по детскому хотению строились воздушные замки, и добрый волшебник вселял в сердце надежду и веру в то, что я вернусь на родину вместе с папой и мамой и стану артисткой. Детские мечты — чистые, наивные, светлые — должны были сбыться, и они сбылись. Мой добрый Волшебник не обманул надежд! Но все это было позже, а тогда мы были изгоями.

В первое время нашего пребывания в Средней Азии местные жители верили слухам, будто к ним прислали бандитов-предателей. Откуда им было знать, что все наши мужчины, способные держать в руках оружие, находились на фронте, защищая Отечество? Позже, узнав балкарцев поближе, воочию убедились, какой это мирный и трудолюбивый народ, и полюбили нас. Помогли в этом и наша религия, и схожесть наших языков. До переселения моя мама преподавала в школе, но здесь ей не было позволено учить детей. Чтобы как-то прокормиться, ей приходилось работать уборщицей, штукатуром, печником. Несправедливость накладывала на душу определенный отпечаток — острее запоминались добро, зло... Упорству и стойкости мамы можно было удивляться. Несмотря на нищенские условия, в которых мы ютились, она старалась привить мне чувство достоинства, так необходимое в нашем положении. Я должна была помнить, что мы с Кавказа, и гордиться этим. Голодая сутками, боясь расстроить ее, я скрывала, что у меня от недоедания кружится голова. Видя, как мои сверстницы едят хлеб, ни разу не попросила у них ни крошки, помня мамины слова: «У балкарцев никогда не было просящих подаяния, они предпочли бы смерть, неже-

ли унижение». Моя милая мама мягко, неназойливо рассказывала о наших мудрых обычаях, нашем крае, где можно насытиться одним воздухом, об орлах, парящих над высокими снежными вершинами. Я слушала, затаив дыхание, забыв о голоде, о несправедливостях, травмировавших детскую душу. В классе, открыв учебник литературы, замороженно смотрела на заглавие стихотворения «Кавказ», листы книги бывали мокрыми от слез; я часто не слышала звонка на перемену, потому что истово молила Бога вернуть нас на отчую землю. Литературу нам преподавала Альбина Васильевна Козырева, приехавшая из Орехово-Зуево, к ней я и обратилась однажды с вопросом о балкарской литературе, вызвав насмешки одноклассников. Строго взглянув на них, она ответила, что ничего не знает о балкарских писателях, но уверена, что они есть, потому что не может быть народа без своей литературы. Придя домой, я спросила маму: «Почему у киргизов, казахов, дагестанцев, живущих на Кавказе, есть поэты, мы изучаем их в школе, а у балкарцев никого нет?» «Почему нет? — сказала мама. — У нас есть поэты, только на них наложен запрет, ведь мы изгнанники, живем на чужой земле. А культура балкарцев — одна из древнейших. Стихи нашего Кязима не уступают стихам других великих поэтов, но, к сожалению, он умер. Зато у нас есть молодой поэт — Кайсын Кулиев, фронтовик, надеюсь, жив...» Впервые услышав от мамы имя поэта, ставшего впоследствии моим кумиром, я запомнила его навсегда! Мама предупредила меня тогда, чтобы я много не разглаговольствовала вне дома.

После смерти Сталина мы смогли выехать из Джалал-Абадской области, где жили, во Фрунзенскую, поближе к maternal родственникам, и тогда я услышала, что Кайсын Кулиев живет в самом Фрунзе — столице Киргизстана, где-то совсем рядом.

* * *

Черная ночь, уготованная балкарскому народу, сменилась светлым днем: в 1957 году, через 13 лет, нам было разрешено вернуться на свою историческую родину. В этот же год, по настоянию мамы, я поступила в педагогическое училище в Нальчике, но, проучившись там два месяца, решила испытать силы на сцене вновь возродившегося балкарского театра. Вот тогда я впервые воочию увидела Кайсына Кулиева. Когда Шарифа Кучмезова¹ представила меня ему, я оробела, не-

¹ Кучмезова Ш. Н. — засл. арт. КБАССР, училась с К. Кулиевым в ГИТИСе им. А. В. Луначарского.

вразумительно отвечала на его вопросы, лицо горело от смущения... Через год меня направили учиться в театральное училище имени М. С. Щепкина. Имя Кайсына Кулиева в те годы приобрело широкую известность. Знаменитые московские чтецы, артисты часто читали его стихи на сценических площадках, по радио и телевидению. Желавшие читать стихи Кулиева на языке оригинала обращались к нам за помощью и говорили, что мы счастливые люди, имея такого замечательного поэта! Мне особенно запомнилась Софья Ефимовна Комиссаржевская, жена известного режиссера, — стройная, красивая женщина с приятным голосом, — она восторгалась творчеством поэта, называла Кулиева балкарским Пушкиным и Лермонтовым в одном лице. А как мы были удивлены и обрадованы, когда услышали по «Голосу Америки» следующие слова: «В Советском Союзе любят говорить о дискриминации негров в США, а разве у них не дискриминация малых народов? Большой поэт Кайсын Кулиев до сих пор не имеет никаких наград...» Это было сенсацией! Мы передавали услышанное друг другу — радостные, счастливые! С нами училась Зоя Мамсурова (Зари — так звали ее по-балкарски), она упивалась поэзией Кулиева и я помню ее безудержный восторг. «Голос Америки» в ту пору в Союзе не жаловали и ловить его приходилось тайком. С затаенной надеждой мы ждали теперь другого чуда, и вскоре оно свершилось — наш Кайсын Кулиев стал лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Для балкарского народа, испытавшего весь ужас сталинского молоха, признание таланта его великого сына правительством страны было очень важно, и это понимали все. Кулиеву стоило лишь поступиться совестью, как награды посыпались бы обильным дождем. Но как бы ни бывало трудно ему, Кулиев оставался верным себе, поэзии, без которой он не мыслил жизни.

Для меня сознание того, что где-то рядом с нами живет и творит наш добрый гений, наполняло душу гордостью. Гармония в природе, в душах человеческих, совестливость — все это, казалось, связано с его высокой поэзией. Независимая, жизнестойкая поэзия дарила надежду, призывала к терпению и мужеству, милосердию, без которых жизнь невозможна. Кулиева называли глашатаем свободы, совестью эпохи, общение с ним почиталось за счастье. Глубокая, мужественная, искрометная, без всяких прикрас поэзия балкарского поэта восхищала таких корифеев искусства и литературы, как Борис Пастернак, Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Николай Тихонов, Мария Петровых, Александр Твардовский, Арсений Тарковский, Константин Симонов, Микола Бажан,

Георгий Свиридов, Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Зара Долуханова... Этот список можно продолжать долго. Премьер-министр Индии Индира Ганди на приеме в Кремле процитировала стихи Кулиева: «Как справедливо сказал поэт Кайсын Кулиев, каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце матери». Истинные ценители, умеющие отличить настоящую, высокую поэзию от искусно завуалированной подделки, ставили Кулиева вровень с высочайшими художниками мира, а время испытало творения поэта на прочность. У него — особая планета, называемая — Кайсын Кулиев!

В одно время появился слух, что Кулиеву предоставлена правительством Москвы большая квартира в столице, и он переехал туда на постоянное жительство. Я тоже верила в это. Спустя годы, я спросила у него, так ли это было на самом деле. Он рассмеялся. Действительно, квартиру ему выделили, но уезжать из родной республики Кайсын никогда не собирался: «У меня и в мыслях этого не было. Эту квартиру я потом вернул государству, зачем она мне? Пусть отдадут кому-нибудь из нуждающихся. Поэт обязан жить там, где живет его народ. Если ты пишешь на языке своего народа, то будь рядом с ним в радости и горе».

Через какое-то время по «Голосу Америки» снова передали: «Поэты Советского Союза молчат, и только временами прорывается свободолобивый голос Кайсына Кулиева».

Свободолобивый и гордый, горячий и вольный, словно несобъезженный конь, он был неповторимо прекрасен и смел. Всевышний за все муки, пережитые народом, ниспослал нам, балкарцам, Кайсына Кулиева, как высший дар. Сам он любил себя называть стихотворцем.

Мы тогда еще были мало знакомы, но через мир его поэзии я приближалась к нему все ближе и ближе, мне мнилось, будто он мой ангел-хранитель, волшебник моих детских грез, выручающий из всех бед. В шестидесятые годы слава Кулиева гремела по всей нашей необъятной стране и за рубежом, и наша малочисленная Балкария, благодаря могучему таланту ее сына, стала известной всему миру.

* * *

В театральном училище моей дипломной работой была роль Дездемоны в трагедии В. Шекспира «Отелло». Великолепный перевод этой пьесы на балкарский язык осуществил Кайсын Кулиев. В день премьеры, в городе Нальчике, шел сильный дождь, но зал театра был переполнен. Я не знала,

что в тот вечер театр посетил мой кумир. Рассказывали, что он смотрел с большим интересом, а в сцене, где невинная Дездемона ждет Отелло и в силу наговоров вскоре будет задушена, поэт не мог сдержать слез и плакал... Не знаю, что послужило причиной слухов, но пошли разговоры, будто бы Кулиев любит актрису Кульбаеву и полюбил ее в роли Дездемоны. Нальчик — небольшой город, и новость разнеслась мгновенно. Не скрою, в глубине души я преисполнилась гордостью, еще бы, — сам Кайсын Кулиев обратил на меня внимание!.. При встречах он представлял меня своим знакомым как актрису, играющую Джульетту, а я каждый раз напоминала, что не Джульетту, а Дездемону. Так было и во время знакомства с его переводчиком Наумом Гребневым. Кайсын немного торжественно произнес: «Познакомься, Наум, это Лиза Кульбаева, лучшая лирическая актриса, очень талантливая, она наша балкарская Джульетта». Меня смутила и обрадовала высокая оценка великого поэта, мне бы промолчать из благодарности, но нет, я решила восстановить истину: «Я играла Дездемону, Кайсын Шуваевич, вы же сами переводили пьесу и смотрели спектакль, но почему-то каждый раз называете меня Джульеттой». Он обдал меня безграничным теплом своей широкой улыбки: «Дездемону ты уже сыграла, теперь пора приниматься за Джульетту». И как человек неумно-щедрой природы, стал восхвалять, превознося мои способности чуть ли не до небес: «До ее появления, Наум, на сцене балкарского театра не было настоящей лирической героини...» Душевная щедрость гениального Кулиева переливалась через край. Он не мог довольствоваться дежурной любезностью — если хвалит, то до самозабвения, если помогает, — с полной отдачей. Наверное, не найдется в республике ни одного литератора, кто не услышал от Кайсына хотя бы доброго слова напутствия, отзыва или поддержки. Он помогал писателям любой национальности, из любых республик издаваться; по его ходатайству становились членами СП СССР. В своих выступлениях по центральному телевидению, радио всегда упоминал собратьев по перу. Порою, сделав возможным невозможное, выбивал для них квартиры. К нему, как к отзывчивому человеку, шли письма с просьбами со всех концов страны. Вот про кого надо говорить: «Жизнь, отданная людям!»

Человек высокой культуры и творческой индивидуальности, один из тончайших знатоков мировой литературы и искусства, Кулиев был до конца предан своему высокому предназначению на земле, своему народу. В самые безысходные годы он верен призванию, и судьба воздала ему сторицей за верность, за чистоту. Природа, наделившая его могу-

ленький Расул вырастет и женится, мы должны будем пригласить на свадьбу его — большого Расула, а он, как положено по обычаю, привезет ему в подарок белую дагестанскую бурку.

В пятиэтажном доме-хрущевке на одной площадке со мной жил Володя Деппуев — сын генерал-майора Хакима Деппуева. Иногда генерал, приезжая в Нальчик, навещал сына вместе с Кулиевым (они были близкими родственниками). И тогда мы, как правило, встречались. Много позже мы с Кайсыном вспоминали наши случайные встречи. Он вспоминал Деппуева с большой теплотой и удивлялся тому, как Хаким, с таким мягким, добрым характером, мог стать военным: «Я знаю двух людей, которых не изменила военная атмосфера, — это маршал Баграмян и генерал Деппуев».

Кулиев стал часто появляться в нашем дворе. Ко мне относился подчеркнуто-вежливо, без малейшей фривольности, будто зная, что иное отношение мне не понравится. После каждой встречи с ним я ходила окрыленная, во мне все ликовало!

Шли слухи, что в семье у Кулиева не все ладно, и ему приходится туго. Однажды, встретившись случайно, мы, по его просьбе, немного прогулялись. Тогда я и узнала о его жизни более подробно от него самого. Какую силу надо иметь, чтобы выдержать такое, а еще писать, удивляя мир?! Человечный, солнечный Кайсын!

Я попыталась поддержать в нем дух. Делала это неумело, но он понял мой порыв. Взял меня за руки и грустно сказал: «Спасибо тебе...»

Кулиева-поэта хорошо характеризуют следующие истории, которые я слышала от разных людей.

* * *

В одной из школ нашей республики шел урок литературы. Тема урока — «Ваш любимый поэт». Назывались имена Пушкина, Лермонтова, но одна из учениц отличилась, назвав любимым поэтом Кайсына Кулиева. Учительница обрушилась на девочку: «Весь класс говорит одно, а ты другое! А ну повтори — Пушкин и Лермонтов мои любимые поэты!» Но девочка сказала: «Для меня Кулиев — и Пушкин, и Лермонтов». На педсовете решили исключить инакомыслящую из школы. Ее родители обратились к Кулиеву, как к депутату, с просьбой защитить их дочь. Разговор Кулиева с директором школы был дипломатичным: «Надо простить девочку, она еще ребенок, не понимает. Ну, любит она скромные стихи Кулиева,

простим ей ее ошибку. Я уверен — она и Пушкина, и Лермонтова любит, я тоже их люблю, а как же иначе? Думаю, нельзя обижать ребенка и коверкать ему жизнь». Девочку оставили.

Однажды к поэту приехали гости из столицы. Кто-то из них спросил родственника Кайсына: «А вы пишете стихи?» Тот удивился: «Зачем? Одного Кайсына достаточно не только для рода Кулиевых, но и для всего Востока!» Один из столичных друзей все расспрашивал Кулиева: «Тебя не шокирует, когда Кулиева копируют даже в Москве?» Кайсын отвечал с подкупающим простодушием: «Пусть. Кулиева можно копировать». Но друг не унимался: «Почему-то некоторые поэтессы любят рядиться в мужские доспехи. Что ты думаешь по этому поводу?» Кайсын широко улыбнулся: «Если бы от одежды зависело писать лучше или хуже... Не волнуйся, друг мой, это все химеры».

Один друг рассказал Кулиеву, как некто N пожаловался, что Кулиев крадет поэтические замыслы, выдавая их за свои. «Чушь какая-то! — не поверил Кайсын — Мне бы успеть свое дописать...» Он погрузился. Ему стало больно за «слабости человеческие». Бесконечно добрый, снисходительный Кайсын! — подобные проявления он называл «слабостями»... Даже в зрелые годы Кайсын оставался чистым и светлым, как ребенок, и таким же ранимым. Выдающийся поэт, в зените славы и поклонения, депутат ВС СССР и РСФСР многих созывов мог покраснеть из-за незначительного поступка, вынудившего нарушить обычай. Приведу один случай.

Как известно, жизнь Кулиева не была легкой. Мать старая, жена больная, а мальчики — что с них взять? — поэтому все приходилось делать самому. А у нас, горцев Северного Кавказа, выполнять мужу обязанности жены, в том числе ходить за продуктами в магазин и т. д., считается неприличным. Правда, времена меняются, но тем не менее обычай есть обычай. Как-то раз я встретила Кулиева, когда мы с моей мамой шли из молочного магазина. Увидев нас, он покраснел и, показав на бидон, который держал в руке, стал оправдываться: «Мать детей больна, пришлось самому идти за молоком...» Поняв его смущение, мама успокоила: «Ничего, бывает. Что поделаешь, если больна, у Бога никто болезней не просит, Бог даст — выздоровеет». Обменявшись любезностями, мы попрощались с Кайсыном Шуваевичем, и только отошли на несколько шагов, мама начала выражать свое недовольство: «Неужели, кроме него, некому было пойти за молоком? Всемирно известный человек — и с бидоном! Что скажут, если увидят знакомые балкарцы? У нас так не положено. А он еще и Кайсын Кулиев! Что, не нашлось ни родственника, ни соседа? Вы, городские, ничего не понимаете, не умеете ценить.

Жил бы он у нас в селе, я не позволила бы ему ходить с бидоном, как мальчишке. Такого человека на руках надо носить, эх вы!» — не унималась мама. И когда судьбой было уготовано ей стать свекровью Кулиева (у балкарцев матери мужа и жены называются одним словом «къайыи ана» — свекровь), она доказала свою любовь и преданность зятю.

* * *

Моя семейная жизнь (первый брак) сложилась неудачно. Зная об этом жалели, но советовали терпеть, приводили разные примеры, уверяя, что все живут так, только скрывают от людей. В основном мои советчицами были пожилые люди: «Коль вышла замуж, надо терпеть, разводиться позорно, скажут — выйти-то вышла, а жить не смогла; все равно виноватой окажется женщина, мужчину всегда оправдают...» Терпела. Когда стало невмоготу, пришла к мысли, что надо ставить точку. После очередной сцены я была готова покончить с собой, но в это время зазвонил телефон!.. Кулиев до этого раза никогда не звонил. Сразу приступил к вопросам: «У тебя все в порядке? Ничего не случилось?» Голос взволнованный, говорил не как всегда — мягко и неторопливо. Я не только удивилась, была ошеломлена: «Это вы, Кайсын Шуаевич? Как узнали, вам кто-то сказал?»

— Никто ничего не говорил. Я никого не видел. Ты плачешь, я сейчас приду.

— Нет! Не надо приходить! — запротестовала я, испугавшись, что вдруг придет.

— Что все-таки случилось? Скажи мне, если можно?

— Не волнуйтесь, все хорошо. Теперь все хорошо. Спасибо вам.

Он стал прощаться, когда почувствовал, что я немного успокоилась:

— Ты не стесняйся меня, когда что нужно, разыщи, и я тебе всегда постараюсь помочь. Я твой друг. Ты не против, если я иногда буду звонить тебе?

— Звоните. Спасибо вам.

Этот звонок... Может, случайность? В состоянии, в котором я находилась, он прозвенел сигналом спасения, возврата к жизни. После слов Кулиева мрак рассеялся, появилась надежда. Поразительно было и другое — как, каким образом он почувствовал, что человеку плохо и ринулся на помощь? Но возможно ли такое в нашем очерствевшем мире? Безошибочная интуиция доброго волшебника? Значит, он думал обо

мне?.. Робкая надежда, подкравшись, постепенно подкрепляла уверенность в том, что волшебник из моих детских грез, приобретая черты поэта-кумира, идет мне навстречу!

После того дня Кайсын Шуваевич стал звонить часто. Когда мое настроение бывало плохим, просил выйти во двор, подышать воздухом, побеседовать. Боясь людских пересудов, не соглашалась. Какое-то время он не давал о себе знать. Узнав, что он болен, очень переживала, приходилось ждать, пока он позвонит. Дни были заняты репетициями в театре, выездными спектаклями и очередными семейными неурядицами. Обычно после спектаклей в селах и районах благодарные зрители устраивали небольшие банкеты (как мы их называли) и поэтому иногда возвращались домой поздне обычного. После одного из выездов, выйдя из автобуса, я шла, засыпая на ходу, и когда проходила через арку нашего дома, кто-то окликнул меня в темноте. Сонное состояние мгновенно улетучилось, узнав знакомый голос, остановилась: «Не бойся, это я, Кайсын». В его голосе чувствовалась глубокая грусть. «Я жду тебя давно. Позвонил в театр и узнал, что ты в районе. Мне необходимо серьезно поговорить с тобой. Выслушай меня внимательно, с ответом не спеши». Он снова рассказал о семейных трудностях, с которыми ему приходится сталкиваться постоянно. «Жить так дальше нет смысла ни для меня, ни для нее. Мне надо работать, необходима спокойная обстановка для работы, такой возможности у меня нет. Не жизнь — сплошной ад».

— Мне больно слышать. Я не знала, что это настолько серьезно.

— Ты не осуждаешь меня?

— За что?

— За то, что хочу начать новую, спокойную жизнь с женщиной, которая, как мне кажется, понимает меня. Я почему-то уверен в этом... Дети и она не будут ни в чем нуждаться, будут иметь все необходимое. Но терпеть дальше невозможно. Кроме всего, я давно хотел сказать тебе о своих чувствах, но не мог. Что скажешь?

— Мне трудно ответить вам что-либо. Это так неожиданно. Я сама нахожусь не в лучшем положении.

— Знаю. Может быть, есть смысл подумать и решить. Мои чувства к тебе самые нежные, я давно люблю тебя, и от тебя зависит моя дальнейшая жизнь. Я не тороплю. Хорошо подумай.

— Вы столько времени прождали меня, а если нас не отпустили бы до утра?

— Ждал бы. Это серьезный разговор.

— Уже за полночь. Вам тоже надо отдохнуть.

— Ты подумаешь и скажешь мне, ладно?

— Ладно.

Он ждал, пока я не поднялась к себе и не выглянула в окно. От волнения меня стала бить дрожь. Набрав теплой воды, полежала в ванне. О сне не могло быть речи,— в голове, сменяя одна другую, пронеслись разноречивые мысли: «А вдруг он обманывает? Старшие женщины говорят, что мужчины любят заманивать замужних, чтобы потом посмеяться над ними... Но разве он такой, как все? Как может обмануть человек, являющийся мерилom всего высокого? И для чего ему тогда нужно было ждать столько времени?.. Нет, это серьезно. Я хочу, чтобы это было правдой, и он говорит правду. От себя ничего не скрыть. Он дорог мне, дорог необычайно!»

Случившемуся вскоре нет названия. Кайсын ворвался в мою жизнь ураганом, безудержным шквалом прорвавшихся чувств, вихрем, сметающим на пути все предрассудки и возносящим тебя высоко над суетной землей. Вершитель судеб, вселенский царь, волевой и трогательно-нежный, он вводил в ослепительный мир, где во всем блеске победно царила Любовь!

Но счастье не бывает абсолютным, и до меня дошел слух: «Он неверен!» Я знала эту женщину и знала о том, что она любила Кулиева давно, но что он способен на такое вероломство... Обида и боль душили меня. Падение с недостижимых высот всегда причиняет боль. «И поделом! Впредь будешь умней»,— так я ругала себя. Но сделанного, говорят, не воротить, надо как-то суметь пережить происшедшее, но как? Вопрос был не из легких.

Я не приняла никаких объяснений со стороны Кулиева, прекратила с ним всякую связь и избегала даже случайных встреч.

Разлука наша длилась долго. Я думала, не переживу позора, мне казалось, что все всё знают, хотя открыто не говорят, а только шепчутся у меня за спиной. Меня особенно уязвило то, что Кулиев говорил: «Подавай на развод. Я тоже разведусь». Я поверила. И как бы трудно ни было переступить порог суда, я это сделала, и мое заявление лежало там. А его?.. Я забрала свое заявление обратно, будто от этого что-то менялось. Вспоминая о тех днях, я удивляюсь своей наивности, но тогда все виделось в мрачных красках. Казалось, со всех сторон обступают черные тучи. Не было покоя дома, начались стычки с новым режиссером. Все, с кем я работала до его появления, относились ко мне прекрасно, любили работать со мной. Я не могла дождаться утра, хоте-

лось бежать в театр, теперь же наступила полная апатия ко всему. Многое, видно, зависело от моего состояния. Я ви-нила и себя, и свое легковерие. Сердце наполнила боль. «Все ложь, все обман!» Не хотелось жить. Но я должна бы-ла жить ради сына, Расула, ради родителей и ради той жиз-ни, которая уже билась под моим сердцем.

А мир светляков нахлынет --
И прошлое в нем потонет.
И крохотное сердечко
Раскроется на ладони.

Жизнь продолжалась! Можно было, как это делают мно-гие, сослаться на судьбу: «Все, что произошло и происходит, на все — Божья воля!» Но я воспринимала это иначе, пони-мая, что причина «падения» крылась в личности Кулиева, — перед магнетической, завораживающей силой чародея вряд ли кому дано было устоять. Не я одна подпала под эти чары. Сколько их было — красивых, милых, умных, любивших поэ-та до самозабвения! Он никогда не бывал отвергнутым, это-го не могло быть. Отвергал он — Кайсын. И как человек, по-нимающий «боль чужую, как свою», страдал от сознания то-го, что невольно заставлял страдать другого. Увлекающийся, горячий, с необузданным темпераментом поэт-кавказец, разо-чаровавшись, не умел обманывать ни себя, ни бывший пред-мет поклонения. Что ж, я тоже оказалась одной из многих.

Так размышляла я временами, иногда стараясь оправдать себя перед собой, но чаще всего казнила. Легче не станови-лось.

Убить память о прошлом оказалось нелегко. В обморочном состоянии попала в больницу и лишь благодаря усилиям прекрасного врача-невропатолога И. Я. Петрушовой выка-рабкалась. Ида Яковлевна попросила рассказать о себе. Рас-сказала, лишь скрыла имя поэта...

Выйдя из больницы, развелась с отцом Расула уже офи-циально. Привезла домой сына Ахматика, с десятимесячного возраста находившегося у моих родителей в Кашхатау. И сказала себе: «Хватит тратить время на пустые сантимен-ты. Ставить детей на ноги — вот твой святой долг. Бог дал тебе определенный талант, не изменяй ему, окунись в родную стихию, играй с полной отдачей, увлекай зрителей, веди их за собой! Это ли не блаженство и отдохновение от житей-ских тягот?!»

В минуты уныния, вспомнив совет Петрушовой, старалась относиться ко многому спокойно, философски и, увидев где-нибудь Кулиева, не избегала его, как раньше, а вежливо здо-

ровалась, как будто ничего и не было между нами. В театре была занята почти во всех спектаклях, и мой труд на сцене оценили. Получила звание. По этому случаю меня с коллегами пригласили на телевидение. Редактор передачи Лейля Гергокова, решив преподнести нам сюрприз, пригласила в студию Кайсына Кулиева. Чтобы заполучить на какую-нибудь художественную передачу Кайсына Кулиева, телевидение обычно «командировало» Лейлю, зная, что Кулиев ей не откажет. Кайсын Шуваевич и вправду не заставил себя упрашивать и пришел с писателем Алимом Теплесвым. После передачи я поблагодарила их за оказанную честь и заспешила домой... Гости в тот вечер сами напросились ко мне. Мой дом в то время не отличался изобилием, но мы с Лейлей на скорую руку приготовили хычины (тоненькие лепешки с начинкой, обильно смазанные сливочным маслом), салаты, сели отмечать звание. Настроение у Кулиева было приподнятое. Он шутил, пел старинные песни. Я тоже не отставала — читала стихи, пела. Он опять стал говорить, что лучшей актрисы сцена балкарского театра не знала и что лучшей женщины нет на свете! Потом заявил во всеулышание: «Я люблю тебя». Засмеявшись, в тон ему я тоже ответила: «А я вас обожаю!»

Впоследствии в цикле К. Кулиева «Мой поздний свет» я прочитала следующие строки:

...И снова погублена ты, Дездемона!
Кто боль твою выразить мог бы?.. А ты
Еще и чужую несешь непреклонно
Под облаком ревности и клеветы.

Но радость врывается юным оленем,
Чтоб в жарких лучах торжества твоего
Рогам к твоим прикоснуться коленям,
Когда побеждает твое мастерство.

Актриса! И в час одинокой печали
Ты все-таки счастлива — в тысячный раз
Бессчетные зрители затрепетали,
Твой голос до слез меня тронул, потряс!

Иногда я виделась с Кулиевым, но, как гласит пословица: «Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду». Должно было пройти время. Он начал убеждать меня, и почти убедил, что никого, кроме меня, у него в ту пору не было и не могло быть. «Это разговоры, а ты так легко поверила и ничего мне не сказала. Я не мог тебя предать, я всегда любил тебя.

Меня удивило твое отчуждение, ты странно повела себя, и я подумал — я стар для тебя. Лучше молодой муж, чем старик Кулнев!»

Шло так, как, видимо, и должно было идти. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что судьба наша была предначертана свыше.

* * *

60-летие поэта! Общественность республики отмечает радостную дату. Я только что вернулась с гастролей и от Алима Теплеева узнала, что вечер состоится в Музыкальном театре, и в тот же день, как Чацкий, «с корабля на бал», попадаю на чествование юбиляра. Именные гости со всех концов нашей необъятной страны съехались на родину Кулиева. Особенно радовались приезду Чингиза Айтматова — автора «Джамили», «Белого парохода», «Прощай, Гюльсары». Мест в зале нет. Все проходы переполнены, негде стоять. С трудом протиснулась к какому-то ряду и, к моему удивлению и радости одновременно, мне уступил место молодой человек. Только села, поблагодарив его, несколько знакомых женщин просят пройти с ними за кулисы — увидеть Чингиза Торекуловича и взять у него автограф. Попросив сохранить мое место, иду с женщинами, но увы, Айтматова не находим. Подумав, прошу вызвать из правительственной комнаты Кульбаева Мухажира Ахматовича (секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС), передаю просьбу дам и, оставив их с ним, спешу в зал. Оглянувшись, вижу виновника торжества; поздоровавшись со мной, он торопливо проходит мимо. Опешив от того, что он не остановился и, вероятно, еще под воздействием приподнятой атмосферы, неожиданно для себя обращаюсь к нему: «Кайсын Шувасвич! Позвольте от всей души поздравить вас со славным юбилеем!» Резко обернувшись, Кулнев подходит ко мне. Я жму руку, а он просит поцеловать: «Ну хотя бы в щеку!» Целую. Воздев руки, немного театрально произносит: «Спасибо тебе! Сегодня исполнилось мое заветное желание, — ты снова поцеловала меня. Лед, кажется, тронулся?..» Он хотел еще что-то сказать, но его тут же обступили. Пошла в зал, опять пришлось протискиваться сквозь стену стоящих. Наконец нахожу нужный ряд и сажусь, становясь свидетельницей грандиозного торжества. Зал неизмеримо наэлектризован. Стены театра готовы взорваться от бурных оваций! Такого великолепного праздника, такого слияния душ в едином порыве я, пожалуй, не видела ни до этого, ни потом. После торжественной части был

дан концерт. Я хотела идти домой, но Теппеев сказал, что Кайсын наказал ему привезти меня на банкет. Я не могла пойти туда без приглажительного, но Алим настаивал: «Пригласительного нет, потому что ты была на гастролях, и он не знал, что ты приедешь».

На площади перед театром Кулиев рассаживал гостей по машинам. Вокруг него толпились «птенцы гнезда Кайсына», выполняя его распоряжения. Народу тьма. Осталось загадкой, каким образом он сумел увидеть нас? Взяв меня за руку и не отпуская, продолжал рассаживать людей. Ряды гостей заметно поредели. Подъехала машина, Кайсын что-то сказал племяннику и Алиму Теппееву, и мы поехали к ресторану «Берег», который не мог вместить всех желающих попасть туда.

* * *

С осени семьдесят седьмого мы уже не разлучались. Все недоразумения рассеялись. Кайсын решил купить дом в Чегеме I. Он спросил: «Согласна ли ты бедовать с Махною?» (Он в шутку вместо «беседовать», говорил «бедовать».) На этот раз я не замедлила с ответом: «Да, согласна». Вспомнил нашу первую встречу до нюансов, это было для меня удивительно:

— Я увидел тебя около театра и с тех пор не переставал думать о тебе. Но ты была слишком молода, поэтому я не мог признаться тебе в своих чувствах.

— А многие говорили, что вы обратили свое внимание на актрису Кульбаеву в день премьеры «Отелло».

— Они ошибаются. У тебя тогда были длинные косы, розовые щечки и...

— У всех молодых розовые щеки и длинные косы. Не думаю, что вы обратили на меня внимание; решили сделать приятное, поэтому так говорите. Вы это придумали, правда ведь?

— Я ничего не придумываю. Ты тогда была в легком платье желтого цвета с кругообразными рисунками на нем...

— Да. Точно.

— Тебе было всего 17 лет, и я стеснялся тебя. Я понял — когда любишь, то стесняешься этого человека. Ты вышла бы тогда за меня?

— Не знаю. Я ведь многого не понимала. Вам надо было завернуть меня в бурку и умчать на коне, (Быть женой Кайсына Кулиева — высокая честь.

— А если не Кулиева, а просто обыкновенного старика?

— Мало ли стариков на свете. Я люблю Кайсына Кулиева, как великого поэта, как надежду, духовную силу и совесть своего народа. И я согласна «бедовать с Махной».

Читая мои дневники, Кайсын советовал записывать конкретные события, не разглагольствовать. Я не соглашалась: «Что интересного в том, если я напишу: «Утром К. встал, умылся, позавтракал, пошел в рабочий кабинет...» И так изо дня в день. Читать такой дневник мне лично было бы неинтересно. Каждый пишет, как умеет. Я ведь это делаю для себя». Но в душе я соглашалась с ним. Рассуждения не нужны. И все равно продолжала писать по-своему.

Приятель Кайсына, Тимур Шаханов, иногда спрашивал: «Сенатор (так он обращался к нему), а как продвигаются дела у Эккермана в юбке?»

— Она не соглашается с моими замечаниями, Таймур-эфенди.

— Половчаночка тебя не слушает? Никогда не поверю, сенатор!

— Не слушает. Но, может, она тут и права. Пусть пишет, как может.

Мы с Кайсыном пока не были зарегистрированы и поэтому в миру не считались законными супругами. Эта формальность нужна была, чтобы прекратить пересуды. Я слышала, что близкие родственники отговаривают Кулиева от такого шага и была немало удивлена, когда его сестра Марьям зашла ко мне в квартиру. Кайсын ждал внизу. Марьям срочно понадобились деньги, и Кайсын, сняв их со счета, дал мне, чтобы я передала их ей. Мы решили довести сестру до Лашкуты, где она жила, а потом поехать в Приэльбрусье, чтобы проведать Ахматика, который отдыхал в лагере. В машине Марьям почему-то начала критиковать Кайсына. Я не выдержала: «Вы считаете, что у вашего брата трудный характер? Чем он трудный? А как тогда живут те женщины, у которых мужья беспробудные пьяницы, скандалисты, бездельники; нет от них покоя детям, не приносят домой ничего, кроме долгов. Их бедные жены работают, не покладая рук, взамен получая бессонные ночи и бредовые кошмары главы семьи. А утром жене надо собирать детей в школу, убирать, стирать, гладить, приготовить еду и бежать на работу с синяками...» Высказавшись, подумала: «Язык мой—враг мой, что же теперь будет? Все! Кто тянул тебя за язык? Ведь она его сестра! Пеняй теперь на себя, правдистка!» В полной растерянности случайно глянула в зеркальце машины и увидела улыбающееся, довольное лицо Кайсына. Марьям тоже улыбалась. У меня отлегло от сердца.

— Келин¹ правильно говорит, а как, действительно, живут те женщины? Но откуда тебе известна такая жизнь?

— Слышала от многих...

Приехали в Лашкуту, Кайсын попросил племянника показать мне беленьких козлят, которых они разводили. Пух этих забавушек у нас называют «серебрянкой». Кайсын тоже подошел полюбоваться ими. Мы успели проголодаться и с удовольствием поели. Потом начали вспоминать разные случаи. Однажды я приготовила несколько блюд, добавила к ним десерт и с полной сумкой, с сияющим лицом вошла в рабочий кабинет Кулиева. Стала потчевать. Поел. Жду, сейчас похвалит... А он:

— Все было очень вкусно, но больше этого не делай, не утруждай себя. На обед я буду приходить домой, договорились? Ну, все. Понутив нос, вышла из кабинета. «Вот и старайся после этого!» — пронеслось в голове. Только вошла в квартиру, звонок: «Ты обиделась, Элизаточка? Не обижайся. моя Чегемская элегия. Нельзя превращать рабочее место в столовую. Я имел в виду только это, моя половчанская княжна, радость моя. Ты очень вкусно приготовила. Прости меня. Простила? Ну, хорошо».

В Чегеме, у обочины дороги, с незапамятных времен лежал преогромный валун. Ехали однажды (еще до Отечественной войны) два односельчанина — Гитчеу и слабоумный Мухат. Подъезжая к этому камню, Гитчеу крикнул: «Мухат, пригнись!» Но тот, при виде исполинской глыбы, нависшей над ним, так испугался, что решил выпрыгнуть из машины и ударился об камень головой. С тех пор это уникальное творение природы обрело имя — «камень Мухата». Тончайший лирик, умевший одушевлять неодушевленное, дороживший каждой былинкой родной земли, восхищался этим чудом — «камнем Мухата». О том, что его взорвали, он узнал в аэропорту от родственников, которые пришли его встречать. Кайсын очень расстроился: «Зачем это сделали? Кому он мешал? Он был одной из достопримечательностей Чегема!..» Ишай (Исмаил Кулиев), не зная, как успокоить его, перевел разговор на себя: «Аксакал, я тоже очень расстроился, даже стихотворение сочинил!» «О-о,— удивился Кайсын,— ты начал сочинять стихи? Прочти. А мы с Сафарбием (Кудаев) послушаем и оценим». Ишай стал читать. Кайсын послушал и добродушно засмеялся: «Брось, Ишай, брось. Область стихосложения тебе неподвластна, лучше продолжай одолевать высоты Бахуса. Там у тебя дела пойдут успешней!» На этом «литературная карьера» Исмаила закончилась

¹ Келин — невестка (балк.).

С приходом Кулиева была связана новая волна в литературе, а новос, как известно, часто принимается в штыки. Были среди старшего поколения писатели, усердствовавшие против нововведений молодого поэта. Спустя годы, став всемирно известным, Кулиев решил добиться звания «народный поэт» для одного из них. Ему принялись напоминать, как тот в свое время мешал начинающему поэту, советовали не хлопотать за старика. Кулиева удивляла недоброжелательность людей: «Они хотят сделать из меня мелкого интригана!.. Сверстники этого поэта толком не умели выводить буквы, а народными поэтами стали давно. Чем он хуже их? В отличие от них он хотя бы грамотно писал, уже за это можно дать ему звание».

Кулиев сделал, как считал нужным, и первым поздравил своего старшего коллегу, искренне радуясь за него.

В дела Кайсына я никогда не вмешивалась, первой молчания не нарушала, ждала, пока сам не заговорит. Его слово было законом для меня, и любую его просьбу я выполняла неукоснительно. Меня мучило то, что наша регистрация затягивалась, и я, втайне от него, переживала. На этот раз причиной задержки стало поступление Азамата в художественную академию. Кайсын считал, что наш брак может травмировать сына, и он может провалиться на экзаменах. «Долго ждала, подожди еще немного. Пусть мальчик спокойно сдаст экзамены. Я хорошо понимаю двусмысленность твоего положения. Мне тоже нелегко, но что делать? Надо набраться терпения, Элизат. Ты согласна?»

Естественно, я согласилась.

Он просил меня, не дожидаясь бракосочетания, переехать в Чегем, но я не могла пойти на такой шаг — чувствовала бы себя неловко перед его родственниками и соседями, поэтому отказывалась. Кайсын меня понимал и не очень настаивал.

Он почти все время находился у меня дома. Иногда ездил в Чегем по каким-нибудь делам, но быстро возвращался, и часто повторял: «Какое счастье спешить к любимой женщине, зная, что и она ждет тебя. Говорить с ней на одном языке! Это счастье, Элизат!» Мы испытали много счастливых мгновений в моей двухкомнатной квартирке. Сюда приходили письма и телеграммы от Кайсына Кулиева. Здесь я была счастлива от общения с благороднейшим, преданным другом, и здесь же я впервые ощутила страх потерять это счастье, когда подкралась коварная болезнь. Мы дорожили каждым часом, днем, находили радость в малом. Особое внимание Кайсын уделял детям. Он скучал по Ахмату, и во время отпуска я привозила Ахматика домой. Но дня через три

начинали предъявлять ко мне претензии мои родственники и односельчане за то, что я забрала их маленького лицедея. Он замечательно копировал стариков, старушек, милиционеров. Просил купить кирзовые сапожки и банты. Облачившись в обнову, взяв в руку непрременный атрибут — палку, начинал показывать нам свое искусство. Однажды зимой Ахмат спас тонущего щенка. Кто-то, положив в мешок, бросил его в воду. Вода была холодная, и мальчик сильно простудился. Мы сразу же поехали в Кашхатау. «Ничего, Ахмат — сказал Кайсын.— Зато ты выполнил человеческий долг! Ты заболел, но душа у тебя здоровая, и это самое важное!»

Он болел долго, выздоровев, стал показывать «театр одного актера»; не заставляя себя упрашивать, начинал играть. «Покажи, как играет Народный (артист Кучуков)»,— и он тут же начинал копировать его игру, петь, подтанцовывая. Кайсын от души смеялся и просил показать реакцию Шарифы Кучмезовой, когда она сначала не узнала Ахмата, а когда узнала, стала громко выражать восторг и собрала вокруг себя «зрителей»... Кайсыну очень нравилось, когда при нем кого-нибудь копировали: «Жашым (сын), наверное, ты у меня будешь артистом, как наш «Народный»! Ну-ка, скопируй еще раз Шарифу, как она тебя обнимала?..» И тоже громко реагировал, как будто увидел необыкновенное зрелище.

* * *

Я продолжала работать в театре, хотя отношение с некоторыми коллегами стали натянутыми. Я никогда не умела льстить, подлаживаться, скрывать свое мнение.

Чаще всего мне приходилось играть трагические, серьезные роли, но я хотела попробовать себя в другом амплуа. И такая возможность мне представилась. Я сыграла роль девушки-неуча в комедии местного драматурга. Путающая Пушкина с Лермонтовым героиня, благодаря приятной внешности, выходит замуж за министра бытового обслуживания и заставляет подчиненных мужа ходить по струнке.

Этот образ имел большой успех. Кулиев решил посмотреть спектакль. Я сильно волновалась перед выходом на сцену, ведь в таком амплуа я выступала перед ним впервые. Доиграв до конца, поспешила в гримерную. «Если он раскритиковал меня в роли революционерки Фаризат, что же скажет теперь? — думала я.— Та роль была серьезная. Я выходила на сцену в военной форме, с кобурой на поясе и в крагах, которые мне очень нравились. С них-то и начал свою критику

Кулиев: «Элизат, до этого вечера я думал, что у тебя ровные ноги. Эти сапоги уродуют их. И что за слова ты произносила? Какую часть вы там оставили в поле? Одну из третьей части?» (Это предложение на балкарском звучало двусмысленно.) Кайсын смеялся, я злилась. «Ай, Элизат! И тебе не стыдно было произносить такие слова?» «Эти слова не мои, а автора. Произносила их вовсе не я, а мой партнер. Тут вы немного напутали...»

Что же меня ждет на сей раз?..

Открылась дверь гримерной, я увидела воздетые вверх руки и поняла: критики не будет.

* * *

В одной из поездок на Голубые озера я увидела красивого, ладного пса и показала Кайсыну. Ему тоже он очень понравился — смесь овчарки с кавказским волкодавом. Шашлычник — хозяин собаки — сказал, что счастлив подарить его Кулиеву: «Никому ни за какие деньги не отдал бы, а вот великому поэту — с удовольствием!» Пока мы отдыхали, пес исчез. Искали долго, не нашли. Мы приезжали за ним еще раз, но тщетно. В следующий приезд повезло. Волкодав спускался вниз по тропинке в окружении подружек. На фоне гор и буйной зелени он был прекрасен — гордый, независимый! Кайсын любовался: «Ты посмотри, как он шагает! Сколько достоинства. Жалко отрывать его от родной стихии!» Но мне так хотелось, чтобы этот красавец жил у Кайсына! И наконец пса удалось привезти домой. Кайсын назвал красавца Абреком. Приехали в Чегем, пес начал привыкать к новому хозяину и полюбил его. Надо было видеть, как они гуляли вместе — любо да и только.

Кайсын находился в Москве, когда Абрек пропал. Ему боялись сообщить об этом. Приехав домой, долго разыскивал его. Недалеко от дома видели похожего на Абрека, но это был не он. Волкодав так и не нашелся.

Кайсын очень любил животных и отношение к ним было особое. «У бедных животных нет языка, — говорил он, — чтобы поведать о своих бедах, нет зарплаты, никто не дает им взятку, как некоторым чиновникам, а если их еще и люди не будут любить, будут обижать их... Нельзя!»

Еще он вспоминал по этому поводу одну притчу. «На полах халата пророка Мухаммада спал котенок. Услышав призыв муэдзина к молитве, он, чтобы не побеспокоить спящее существо, отрезал часть халата, где примостился котенок. Когда домашние удивились этому, пророк ответил: «Лучше отрезать кусок материи, чем кусок добросердечности...»

Я очень любила слушать Кайсына, когда он что-нибудь рассказывал.

Еще до войны, учась в ГИТИСе, Кайсын был женат. Уйдя в сороковом году на военную службу, больше не вернулся. Причина, побудившая его расстаться с ней, была очень серьезная. Однажды дал мне прочитать стихотворение, написанное по личным мотивам: «Прочти и обрати внимание на пятую и шестую главы. Несведущие люди, видно, думают — Кулиев бросил одну жену, другую... Моей вины нет, Элизат»... Я думала, что предвоенная и военная лирика относятся к первой жене и спросила об этом, но Кайсын отрицал: «Никакого отношения не имеют. Они о Лейле — внучке Кязима». О своем сватовстве в Средней Азии тоже любил рассказывать. Вернувшись с войны и разыскав мать и родственников в Казахстане, которые жили в ужасающих условиях, перевез их во Фрунзе. Некоторое время Кулиев состоял в гражданском браке с Тамарой Штейман — высокообразованной, интеллигентной женщиной. Она была ему верным другом. К Узеирхан относилась с почтением, но для мусульманки она все равно оставалась нишверкой, и по этой причине сочетаться с ней браком он не мог. У них родилась дочь Зара, но девочка умерла. Вскоре молодая женщина решила расстаться с Кайсыном. Узеирхан просила, чтобы он женился на своей. Кайсын исколесил чуть ли не весь Киргизстан в поисках девушки-балкарки. Все, кто правились ему, оказывались родственницами. Наконец, нашлась подходящая девушка. Вместе с родственником Кайсын пошел к ним на смотрины. Жених всем понравился, и они договорились о дне свадьбы. Стали прощаться. Но тут спутник попросил Кайсына выйти и подождать его на улице. Он, поговорив о чем-то с родителями девушки, вышел, и Кайсын узнал, что помолвка расторгается! И только спустя годы они рассказали Кулиеву о том, как опорочил его родственник. Он убедил их не отдавать дочь за поэта! Обиду на родственника Кайсын никогда не держал. Я удивлялась, а он, мягко улыбаясь, успокаивал меня.

После безуспешных попыток найти балкарку Кулиев посватался к ингушке. Девушка была из интеллигентной семьи. Родители были не против, но накануне свадьбы он почему-то раздумал жениться. Причину не стал раскрывать, я не допытывалась. Видно, такова была судьба.

Второй раз Кайсын женился в 1951 году, и в том же году у Кайсына с Макой родился сын Эльдар. Дочь Сафи умерла. После девочки появились на свет два сына: Алим в 1959 г. и Азамат в 1963 г.

Мне запомнился рассказ Кайсына о мальчишке-сироте в

городе Фрунзе, который находил Кулиева на работе или дома. Увидев его, он кричал: «Дядя Кайсын, у Петьки курсак пропал!» (курсак — кирг. «живот»). Кайсын давал ему денег, и мальчик спешил на базар покупать пирожки. Наевшись, громко докладывал: «Дядя Кайсын, у Петьки курсак полный!»

Однажды Кулиев спросил: «А ты ревновала бы меня к моей матери? Знаешь, бывают такие жены». Я удивилась: «Мать — это святое».

«Ты права — мать одна, любить ее надо свято. Но любимая жена тоже одна, это я понял только теперь, на старости лет...»

Заговорили о женщинах. Я полюбопытствовала, сколько их у его было:

— Если у Блока исследователи насчитывают чуть меньше ста, значит у меня, надо полагать, вдвое, а то и втрое больше.

— Почти как у Македонского. Правильно говорят, что вы неисправимый Дон-Жуан!

— Не сердись, я шучу...

* * *

Купив дом в Чегеме, Кулиев решил заасфальтировать всю улицу, провел воду, газ. Денег на обустройство уходило много, но Кайсын говорил: «Я хочу, чтобы у моей половчаночки были все условия».

Пока в чегемском доме шел ремонт, Кулиев все время находился у меня, в городской квартире на улице Октябрьской. Дом стоял на месте бывшего кладбища и поэтому, выходя во двор, я каждый раз просила у Бога прощения за то, что невольно, но приходится ступить по останкам. Вины моей не было, но, обратившись к Всевышнему, душа успокаивалась.

Под широкими кронами деревьев шла тропинка, по которой мы часто прогуливались с Кайсыном. Иногда во время прогулок ему на ум приходили стихи и две-три строчки из них он просил запомнить, чтобы позже доработать.

Довольно часто мы отправлялись на канатке на гору Кизилровку. Поэт очень любил деревья и приветствовал каждое дерево, как давнего друга.

Поездки на Голубые озера всегда запоминались чем-то особенным. Кайсына сразу окружали плотным кольцом. Поговорив с собеседниками о жизни, он подходил к косарям, косившим сено на лугу. Попробовав косу на ощупь, начинал с на-

слаждением косить. День солнечный, ясный, трава упругая... Любуясь молодцевато косящим сено поэтом, я обращаюсь к нему: «Товарищ Кулиев, кто написал такие строчки: «Поэты, знаете ли вы печаль травы, под корень скошенной?..» Перестав косить, он задумывается, вытирает лицо платком и, оставив косу, подходит к озеру. Там отражаются деревья, горы, облака: «Ты видела это озеро ночью, когда оно темное и таинственное? Вдруг выходит луна из-за облаков и начинает плыть в нем в окружении звезд... Волшебство, невыразимое словами...»

Пообедав и поблагодарив гостеприимных хозяев, поднимаемся вверх к другим озерам. Катаемся на водных велосипедах. И начинается соревнование — кто быстрее доплывет до другого берега... Едем домой. По дороге Кайсын говорит Ахмату и мне: «Смотрите на эти прекрасные горы, на реку, деревья, на эту красоту! За рулем мне нельзя отвлекаться, а вы смотрите и наслаждайтесь!»

Один ингуш, хорошо знавший поэта, как-то заметил, что Кайсын хватает с неба звезды, в то время как другие ходят по земле... Кулиев, через сердце которого проходили жгучие беды земли, рвался к звездам, находя силы подниматься в звездную высь. Не потому ли, что был сродни светилам и хорошо вписывался в яркий звездный мир?

На Белой Речке у Кайсына также было излюбленное место: небольшой холмик, внизу родник. Мы пили воду из него. Я в шутку сказала, что эта вода омолаживает человека на 10—15 лет. Услышав это, водитель Мачраил с таким старанием мыл лицо, что мы невольно рассмеялись, разочаровав его.

Помню первую весну после нашего примирения. Кулиев повез меня на Белую Речку. На деревьях распускались почки. Прелестная пора оживления природы. Около маленького родничка (не того, о котором упоминалось выше) лежал крупный камень. Поэт помыл руки, выпил воду; увидев росший рядом подснежник, сорвал его и протянул мне со словами: «Ты — мой подснежник!» Улыбаясь, Кулиев повесил цветок мне за ухо.

— Я похожа на узбечку? Обычно они так вешают цветы.

— Ты — земная красивая женщина, одарившая меня счастьем!..

В нальчикском парке, около курортного озера, стоит раскидистая ива — дерево, посаженное Кулиевым. Уже многих, беззаботно отдохавших под его сенью, в живых нет, но дерево стоит, навевая грустные мысли о быстротечности лет и дней человеческих... Чудный, светлый Кайсын, оставивший после

себя только добрую память. Как тяжело, познав несказанное счастье от общения с ним, потерять его навсегда... Сердце и разум не верят, не соглашаются с реальностью, где-то в глубине души живет ожидание чуда. Он редко появляется в моих снах, лишь когда меня или моих близких ожидают неприятности, будто предупреждает. Кайсын учил меня, как надо себя вести в тех или иных ситуациях. Считал, что неприлично, оплакивая мужа, громко голосить, рвать волосы на себе или царапать лицо. Когда у нашей знакомой умер муж, Кайсын обратил мое внимание на то, с каким трагическим достоинством, молча держалась эта женщина: «Радость и боль надо уметь принимать достойно».

* * *

Наконец, настал день, когда Всевышнему стало угодным исполнить наше желание. Непременным желанием Кулиева было зарегистрироваться в Чегеме: «Такое знаменательное событие произойдет только в местечке, где я обрел покой и счастье! Это прекрасно место с чудным названием «Чегем»! Мы подъехали к ЗАГСу, уверенные, что нас примут с распростертыми объятиями, но не тут-то было. Заведующая придиралась ко всему: почему Кулиев прописан в городе, а не в Чегеме, почему, имея в городе квартиру, он еще купил дом в Чегеме? «Ни один советский гражданин не имеет права иметь два дома. Я не буду регистрировать, потому что со дня подачи заявления должно пройти время на размышление...»

Кайсын пытался объяснить ей, что квартиру он оставил бывшей жене, он там только прописан, но не живет, и что у нас времени на размышления был не месяц, а целые годы... Но увы, убедить блюстительницу закона не удавалось и Кайсын сказал: «Вставай! Идем отсюда, моя королева, это место недостойно тебя. Эта женщина никогда не любила и светлые чувства недоступны ей...»

Приехав домой, позвонили в Нальчик ответственному работнику Совета Министров Розе Ахматовне Батчаевой. Она позвонила заведующей Ленинским ЗАГСом, и в этот же день регистрация состоялась.

* * *

Дом и обстановка в доме у Кулиева были более чем скромные. Спальня вмещала в себя кровать, столик с книгами и настольной лампой, сундук. На стене висел небольшой коврик — подарок матери. Над изголовьем кровати он повесил

мой портретик в металлической рамке. Смежную со спальней комнатку Кайсын в шутку называл «будуаром Элизат». Там стояли рабочий стол и шкаф с книгами. Уезжая куда-нибудь, мы ее запирали, так как там хранились документы, рукописи, депутатские бланки и т. д. Третья комнатка отводилась под детскую. Туда с трудом вместили две кровати и один шкаф. На стене висел ковер. В центре гостиной стояли деревянный круглый стол и деревянные стулья, старый диван, в углу — столик для телефона. Потом я привезла черно-белый телевизор — подарок Кайсына моему сыну Расулу за то, что он дал ему имя. Справа от входа в гостиную, между двумя окнами, висела большая фотография Кайсына с Иваном Козловским, а над телевизором, между двух других окон, опять-таки он повесил мой портрет, несмотря на все мои возражения. Напротив гостиной располагалась кухня, а в конце коридора, где раньше была кочегарка, смастерили ванную. Потом пристроили к дому веранду. Рядом с так называемым большим домом располагалась времянка из двух комнат. Кайсын чаще работал там, потому что рабочий кабинет («будуар») окнами упирался в обшарпанную, на редкость «поэтическую» стену. Портрет матери, стоявший на столе в рабочем кабинете, Кайсын забирал с собой, когда работал во времянке. И так всегда. С портрета смотрели печальные, добрые глаза матери поэта...

Сагит Кулиев нанял маляров, и они сделали в маленьком доме модную в то время армянскую побелку. Когда зимой у нас лопнули трубы в большом доме, нам пришлось зимовать во времянке. Необходимых условий для работы у Кайсына, наверное, не было никогда, а главное, душевного покоя. Ему очень хотелось пожить по-человечески — тихо, мирно, спокойно, но «покой нам только снился».

* * *

В нашем доме взорвался газ, и я чудом спаслась, хотя ожоги были сильные. Кайсын находился в это время в Москве. Тогда же умерла его сестра Марьям... В довершение ко всему начали приходить анонимные письма. Кто-то, желая рассорить нас, наносил удар в первую очередь по Кулиеву. Он рвал и выбрасывал эти «перлы»: «Во все времена были мутящие чистую воду, так что «будь ты чиста, как снег, целомудренна, как лед, все равно тебе не избежать клеветы». Мне хотелось добавить: «В особенности, если ты актриса, да еще в горской республике». Кайсын продолжал: «Я не желаю знать, что у тебя было до меня. Мне важно, чтобы ты вела

себя достойно теперь, в «нашу эпоху». Я ни на секунду не сомневаюсь в твоей верности мне». А иногда говорил: «Жена Цезаря вне подозрений!»

Одни из сочинителей «высокого жанра», уничижительно улыбаясь, заявил мне: «Ты наша служанка. Тебя взяли при-служивать нам!» Он не понимал, что не только служанкой, но и вынужденной рабой я не стала бы, предпочтя унижению смерть. А вот служить осознанию, преклоняясь перед величием гения, облегчать его нелегкую участь — была готова. Стоило родиться ради этого!

И все-таки я благодарна им за то, что они не льстили Кайсыну, расхваливая меня. Я и сама хорошо понимала, что в глазах недоброжелателей я всего-навсего разлучница, и будь у меня семь пядей во лбу, мне не добиться их расположения. Иногда Кайсын спрашивал, отчего я такая пасмурная. Я не хотела затевать разговор на эту тему, но он вы-пытывал и приходилось сознаваться: «Наверное, я совершила тяжкий грех, вторгнувшись в вашу жизнь?..»

«Так знай же, Элизаточка: если у тебя была тысяча грехов до меня, то теперь, после того, как ты согласилась стать моей, не осталось ни одного! Ничего лучшего ты не сделала бы. Не знаю, как ты, но я счастлив!» Одним словом, улыбкой он мог успокоить и во всем убедить меня. Ему я верила безгранично, ибо плоть свою и кровь я чувствовала в нерасторжимом единстве с его плотью и кровью. Давид Никитич Кугультинов так сказал Кулиеву: «Кайсын! Некогда разгневанный Бог рассек падвое единое тело. Половинки искали друг друга и, наконец, соединились — Кайсын и Элизат. Я рад за вас!»

«Надо говорить правду и писать только правду. Самая позорная ложь из медоточивых уст кричит о себе — я ложь!» говорил Кайсын. Следуя его словам, я пишу только о том, что знаю от самого Кайсына и о том, чему была непосредственной свидетельницей сама. Я могу показаться жесткой в своих откровениях, но ведь «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Правда чаще бывает горькой. Познавший в жизни несправедливость, Кулиев грудью защищал справедливость. Как-то до него дошли слухи о том, что вокруг Розы Батчасовой, которая помогала нам зарегистрироваться, сгустились тучи. Кайсын был возмущен: «Я знаю ее как умную, красивую, достойную женщину!»

Я передала ей отзывы Кайсына. Она была рада, что я позвонила и успокоила ее: «Пусть весь мир будет против меня — не страшно, для меня важно мнение Кайсына Кулиева!»

К Кулиеву как к депутату обращалось много людей. С раннего утра начинали звонить, и я шла открывать калитку. Кайсын меня предупредил сразу: «Элизат, знаю, что тебе будет трудно, но прошу, встречая людей, не будь хмурой, встречай ласково, будь со всеми приветливой. Умей войти в положение просителя. Нет ничего трудней, чем просить». Я старалась внимать совету светлого, солнечного Кайсына...

Предупредил он и о том, что могут звонить из разных торговых баз, предлагая дефицитные товары (в те годы дефицит имел место в жизни): «Ты поблагодари их и скажи, у нас все есть».

Я сижу расстроенная, а Кайсын, стараясь поднять мое настроение, рассказывает: «У пророка Мухаммада была жена Сара. Когда он бывал в походах, ее обижали. Дождавшись возвращения мужа, Сара пожаловалась: «Меня здесь все обзывают жидовкой!» «А ты им отвечай,— посоветовал пророк,— отец мой — Моисей, дед мой — Авраам, Мухаммад — супруг!»

— И ты тоже так отвечай, Элизаточка: «Отец мой — Эльбай, дед мой — Осман, Кайсын — супруг!» Развеселив, он принимался рассказывать другие истории. Рассказчик Кулиев был замечательный!..

Любовь, перенесшая испытания, окрепла, обрела крылья. Мы скорее отдали бы жизнь, нежели потеряли вновь обретенный рай. Как долго и мучительно пришлось идти друг к другу! «Не суди, судим не будешь»,— не раз повторял Кайсын, но бесцеремонных, самонадеянных «друзей», считающих себя судьями и чуть ли не вершителями чужих судеб, хватало в избытке. Почему-то им казалось, что только от их желания и воли всецело зависит жизнь Кулиева. Интеллигентный, деликатный человек, он не мог нагрубить, но даже невооруженным глазом было видно, что с подобными людьми он держался в определенных рамках. Как чистый человек, Кайсын был доверчив, но не простак, хорошо видел и понимал то, что было недоступно многим, мог предвосхищать события и чужие поступки, ибо гений не может не быть провидцем. Но в жизнь этого мудреца и философа часто вторгались люди, которых трудно было назвать добропорядочными. Кулиев был легкодоступным, но это не означало, что он делился своими сокровенными думами личностного характера. Он любил людей, ни одна их просьба не оставалась вне внимания поэта, но он органически не переносил таких качеств, как ненависть, клевета, зависть. И когда его терпение переполнялось, он говорил: «Элизат! Едем в Чегемскую долину очищаться!»

Выехав из села, мы останавливались в живописной местности, где стоял древнейший памятник. Он показывал раны на нем, поглаживая их выразительными пальцами. «Следы ранений на камнях видны...» Перед глазами стоят его движения, жесты, присущие лишь ему, непередаваемо-прекрасный голос, глаза, взгляд, уносящийся далеко, в иной мир. Лепка лица — мощное изваяние творца, художника, философа, мудреца. Руки поэта...

Невысокий ростом, он казался крупным. Фигура ладная, крепкая, как кряжистый дуб; казалось, он был сотворен на века. Он был ниспослан Всевышним на нашу грешную землю с великой миссией — нести свет, будить добрые чувства, совесть в людях потерянного поколения.

* * *

Кайсын относился к моим родителям и близким с глубоким, неподдельным уважением. Мою сестру Бэлочку, которая младше меня на 21 год, неизменно называл «наш цветочек» (бизни гюльчюгюбюз). Когда они долго не приезжали, вызывал по телефону или сам ездил за ними, чтобы привезти в Чегем.

...Собравшись — папа, Кайсын, мама, я, Бэлочка, Расул и Ахматик — трапезничаем под виноградником. Вспоминаем разное, и я напоминаю маме случай с бидоном: «Привелось тебе быть рядом с Кайсыном Кулиевым, служи ему теперь верой и правдой». А Кайсын рассказывает, как однажды пошел на рынок и, встретив там жену знакомого, смутился и сказал так же, как тогда мне с мамой: «Мать детей больна, вот мне и пришлось прийти...» Обдав его холодом, женщина ответила: «А сюда и получше тебя ходят!» Кайсын растерялся, не поняв ее недружелюбного тона. Когда, придя домой, он рассказал об этом матери, реакция Узенрхан была мгновенной: «Она сказала, что получше тебя ходят? Ах ты, ворона черная! Хотела бы я знать, где это она могла видеть получше тебя?!» С тех пор прошло много лет, а Кайсын все недоумевал, отчего эта женщина так возмутилась тогда: «Я хорошо относился к ее мужу, всегда выказывал уважение к ней»...

— Вы-то уважали, посвящали ему стихи. Но если бы уважаемый вами человек отзывался о вас в своей семье хорошо, уверяю вас, его жена вела бы себя по-другому.

Мои слова прозвучали для Кайсына открытием. Он удивился: «Я не подумал об этом... Ты, наверное, права».

— Но ваша мама ответила замечательно. Действительно, где эта женщина могла видеть лучшего, чем вы?

— Элизат, ты льстишь.

— Не льщу. Завистливых хоть озолоти, все равно будут держать камень за пазухой. А зависть — удел середняков...

* * *

Летом 1983 г. Кайсын повез меня в Пицунду. Все дни погода стояла отличная, море было теплое. Медузы кишмя кишели у берега, и я уплывала подальше, а Кайсын волновался и требовал, чтобы я не заплывала далеко. С нами отдыхали Михаил Дудин с женой Ириной, Нафи Джусойты и Ахияр Хакимов с семьями, наш земляк Валентин Кузьмин с женой Ларисой. Мы, женщины, загорали отдельно, мужчины проводили досуг в «трепе» (выражение Кулиева).

Через неделю Кайсын и я поехали в Махачкалу, на юбилей Расула Гамзатова. «Кайсын, я забронировал для тебя самый шикарный номер! — сказал, устраивая нас в гостиницу, Гамзатов. — А холодильник заполнил собственноручно. Посмотри, какой вид отсюда на море! Это все для тебя — лучшего поэта Кавказа!»

Гостей было много. Приехал Чингиз Айтматов с молодой женой Марией; из Казахстана приехал Олжас Сулейменов, из Калмыкии — Давид Кугультинов... Патимат, жена Расула, привечала гостей, одаривая их не только теплотой души, но и подарками. Олжасу подарили кинжал, мне с Марией достались старинные дагестанские браслеты. Кайсын сказал: «Расул, мы с Элизат не успели купить тебе подарков, долг за нами». На что Расул отвечал: «Твой приезд для меня — лучший подарок. Не думал, что ты оставишь море и приедешь к Расулу. Ты настоящий друг, Кайсын!» Царило приподнятое настроение, всем было тепло и уютно в гостеприимном доме поэта, но надо было возвращаться в Пицунду, и через три дня мы уехали.

Дни были расписаны по часам, каждодневно для работы выделялось не менее двух часов. Душа и мысли мои переполнялись ощущением счастья от пребывания рядом с Кайсыном, поэтому мало что запоминалось и откладывалось в памяти. Но незабываемыми остались наши разговоры о поэзии.

Я любила поэзию Кулиева и пришла к нему через мир его вдохновенных строк. Иногда он просил меня почитать его стихи, но на балкарском: «Стихи в оригинале и в переводе, как пеший и конный, они отличаются во многом. Каким бы прекрасным ни был перевод, он все равно не может охватить всего. Так что, читай по-балкарски». Кайсын был прав. Я это поняла не сразу, но со временем до меня дошла разница между оригиналом и переводом.

Интересовалась я и тем, кому было посвящено то или иное стихотворение. Он говорил, что вся довоенная и военная лирика посвящены Лейле — внучке Кязима Мечнева, которая умерла в Средней Азии. Ею овеяно и стихотворение «Здравствуй, дерево» и другие послевоенные стихи. Есть стихотворение, посвященное Нафисат Бенпасвой — первой юношеской любви поэта. А вот поэма «Говорю Лейле в Чегеме» к внучке Кязима Мечнева отношения не имеет. Это совсем другая Лейля, которая не захотела, чтобы раскрыли ее фамилию.

Стихотворение «Говорю женщине» написано в честь известной пианистки М. М., которая, как и Лейля из поэмы, не захотела быть узнаваемой.

«Когда стареет красивая женщина» посвящено славянской женщине. Кайсын называл ее имя, но я не записала и теперь не помню. Но к гречанке Р., как полагают некоторые, оно отношения также не имеет. Кайсын рассказывал, что это была светловолосая, белолицая и очень красивая женщина. Встретив ее годами позже, поэт был ошеломлен — ничто не напоминало былую красоту. Вот тогда и родилось стихотворение, ставшее одним из шедевров Кулиева.

«Вечер у горы Машук» посвящено Татьяне Аркадьевне Марутовой, ее называли «мраморной красавицей». О ней Кулиев отзывался с глубоким уважением. Она долгие годы проработала в библиотеке г. Пятигорска.

В быту Кайсын был очень неспритязателен.

Посетители и гости зачастую с удивлением разглядывали более чем скромную обстановку нашего дома. Видно, недоумевали: «Какой известный, а живет так скромно». Я предложила приобрести мебель, хотя бы для гостиной. Об этом твердила мне и его сестра Кани: «Келли, скажи Кайсыну, а то неудобно перед людьми».

— Тяття (по обычаю, скрывая имя золовки, так я звала Кани) тоже советует купить нормальную мебель, — сказала я.

Он, сев около стола, взялся за его край, как бы пробуя на крепость:

— Чем плох этот стол или стул, на котором я сейчас сижу? Чем они тебе не нравятся? Они очень удобные, крепкие. И диван крепкий, добротный. Ему, знаешь, сколько лет?

— Представляю, сколько. Обивка облезла. Может, обновить?

— Зачем? Постели сверху что-нибудь и закроется. Видно не будет.

Все же, общими усилиями, Тяття и я уговорили его купить кое-какую мебель.

Мне посчастливилось побывать вместе с Кайсыном практически во всех республиках бывшего Советского Союза.

В Душанбе, на юбилее Мирзо Турсун-Заде, нас поселили в резиденции главы республики. Все было организовано на самом высоком уровне, но в памяти у меня остались только павлины, разгуливающие по замечательному парку, может, из-за того, что ими любовался Кайсын. В каждый наш приезд в Таджикистан мы встречались с одним милиционером с черными пышными усами, и каждый раз при встрече он отдавал честь. Кайсын, здороваясь с ним, всегда радовался, что выдающиеся пышные усы при нем. Старательный блюститель порядка с таким почтением и любовью смотрел на Кулиева!..

В Киеве, в доме Микола Бажана, отпечатался в памяти прекрасный облик украинского поэта, осчастливленного возможностью пообщаться с близким ему по духу Кулиевым... Микола Платонович боготворил свою жену Нину. Кайсын называл ее «царственная Нина». Она просила не называть ее так и не любила, когда к ней обращались по отчеству.

Весть о смерти Бажана застала нас в Москве, когда мы, после больницы, собрались ехать домой. Услышав печальную новость, я вскрикнула от неожиданности, а дежурная в депутатской комнате изрекла: «80 лет человеку! Чего это вы так переполошились?» Кайсын онемело смотрел на нее...

В тот же год отмечали юбилей Микола Платоновича. Он не дожид до 80-летия несколько месяцев. Тяжелобольной Кайсын решил ехать в Киев. Я отговаривала, но он сказал, чтобы я собиралась: «Мой долг — быть в такой день рядом с его вдовой». Кайсына пришло встречать много людей. Они окружили любимого поэта, каждый хотел пожать его руку. Нина Владимировна со слезами говорила: «Ты этот день превратил в праздник, только Кайсын способен на такое. Сам больной, я же вижу, как тебе тяжело, но спасибо тебе, мой друг. Не только я, вся Украина любит тебя!»

В Киеве мы были в гостях и у известного украинского писателя Олесея Гончара. Его жена Валентина Даниловна угощала нас национальными блюдами. Их черный пудель ластился к нам, и это радовало хозяев. Вдова талантливого поэта Владимира Сосюры, Мария Гавриловна, жила в Киеве, в одиночестве, сторонясь людей. Кайсын посвятил ей стихотворение. Она писала, что Кулиев своим посвящением вдохнул в нее жизнь. Нетрудно надломиться крыльям в этом мире, и только таким людям, как Кайсын, приходит на ум

помочь расправить их. К Кайсыну с глубоким уважением относились не только простые люди, но и высокопоставленные чины. Мы были частыми гостями Шарафа Рашидовича Рашидова. Его резиденция, как и во всех других республиках, находилась под охраной и занимала огромную территорию. Вечером мы выходили гулять: Кайсын с Чингизом, я с его женой Марией. Из обрывков слов, фраз мы понимали с ней, что речь мужчины ведут на возвышенные, глобальные темы, а наш женский разговор исчерпывался бытовым мелкотемьем, и мы смеялись над собой...

Шараф Рашидович называл Кулиева «брат мой» и часто приглашал его в Ташкент. На Афро-Азиатскую конференцию съезжались знаменитости со всех концов света, Кайсын пользовался среди всех особым уважением.

Рашидов понимал и ценил поэзию, поддерживал людей искусства и литературы.

Народный поэт Узбекистана, один из замечательных и любимых друзей Кайсына — Шукрулло — водил нас по улочкам старого Ташкента и по живописному восточному базару. Покупал мне тюбетейки и, надев на голову, смеясь, говорил: «Посмотри, Кайсын, Эльзат-ханум — истинная узбечка!»

Были мы в гостях и у знаменитой певицы Халимы Насыровой и писателя Камиля Яшена. Халима пела старинные узбекские песни. Надо было видеть, как слушал Кайсын! Он умел ценить талант. Закончив петь, она сказала Кайсыну: «Я сегодня помолодела на несколько лет! Как хорошо, что ты есть...»

Правительственные банкеты проходили в ресторане «Зарафшон». Там для гостей пели мой любимый певец Батыр Закиров, ансамбль «Ялла», совсем еще юная Азиза, танцевальный ансамбль «Бахор» с удивительной солисткой Маликой Ахмедовой. Батыр Закиров, увидев Кайсына, подошел к нему, поздоровался, прижал его руку к своей щеке, поцеловал и стал петь свое знаменитое «арабское танго». Поэтесса Зульфия считалась названной сестрой Кулиева. Во время нашего пребывания в Ташкенте она и ее дочь Хулькар постоянно опекали меня. В детстве я изучала и хорошо знала узбекский язык, любила узбекские народные песни. По просьбе Кайсына я спела им песни. Эмоциональнее всех реагировал опять он: «Элизат! Джудаям яхшы!» (Очень хорошо! — узб.).

С удивительным украинским поэтом Иваном Драчем Кайсын познакомил меня в одной из поездок по Средней Азии. Он считался «сыном» Кайсына. Ванечка Драч! Не обожать его было невозможно. Мы сразу подружились. Его же-

ну Марию называли не иначе, как умница. В доме у них царил мир и лад.

Кайсын повез меня в Ленинград. Чтобы доставить удовольствие «половчанке», снял в гостинице «Европейская» самые дорогие апартаменты. Приходили к Кайсыну писатель Даниил Гранин, скульптор Михаил Анникушин, литературовед Дмитрий Хренков. В Союзе писателей меня познакомили с хранителем Пушкинского музея знаменитым Гейченко. Узнав, что я не была в Михайловском, он начал отчитывать Кайсына: «Как ты мог допустить такое? Я сейчас же вызываю машину, и мы сдем!»

— Семен Степанович, я восполню свой пробел, и мы с Элизат непременно будем у вас...

К сожалению, поехать в Пушкинский заповедник не успели, надо было проведать Владимира Николаевича Орлова. Он жаловался, что у него очень плохо со зрением. Когда мы пришли, двери нам открыла домработница Нюша. Друзья обнялись. Я осталась стоять у входа. Вдруг Владимир Николаевич, глядя в мою сторону, сказал: «Элизат, душенька моя, почему вы стоите там, идите сюда. Не удивляйтесь так. Я не настолько ослеп, чтобы не видеть ваше милое, взволнованное личико. Дайте обнять вас, голубушка!» Стол в рабочем кабинете и полки книжного шкафа были уставлены фотографиями его любимой, великой актрисы Елены Владимировны Юнгер, пленившей когда-то известного режиссера Акимова. Эта удивительная женщина всецело заполнила сердце Орлова.

Кайсын и Владимир Николаевич сели друг против друга. Рука Кулнева лежала на столе, Орлов положил свою руку на его и в таком положении друзья проговорили более полутора часов. Глядя на донкихотов наших дней, на глаза наворачивались слезы. Нюша сетовала на то, что не может нас угостить даже чаем. В таком бедственном положении находился великий блоковед. Прощаясь, Кайсын обещал Владимиру Николаевичу посодействовать насчет выплаты гонорара за книгу.

В музее Блока меня охватило невыразимое чувство при виде небольших белых комнат, обставленных с большим изяществом и вкусом. Изразцовую печь смастерил сам Александр Александрович. Мы рассматривали рисунки к поэме «Двенадцать». Кайсын знал, какой мне представлялась Катя, а рисунок не отвечал моему видению этого образа, и когда мы прочитали мнение по этому поводу самого Блока, Кулиев был не на шутку удивлен: «Элизат! Твое понимание этого образа полностью сходится с пониманием автора. Удивительно!» Потом мы рассматривали семейные фотографии

и фотографии любимых женщин Блока: портреты «Прекрасной Дамы» — жены поэта Любови Дмитриевны Менделеевой, актрисы театра В. Ф. Комиссаржевской, Натальи Николаевны Волоховой и оперной певицы Любови Александровны Андреевой-Дельмас. Вечером того же дня мы сидели на скамейке напротив дома Дельмас, и Кайсын показал мне окно, где жила возлюбленная поэта. Он читал:

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе...

Он знал весь цикл «Кармен» наизусть.

О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Мои ночей, Кармен!..

Из любимых женщин Блока Кайсыну больше нравилась Наталья Волохова:

...И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена...

Нас возили по Ленинграду: Нева, Медный всадник, Исаакиевский собор, Сенатская площадь, Нарвские ворота — память о Кровавом воскресенье. Хрисикову не нравился памятник царю: «Его давно пора снести! — возмущался он. — Вдобавок еще бездарно выполнен!» В Эрмитаж мы не попали по причине реставрационных работ, длившихся почти два года.

На съездах, юбилеях, конференциях, сессиях Верховного Совета мне интересно было наблюдать встречи Кайсына с друзьями, их радость...

Чингиз Айтматов и его жена Мария собирались ехать в Тбилиси со Святославом и Ирэн Федоровыми. Чингиз предложил Кайсыну ехать вместе. Ему хотелось познакомить дру-

га с ученым-офтальмологом. Наше знакомство с Федоровыми произошло в аэропорту «Внуково». Марию Кайсын уже видел раньше и одобрил выбор Айтматова. Она была тоненькая, симпатичная, приветливая. Мне она тоже понравилась открытостью и добротой. Ирэн была яркая, красивая, с копной рыжих волос. Было видно, как обожали Чингиз и Святослав своих жен, приятно было смотреть на их счастливые лица. С первых же минут знакомства мы так сроднились, будто знали друг друга давно.

Айтматовых и Федоровых поселили в люксах, а нам достался однокомнатный номер, поскольку о нашем приезде не были осведомлены. Вдруг видим, что Святослав и Ирэн стали переносить наши вещи в свой номер, а свои в наш. Кайсын запротестовал, но Федоров ничего не хотел слышать: «Я не могу позволить, чтобы великий Кулиев встречал друзей в маленькой комнате, нам с Ирэн вполне достаточно и этой. В Тбилиси я мало кого знаю». Это он говорил для того, чтобы переселить старшего по возрасту в лучший номер, выказывая уважение к поэту. Федорова в Тбилиси знали. Весть об уникальном мастере быстро распространялась, а те, кто хоть раз общались с ним, становились пленниками его ума, обаяния, человечности. Недаром потянулись друг к другу Кулиев и Федоров... Чингиз Айтматов женился второй раз, а Кайсын и Святослав Николаевич были женаты третий раз. За обедом Кайсын, смеясь, сказал по этому поводу: «Друзья мои! Жены моих знакомых считают, что их мужья последуют дурному примеру старика Кулиева и бросят их».

— Если хотят жить с мужьями, пусть перестают быть мегерами! — шутили они.

— Некоторые возмущены настолько, что грозятся не разговаривать со мной при встрече.

— Переживем, Кайсын! — отвечали Чингиз и Святослав.

В Тбилиси, как и в Ташкенте, Душанбе и Москве, мы бывали часто. Нас приглашали в гости Реваз Маргиани и Нина, Ираклий Абашидзе и Неля, Нодар Думбадзе и Нанули... Мы сидели за богатым столом у Григола Абашидзе. Его прелестная Ламара суежилась вокруг нас. Кайсын шепнул мне: «Элизат, как только приедем домой, нам тоже надо будет купить такую посуду для гостей».

Спустя года два нас с четой Айтматовых вновь пригласил Григол. На этот раз гостей встречала первая леди Грузии Нанули Шеварднадзе. Самолет задерживался, и мы опоздали. Ламара переживала, что все остыло. Сели за стол. И я слышу, как Чингиз шепчет Марии на киргизском: «Мария, когда приедем домой, надо будет купить такую посуду для гостей». Вспомнив, как то же самое говорил Кайсын, на гла-

за навернулись слезы. Все надо было начинать заново, начиная с ложек, приобретать необходимое, как молодоженам.

В Концертном зале Дома Союзов отмечали юбилей Эдуарда Колмановского. Исполнялись его песни и на слова Кулиева. Когда Иосиф Кобзон исполнил «Женщину, которую люблю» — все замерли, а через паузу зал взорвался аплодисментами и криками: «Браво!» Самым примечательным было то, что Кулиев, написавший слова, Колмановский, сочинивший музыку, и Кобзон, так великолепно исполнивший песню, были, если можно так выразиться, «новоженцами».

После окончания вечера, поздравляя друг друга, все трое признавались друг другу, что каждый из них посвящал эту песню своей возлюбленной.

Кайсына ждали везде, приглашали на юбилеи и творческие вечера. В Азербайджане, у Мирзы Аждаровича Ибрагимова с его милой Сарой-ханум, чувствовали себя, как дома. Таким теплом и уютом согревали они нас. Сулейман Рустам и Исмаил Шихлы обижались на Кайсына, что он не был у них в гостях. С нами часто ездил, тогда молодой, нынешний президент Осетии Александр Дзасохов. Он тоже был нашим любимцем, «сыном» Кайсына. Называться «сыном Кайсына» почиталось за честь. Добрейший Кайсын готов был обнять весь мир, защитить от бед! Его любили, наверное, как никого другого. Чистый, жизнеутверждающий, естественный, не рядящийся в чужие одежды, верный сам себе... Он до спазм в сердце защищал талантливых, давал им зеленую дорожку, заботился и поддерживал каждого, в ком ощущалась малая толика дарования. Кулиев не носился со своей персоной он жил чаяниями людей. «Ты, наверное, очень счастлива, ведь тебя любил и обессмертил в своей поэзии величайший поэт!» — часто слышу я. Несомненно, это так. Я чувствую себя счастливой и самой несчастной: он был рядом — и нет его. Жить воспоминаниями — не лучший удел. Лишь потерявший сокровище поймет, что это значит. Он был моим сокровищем, моим несметным богатством.

Когда уйду туда, откуда нет возврата,
Увидеть не смогу я вновь лицо твое,
И не смогу позвать тебя, тоской объятый,
И не смогу опять войти в твое жилие.

Так дай мне на лицо любимой насмотреться,
Пока еще я здесь, пока еще я жив,
Желать тебе добра биением каждого сердца,
Не жалуясь на жизнь, а жизнь благословив!..

Мои счастливые времена... Вернулся с Великой Отечественной войны папа. На отчую землю из изгнания вернулся балкарский народ. Второе рождение нашего театра. Учеба в театральном училище под руководством Веры Николаевны Пашенной. А высшее счастье — знакомство и жизнь с легендарным Кулиевым! С ним я была счастлива всегда, это был друг, который не продаст и не предаст. Я полна им, жива воспоминаниями о нем. Больно, что нет рядом, но для меня он зримый, осязаемый. Он в моей душе, памяти, крови. Кайсын — мой воздух, боль моя и мое счастье. Он мечтал показать мне весь мир. Строил планы на будущее. Был несказанно счастлив, видя, как его друзья относятся ко мне, окружив вниманием. Это был совершенно иной круг высокопорядочных и доброжелательных людей.

В Москве непременно условием было посещение театров, особенно Большого. Благодаря Кайсыну, мне посчастливилось увидеть Плисецкую в «Чайке» Чехова. Он дружил с «Непревзойденной» и с ее мужем Родионом Щедриным. Мы в тот вечер не успели купить цветы, и Кайсыну было неловко подойти к Майе Михайловне — неповторимой, божественной жрице танца!

Смотрели мы и великолепный балет «Ромео и Джульетта» в постановке Юрия Григоровича, который, спустя годы, сыграл важную роль в присуждении К. Кулиеву Ленинской премии.

Ходили мы и на оперы. Мне нравилась «Пиковая дама», Кайсыну — нет. Видно, мрачность последних картин действовала на него удручающе. Зато он обожал «Кармен» Бизе. В один из приездов в столицу мы пошли на эту оперу. Партию Хосе исполнял молодой, обаятельный Зураб Соткилава. Своим огненным темпераментом и необыкновенным тембром голоса он буквально завораживал зал. Аплодируя, Кайсын и я восклицали: «Браво, Соткилава!» Неожиданно удавшийся экспромт развеселил нас, и мы, не думая, что обращаем на себя внимание, повторяли: «Браво, Соткилава!» — радуясь успеху земляка-кавказца.

Кулиева уважали и ценили выдающиеся таланты в артистических кругах. Достаточно назвать Плисецкую, Мравинского, Щедрина, Свиридова, Григоровича, Кабалевского, Светланова, Мирошниченко, Долуханову, Левко...

Слушая мое мнение о постановках, исполнителях, он соглашался со мной и говорил: «Как жаль, что так поздно мы соединили свои судьбы. Прозойди это раньше, как было бы замечательно, ты стала бы одной из образованнейших женщин, потому что, как губка, впитываешь в себя все». Он умел возвышать человека.

В Москве и в других республиках мы всегда встречались с Айтматовым, Кугультиновым, Каримом, Григолом Абашидзе, Гамзатовым, Гончаром, Драчом, Быковым, Граниным, Танком... Михаил Дудин, увидев нас, говорил нараспев: «На палубу вышел, а палубы йок». Рисовал шаржи. Однажды он изобразил Кайсына с выдающимся, внушительного размера носом, а Гамзатова — тоже с крупным носом, огромным животом, а снизу пририсовал малюсенький бантик. Недовольный Расул выговаривал Дудину: «Миша, когда ты пишишь Кайсына — ты лакиропщик, когда ты пишишь Расула — ты килеветник».

Друзья могли просиживать вместе дни и ночи. Шутили, подтрунивая друг над другом, вспоминали интересные случаи. Когда еще был жив Аркадий Кулешов, они все вместе просидели у Кулешовых трое суток. Жена Аркадия Александровича удивлялась: «Где это видано, чтобы столько часов сидеть и без усталости расхваливать друг друга! Кайсын, ты гений! Нет, Аркадий — ты гений! Миша тоже гений...»

Расула Кайсын называл гигантом, а Давида — титаном. Михаил Александрович славился еще и меткими эпитаграммами. На Григола, у которого была гладко выбритая голова и, как говорили, волосатые ноги, сочинил следующее:

А у нашего Григола
Снизу шерсть,
А сверху голо!..

Мариетте Шагинян было уже за девяносто лет, и она носила слуховой аппарат. Ей досталась эта эпитаграмма:

Железная старуха
Мариетта Шагинян,—
Искусственное ухо
Рабочих и крестьян!..

Были эпитаграммы на Давида, Расула. На Анатолия Чепурова сочинил чуть ли не целую поэму. Эпитаграмм на Кайсына я не слышала, хотя думаю, что они были.

Одна из памятных встреч — мое знакомство с глубоко почитаемым нами Арсением Тарковским. Мы вместе отдыхали в Переделкино, и он рассказывал много интересного. Мне он подарил свою книгу с теплой надписью. Арсений Александрович говорил, что Тарковские родом из Тарки.

Во время сессий Верховного Совета для депутатов продавали бывший тогда в большом дефиците индийский чай в больших металлических упаковках, и у нас в доме практически всегда был этот чай. Племянник Кайсына Сагид Кулиев, мастер на все руки, всегда восторгался тем, как я завариваю чай. Однажды пришли к нам Сафарбий Кудавев, Сагид, Ибрагим Гемуев (племянник) и другие родственники, а чай закончился. Что делать? Нашла пачку грузинского чая и стою в нерешительности. Подходит Кайсын и, по его совету, высыпаю в чайник полпачки и завариваю. Сагид пьет и расхваливает меня: «Лучше келин никто не умеет готовить чай...» Нас с Кайсыном разбирает смех. Он глазами показывает мне, чтоб я не выдавала им нашего секрета. А раскрасневшийся Сагид, нахваливая еще пуще, просит добавки. Тут я не выдерживаю и чистосердечно признаюсь, что чай самый обыкновенный, грузинский, вызвав этим гул недоуменного разочарования. Кайсын журит меня: «Элизат, ты, как эчки (коза), у которой хвост торчком. Ничего не умеешь скрывать, все нараспашку...» И чтобы поднять всем настроение, рассказывает: «У азербайджанца Ахмеда спрашивали: «Скажи, дорогой, как ты завариваешь чай? Он у тебя такой вкусный всегда!» Но Ахмед отмалчивался. Прошли годы, Ахмед заболел, и вокруг умирающего собрались односельчане: «Дорогой, ты все равно умираешь, не уноси свой секрет в могилу, скажи, как надо заваривать чай?» И тогда умирающий прохрипел: «Заварку не жалеи!»

Все стали смеяться и повторять: «Заварку не жалеи!» Кайсын успокоил Сагида: «Не переживай, племянник, в следующий раз я привезу тебе несколько пачек чая, чтобы заварку не жалел».

Рассевшись вокруг аксакала, они играют в карты. Кайсын проигрывает и начинает искренне негодовать. Стоит невообразимый шум. Кайсын обвиняет в плутовстве Сагида, племянник божится, что ничего подобного не мог бы себе позволить, играя с аксакалом, но убедить не может. Игра продолжается. Выигрывает Кайсын и надо было видеть его восторг! Куда девалось досадливое выражение лица? Оно теперь сняет, будто он стал обладателем огромного клада.

Сагид жил неподалеку от нас. Не успеешь переступить порог его дома, как он ставил на ноги всех домочадцев: «Живо на кухню, чтобы хычины были быстро приготовлены!» Кайсын не очень любил это кушанье, но жена Сагида, Люба, знала вкус деверя и готовила хычины из хорошего свежего сыра, не добавляя в начинку картофеля. Хумжу хычын — так

называют это блюдо балкарцы. Пока готовились угощения, мужчины вели беседу. Сын Сагида Махмуд хотел поступать на юридический факультет, но Кайсын был против: «Ты мягкий, застенчивый, а там надо быть жестким. Как бы ты ни был справедлив, осужденные и их родственники будут тебя проклинять. Подумай».

Дочки Сагида Ферюза, Роза, Оксана несут дымящиеся хычины, но Сагид, недовольно взглянув на них, быстро выходит и вскоре несет большую жестяную кружку, полную кипящего сливочного масла, и поливает хычины: «Они должны купаться в масле! Вот как надо подавать их! Говоришь вам, говоришь...»

Кайсын любил дунганский лагман, его хорошо готовила жена Сафарбия, Надеж. Он хотел, чтобы я научилась у нее готовить это блюдо. Я отшучивалась: «Зачем мне лишать их удовольствия приглашать вас на торжественный обед?» Кайсын смеется: «Хорошая у тебя тактика, Элизат. Если научишься готовить, думаешь, это помешает мне ходить в гости? Сафарбий, слышишь, как разговаривает твоя сноха?» Но Сафарбий на моей стороне: «Правильно говорит келинка. Не надо ей учиться. Есть кому готовить лагман и без Элизатки».

— Не защищай. Тут вы оба неправы.— Кайсын и Сафарбий спорят, кто из них прав, и Кайсын начинает рассказывать: «Балкарцы говорят, когда на земле не будет произнесено имя Ходжи Насреддина, в тот день начнется светопреставление. Поэтому, вспомним Ходжу и решим свой спор по его методу: «К Насреддину пришел человек жаловаться на своего соседа. Ходжа выслушал его и сказал: «Да, ты прав». Проводил его. Тут приходит другой и на чем свет стоит начинает поносить только что ушедшего от Ходжи. Насреддин выслушал и его. Последовал ответ: «Да ты прав». Жена, стоявшая рядом, спросила мужа, когда жаловавшийся ушел: «Насреддин, тебя все считают мудрым, идут к тебе за советом, а ты что делаешь? Приходит один жаловаться на другого, ты говоришь ему, что он прав. Приходит второй и жалуется на первого, так ты ему говоришь, что и он прав! Так не бывает!»

— Ты тоже права, жена! — отвечал Ходжа Насреддин.— Так что будем считать, что и Элизат, и Сафарбий, и Кайсын тоже — все мы трое правы!»

Во времена правления Л. И. Брежнева бытовал анекдот. В Москву с визитом приехала премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. Леонид Ильич приветствует ее, сосредоточив все внимание на листе бумаги:

«Уважаемая госпожа Индира Ганди», — начинает Генсек...

Тут его тихо поправляют: «Леонид Ильич, это не Ганди, а Тэтчер». Но Брежнев уткнулся в бумажку.

— Уважаемая госпожа Индира Ганди..

— Это не Ганди, это Тэтчер, Леонид Ильич!

Брежнев продолжал читать: «Уважаемая госпожа Индира Ганди...»

И когда помощник отважился поправить генерального секретаря в третий раз, что это не госпожа Ганди, а Тэтчер, он, наконец оторвавшись от бумажки, недоуменно посмотрел на гостью, потом на помощника и сказал в сердцах: «Я вижу, что это Тэтчер, но здесь написано: «Уважаемая госпожа Индира Ганди!»

Этот анекдот очень любил рассказывать Кайсыну Сафарбий, по-своему произнося имена этих двух выдающихся женщин. Кайсын каждый раз смеялся до слез, а проводив Сафарбия, признавался: «Сафарбий не понимает, отчего я смеюсь. Он думает, что смешит меня этим анекдотом. А я смеюсь оттого, что он вместо Ганди, говорит — Гъанда, а вместо Тэтчер — Тетчи. Наш Сафарбий очень забавный человек, он слово «гений» также произносит по-своему — «геняя».

Всегда веселый, щедрый Сафарбий нравился Кайсыну: «Его трудно бывает поймать за хвост, но поймашь — все исполнит, как просишь». Когда Кайсын бывал зол на него, то брал в руку палку и с нарочито грозным видом шел к нему: «Где этот Брехуновский? Я ему не Байдаев (начальник Сафарбия), это его он может обманывать!»

Выходил Сафарбий с виноватым лицом, придумывая разные причины, и только что возмущавшийся Кайсын обнимал провинившегося. Тут я начинала отчитывать его: «Вы же не хотели с ним больше разговаривать, и мне не велели, а сами обнимаете его. Как это понимать?»

— Ты права. Я тогда был зол на него, но стоило увидеть его виноватую мордочку (гумхотчукъ), как не обнять? Иногда он подводит меня, но чаще выручает. Если мне что-то нужно, я обращаюсь к нему, потому что: къара къушну уясы къуру болмаз (гнездо черного орла не бывает пустым). И он совсем не жадный.

Незадолго до смерти тяжелобольной Кайсын опять-таки обратился не к кому-либо, а к Сафарбию с просьбой позаботиться обо мне и Ахмате в случае своей смерти: «Сеп аллах-а аманат, Элизат бла Ахмат санга аманатдыла, Сафарбий. Кесинг кересе, эгечден туугъан, арымай-талмай, кече-кюн демей кириме кипчигиме къарагъанлай тургъанын. Бу экисине кез-къулакъ бол... (Ты под покровительством Аллаха, а Элизат и Ахмат под твоим, Сафарбий. Сам видишь, как она,

без устали, днями и ночами ухаживает за мной. Позаботься о них...»)»

Сафарбий часто вспоминает эти слова Кайсына...

У старшего брата Кайсына, который тоже жил в Чегеме I, был кот. Придешь к ним и всегда рядом с Аубекиром лежит его любимец. Аубекир был старше Кайсына лет на десять, но выглядел моложе своих лет. Он жил со своей семьей и сестрой Кани, которая всем верховодила. Не дай бог, если брат не вовремя поест или не отдохнет. Уезжая куда-либо, мы иногда оставляли Ахматика на ее попечение, и он потом рассказывал нам, как Тяття кормила его с большой ложки сливочным маслом или свежей домашней сметаной: «Приходилось глотать, попробуй не слушаться. Так меня никто не откармливал...» Ахмат и я хотели, чтобы Кани жила с нами, но Кайсын знал, что она не сможет жить без Аубекира. Так оно и было. Побудет у нас три-четыре дня и заспешит домой. Нам нравилось, когда Тяття совершала молитву, и мы, притихшие, следили за ее движениями...

Кайсын без устали мог расхваливать свою старшую сестру Гешепез (Лялю), которую очень любил. Она жила в Чегеме I с глухонемым сыном Идрисом. Двое ее сыновей умерли, а сын Ибрагим (Биляш) жил в этом же селе со своей семьей. По рассказам Кайсына, я уже знала, в каком образцовом порядке содержится дом, двор, огород Ляли. В кладовке хранились сыры в бочках, в стерильно-чистых банках — топленое масло, в углу висело вяленое мясо. Подвал находился под кладовой. Женщина, которой было под девяносто, умудрялась держать коров, бычков и другую живность. Собранный, приветливый, умный, хлебосольный, Гешепез всегда была рада нам. Идрис, радостно улыбаясь, жестами давал понять, что Ахмат—сын «усатого», т. е. сын Кайсына. Его жесты переводила нам Ляля. Расул и Ахмат, чувствуя их дружелюбие, любили бывать у них.

Кайсын рассказывал, как сестра смастерила ему в детстве шапочку, расшив ее узорами, сшила и шубку из бараньей шкуры. Нарядив его и посадив на спину, Гешепез отправлялась гулять с малышом. Ее удивляло и радовало, что, хотя братик маленький, но все понимает и доволен обновой...

По ту сторону улицы, напротив нашего дома, жила кабардинская семья. Узнав, что Кайсын любит лакумы, соседка Лёля приносила их горячими. Не только она, но и все обитатели нашей улицы хотели сделать что-нибудь приятное Кулневу. Одна старая балкарка в честь Нового года подарила ему большого петуха. Он отказывался, но она настаивала. Обижать соседку не хотелось, пришлось взять.

По примеру соседей я стала разводить кур, индюков, са-

жать овощи. Земельный участок был довольно большой. Видя, что мне не хватает навыка, на помощь спешили Марица, которую Ахмат прозвал Марица-царица, Зоя — сосношница Лёли. Они учили меня огородным тонкостям. Узнав, что Кайсыну понравились лакумы Лёли, каждая старалась отличиться. Пышные, поджаристые лакумы вызывали аппетит. Кайсын расхваливал их творения и благодарил, а они потом спорили между собой, чьи лакумы больше пришлись по душе Кулиеву. Когда нужна была какая-либо помощь от депутата, они просили меня быть посредницей.

«Странно, но в нашей округе воцарился мир! — удивлялся Кайсын. — Раньше утро начиналось с перебранок, а теперь тишина...» Узнав причину их перемирия, радовался, словно ребенок, которому подарили желанную игрушку: «Это значит, ты виновница мира, Элизат? Расскажи, расскажи, как ты их мирила!» Когда я переехала в Чегем, то соседки часто жаловались друг на друга. Я, решив помирить всех, говорила им, что кроме хороших слов друг о друге ничего плохого я не слышала. Вначале не верили, но постепенно то одна, то другая стали общаться меж собой. Это и радовало Кайсына: «Вот как! Ай да умница, ай да дипломат!»

Бывало, я разговариваю с приятельницей по телефону. Разговор ведется на балкарском языке, постепенно мы переходим на русский. Кайсын после разговора выговаривает: «Почему ты так делаешь? Разговаривай на своем, и она, и ты — балкарки. Нехорошо так делать».

— Я с ней говорю по-балкарски, а она отвечает мне по-русски.

— Пусть она отвечает, как хочет, а ты говори на своем языке.

— Я так и хотела, но она...

— Как бы она ни говорила, ты продолжай говорить на балкарском.

Высоко ценя достоинства русского, Кайсын прежде всего был предан родному языку.

Ахия Ахматов, племянник Узеирхан, любил подвыпить, внешне интересный, представительный, пользовался успехом у женщин. Называя себя Кулиевым, он бесперемонно раздражал налево и направо визитные карточки Кайсына. Попавшиеся на его удочку хвастали, что они ближе чем на «ты» с самим Кайсыном Кулиевым. Рождались легенды про похождения поэта.

Кайсын часто возил Ахию с собой, брал в гости. Однажды они поехали в поселок Кашхатау. По пути остановились около магазина в одном селе. Увидев вошедших, покупатели стали спорить между собой: «Этого, со значком депутат-

ским, я сразу узнал—поэт Кайсын Кулиев, а второй, кажется, его друг Алим Кешоков...» Второй покупатель возразил: «Нет, не Кешоков... Кулиева я тоже сразу узнал, а другого не могу вспомнить, но он мне кого-то очень напоминает. Валлахи, знакомое лицо!» Тут третий, взглянув свысока на спорящих, с видом знатока, изрек: «Что вы гадаете? Не видите, что ли? Один — Кайсын Кулиев, а другой — Суслов!..»

Такие курьезы случались нередко.

Ахия не раз рассказывал, как к Кайсыну на работу пришел с просьбой один мужчина. Поведав о цели своего визита, он осторожно положил на стол конверт и вышел. Кайсын, желая повнимательней ознакомиться с прошением, раскрыл конверт и обнаружил в нем 1000 рублей! Тут же приказал Ахие найти этого человека и привести к нему. Ахия нашел его. Возмущенный Кулиев вернул ему деньги со словами: «Теперь вон отсюда!» Несчастный, оторопело глядя на Кулиева и дрожа всем телом, вышел из кабинета... «Первый раз в жизни выгнал человека,— переживал Кайсын.— Но он возмутил меня — взятку Кулиеву решил предложить!» А Ахматов смеялся: «Сам не захотел брать, так дал бы мне! Я на такие деньги мог бы гулять несколько дней. Ведь все равно ты ему помог потом». «Жалко человека»,— сказал Кулиев.

Однажды мы собрались проведать моих родителей, но нам сказали, что дорога в Аушигере, через который надо проехать, чтобы попасть в Кашхатау, сильно размыта. Кайсын решил отложить поездку. Я расстроилась. Он сел писать, я тоже занялась домашними делами и вдруг он говорит:

— Собирайся, поехали!

— Как! А дорога? — опешила я.

— Ничего, как-нибудь доберемся. Я не могу видеть тебя расстроенной. Вижу, как ты хочешь ехать.

— Не надо ехать, тем более из-за меня.

— Я сказал — собирайся!

Проехали Аушигер, дорога нормальная. Стали думать, что слухи оказались ложными. Но вскоре убедились воочию в том, что дорога и впрямь размыта, ехать по ней нет никакой возможности. Немного помешкав, Кайсын все же решается ехать дальше. Резко поворачивает вправо и едет в объезд, по полю, изборожденному рытвинами. Я молчу, боясь проронить хоть слово. Мы еще не знаем, что нас поджидает впереди. Едем по кочкам, кажется, конца этой тряске не будет. Резкий визг колес. Впереди крутой спуск. До сих пор не могу понять, каким чудом мы тогда уцелели. Шевельнешься и конец! Кайсын успел остановить машину, приказывает:

— Элизат, выходи!

— А вы? — спрашиваю я.

— Я пожил на этом свете, а тебе надо еще пожить. Быходи, быстро!

— Я не выйду без вас.

— Вдвоем невозможно. С левой стороны пропасть. Возможности выйти у меня нет. Ты спасай себя. Не будь упрямой, слушай, что тебе говорят!

— Без вас я не выйду.

— Сейчас машина может сорваться и полететь вниз. Вылезай!

— Выйду только с вами.

К счастью, в это время мы увидели поднимавшегося вверх мужчину. Подойдя ближе, он оценил ситуацию и стал подкладывать камни под колеса, потом помог выбраться наружу и нам. Оказалось, что машина чудом удерживалась на краю обрыва. Втроем мы с трудом спустили машину вниз. На это ушло не менее часа. Мы то убрали из-под колес камни, придерживая при этом машину спереди, то опять подкладывали под них камни. С помощью Бога и этого человека, мы были спасены. Поблагодарив нашего спасителя, тронулись в путь. Всю дорогу до Кашхатау Кайсын ругал меня и закончил словами: «Ты неисправимая упряmica, Элизат!» Я сидела молча и благодарила Бога, что все так хорошо обошлось. Проехав немного, он остановил машину и улыбнулся довольной улыбкой: «Сегодня я на все сто процентов убедился, что ты меня любишь и в этом нет никаких сомнений. Сколько я не просил тебя, ты не вышла из машины, не оставила меня в беде!»

Дома рассказали о происшествии родителям, они стали волноваться. А Кайсын весело обратился к маме: «Бислимаат Таукешевна, сегодня, как я ни ругал твою дочь, она ни словом не выказала обиды. Сегодня Элизат Эльбасевна не была «кульбаевским пулеметником».

Иногда свое неприятное чего-либо я выражала слишком эмоционально, и тогда Кайсын, смеясь, говорил: «Ну, застрочил «кӳлбайланы пулеметчугу!»

Кайсын покупал колбасу для питомцев обычно в магазине, который стоял недалеко от гормолзавода. Как-то раз Кулнев попросил взвесить 10 кг ливерной. Продавщица удивилась: «На что вам столько колбасы, Кайсын Шуваевич, вы же не едите ее?» Недолго раздумывая, он ответил: «Хочу послать друзьям посылку». Сагид, стоявший рядом, был удивлен и, когда вышли из магазина, спросил: «Аксакал, сколько помню, ты всегда говорил правду, а сегодня ты сказал не то». А Кайсын ему отвечает: «А как я должен был ей сказать? Покупаю колбасу для кошек и собак в то время, когда по России пустые прилавки? Что подумали бы обо мне?»

У нас в саду стояла беседка, Кайсын летом работал там. Вечером пришли его родственники. Поужинав, все пошли в сад. Один из них, отец большого семейства, жил в коммунальной квартире. Кайсын ему советует: «Не сиди сложа руки на балконе 5-го этажа, как ласточка, делай что-нибудь. Участок есть. Я подарил тебе железные ворота, начинай строить дом. Вот Сафарбий, Сагид и я что-нибудь подкинем, поможем. Ну как, принимаешь мое предложение?» Родственник закивал в знак согласия головой: «Конечно, аксакал, обязательно сделаем!» — и, закурив, вышел из беседки. Кайсын, сняв очки, поглядел ему вслед и произнес: «Ничего он не сделает, так и будет сидеть на 5-ом этаже».

К Кулневу пришла как-то большая делегация с предложением переименовать улицу Степную, на которой мы жили, в улицу Кайсына Кулнева. Ему стало очень неловко, но он поблагодарил их и сказал, что ни в коем случае не надо поднимать этот вопрос. Неудобно.

* * *

Город Кулнев не любил: «Звездное небо Чегема совсем иное, Элизат! А воздух... Чувствуешь? Разве можно сравнить с городским? А ты предпочитала жить там, в «муравейнике». Теперь ты крестьяночка, чегемская затворница...»

Мне, как и Кулневу, село было больше по душе. В Чегем я не хотела пересезать без регистрации. Смотришь, бывало, в ночное небо сквозь ветвистую крону ореха, а звезды так близко, кажется, протяни ладонь — и они упадут в нее. Или, проснувшись на рассвете, выходишь во двор, и непередаваемое ощущение полноты окутывает тебя. Стихи Кайсына органично вплетаются в звонкий утренний мир:

Как хорошо проснуться на рассвете,
Глядеть на мир, за птицами следить
И знать, что лучшее счастья жить на свете,
На свете ничего не может быть!

Сад наш в белой кипени цветенья!.. Чародей шагает по тропинке, посыпанной мелким гравием. Вот он остановился, пригнул ветку вишни, любуется, проводит ладонью по цветкам, вдыхает нежный аромат, исходящий от них. Я, прижавшись к нему, шепчу:

Ах! Как пахнуло весной!..
Это, наверное, ты!

Кайсын, поддерживая поэтический настрой, вдохновенно произносит строки Тютчева:

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Я продолжаю:

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной, светлою душой...

Веленью Высшего покорные, в союзе души с душой родной, хмельные от света весны, благодатного ветра и от любви своей — воздаем хвалу Творцу!

Наш сад... Каких только деревьев не было в нем: кизил, расцветавший раньше всех, черешни, вишни, айва и разные сорта груш, яблок, слив, алычи, абрикосовые деревья с крупными сладкими плодами, ореховые деревья. Одну орешину Кайсын подарил мне, а другую — Ахмату. Две орешины за оградой предназначались для всех.

Мы гостили в Армении в самый разгар цветения персиковых деревьев. Это великолепное зрелище запало в душу, и мы решили посадить персик, он также был подарен мне. Когда тоненькое деревце зацвело и дало первые плоды, надо было видеть восторг Кулиева!

Я листе этой каждый вечер
— До свидания — говорю,
И когда ее утром встречу,
За свидание благодарю.

По обе стороны дорожки, ведущей в сад, между кустами черной и красной смородины и крыжовников были проведены краники. Кайсыну доставляло огромное удовольствие поливать любимый двор и сад из шлангов разных диаметров и длины, заботливо припасенных им заранее. Иногда, в особо жаркую пору, поливая деревья, мы направили струю воды друг в друга, визжа и радуясь, как дети, и приводя своей ребячливостью в восторг Ахмата: «Ахмат, держись! — предупреждал Кайсын.— Сейчас атака будет направлена на тебя!» Радостный и мокрый ребенок прятался то за меня, то за от-

ца. Наши питомцы: Къзыл Фук (Красный Фук), Коланчик (Пестрый), Жубушка (Лохматая), Замарашка весело кружили, радуясь радости хозяев, а кот Токуй философски наблюдал в сторонке за странной забавой людей...

Созревали плоды на деревьях, наш сад менял краски. Полные ведра алой черешни, а ближе к осени—яблоко, груша, мы отвозили в дом ребенка и дом престарелых. Соседские мальчишки, перелезая через забор, любили полакомиться фруктами. Мы делали вид, что не видим их,—запретное вкусней.

Урожай убран. Земля устлана желтыми, багряными листьями, шуршащими под ногами... Ложись ночью спать под впечатлением «очей очарованья», а проснувшись утром и выглянув в окно, ахнешь от неожиданности!

Все потонуло в снежной белизне,
Молчат деревья тихо и сурово,
Так тихо все вокруг, что страшно мне
Вздохнуть неловко иль промолвить слово...

Мой ласковый, добрый волшебник любит белую сказкой!..

...Снег идет
Над орешником и алычой,
Как в тот день,
Когда шел я из леса домой,
И с чинаровым хворостом ослик за мной.

В такие вечера мы выходили гулять втроем. Кайсын, как глава семьи, шел посередине, я слева, а Ахмат, как положено по обычаю младшему, когда идут втроем, держался по правую руку отца. За нами спешат, то обгоняя, то отставая от нас, Фук, Колан и Жубу. Замарашки уже нет с нами... Улица, освещенная редкими фонарями в белой пелене, кажется фантастически красивой. Снежинки, блестя на свету, плавно кружась, ложатся на деревья, на крыши и сграды домов, на наши плечи, лица и на землю. Ядреный мороз обжигает щеки, упругий хруст под ногами, приятный на слух, гулко отдается в вечерней тишине. Сказочный снежный вечер настраивает на лирическую волну, поэт читает стихи Блока:

...Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

Желание поребачиться одолевает меня, я вношу предложение поиграть в снежки: «Кто за?.. Единногласно!» Больше всех достается мне, потому что нападают с двух сторон, но коль сама начала, надо терпеть. К еще большему удовольствию наших мужчин, поскользнувшись, я падаю на пушистый снег... и тут — о, вероломство! — отец и сын начинают пати- рать лицо снегом, я прошу пощады. Первым жалеет Кай- сын: «Вставай, Элизаточка! Ахмат, хватит, мама может про- студиться. Все, пошли домой»... Раскрасневшись, воз- бужденные, идем домой. Спать не хочется. Ахмату, чтоб успеть на занятия, надо рано встать, он нехотя идет в свою спальню. Уложив его, Кайсын и я уютно устраиваемся в гостиной, включив проигрыватель. Тихо льется музыка — на- чинается поэтический час. Его мы посвящаем Лорке:

Кайсын: Я боюсь потерять это светлое чудо,
Что в глазах твоих влажных застыло в молчанье,
Я боюсь этой ночи, в которой не буду
Прикасаться лицом к твоей розе дыханья...

Я: Руками любви и ласки
Я плащ для тебя вышиваю,
Левкои на нем расцветают...

Кайсын: Я боюсь, что ветвей моих мертвая груда
Устилать этот берег таинственный станет;
Я носить не хочу за собою повсюду
Те плоды, где укроются черви страдания.

Я: Когда женихом моим был ты,
Тогда по весне из-за леса
Подковы коня звенели —
Четыре серебряных всплеска!

Кайсын: Если клад мой заветный взяла ты с собою,
Если ты моя боль, что пощады не просит,
Если даже совсем ничего я не стою,—
Пусть последний мой колос утрата не скосит.
И пусть будет поток твой усыпан листвою,
Что роняет моя уходящая осень.

Я: А дороги — руки твои,
Когда меня обнимают.
А дороги — руки твои,
Когда по ночам обнимают...

Кайсын: Руками любви и ласки
Ты плащ для меня вышиваешь...
Левкон на нем расцветают...

Я: Левкон и розы!..

Об этих вечерах у него есть стихотворение:

Помнишь ли наши прогулки по зимней дороге?
Ждали нас Рыжик, Жубу и Колан на пороге,
Наши собаки, как правило, с нами гуляли,—
То забегали вперед, то, резвясь, отставали.
С блеском вязанье мороза стояли растенья,
Звезды мерцали и окна селенья.
Помнишь, как я восхищался дорогой хрустящей
И любовался твоею походкой летящей.
Так были рады мы звездам и окнам округи,
Будто бы нет и не может быть вечной разлуки,
Я, разлученный с Чегемом, в разлуке с тобою,
Вспомнил, что снег не хрустел под твоею стопою.
Веки смежил,— надоела больничная проза,—
Вижу лицо твое, розовое от мороза.
Помнишь ли ты вечера в ту чегемскую зиму,
Чьей белизной восхищались невообразимой,
Был еще жив наш Колан той зимой невозвратной,
Левою лапой умылся Токуй аккуратно,
Помнишь, коту целый день не давал я проходу:
Левою лапой умыться — испортить погоду! —
Это у нас существует такое поверье.
Зря я сердился, спокойно белели деревья
Все отведенное на зиму снежное время.
Помнишь ли ты вечера и январь тот в Чегеме?

Присутствие Кайсына обыкновенный день превращало в сказочный праздник. Он умел успокаивать, возвышать человека, уходили обида, усталость, плохое настроение. Бывало, намаешься за день так, что свет кажется не мил, а он подойдет и скажет: «Элизаточка, сен бюгюн итни кюнюн кердюнг! (Ты сегодня испытала собачью жизнь!)» — и усталости как не бывало. Или сидит серьезный, задумавшийся, а я гадаю — чем же я ему не угодила, что сделала не так? Может, я совсем никчемная хозяйка?.. И вдруг он прерывает молчание и признается: «Небывалое дело, Элизаточка! Сидя с тобой рядом, я все равно тоскую по тебе, если бы мне раньше кто-нибудь сказал, что такое бывает, я не поверил бы. Я ревную тебя даже к воздуху, хотя ни на секунду не сомневаюсь в

твоей верности. Я самонадеянный старик, да? Нет, я знаю — ты меня любишь, как и я тебя, моя «чегемская элегия — чыгым», скажи, а правда тебе нравится быть «чегемской затворницей?» Он не раз задавал этот вопрос, я отвечала: «Да, нравится».

— Правду говори.

— Правда.

— Может, ты хотела бы на сцену, скажи, не скрывай.

— Если хотела бы, сказала.

О себе я думала мало, лишь бы ему было хорошо. Он это понимал, ценил, считал, что я многим жертвую ради него: «Не знаю, как для тебя, а для себя я сделал очень хорошо». За него можно было отдать жизнь, если понадобилось бы, но я как-то сказала Ахмату, что не отдала бы, не потому, что боюсь смерти. Отдав жизнь, перестану видеть его. Только поэтому. Я жаждала видеть, слышать, дышать дыханием Кайсына. Мама моя правильно заметила: «Любить так, как вы любили друг друга, было нельзя. Вы вызывали зависть. Такое не могло продолжаться долго. Вашу любовь сглазили. Или вы сами себя сглазили...» Нам было хорошо вдвоем, сердца бились в унисон, как единое целое. Мы без слов понимали друг друга и оберегали. Мысли мои о Кулиеве я называла «святыня раздумий». Не знаю, догадывался ли он, что был живым пламенем в удушливой среде? Перед глазами стоят жестокие сцены, преподносимые ему, невольной свидетельницей коих приходилось бывать и мне. Врагу не пожелаешь тех тисков, в которых находился этот поистине святой страдалец! Вспоминаются строки Блока:

Все это было, было, было!

Свершился дней круговорот...

Можно теперь клясться в любви, бить в грудь, только каково цена этим клятвам? Сотворенный крепко, казалось бы, на века, он не дожил до семидесяти, сгорел, не долюбив, не довершив задуманного: «Вашему любимому Льву Толстому было 83 года, когда он умер. Вы доживете до этих лет, и мы умрем в один день. Мне стукнет шестьдесят», — сумничала я как-то. Он не согласился: «Всего 83? Нет, Элизат, уж 100 лет выдержим! (Жюзню уа кьатдырырбыз!) Себе ты совсем мало времени отвела. Тебе жить и жить...»

Когда мы бывали на рынке в Нальчике или в г. Баксане, не помню случая, чтобы Кайсын не искал ряд, где торговали металлическими изделиями цыгане. Дома у нас были и цепи, и топоры, и молотки, тем не менее, он подходил к ним и, не торопясь, внимательно разглядывал кузнечные творения. Цыгане знали Кулиева и охотно вступали с ним в разговор. Сафарбий и Сагид терпеливо дожидались его в сторонке: «Аксакал нашел своих цыган, они будут долго философствовать...» Опять приходят строки Лорки:

Луна в цыганскую кузню
всплыла жасмином воланов.
И смотрит, смотрит ребенок,
И глаз не сводит, отпрянув.
...— Луна, луна моя, скройся!
Если вернуться цыгане.
Возьмут они твое сердце
и серебра начеканят...

В сборнике «Избранная лирика» Лорки сохранилась закладка на странице со стихотворением «Песня избитого цыгана»:

- Я подполковник, жандарм, а ты кто такой?
- Цыган.
- Что значит цыган?
- Что придется.
- Что ты замышлял на мосту?
- Сахарную башню.
- ?..
- Я придумал крылья и летал!
- Айй!
- Я и так летаю. Талисманы и тучи в моей крови.
- Айй!
- В январе цветут мои апельсины и в метели зреют...
- Айй!

Удивленный подполковник падает замертво. Четверо конвоиров избивают цыгана.

Цыган: Ай, полицейский начальник —
Там наверху на диване!
Таких платков не найдется.
Чтоб эту кровь посмывали.

«Федерико Гарсиа — мой брат», — писал Кайсын Кулиев. Два чародея, жившие на разных континентах, были братьями

по духу. На одной из книг Лорки есть дарственная надпись Ярослава Смелякова: «Если бы жил Лорка, он сказал бы, верно, что ты, Кайсын, порывистый и бурный ветер Кавказа». Можно было добавить к сказанному еще и — нежный ветер. Задумавшись и глядя куда-то вдаль, Кайсын произносит с грустью:

«О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии слезной».

«Слезная» Андалусия и его Балкария ассоциировались с тоской по родине в чуждедальной стороне.

Произведения Кулиева переводили большие мастера: Семен Липкин, Инна Лиснянская, Наум Гребнев, Вера Звягинцева, Константин Симонов, Олег Чухонцев, Белла Ахмадулина, Лазарь Шерешевский, Даниил Долинский и другие. Стихотворения в замечательных переводах Наума Коржавина пришлось переводить заново Семену Липкину, поскольку на коржавинские переводы был наложен запрет в связи с его эмиграцией в США. Про Наума Коржавина Кайсын говорил, что эта была удивительная личность. «Когда он решил эмигрировать, — вспоминал он, — я отговаривал его. Что ему было делать в Америке? Неприспособленный человек, он там пропал бы. Коржавин тоже понимал это, но ничего не мог поделать с собой, жена, которую он очень любил, рвалась туда, а без нее он не мыслил жизни: «Конечно, тебе хорошо, Кайсын, у тебя красивая жена (Мака), я тоже не хочу разлучаться со своей. Она меня не слушает, не любит. Скажи, Кайсын, почему всегда бывает так?»

Так было и будет
До скончания лет —
Ты ее любишь,
Она тебя нет...

«Его жена хотела блистать в салонах Америки, была очень красивой, уверенной в себе, а Нема — полная противоположность ей... Зря поехал, зря». Вдруг, рассмеявшись, Кайсын вспомнил один эпизод: «Когда наш театр поставил мою пьесу «Есть на свете любовь», на премьере мы сидели рядом. Спектакль еще не закончился, он поерзал на месте и прошептал мне: «Кайсын, это ты написал? Никак не могу понять, как ты мог умудриться написать такую ерунду?»

Тут уж я оскорбилась за Кулиева и спросила: «И что же вы ему ответили?»

Я ответил: «Сам не знаю, как получилось, Наум».

— Но зритель хорошо принимал вашу пьесу.

— Спасибо им за снисходительность. Но и Науму спасибо. Надо говорить открыто, честно. Қоржавин это мог. Непосредственный, тонкий человек. Талантливый...

Воспринимать критику, размышлять о пробелах, не обижаться, а благодарить,— в этом тоже весь Қайсын. Иной в ореоле славы вел бы себя иначе.

Есть души, где скрыты
Увядавшие зори,
И синие звезды,
И времени листья,

Есть души, где прячутся
Древние тени,
Гул прошлых страданий
И сновидений.

Прелестный Қайсын! Вот он сидит за столом и зовет: «Элизат, иди ко мне! Я сегодня, как пустой кувшин! Исписался. Одной строчки не могу написать!» Ждали, когда кувшин наполнится, и тогда не было сладу — строчки ложились на бумагу легко, без натуги, он работал без усталости, пока бурлила влага в кувшине, даря миру шедевр за шедевром.

* * *

— Элизат! — зовет меня Қайсын. — Взятку несут! — Это значило, что кто-то из родственников или односельчан несет трехлитровый баллон молока.

— Ты любишь взятки? — спрашивает он.

— Это разве взятка? Приносить каждое утро Қайсыну Қудиеву свежее молоко должно почитаться за честь.

— Ну, ну, не такая уж большая честь твой муж. Я спрашиваю, любишь ли ты взятки?

— Кто не любит полакомиться? — шучу я.

Я не помню дня, чтобы Қайсын, выходя из дома или берясь за какое-нибудь дело, не произносил «бисмилляхи», т. е. «с Аллахом». Учил этому меня и Ахмата. Если в селе умирал человек, он всегда держал «дуа» (молитва за упокой души). Встав на рассвете, он шел вместе с муллою на могилу, чтобы исполнить религиозные обряды. И так ежеутренне, даже когда сильно болел. Никто не осудил бы его, все знали, что он болеет, но Қайсын считал, что, переступая обычаи, заветы предков, мы утрачиваем человечность.

Иногда он сетовал на то, что истинных горцев, — мужественных, стройных, как натянутые струны, становится все меньше, а все больше встречаются «быдыры» (брюхо).

— В детстве, в горах, я не видел толстых людей. Это сейчас стало модно отращивать брюхо. Вот и я тоже.

— Не наговаривайте на себя.

— Нет, у меня тоже «быдыр», надо больше двигаться.

И это говорил человек, не знающий ни минуты покоя, вечно погруженный в чужие дела и заботы.

Я спросила, почему ему кажется, что перевелись настоящие горцы?

— Потому, что женились без разбору. Нет хуже вздорной бабы, да еще пытающейся верховодить над мужем. И какое счастье иметь спокойную, добрую жену, готовую на самопожертвование ради сохранения семьи. Я удивляюсь твоему отцу, как он мог развестись с твоей мамой? Он поступил хорошо. Ты согласна со мной?

— Может, полюбил эту женщину?

— Ты как будто одобряешь его поступок?

— Ну, а вы сами? Вы ведь тоже разошлись.

— Мое дело совсем другое, и ты знаешь об этом хорошо. А вот такую женщину, как твоя мать, я никогда не смог бы обидеть. Это грешно. Что ни говори, а папа твой был не прав. Она прождала его всю войну, была верна ему, а когда выслали балкарцев, в это трудное время, не бросила его мать, ухаживала за старой женщиной, растила ему дочь. Нет, такую женщину нельзя было обижать. Бислимат Таукешевна замечательный человек. Эльбая Османовича я уважаю, он мягкий, добродушный человек, но в этом деле он ошибся.

Кайсын не зря любил мою маму. Открытая и справедливая, она не переносила двуличия, а когда при ней кого-нибудь обсуждали за глаза, пресекала. Зашел как-то разговор о жене Кулиева. Мама сразу дала мне понять, чтобы я не вмешивалась в этот разговор, попросила никого не осуждать: «Хорошая она или плохая, нас это не касается. Она прожила с Кайсыном много лет, у них дети. Расстались они не по вине моей дочери. Элизат не напрашивалась, не выходила за него насильно. Ни ее отец, ни я, ни наши родственники не в восторге от этого брака, хотя очень ценим, уважаем Кулиева.

Пока Кайсын жив, он Элизат в обиду не даст, но не дай бог, если с ним что-нибудь случится... Вот чего мы боимся».

Жизнь учит — ложь, двуличие, вероломство — от дьявола. Мать Кулиева пережила многое, но ни словом не обмол-

вилась с сыном о своих обидах и потрясениях. Кайсын был любящим сыном, но постоянно занятый, в разъездах, он не мог уделять ей много внимания, а говорить о годах, когда он находился на фронте, и вовсе не приходится. После возвращения из Средней Азии в Нальчик мать Кайсына несколько лет жила с сыном, пока не заболела. Марзият забрала мать к себе, смотрела за ней хорошо. Узеирхан умерла у нее на руках и похоронена в селении Бабугент, недалеко от дома, где живет ее дочь. Думали, Марзият умрет или сойдет с ума — так она переживала смерть матери.

* * *

После смерти Кулиева умеющие плести сети лжи и лицемерия начали травить меня, поставив целью опорочить, унижить. Как я желала, чтобы Кайсын ожил и обрушил весь гнев на распоясавшихся! Ахмату тогда исполнилось пятнадцать лет. Он тяжело переживал смерть самого любимого человека. Его видели лежащим ничком в глубине сада и громко рыдающим. Когда был жив Кайсын, родственники и знакомые, обнимая, расхваливали его на все лады, умилялись до слез. Но после смерти отца кое-кто резко изменил к нему отношение. Дети болезненно переносят двуличие. В ту пору ему было трудно.

* * *

Не считая себя, Кайсыну приходилось содержать семь человек. За исключением Ахмата, все были взрослые, но никто не работал и были на полном обеспечении Кулиева. Бывшей жене, как нетрудоспособной, добровольно отдавал всю зарплату, а затем и пенсию. Четырехкомнатную квартиру в самом престижном районе Нальчика со всей обстановкой он тоже оставил ей. Хотел забрать только библиотеку, без которой он был, как без рук, она нужна была ему для работы, но забрать ее так и не удалось.

Чтобы как-то облегчить его положение, я хотела устроиться на работу, но он не разрешил: «У тебя хватает работы и без того». Кроме домашних дел, приходилось печатать, делать подстрочные переводы. Посетителей и гостей ежедневно бывал полон дом, им также надо было уделять внимание. Могу сказать, что свой хлеб я зарабатывала трудом, как и всегда. Видя, как мне хочется помочь ему, Кайсын был благодарен. Я с самого начала дала себе зарок: щадить, обере-

гать, помогать, как бы ни было тяжело — терпеть, посвятив свою жизнь служению божественному для меня поэту и человеку. Я ни разу не позволила себе обратиться к Кайсыну с просьбой для себя, Расула или Ахмата. Догадается — хорошо, нет — значит обойдемся. Однажды, увидев на ногах Расула порванные ботинки, отругал меня: «Почему не сказала? Если не обратил бы внимания, так бы и молчала? Что люди скажут? Подумают — Кулиев плохо относится к пасынку. Так нельзя». Поехал в магазин с Расулом.

Деньгами распорядился сам Кайсын. Мы закупили продукты для дома сразу на неделю: «В доме всегда должен быть запас. Хорошие хозяйки так поступают», — учил меня Кайсын. На какое-то время мне была доверена серьезная обязанность — покупка продуктов. Но очень скоро он отнял мои права: «Нет, Элизат, так дело не пойдет. Денег на продукты жалеть нельзя». Но сам же и говорил: «Если мне суждено было бы жить с тобой раньше, я стал бы богачом. Ты экономная, понимаешь, что откуда берется».

На рынке Кулиева сразу узнавали и не хотели брать денег. Ему было приятно такое отношение людей, но он обязательно расплачивался. Он любил орешки фундук, купит и начинает грызть тут же, а зубы крепкие, ровные — один к одному. Очистит орешки от скорлупок, наберет полную жмень и кладет мне в рот на виду у всех. «Ешь, мой козленок!» Мне неловко, а ему хоть бы что, будто никого рядом нет. Подойдет к продавцу и спросит: «Почем сохан? (лук), почем быхы? (морковь)». Не зная балкарского, но зная цену своего товара, торговец называл цену, и это веселило Кайсына. Идем вместе и вдруг чувствую, что он отстал, оглядываюсь, а он смотрит вслед, раскинув руки. «Люди вокруг, мне неловко», — говорю я. А Кайсын обезоруживает: «Ну и что? Мне нельзя любоваться своей женой?»

Покупали мне сапоги. Нагнувшись, стал примерять то одну, то другую пару, я противлюсь: «Это совсем не по-балкарски, увидят — осудят». Видели мои односельчане, но не осудили, а были удивлены его отношением ко мне.

Кайсын любил арбузы и называл себя «арбузист», разрежет его, полюбуется яркими цветами и только потом ест, да с таким наслаждением! Я любила дыни. По нашему — «хуан», поэтому меня прозвал «хуанисткой». В Ташкенте, Душанбе, Ашхабаде друзья, зная нашу слабость, первым делом отвозили нас на базар и выбирали лучшие сорта арбузов и дынь. Торговцы восточных базаров иные, чем наши. Они не мелочатся, взвесят с излишком, а передавая товар, чуть кланяясь, приложат руку к сердцу и пожелают здоровья. Ни жадности, ни суеты.

В Нальчике, на Зеленом рынке, у нас была знакомая кореянка. Она была очень красивая, и арбузы ее были крупные, сладкие. Мы всегда покупали у нее. Еще издали, заметив большие, красивые арбузы, знали, что за ними стоит наша кореяночка. Однажды ошиблись. Торговец оказался чеченцем. Его товар был еще крупней, чем у нашей красавицы. Чеченец выбрал самый большой арбуз, взвесил, но деньги брать отказался напрочь, мотивируя тем, что самая дорогая плата — это то, что он пожал руку Кулиеву и по приезде домой сможет рассказать об этом своим односельчанам.

Мыслящий глобальными образами, мастер высочайшего класса, любящим оком оценивал божью благодать. Неподкупное обаяние, простота, животворящая вулканическая энергия, исходившая от него, притягивала к себе с магнетической силой. В нем не было ничего нарочитого, он был естествен, как сама природа, и бесконечно добр.

Обычно в 9-м часу Кулиев выезжал в Нальчик, в Союз писателей, а выйдя на пенсию — в Комитет защиты мира, где председательствовал. Заодно отвозил Ахмата в школу, возвращались обратно тоже вместе. Подъехав к дому, громко сигналили. Надо было спешить открывать ворота, иначе сигналы не прекращались. Соседи вначале выглядывали, выходили на шум, но потом привыкли, знали, что это Кулиев. Заезжая во двор, спрашивал: «Ахвал кьандаи? (Как дела, настроение?» — по-узбекски, киргизски). Я отвечала: «Джудаям ахшы», — что означало — очень хорошо. По тону голоса определял мое настроение, хотя я, стараясь не выдать себя, улыбалась. Начинал допрашивать и, куда не узнает причины плохого настроения, не успокаивался.

Ему было не обязательно ездить на работу каждый день, но из-за Ахмата, который часто просыпал, приходилось садиться за руль и отвозить к началу занятий. Я просила не делать этого, боясь, что чрезмерное внимание может испортить ребенка. Кайсын соглашался со мной, но делал, как считал нужным. Они продолжали путешествовать из Чегема в Нальчик и обратно. Ахмату нравилось ездить с отцом, потому что он не был строг и, как я узнала позже, баловал его разными сладостями, давал деньги на разные мелочи. Особенно нравилось обоим обедать в пельменной. Вот почему просыпал наш сынок. Я сказала ему об этом, но Кайсын, заговорщически переглянувшись с Ахматом, посоветовал не лезть в дела мужчин: «Иначе объявлю бойкот и не буду тебя брать с собой. Научу Ахмата водить машину, и мы будем ездить с ним, а ты живи в своем Нальчике. Тебе же не нравится Чегем».

— А как же вы проживете без меня?

— Как-нибудь проживем, правда, Ахмат?
Ахмат соглашался.

— Значит, так?! Отец и сын сговорились против меня! Хорошо, посмотрим...— Сделав обиженный вид, я отходила от них, а они, смеясь, успокаивали. «Папа шутит, не понимаешь что ли?» — говорил сын. «Шучу, конечно. Куда мне без тебя? Иди ко мне, элегиячыгъым, капалайчыгъым»...

Когда Кайсын собирался куда-нибудь, Расул и Ахмат помогали ему одеться, обуться, а когда возвращался, не позволяли нагинаться и сами разували его: «Молодцы! Мама правильно вас воспитывает», — хвалил их Кайсын. Возвратившись с занятий, они первым делом обнимали и целовали Кайсына, потом здоровались с гостями. Даже наш любимый Коланчик, которого Кайсын купил по моей просьбе, относился к Кайсыну особенно, будто чувствуя его значимость. Сидим в гостиной, дети играют, резвятся с ним, а он лает, прыгает, пытается кусать; Кайсын, сидя в кресле, молча наблюдает. Стоит заговорить ему, только что шумевший песик умолкает и, сев на задние лапки, внимательно смотрит на хозяина, видимо, размышляя: «О чем говорит этот большой добрый человек, так любящий нас, животных?»

Коланчик заболел чумкой. Кайсын в это время лежал в больнице. Мы плакали от страха, что пес умрет, но Кайсыну не сообщали, зная, как он расстроится. Очень хотелось увидеть их встречу после того, как возвратится из Москвы Кайсын. Соседи посоветовали отвезти песика к фельдшеру Щедрину, который жил в Чегеме. Узнав, что ветеринар, носящий фамилию знаменитого композитора, кабардинец, были удивлены. «Мы не позволим собачке Кулиева умереть», — сказал Щедрин, сделал укол и наказал кормить его сырыми яйцами. После нескольких инъекций он выздоровел. Приехал Кайсын. Но Коланчик разочаровал нас, не бросился к нему навстречу, как делал обычно, а стоял в нерешительности. Кайсын пожурил: «Что, Колан, не узнал меня?» И вдруг песик кинулся к хозяину с таким звонким, ликующим лаем!.. «Узнал, узнал! Не забыл после долгой разлуки!» Мы рассказали о болезни Колана и о фельдшере Щедрине, вылечившем его. Надо было, чтобы выжил Коланчик ради этой восторженной встречи.

И опять мы играем с ним, и снова заговорил Кайсын, а песик, вновь сев на задние лапки, внимает словам своего хозяина. Мы думали — это просто совпадение, пока не убедились, что даже такое малое существо выражает своим вниманием почтение к замечательному человеку.

Все бездомные собаки собирались у нашего дома, мы их не прогоняли, а, поехав в магазин, покупали калачи, ливерную

колбасу. Я иногда говорила продавцам, для кого предназначена колбаса, но они, за редким исключением, знали: «Нестесняйтесь, пожалуйста. Мы знаем, что у вас много кошек и собак». Кайсын после больничных волнений бывал дома спокоен. Писал стихи, среди которых есть посвященные псам: Бойнау, Коланчику, Красному Фуку, Жубу; кошкам: Солману, Хажосу, Токою. Странно, что красавец Абрек остался в стороне, о нем нет ни слова, но есть фотография.

Кайсын мог запросто поехать в город в кирзовых сапогах. Мои уговоры не делать этого пропускались мимо ушей: «Эли-зат, мне так удобно, а люди, если им интересно, пусть смотрят». А они действительно удивлялись и говорили: «Глянь, Кайсын Кулиев в кирзовых сапогах!»

Кани, сестра Кайсына, просила меня не разрешать ему выходить в город в таком виде. Я передавала Кайсыну просьбу сестры, но и это на него не подействовало. Когда не соглашался со мной, он говорил: «Театральщина» или же «кучуковщина», «шарифаевщина!» (Кучуков, народный артист РФ, был его приятелем, он называл его «Народный». Шарифа Кучмезова, прекрасная многоплановая актриса, была партнершей Кулиева в пьесе «Фуэнте Овехуна». Она играла роль Лауренсии, а он — Фрондосо. Шарифа говорила впоследствии, что такого великолепного партнера, как Кайсын, она больше не встречала. Художественный руководитель балкарской студии Илья Яковлевич Судаков прочил будущему поэту такие трагические роли, как Урнель Акоста, Отелло, Гамлет, король Лир, а когда гитисовцы уезжали домой, попросил беречь Шарифу Кучмезову, как талантливую актрису. Она сожалела, что ее любимый партнер оставил ГИТИС и выбрал иную стезю.)

Не могу не рассказать о том, как Кулиев любил кормить своих кошек и собак. Встав около времянки, он подзывал их к себе. Красный Фук, подбежав первым, выхватывал и куски, предназначавшиеся для других. Он был эгоистом. «Видно, раньше ему жилось туго, потому и стал таким», — говорил Кайсын. Бедному Токою от него не было житья. Выскочит иногда бедолага кот через форточку, чтобы погулять, а Фук рычит ему вслед. Дождавшись темноты, Токуй возвращается домой, но его подстерегает его злейший враг. Он хочет пройти незамеченным, но пес не дремлет. Часа в два, а может, три ночи, услышав жалобное мяуканье, Кайсын встает. Зовет кота, а он сидит на крыше навеса и не думает спускаться вниз. Полчаса бьется Кайсын, но уговоры тщетны, страх перед Фуком сильнее, поэтому приходится искать иной выход. Приставив лестницу к крыше навеса, наконец, подзывает кота к себе и, взяв его на руки, спускается вниз, отгоняет пса

и впускает Токуя через форточку. И такая картина происходила часто. Фук и Токуй вместе не уживались, но избавиться от Фука и обречь животное на бездомность Кайсын не мог. Вот так и жили Токуй и Фук, два непримиримых врага, мечтавая избавиться друг от друга. Если Фук был эгонист, то Коланчик был джентльмен. Он откуда-то привел лохматую старую собачку неизвестной породы. Мы с Кайсыном тогда были в Москве. Когда вернулся домой, Колан подбежал к нам, а потом к этой собачке. Он это проделал несколько раз, как бы желая сказать: «Вот, посмотрите, какую гостью я привел, пожалуйста, приоттите ее тоже!» Он так просительно смотрел на нас, как можно было отказать джентльмену и романтику? Пока Жубушка не поест, Колан не притрагивался к еде. Голос у него был звонкий, как колокольчик. Живой, добрый песик, всеобщий любимец. А наша лохматенькая почти не подавала голоса, она любила спать и смешно похрапывала во сне. Для полной деревенской идиллии нам не хватало домашней птицы, и Кайсын решил купить цыплят. Мы развели кур, индюшек, но не резали их, потому что не смогли бы есть мясо существ, возвращенных своими руками. Главного индюка Кайсын назвал Диммо, что означает «глупец», а его жену — Дочь Гекке. Жила некогда в Чегеме девушка, не очень отличавшаяся умом.

Дочь Гекке, перелетая через забор к соседям, замучила меня и своего благоверного, мне приходилось бегать за ней и загонять во двор. Кулиев, давая клочки, попадал в самую точку, определив безошибочно суть. Прозвища, данные им сокурсникам во время учебы в ГИТИСе, прочно закрепились за ними до старости.

* * *

Былые картины веренищей проходят перед глазами: вот Кайсын подходит к немощной старенькой женщине, продающей сморщенные яблочки, покупает их и дает ей большую сумму, а она: «Сынок, я не могу разменять». Он уходит, оставив ее в недоумении.

— Если хотели ей помочь, то дали бы деньги просто так, зачем вам эти яблочки, их и есть-то нельзя, — говорю я ему.

— Нет, Элизат. Так она могла бы оскорбиться, а получив деньги за яблочки, будет считать, что получила за свой труд. Она поливала яблоню, собирала ее плоды, пусть плохонькие, но она трудилась, несла их на рынок, еще и простояла долго...

— Но никто, кроме Кулиева, не догадался купить их, да?

— Ничего. Зато сегодня ее труд прошел не даром.

Приезжая из Москвы или из других мест домой, Кайсын обязательно привозил подарки. Делать людям приятное Кулиеву доставляло огромное удовольствие, хотя у самого было невпроворот депутатских и других дел.

Едем с ним на работу. Подъезжая к Нальчику, Кайсын видит на противоположной стороне улицы пожилых людей или женщину с ребенком на руках, ждущих транспорт, он возвращается, сажает их в машину и отвозит до нужного им места, лишь потом возвращается на свой, ранее намеченный, маршрут. Так бывало всегда.

Идем с ним на чегемский рынок купить мяса. Машины снуют одна за другой. Пожилая женщина боится перейти улицу. В руках у нее вдобавок ко всему еще и тяжелая сумка. Рядом стоит молодой человек. Она искоса поглядывает на него, но парень не обращает на нее никакого внимания. Начинаем переходить улицу. Женщина под тяжестью груза с трудом передвигает ноги, а парень — руки в брюки — шагает, не реагируя. Кайсын, не выдержав, спешит на помощь. Берет сумку и помогает перейти улицу. Остановливает парня, стыдит. Тот было собрался огрызнуться, но, узнав Кулиева, краснеет и извиняется.

— Так ты еще и балкарец? Разве тебя не учили старше, как надо относиться к пожилым людям? Наверное, решил забыть? Больше так никогда не делай. Когда-нибудь и ты постареешь. Ты сильный парень, а она старенькая, вот возьми ее сумку и отнеси, куда она скажет...

Сколько раз Кайсын отвозил людей из больницы домой. Увидев Кулиева, совершенно ему незнакомые люди просили его доставить их в тот или иной район, уверенные, что он никогда не откажет. Кулиев пользовался непререкаемым авторитетом у народа. Такой огромной, искренней любви не удостоивался ни один человек в нашей республике, и это неопровержимая истина.

* * *

Талант — явление редкое.

В 1942 году национальная комиссия Союза писателей СССР передала Б. Пастернаку стихи Кайсына Кулиева для книги «Горы мои», которая готовилась к изданию в Гослитиздате. Борис Леонидович, прочитав их, ответил: «Я не могу взяться за перевод стихов такой силы, не зная языка оригинала. Образы, производящие подобные впечатления, бывали у меня и у молодого Маяковского».

В конце 1942 года, перед отъездом на Сталинградский фронт, Кулиев позвонил Пастернаку. Великий поэт сказал Кайсыну: «Вы берегите себя. Над Вашей головой сошлись стрелки часов Востока и Запада. Вы не думайте, что это романтический бред. Я говорю Вам вполне реально».

Анна Ахматова была наслышана о молодом поэте. Ей нравились его стихи, и она просила друзей познакомить ее с ним. Много добрых слов услышал Кулиев из уст легендарной женщины. Последний раз Кайсын виделся с ней накануне ее смертельной болезни. В тот день их беседа длилась три часа. Не всех удостаивала такой высокой чести Ахматова. В основном говорила Анна Андреевна, а Кайсын внимательно слушал ее. В той беседе Кулиев обронил такую фразу: «Я сын крестьян, не знавших грамоты». «Но выдающийся поэт!» — ответила она.

Знаток мировой литературы, эрудит, он и в дни тяжелой болезни не расставался с книгами. Когда не хватало сил читать самому, просил меня. В Кунцевской больнице была обширная библиотека, и я оттуда приносила Кайсыну книги. Прилежный и благодарный ученик, щедрый и благородный, он готов был учиться у всех и говорил об этом открыто. Но это не означало, что Кулиев занимался перепевами чужих мыслей. У него есть свой, не похожий ни на кого, почерк, свой неиссякаемый источник вдохновения, откуда черпались и выходили на свет эмоционально насыщенные стихи божественной красоты и силы. Ему, как никому, удавалось писать просто, доступно о самом глобальном и сложном. Не имея ни малейшего желания удивить, — удивлял, восхищал динамизмом, вулканической энергией. В нем горела божья искра, лежали на нем божья благодать и благословение, поэтому и способен он был охватывать миры.

Немалую роль в творчестве поэта играла и переводческая деятельность. Поэт переводил на балкарский язык стихи Пушкина, Лермонтова, а в годы ссылки киргизские произведения переводил на русский язык. Будучи студентом ГИТИСа, перевел «Фуэнге Овехуна» («Овечий источник») Лопе де Веги. К сожалению, перевод этой пьесы не сохранился, но «Кровавая свадьба» Г. Лорки дает возможность судить о мастерстве переводчика. Такое чувство, что пьесу писал сам Кулиев, так совершенен этот перевод. Кайсын Кулиев, живя — удивляясь, удивлял своим талантом и других.

...Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.

Он никогда не козырял знаниями, общаться с ним было легко и просто, не надо было прибегать к помощи словарей. Он говорил, что ничем не опорочил лица, не замарал рук: «Элизат, ты можешь жить с гордо поднятой головой!» Его пытались использовать в гонениях на Пастернака, Сахарова, Солженицына, но сломить несгибаемую волю и совесть Кулиева было невозможно. Он очень сожалел, что не мог навестить ссыльных Сахарова и Елену Боннер. Ее Кайсын называл Леночка Алиханова. Ему передали, что Лена в обиде на него, но что Андрей Дмитриевич понимает положение Кайсына и не в обиде. Это мало утешило его, он был сильно расстроен: «Если бы не сыновья... Только за них страшно. Попадут к «красным воротникам» — не выдержат, сломаются. Сам-то я стреляный воробей. Ничто другое меня не оставило бы».

Кулиев, месяца за два до смерти, получил две открытки: одну из Калифорнии, другую из Бостона, их в архиве поэта я не нашла, текст по этой причине воспроизвести в точности возможности нет, но помню, что друг и переводчик Кулиева Наум Коржавин подбадривал Кайсына. За рубежом находились друзья и почитатели поэта, которые переживали за него, желали здоровья, веря, что их великий друг преодолет и эту беду.

Чем значительней человек и выше его дар, тем он скромней. Эту истину я поняла еще учась в институте, а узнав Кулиева поближе, укрепились в правильности этой мысли. Вот пример. Украли Бэлочку. Кайсын бросился на поиски. Только через день мы узнали, где она. На перемирие с новыми родственниками Кульбаевы поехали во главе с Кулиевым. Папа с мамой не были подготовлены к свадьбе. Увидев расстроенное лицо мамы, Кайсын возложил все хлопоты на себя: «Не расстраивайтесь так, все будет хорошо. Вам не придется краснеть, не переживайте!» Ездил, доставал все необходимое сам, вплоть до посуды. Благодаря его усилиям свадьба прошла хорошо, мои родители были довольны. За торжественным столом, как и подобает зятю, Кулиев сел с краю, хотя его просили сесть рядом с тамадой.

Он всегда отличался добротой, смелостью и находчивостью. Был такой случай. Основоположник балкарской поэзии Кязим Мечнев был религиозен и поэтому в те годы открыто о нем не писали. Но Кулиев и в эпоху атеизма не боялся выражать своего мнения и восхвалял Кязима. Бетал Калмыков, первый секретарь обкома, несмотря на противоречивость своей личности, сразу оценил талант молодого Кулиева. Видно, ему нравилось его мужество. Зная, как любит Кулиев Мечнева, Бетал Эдыкович, пригласив Кайсына к се-

бе, наказал привезти Кязима из аула Шыки, дав ему свою служебную машину. Выполнив наказ, молодой человек хотел оставить Мечиева наедине с главой республики, но Калмыков попросил Кулиева присутствовать при их беседе, которая продолжалась долго. Доставив старца домой, Кайсын опять вернулся в Нальчик и, как было велено, зашел к секретарю обкома. Расспросив Кулиева о том о сем, Бетал Эдыкович предложил поэту переселиться в благоустроенную квартиру, но Кулиев, поблагодарив его, отказался. Последовала многозначительная пауза, после чего секретарь сказал: «Уже поздно, но за ночь надо будет успеть написать о Мечиеве обширную статью. Что успеешь, то и принесешь».

Наутро, ознакомившись с написанным, Калмыков одобрил, велел перепечатать и отнести в газету: «Если редактор вдруг начнет артачиться, позвони мне по такому номеру». Быстро отпечатав статью, Кайсын поспешил в редакцию газеты. Редактор спросил: «Зачем ты пришел, парень?» Кулиев протянул ему статью: «Напечатайте». Бегло просмотрев текст, начальник усмехнулся: «Ты хочешь, чтобы в моей газете было напечатано про Мечиева? Никогда! Я пока не сошел с ума!» Тогда Кайсын подошел к висевшему на стене телефону, набрал номер и сказал: «Кулиев говорит. Редактор отказывается!» И голос Калмыкова: «Ну-ка, передай трубку этому дураку». Человек, только что чувствовавший себя если не богом, то полубогом, насторожился: «Кто это?»

— Узнаете. Но вам я не завидую.

Незадачливый чиновник, услышав голос и узнав Первого, стал по стойке «смирно». Сначала побледнел, потом стал покрываться красными пятнами: «Слушаюсь, Эдык Беталович, будет исполнено, Бедик, Бедик, Эдик, нет не то... Бетал Эдыкович». Постояв с трубкой в дрожащей руке, наконец догадался ее повесить. Человека словно подменили. Он вертелся вокруг Кайсына, как юла, будто перед ним стоял сам Калмыков. Усадив его, стал рядом и, подобострастно склонившись к нему, извинился. Его очень интересовало — кем доводится молодой человек Калмыкову. «Надо было сразу сказать, что это поручение Бетала Эдыковича Калмыкова — первого секретаря обкома ВКП(б). Статья, молодой человек, написана великолепно, мне впервые приходится читать такой материал, какой язык, стиль... Я распоряджусь, она выйдет завтра же! Бетал Эдыкович порекомендовал...»

Кайсыну было неприятно видеть и слушать его, но он сдерживал себя. Редактор был старше его вдвое.

«Эта статья была очень важной тогда,— говорил Кулиев,— она для нас играет положительную роль и сегодня...»

Пропагандируя творчество Мечнева, Кулиев стал первоходцем. Быть первым — всегда трудней. Идти по проторенной дороге куда легче.

Во время войны Кулиева в одном поселке ошибочно поселили в доме, предназначенном для генерала. Только он прилег, заходит человек: «Я — генерал такой-то!» А Кайсын ему в ответ: «А я — Кайсын Кулиев!» Генерал, извинившись, быстро вышел и больше не беспокоил. Видимо, подумал, что звание Кулиева еще выше.

Давид Кугультинов любил рассказывать об одном инциденте, произошедшем в Кремле. Генеральный секретарь пригласил к себе самых именитых поэтов. После беседы с ними состоялся обед. Когда Кулиеву дали слово, Кайсын, вместо тоста, обратился к главе страны с вопросом: «Леонид Ильич! Когда же, наконец, у нас прекратится это очковтирательство?» Все замерли в напряженном ожидании грома и молнии. А Кулиев продолжил: «Посмотрите на нашего уважаемого Сергея Владимировича Михалкова! Он, думая, что провел нас, пьет вместо коньяка сидро! Это же чистое очковтирательство...» Брежневу шутка понравилась, и он рассмехался.

Кулиев не раз подвергался критике за то, что часто воспевал родные горы, величавый Эльбрус. В «Горской поэме о Ленине» он писал:

За то, что часто я пишу о них,
Меня мой критик судит однобоко,
Товарищ Ленин, думаю, мой стих
Не заслужил подобного упрека.

В малом зале Дома политпросвещения обкома партии проводился пленум по идеологическим вопросам. С докладом выступал первый секретарь обкома КПСС Т. К. Мальбахов. Кайсын сидел рядом с Розой Карабугаевой, которую неизменно называл «мусульманка». Слушая доклад, он просматривал книгу стихов Рюрика Ивлева, которую купил перед началом пленума, в фойе. Вдруг Мальбахов опять стал критиковать Кулиева: «Кайсын, пора вам спуститься с гор на равнину».

Кулиев, резко вскинув голову, оторвался от книги и посмотрел на докладчика, но ничего ему не ответил. Сделав на книге дарственную надпись: «Розе, и впрямь лучшей розе нашей земли!» встал, взяв книжку двумя руками, широким жестом преподнес ей. Потом прошел мимо президиума, сделал «почетный круг», и покинул зал. Подавить независимость Кулиева было не под силу и высоким чинам.

Он вспоминал годы изгнания, рассказывал о том, как

приходилось ему работать в неволе: «Сколько произведений киргизских писателей пришлось переводить на русский язык! Если собрать эти бумаги вместе, они не вместились бы в эту комнату. А свое писать можно было только скрытно».

Кулиев всегда говорил, что придет день торжества справедливости. Считал, что балкарцы должны помнить Никиту Сергеевича Хрущева и быть благодарными ему. Но не всегда и не всеми одинаково и по достоинству оцениваются добрые деяния. Почему-то больше помнят о белой муке, которой не стало на короткое время, забыв при этом, как лежал в изобилии бесплатный хлеб на столах в столовых. Этим хлебом люди откармливали домашних животных. Благодаря этому хлебу, мы, студенты, голодными не были.

Весть об освобождении переселенцев воодушевила народ, и он стал собираться в дорогу. Но первый секретарь ЦК Компартии Киргизстана Исхак Раззакович Раззаков хотел оставить балкарцев и карачаевцев у себя. Он предлагал нам самую живописную и богатую горную область. Мы могли иметь отдельную автономию в горах Тянь-Шаня, пользоваться всеми правами наравне с киргизами. Уговаривали остаться и некоторые земляки, мотивируя тем, что народ прижился в Киргизии, стал родным, а на исторической родине ничего не осталось: нет домов, дорог... «Там мы ели кукурузный чурек, а в Киргизии—вкусный пшеничный хлеб, и хычины из этой муки получают отменные...» Доводы были верные, народ мог бы остаться, если бы нас не притягивала к себе земля предков. «Народ должен жить у себя на родине, а за насильственный акт вандализма народу должны принести извинения!» — твердил Кулиев. «Тянь-Шань напоминает наши горы — богатейшие пастбища, прекрасный климат, отношение к нам киргизов, казахов мы никогда не забудем, мы благодарны им, но нас ждут наши горы, наш величавый Эльбрус, земля наша. Там не осталось домов, дорог,—согласен. Но их нет, потому что нет меня. Буду я (имеется в виду — народ) — буду и дома и дороги. А насчет муки скажу так: кукурузный чурек не хуже пшеничного — им питались нарты... Ни в чем неповинный народ должен быть обязательно реабилитирован, и мы дождемся этого!» Кулиев вернулся на родину, не дожидаясь официального указа, вышедшего в 1957 году, он приехал на родину уже в 1956-м. Во время войны А. Фадеев, Н. Тихонов, Б. Пастернак, К. Симонов и другие писатели хотели спасти жизнь Кулиеву и просили его остаться в тылу, но он после госпиталя продолжил борьбу с фашизмом. Было разрешение Иосифа Сталина, и Кулиев мог жить везде, кроме самой Москвы и Ленинграда. Поблагодарив ходатаев, поэт решил быть там, где находился его народ. Кулиеву должны

были дать Сталинскую премию, но в связи с высылкой он ее не получил и не жалел об этом. В Средней Азии Кайсын приносил немало пользы нуждающимся. Он до конца остался верен себе, литературе, своему народу. Его оберегали друзья, хранила Судьба — за верность, за то, что никогда не совершал сделок с совестью.

* * *

В 1971 году, на похоронах А. Т. Твардовского, Кайсын сильно простудился и лег в больницу. Тогда и обнаружили у него опухоль. Дважды сделали биопсию — опухоль, якобы, оказалась доброкачественной. Выписывая из больницы, врач посоветовал ежегодно приезжать и проверяться, но Кулиев ни разу не был на проверке. В восьмидесятом году Ахия Ахматов сказал мне по секрету, что у Кайсына со здоровьем не в порядке, он обнаружил кровь и связано это с урологией: «Не выдавай меня. Он не хочет, чтобы ты знала об этом...» Вечером пришел Кайсын, я не стала скрывать от него, что мне известно стало от Ахии, и собралась позвонить профессору Таукенову — лучшему урологу нашей республики, но он попросил не беспокоить Магомед Тамуковича: «Я еду на сессию ВС и сразу после окончания лягу на обследование, я тебе обещаю». Я заставила его поклясться «душой покойной матери», зная, что клятву эту он не забудет и выполнит.

Волнение, к сожалению, оказалось не напрасным. С этого года начались наши муки, надежда на улучшение здоровья Кайсына то воскресала, то угасала. Сколько бессонных ночей прошло в страхе за его жизнь, сколько было пролито слез. Он ездил на проверку, регулярно лечился. Когда на время отпускали из больницы, несмотря на боли, продолжал ездить на сессии, конференции... Просыпался, как всегда, на рассвете, продевал ноги в брюки, одевал сорочку и был готов к труду. Он это делал с такой быстротой, что пришлось его попросить: нельзя резко вставать, проснувшись, надо немного полежать, а потом встать, ведь может закружиться голова. Замечание принял, как новое открытие, но продолжал делать по-своему. Вечный солдат, готовый идти на выручку!

Кайсын никак не мог закончить роман «Была зима». Из редакции постоянно звонили, а он все время просил перенести время сдачи рукописи. Однажды утром Кайсын предупредил меня, чтобы я сегодня никому не открывала калитку.

— Сегодня меня ни для кого нет. Надо срочно закончить роман, неудобно перед редактором, совсем затянул.

— А если придут свои?

— Мне надо работать, Элизат.

Вскоре раздался звонок. У калитки стоят старик с посохом в руке и молодой человек: «Кайсын дома?» Нет ничего трудней, чем говорить неправду, но что делать? Чувствую, как краснею от стыда, но послушаться Кайсына тоже не могу: «Его нет».

— Когда придет, скажешь, что приходил Трамов Ахмат.

Они сели в красные «Жигули» и уехали. Я не раз слышала от Кайсына теплые отзывы об этом человеке, а увидела его впервые. Он заметил мою растерянность и без слов понял все. Я готова была сквозь землю провалиться. Расстроенная, зашла в дом. Кайсын спросил: «Кто приходил?» Я ответила: «Ахмат — эфенди из Яникоя». Кайсын всполошился, быстро встал: «Где он? Зови его сюда!»

— Уехал.

— Как уехал? Почему ты не позвала его в дом? Он старый, уважаемый человек, пришел по важному делу. Больной, с хромой ногой!..

— Но вы же сами велели никого не впускать.

— К Ахмату это не относилось. Догони его и позови!

— Я же сказала, что они уехали на машине.

— Я сам к нему поеду. У него какой-то серьезный вопрос, не такой у него характер, чтобы беспокоить человека по пустякам...

* * *

Отказавшись от химиотерапии, он решил попробовать препарат грузинского лекаря «Катрэкс». Из Тбилиси мы везли препарат в термосе с широким горлом. Иногда Кайсыну приходилось ждать в гостинице, пока Алик Гочечиладзе не возвратится из Поты, где ловили маленьких акул-катрань, из плавников которых изготавливали лекарство. В эти годы мы ездили в Тбилиси, скрываясь от грузинских друзей. Узнав об этом, в Чегем позвонил Ираклий Абашидзе и с обидой сказал: «Кайсын, если в вашем поселке нету гостиницы, то я построю и приеду в Чегем, чтобы поселиться не у тебя в доме, а в гостинице, как это сделал ты. Не ожидал от тебя такого...» Кайсын не хотел показываться им в таком состоянии, не хотел огорчать и утруждать друзей. Но они обиделись и не принимали никаких доводов.

Мы продолжали поездки за «Катрэксом». Алик уверял, что через двадцать — тридцать инъекций состояние Кулиева улучшится, но даже двести с лишним ампул чудодейственно-

го новшества не помогли. «Наверное, это тоже своего рода промысел, Элизат», — говорил отчаявшийся Кайсын. Я не могла и мысли допустить о том, что можно играть ради денег человеческой жизнью. Когда Алик позвонил в больницу и узнал, что его «детище» не помогло Кулиеву, был искренне огорчен. Медицина была бессильна перед этой коварной болезнью. Кайсын предполагал, что она может переходить по наследству: «Это у меня по материнской линии. Моя бабушка умерла от рака. Они тогда не знали, что это за болезнь. Сестра Марьям тоже умерла от этой болезни, а теперь, видно, моя очередь...»

Кайсын хотел повезти Ахмата в Дубулты. Я отговаривала его, не представляя, как можно с таким здоровьем куда-то ехать, но он протестовал: «Я обещал Ахмату и сдержу обещание. Детей обманывать нельзя. Он должен увидеть этот райский уголок!..»

Мы поехали. Дубулты, действительно, райский уголок — неописуемая чистота и порядок. Туда с разных концов страны приезжали знаменитые люди. Ахмат быстро сдружился с Робертом Рождественским, Яковом Козловским, Юлием Эддисом, Зиновием Паперным, Эммануилом Фейгиным и их семьями... Как же радовался Кайсын, когда каждый день к нашему столу в столовой подходили отдыхающие и расхваливали Ахмата. Долго не подходила лишь одна высокая интересная дама. Но к концу нашего отдыха подошла и она, на что Кайсын уже не надеялся. Поблагодарив ее за теплые слова, Кайсын весело сказал: «Ну, Ахмат! Если ты сумел ее покорить, то пять тебе с плюсом! Только боюсь, как бы не перехвалили тебя, вдруг испортишься».

— Не испортишься!

Кайсын и Ахмат купались, а я боялась холодной воды, но все же раза два поплавала в море. Нам нравилось гулять по прибрежному песку, он был светло-желтого цвета и теплый. Погода, на наше счастье, ни разу не испортилась. Кайсын приносил билеты, и Ахмат, можно сказать, исколесил чуть ли не всю Латвию. Мы несколько раз слушали органную музыку в Домском соборе. Кайсыну хотелось возместить Ахмату все то, чего он был лишен, а главное — его ласки и внимания. Они ложились вместе — лицом к лицу, смешивая дыхание. В такие часы, глядя на них, моя душа наполнилась радостью и щемящей болью одновременно. «О, Господи! — шептала я, — продли жизнь Кайсыну, продли! Не дай нам потерять его. Избавь нас от новых испытаний!..»

Жизнь и Судьба, как пути Господни, несповедимы и неизбежны. Как трудно дается счастье и как его удержать во-

дольше, если все предписано заранее и от судьбы защиты нет?..

Мы продолжали свой отдых, радуясь солнечным дням, не успевая насытиться, нарадоваться друг на друга, уносясь в ирреальный мир!..

Вернувшись домой, мы вновь занялись поисками методов лечения Кайсына.

Его друг и переводчик Лазарь Шерешевский рассказал нам о врачах Бурятии. Мы связались с министром культуры этой республики Дамбой Жалсараевым, и он договорился с Галданом Ленхобоевым, который обещал принять Кайсына. Филиал тибетской медицины находился в Улан-Удэ. Я предложила поехать туда и лечь в больницу, чтобы врачи и народные целители могли лечить его общими усилиями. Предложение было принято, но поехать вместе с Кайсыном я не смогла по причине, которая могла показаться для кого-то из окружающих парадоксальной — для совместной поездки не хватило денег. Ведь многие считали Кулиева чуть ли не миллионером. Кайсын отправился в Улан-Удэ один, денег мы так и не смогли занять. Отправлять Кайсына одного в такую даль (9—10 часов полета) было рискованно, но делать было нечего.

В Улан-Удэ Дамба Жалсараев встретил Кайсына в аэропорту и повез его в дацан, к ламам. Лекарь Галдан Ленхобоев по пульсу определил недуг Кайсына и, чтобы утеплить кровь, дал необходимые травы. Ложиться там в больницу он не захотел и прилетел домой.

Даниил Долинский, переводчик и наш хороший друг, позвонил из Ростова и попросил приехать Кайсына к экстрасенсу Юрию Крымскому. Первый сеанс оказался действенным — трое суток Кайсын спал хорошо, но потом боли возобновились. Особенно не давала покоя левая нога. Экстрасенс намазал ее яблочным уксусом и она стала чесаться. Днем я не позволяла ему чесать, поглаживая ногу, рассказывала что-нибудь, отвлекая его внимание. Ночью, скрывая от меня, он расчесывал ногу до крови, а потом вдобавок заставлял Крымского снова мазать ее уксусом. Как я и предполагала, жидкость въелась в ранки, и нога вздулась. В гостиницу, где мы находились в это время, привезли хирурга Лакшину. После ее осмотра пригласили для консультации военного хирурга, т. к. у Кайсына болела раненая на войне нога. Хирург оказался боевым товарищем Кулиева. Они стали вспоминать прошлое, Кайсын немного ожил. Врач (имени, к сожалению, не помню) сказал: «Нужна срочная операция». Но на следующий день, придя в палату, отказался оперировать

и предложил везти в Москву, аргументируя свое решение тем, что лучше кремлевской больницы нет. В Ростове Кайсына лечила красивая женщина с огромными синими глазами. Она любила стихи Кулиева и читала нам. Мы были ей очень благодарны за ее чуткость. В больницу проведать Кайсына приходили многие, хотя мы старались скрыть свое пребывание в Ростове. Но скрыть ничего невозможно. Приходили Даниил Маркович Долинский с женой Галей, Елена Нестерова, Виктор Стрелков и другие поэты. Первого секретаря Ростовского обкома А. В. Власова в это время в городе не было. Узнав, что Кулиев лежит в ростовской больнице, просил передать свои добрые пожелания. Отдыхая далеко от Ростова, он давал указы, чтобы за Кулиевым был надлежащий уход. При первой же возможности он собирался приехать, чтобы проведать Кайсына, но он сказал: «Передайте моему другу мою благодарность. Не надо из-за меня прерывать отпуск, мы скоро уезжаем домой».

Я хотела везти Кайсына в Москву и уже собиралась заказать билеты, но он настоял на возвращении домой, ссылаясь на одно очень важное дело, которое не терпит промедления. Но не стал говорить — какое.

Приехав в Чегем, написал духовное завещание и поехал в ЗАГС, чтобы дооформить свидетельство о рождении Ахмата (копия документа хранится у меня в архиве). Дело, начатое до того, как он лег в больницу, оставалось незавершенным, вот почему он рвался домой. «Все руки не доходили. Ну, наконец-то, я спокоен теперь, слава Аллаху!» Дома, обняв сына, сказал: «Ахмат, с этого дня ты будешь носить свою настоящую фамилию — Кулиев Ахмат Кайсынович! Ты доволен?» Отец, сын и мать были довольны, до остальных дела было мало. Всяк, кому было не лень, толковал, как ему заблагорассудится. Мы жили своей жизнью, никого не трогая. Моему старшему сыну Кайсын объяснил, что не может усыновить его: «Расул, у тебя есть отец, слава Богу. При живом отце я не могу тебя усыновить, потому что это грех. Ты уже большой и поймешь — иногда жизненные обстоятельства бывают сильнее нас. Я должен был выполнить свой отцовский долг перед Ахматом и выполнил его. А про вашу маму скажу так: она чистый, честный и очень добрый человек. Я хочу, чтобы вы оба знали и всегда помнили об этом. Вы должны почитать ее, любить и слушаться. А тебе, если буду жить, помогу во всем, чем смогу. Я тебя тоже очень люблю, ты хороший парень». Расулу шел девятнадцатый год и он, конечно, понимал ситуацию, в которой нам пришлось жить эти годы, хотя, может быть, и не полностью. Кайсын мог зарегистрировать Ахмата еще раньше, но для этого надо было обра-

щаться в суд, чего он не переносил органически, поэтому и пришлось ждать, пока ребенок не станет постарше, чтобы мог сам дать письменное согласие.

Вручив в руки сыну свидетельство о рождении, Кайсын продолжал: «Поздравляю тебя, Ахмат. У тебя теперь, кроме Расула, еще три брата — Эльдар, Алим и Азамат! Хорошо, когда братьев много...» Немного помолчав, в раздумье, произнес: «Скоро ты вырастешь, женишься... А ну-ка скажи, на ком женишься?»

— На балкарке.

— Ай аперим, сынок! Я хочу, чтобы мои внуки разговаривали на родном языке. А кем ты будешь, когда вырастешь? Хотя, что я спрашиваю? Большим чиновником! А мой чин — пачкать белую бумагу. Я хочу посвятить тебе книжку «Скачи, мой ослик!». Хочешь?

— Хочу.

— Там и про тебя есть немного. Считай, что повесть твоя! Ты поскачешь на белом ослике вперед, как я в детстве. Желаю тебе счастья, сынок...

Оставшись с Кайсыном наедине, я выразила сомнение в том, что его сыновья от другой жены захотят признать Ахмата своим:

— Но это никак не меняет дела. Ахмату я сейчас нужен больше. Не бойся, пока я жив, в обиду не дам. Все будет хорошо.

Пока он был жив, было так...

Помню случай. В один из весенних солнечных дней, по поручению Кулиева, Ахия Ахматов привез меня в Чегем. Сад был весь в цвету. Налюбовавшись красотой и послушав новые стихи поэта, мы пошли к автобусной остановке. Кайсын и Ахия провожали меня. Рядом с хозяином шел его верный пес Бойнак. Пожилой человек, стоявший рядом с мальчиком, ударил собаку палкой. Кайсын спросил, почему он тронул его Бойнака?

— Он может укусить моего внука.

— Он никого не кусает.

— Что ты так его защищаешь, это же собака, он человек что ли?

— Этот пес умней тебя. Ты, видно, плохой человек, злой, потому что не любишь животных, бьешь их! — распалился Кайсын. Ахия стал извиняться перед незнакомцем и схлопо-

таг гнев Кулиева: «Ты тоже не лучше его. Ты также не любишь животных. Изжай к себе домой! Автобус подъезжает. Бойнак, пойдём!» Повернувшись к нам и приложив два пальца к виску, сказал: «Честь имею!» — и направился к дому. В автобусе Ахия критиковал аксакала: «Как можно ругаться из-за собаки!» А я улыбалась, представляя возмущенное лицо Кайсына, бросавшего незнакомцу гневные слова. Обидели его Бойнака, действительно, очень доброго, безобидного пса. От досады даже не попрощался со мной, как обычно, тепло. Но, Господи, как я люблю этого человека, необыкновенного и доброго!

Кайсын говорил: «Вся моя предыдущая жизнь не стоит одного дня, проведенного рядом с тобой!» (Битеу алгыныгы жашауум сени бла бир кюн тургъаныма къор болсун!)

Говорил, что, пока жив, не даст меня в обиду. Мне почему-то вспомнился случай, рассказанный Кайсыном.

«На вечере, посвященном Пушкину, выступавшие осуждали Наталью Николаевну — жену поэта. В зале сидел замечательный поэт, мой друг Назым Хикмет. Послушав выступления, встал и сказал: «Вы сейчас очень необдуманно клеймите женщину, являющуюся сердцем поэта. Представьте на минуту, что здесь, в этом зале, сидит Александр Сергеевич. Как вы думаете, что бы он вам ответил?.. Осуждая сегодня Наталью Гончарову, не становимся ли мы защитниками тех, кто травил Пушкина? Поэт надежно оборонил свою любимую на века вперед, дав достойный ответ ее будущим прокурорам и судьям в своих бессмертных стихах и письмах к ней. Вы же умные люди, друзья мои!»

После этого у многих был поостыл, и они оставили в покое дух этой прелестной женщины».

— Вся моя предыдущая жизнь не стоит минуты, нет, секунды, проведенной рядом с вами! — утверждала я, и это была истина:

...День с тобой, он сотни дней огромней,
И не видно гибельного дня,
Будь он даже близок, все равно мне —
Столько сил вдохнула ты в меня.

Столько сил, что безрассудно жду я
Новых дней тепло и благодать...
В трудный день усталую, седую
Голову мою рукой погладь!

Иногда я рассказывала ему свои сны. Он считал, что они у меня вещие, и некоторые из них пугали его. Когда он был еще жив, я увидела один сон. Будто я нахожусь в каком-то доме и разговариваю с женщинами. Вдруг, только сейчас осознаю, что Кайсын умер давно, а я не верила в это и будто только теперь поверила... Стала плакать во сне, проснулась от боли в сердце, лицо мокрое от слез. Плачу, не могу никак успокоиться. Кайсын спал в другой комнате. Тихо вошла, убедилась, что жив, и хотела тихонько выйти, а он спросил: «Что случилось, почему не спишь?» Я бросилась к нему, обняла, плача, рассказала сон. «Успокойся, Элизаточка, видишь, я живой!» Прижал к груди, и столько тепла исходило от него... До сих пор, по истечении стольких лет, я еще не полностью осознала случившееся. По-прежнему беседую с ним, рассказываю о происходящем. Уверена, что он и без рассказов все видит и знает, а временами, через мои сны, предупреждает о неприятностях, ожидающих меня и моих близких...

Оформив свидетельство о рождении Ахмата, Кайсын уже со спокойной душой собрался в дорогу.

Прибыли в Москву. Принесли носилки и, когда понесли его, некоторые люди, узнав любимого поэта, лежащего на носилках, шептали: «Кайсын Кулнев!»

Мы всегда останавливались в гостинице «Москва». Там его знали все, от начальства до швейцаров. В номере началось столпотворение, один за другим шли увидеть Кулиева и друзья, и знакомые, и работники гостиницы. Они пытались поднять его дух. Выйдя из номера, женщины плакали: «Вы были такая счастливая пара. Когда вы шли вместе, то излучали свет!» Так говорили простые труженицы гостиницы, часто видевшие нас до болезни Кайсына. Они утешали меня, молили Бога о милости к замечательному, добрейшему человеку, знавшему нужды простых людей и помогавшему им. Людей к Кулиеву тянуло как магнитом, а он никого не обделял своим вниманием. Когда поэт приезжал из дальних мест домой, он, приложив руку к сердцу, низко кланялся родной земле и только потом приветствовал людей. С ним я побывала почти во всех уголках Советского Союза, становясь счастливой свидетельницей особого отношения к нему.

За нами должна была приехать машина, чтобы отвезти Кайсына в больницу. Узнав, что мы в Москве, в гостиницу пришел Давид Кугультинов. Разговор не клеился. Он не мог

говорить, мешали подступавшие слезы: «Не могу видеть его таким!» — дрогнувшим голосом произнес Давид, когда я вышла его провожать.

Нас положили в Кунцевскую больницу. Москвичи звонили, приходили ежедневно проведать Кулиева, приезжали из разных республик друзья, знакомые, родственники, доставали все необходимое. Заведующий отделением возмущался, не разрешал пропускать к тяжелобольному столько посетительниц. Кто-то посоветовал Кайсыну пить кумыс, и Мустафай Карим искал его по всей Башкирии. Был не сезон, поэтому чудом нашел кумыс в одном из совхозов республики и прислал в больницу. Позже приехал сам. Приходил с женой Патимат и Расул Гамзатов. Они говорили о книге Семена Липкина «Декада» и о даче Пастернака, которую якобы отдают Чингизу Айтматову, и тот, вроде бы, согласен. «Он не должен брать! Я скажу ему об этом. Чингиз не должен пойти на такое!» — возмущался Кайсын. Я успокоила его: «Чингиз Торекулович никогда не пойдет на это, вы же его хорошо знаете».

Галдан Ленхобоев, а потом и доктор Дугаров продолжали через летчиков присылать травы. Дамба Жалсараев и Валя помогали им в этом. Они звонили, писали. Интересовался здоровьем Кулиева и наш знаменитый земляк — академик Михаил Залиханов, через Нуриса Урумбаева прислал мумие, а Адыл Шакиров выслал мумие из Ташкента. Тогда еще молодой, но многообещающий врач-кардиолог, ученик Чазова Хусей Курданов часто бывал у нас, а однажды прислал лекаря-узбека Мухутдина Умарова, практиковавшегося в это время в Москве.

Скрыто от врачей я продолжала готовить лекарства из тибетских трав. Их было несколько разновидностей и готовились они по-разному, по особой системе, которой надо было строго придерживаться, что в больничных условиях делать было очень сложно, но я старалась приготовить все, как положено и вовремя. Некоторые травы надо было вываривать. Трудность заключалась в том, что категорически запрещалось держать в палате любую посуду. Вымыв и как следует продезинфицировав вазу для цветов, я наловчилась готовить в ней, отмечая на вазе чернилами уровень воды до выкипания и после. К этим процедурам готовилась с шести утра, потому что настой должен был остывать естественным путем в закрытом виде. Эти лекарства помогали Кайсыну, только жаль, что мы поздно узнали о существовании тибетских лекарей.

Желание людей как-то помочь Кайсыну было столь велико, что присылали даже молитвы. Писательница Аллина Чадаева прислала «Молитву по соглашению». В одни и те же

часы я, Алина и ее знакомые должны были читать ее. Посоветовавшись с Кайсыном и получив его согласие, я читала молитву. Чадаева расписала график молитв с 8 января по 15 июня (!). Но Кайсын не дожид до 15-го...

Меня напугала старшая медсестра, сказав, что от морфия, в первую очередь, поражаются клетки мозга. Я же, убежденная, что Кайсын обязательно выкарабкается из этой болезни, не могла представить его инвалидом и просила врачей назначать вместо морфия другие болеутоляющие, более слабые. Они шли мне навстречу, хотя, как я теперь понимаю, знали тщетность всех усилий. Сохранился лист, где я записывала часы, в которые производились инъекции морфия.

Врагу не пожелаю таких мучений. И все равно я верила, что Кайсын сумеет встать на ноги. Вскоре врачам пришлось прооперировать опухшую левую ногу Кайсына. Но через несколько дней после операции нога опять вздулась. Никакими словами не передать его мучений, но и в таком состоянии он умудрялся диктовать мне, а я печатала. Везде, где бы мы ни находились, работу не прекращали и подготовили к изданию 7 книг! Перед отъездом в больницу Кайсын боленостью пересмотрел книгу «Так растет и дерево», многое сократил, что-то добавил, а что-то исключил и назвал новую книгу «Поэт всегда с людьми». В дни нашего пребывания в больнице нам во всем очень помогал поэт-переводчик Лазарь Вениаминович Шерешевский. Этот скромный, честный человек отлаживал издательские вопросы тихо, спокойно, но на что не претендуя.

Сохранилась моя запись: «Вечером звонил Шерешевскому и сказал: «Лазарь, прошу, чтобы в книге было имя этой несчастной женщины, обрешей себя на несчастье со мной. Она вложила много сил. Пусть будет: «составители Э. Кулиева и Л. Шерешевский». Если мне не удастся работать с вами в дальнейшем, не забывайте Элизат, поддерживайте ее. Она ведь не совсем разбирается в издательских делах». Сейчас Кайсын продиктовал мне, что нужно послать Шерешевскому из книг и рукописей:

1. 2 комп. собр. сочинений — 3-томник.
2. 2 экз.— «Весенний свет».
3. Рукопись Шерешевского, перепереводы (в ящике стола).
4. Рукопись переводов Долинского».

Все это я должна была послать Шерешевскому по приезду домой, в Чегем. Лазарь Вениаминович выполнил волю Кулиева, взяв большую часть работы на себя.

Территория больницы была огромная, и пока я шла к посетителям, которых не пускали в палату из-за карантина или по другим причинам, уходило много времени. К посту вела заснеженная тропа среди высоких деревьев. Впечатление было такое, что ты идешь по лесу. Оставлять Кайсына одного не хотелось, но обижать посетителей тоже было нельзя, вот и приходилось спешить туда и обратно.

Падали хлопья снега — любимая Кайсыном белая пора. Я сказала: «Какая прелесть за окном! Падают ваши снежинки!» Забывшись, он, видно, хотел встать и, сбросив с себя одеяло, понял, что прикован к постели и остался лежать. Поднял ногу и, ужаснувшись, сказал: «Как самонадеянна ты, Элизат, полагая вырвать меня из этих тисков. Смотри, как висит кожа...» После этих слов затих. «Мясо нарастет, не волнуйтесь», — подбодрила я, убеждая его или себя, не знаю.

— Я тебя совсем замучил. Если б знал, что случится такое...

— Я не замучена.

— Я же вижу, Элизат. И сколько еще продлится...

— Сколько бы ни длилось.

— Ты не устанешь, будешь смотреть? Не отвернешься от меня?

— Нет. Лишь бы вы жили, дышали.

— Вот такой больной?

— Да.

— Спасибо тебе, мой дорогой ребенок, спасибо...

Надежда и страх — каждодневные наши спутники. Как тяжело бывает, понадеявшись на улучшение, через мгновение увидеть, что ошибся. Но, «когда и надежды нету — все же надежда есть!» Я пыталась скрыть от Кайсына, что опухла и вторая его нога, что появилась из кишечника кровь, но все же он узнал...

За что ему были даны такие муки? За что?

Что ж ты, природа,

Меня одарила

Гордой надеждой и жарким упорством?

Что ж ты, природа,

Мне в душу вдохнула

Молодость, силу и жизнелюбие?

Если меня ты снабдила всем этим,

То почему все теперь отнимаешь?

О, почему ты, природа, однажды

Нищего сделав безмерно богатым,

Вдруг безрассудно

И так бессердечно
Снова, меня обирая до нитки,
Делаешь нищим,
Делаешь нищим?!

Мысли постоянно возвращают меня к тем тяжелым дням, и всякий раз болит каждая клетка тела. А ведь были светлые, счастливые дни, когда мы весело и звонко смеялись, одержимые счастьем, под сенью нашего сада...

* * *

Наступил март 1985 года.

Как всегда, сделав влажную уборку, искупав и уложив Кайсына, я зашла в купальню, чтобы слить воду из ванны и помыть ее. Вдруг слышу голос Кайсына: «Элизат, посмотри, кто к нам пожаловал! Сам министр здравоохранения, мой славный друг!»

Евгений Иванович Чазов пришел с главным врачом больницы Щербаткиным, с ним были зав. урологией Козлов, лечащий врач Гришин, другие врачи.

— Хорошо у вас, чисто, свежо,— заметил министр.

— Это потому, что Элизат Эльбаевна по несколько раз в день моет, протирает, не доверяя техничке,— сказал Гришин.

— Так надо ей платить за труд,— сострил Козлов.

— Лучше взять ее мне в помощники. За время пребывания здесь она преуспела в медицине,— пошутил Гришин.

Евгений Иванович был удивлен тем, что внешне Кайсын выглядел хорошо: «Значит, дела идут на поправку. Еще немного и ты будешь на ногах, Кайсын!» Он поблагодарил за Хусея Курданова: «Кайсын, ты мне сделал замечательный подарок. Он очень талантливый и у него большое будущее. Я рад, что ты посоветовал его мне».

Слова Чазова сбылись. Сегодня Хусей Абукаевич — доктор медицинских наук, профессор, член нескольких академий наук, заслуженный деятель науки РФ. Как был бы горд за Хусея Кайсын, будь он жив!

Мы выразили Чазову желание отправиться домой, но Евгений Иванович советовал не спешить, побыть еще хотя бы месяц, но мы так устали! Когда я вышла их провожать, Чазов сказал: «Может, Кайсын и прав. Побудьте немного и можно везти его домой...» За этими словами стоял крах всех надежд! Каждое напоминание врачей о тщетности усилий лишило надежды.

Как только Чазов попрощался с нами, в палату торопливо зашли сотрудники больницы, забегали, засуетились. Поменяли чуть побитый телефон на новый, забрав холодильник, по-

ставили большой. Нам достаточно было и этого. Поменяли скатерть на столе, проверили телевизор, спросили — всем ли мы довольны и не нужно ли чего? Нам ничего не нужно было. Условия в кремлевской больнице, и без того сверх хорошие, после посещения министром Кулиева стали еще лучше. Я сказала тогда: «Николай Васильевич Гоголь жив! И никогда не умрет!»

Рукопись будущей книги «Человек. Дерево. Птица» (книга вышла несколько под другим названием: «Человек. Птица. Дерево») лежала в издательстве «Советский писатель». Кулиев так хотел ее увидеть, и мне хотелось ускорить выход книги. Но он никогда не разрешал мне обращаться с просьбами касательно его писательских дел: «Очень некрасиво, когда жены хлопочут за мужей, выбивая звания или издания книг. Никогда не делай этого». Сам Кулиев всегда хлопотал за других, почему же никто не думал, что Кулиеву, наверное, что-то нужно. Я попросила разрешения позвонить Пастухову, председателю Госкомитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. К моему удивлению, Кайсын на сей раз не протестовал. Позвонила. В приемной сказали, что Бориса Николаевича сейчас нет на месте, будет через полчаса. Попросили номер телефона палаты. Вскоре зазвонил телефон. От волнения вместо «алло», я сказала «аро»! Борис Николаевич, расспросив о самочувствии Кайсына, внимательно выслушал мою просьбу: «Если требуется еще иная помощь, не стесняйтесь», — сказал Борис Николаевич и дал свои координаты. После разговора с председателем посыпались звонки из издательства. Машина заработала. Опять, вспомнив Гоголя, сказала: «Жив курилка!» Книга вышла в прекрасном переплете, с замечательными рисунками художника В. Медведева. К сожалению, Кайсын не успел ее увидеть, подержать в руке. Я привезла из Москвы сигнальный экземпляр книги, и у могилы Кайсына от корки до корки перелистала ее му.

Люди все продолжали проводить Кайсына. Я заранее выписывала пропуска для посетителей. Это приходилось делать так часто, что однажды зав. отделением не выдержал: «Это какое-то паломничество! Так нельзя. Я вам иду навстречу, не отказываю в просьбе, даже когда карантин. Скажите им, что больному нужен отдых! Это надо понимать...» Но подпись и печать все же ставил. Люди не хотели понимать и обижались, когда не могли увидеться с Кулиевым. Моей вины в том не было, старалась как могла. Но странная вещь — я часто оказывалась виноватой без вины.

Страдая от бессилия перед коварной болезнью, человек огромной воли вел неравную борьбу со смертью, чтобы про-

должать трудиться, неизвестно откуда черпая силы и мужество. Роман «Была зима», написанный на русском языке, он хотел написать на балкарском языке. Кайсын диктовал мне, а я печатала. К сожалению, организм не выдерживал напряжения, он быстро уставал: «Потом, Элизоточка, когда мне станет легче, возобновим работу». Но легче не становилось. Роман на балкарском остался незавершенным. Повесть «Скачи, мой ослик!» диктовалась им также в больнице. Продиктовать балкарский вариант Кайсын не успел. Сколько было задуманных и неосуществленных плапов!..

Мне становилось временами так плохо, что приходилось, по настоянию врачей, лечиться, ходить на иглоукалывание. Я не хотела, но врач говорил: «Вам надо подкрепить здоровье, чтобы ухаживать за Кайсыном Шуваевичем». Никогда не знавший зубной боли, Кайсын, увидев, как я мучаюсь, вдруг заплакал: «Бедная моя, ты совсем замучилась! Сходи к врачу. Пока мы здесь, надо вылечить зубы. Дома будет некогда».

Я пришла от стоматолога. Ему, видно, во время моего отсутствия сделали болеутоляющий укол, и скорее всего морфий, потому что, увидев меня, сказал: «Элизат, тебя здесь люди почему-то не любят».

— Из-за чего вы так решили? Наоборот. Здесь ко мне все относятся очень хорошо.

— Нет, не любят. И мою сестру Каини тоже не любят.

— А при чем здесь она? В Москве ее никто не знает, она сюда не приезжала.

— Не любят. И тебя, и ее не любят... — стоял на своем Кайсын. И только теперь, когда я стала писать эти строки, меня осенило: он был под воздействием морфия и мысленно находился далеко от Москвы, в своем родном Чегеме.

Потом Кайсын обронил фразу, которая врезалась в мою память: «Э-э, если Каини низко надвинет на лоб свой черный платок и, сев у изголовья больного, начнет голосить, пора умывать руки, этого человека не станет».

В одно утро Кайсын проснулся рано и, заглушая рыдания, произнес:

— Элизат, Владимир Николаевич умер, умер дорогой Орлов! Наш милый Владимир! Его теперь не будет на белом свете!..

— Откуда вы взяли?

— Я знаю, знаю.

Не прошло часа, позвонил из Ленинграда Михаил Дудан и сообщил печальную весть. Я хотела это скрыть от Кайсына, но он, догадавшись, попросил передать ему трубку. Они поговорили. В ту самую минуту, когда Кайсын, проснувшись, стал

оплакивать Орлова, Владимир Николаевич, покидая землю, может, вспомнил Кайсына, иначе как может так точно совпасть? Как мало мы знаем о человеческой душе...

Академик Павлов назначил Кайсыну радиотерапию, она снимала боль на короткое время. Он слабел с каждым днем. На процедуры его отвозили в коляске.

* * *

Когда Е. И. Чазов посоветовал все же ехать домой, пришлось внять совету. Позвонила в Нальчик, чтобы прислали в Минводы санитарную машину и 4 апреля Кайсына на носилках довели до аэропорта. Сыновья, Эльдар и Алим, помогли поднять отца в аэробус. Они были взволнованы, у Аλίма дрожали руки. В самолете Кайсын держался молодцом. Нас встретили в Минводах. Людей было много... Приехали в Чегем. Кайсын попросил понести его в сад, под черешни. Подождав, пока я подошла, сказал: «Элизат, вот здесь...» Я знала, о чем идет речь. В Ростове и перед отъездом в Москву не раз повторял просьбу — похоронить его, в случае смерти, в своем саду, под черешнями. «Элизат, костыми ложись, но не дай похоронить меня на общем кладбище. В древности можно было хоронить в своем дворе». Есть духовное завещание, где написано и об этом:

«1. Я очень серьезно болен. Конец может прийти неожиданно. Прошу похоронить меня в моем чегемском садике, под черешней. Жена знает место. Когда придет час моей жены Элизат, которая так самоотверженно ухаживала за мной больным и так мучалась, ее тоже прошу положить рядом со мной.

2. Если я не доживу до того дня, когда дадут мне квартиру в городе, то прошу первого секретаря обкома партии Мальбахова Т. К. обязательно дать эту квартиру моей вдове, ибо жить в Чегеме ей будет чрезвычайно неудобно без меня и дорого. Это связано с газом и другими бытовыми вещами.

3. Рождественников и общественность особенно прошу позаботиться, проявить внимание к моим младшим сыновьям Азамату и Ахмату, помочь им учиться.

4. Усадьбу в Чегеме прошу сохранить, если это будет возможно, позаботиться общественности хранить здесь мои рукописи, книги, вещи.

18 января 1985 г.

Чегем

Кайсын Кулиев».

Ежедневно дом был полон людей, им хотелось видеть Кулиева, говорить с ним и просто посидеть. Рассказывали о чудодейственных свойствах авиационного керосина с медом, какой-то белой змеи, бузины... Лазарь Шерешевский часто звонил. Он тоже советовал делать инъекции из белка только что снесенного теплого куриного яйца, тщательно взбитого в физрастворе, и вводить эту смесь в левую ляжку с внутренней стороны. Нам принесли трех несушек, чтобы ежедневно иметь хотя бы одно свежее, теплое яйцо для уколов... По требованию Кайсына перепробовали почти все, кроме змей. Ему хотелось жить!

Любивший людей и общение с ними, он теперь тяжело переносил их постоянное присутствие. Кишечник и другие органы были сильно ослаблены, через каждые 10—15 минут требовалось судно, которое он еще в больнице прозвал «корабль». Приходилось просить посетителей выйти на время. Щепетильность ситуации заключалась еще и в том, что у балкарцев сноха, а я считалась снохой для всей многочисленной родни Кайсына, и не только родни, не имеет ни малейшего права указывать родне мужа. Естественно, это не всегда находило верное понимание. Я не указывала, просила. Кайсын велел никого больше не впускать к нему: «Нет больше сил выдерживать, сама выходи к ним и сообщай о состоянии». Не слушать мужа я не могла. Мама, почувствовав недовольство людей, обратилась к Кайсыну с советом, чтобы не я, а его сестры или Жанна не допускали к нему людей. Он ей ничего не ответил, а мне, когда остались наедине, сказал: «Ты моя жена, и никто кроме тебя не должен этого делать». Я опять послушалась его.

В один из этих дней Жанна подошла ко мне и сказала, что ее мать (первая жена Кайсына) хочет поведать Кулиева. «Я говорила уже с папой, он не знает, как на это посмотришь ты». Я согласилась, и Тамара (мать Жанны) пришла со своей сестрой и зятем. Немного побыв, я вышла. Моя мама оставалась с ними. Через некоторое время Жанна сказала, что они собираются уходить. Я вошла в гостиную. Тамара, прощаясь, поцеловала Кайсына в лоб.

Уходя, Тамара поблагодарила меня: «Жанночка довольна тобой, говорит, что ты хорошо смотришь за Кайсыном, к ней тоже относишься хорошо. Спасибо тебе. Я хочу, чтобы вы всегда дружили».

Кайсын лежал на диване лицом к окну. Со двора ему была видна ветвь орехового дерева. Пришла Кани и, сев у изголовья брата, стала плакать. Так продолжалось три дня. Кайсын спросил у меня: «Почему она так садится? Скажи ей...»

— Скажите сами.

— Обидится.

Вечером с соседскими ребятами перенесли кровать из спальни в гостиную и поставили около окна. Теперь Кайсын мог, кроме ветки, видеть и кусочек неба. Чтобы не было доступа к изголовью, положила на рядом стоявший диван матрасы, одеяла и подушки. Изменить судьбу невозможно, я понимала это, но мы реагировали на все и на приметы тоже. Когда идет борьба за жизнь, хватаются и за соломинку. Все, что я ни делала, близким было не по душе. Видно, ревновали и хотели, чтобы Кайсын принадлежал им всецело.

Любое движение причиняло Кайсыну страшную боль, поэтому смена белья для него — как тяжелое бремя. Я бы не тревожила его, но приходили к нам и любопытствующие, обожавшие все прощупать, пощупать и насладиться пересудами. Пододеяльник я меняла чаще, т. к. не надо было беспокоить Кайсына. Мама и Бэла угощали посетителей, но находились и такие, которые осуждали меня за то, что я не напоила их даже чаем. До чая ли мне было? Каждая минута была занята по уходу за больным. Некоторые родственники Кулиева, жалея, говорили, что от меня остались кожа да кости и, вероятно, я умру раньше Кайсына. Это тоже не нравилось кое-кому. Нельзя было говорить доброе про Элизат. Откуда такая черствость?

Мне было известно мнение Кайсына о каждом из этих людей. Кайсын выявлял моих «доброжелателей», ведя с некоторыми из них «беседы по душам», и предупреждал, кого мне следует остерегаться в случае его смерти. К дальновидному, мудрому и тонкому душеведу приходили разного рода люди. Пришел Салих Эфендиев с женой Тамарой, это было в конце апреля. Салих, взяв в свои руки руку Кайсына, сказал: «Как исхудали твои руки!» Кулиев ответил ему: «Салих, эта болезнь пожирает не только мое тело, но и кости». Голос Эфендиева прерывался рыданиями, он не мог говорить. «Салих, я ничего хорошего не успел сделать для тебя, но если бы Аллах продлил мою жизнь, я ко многому отнесся бы по-другому»...

Эти же слова Кайсын сказал и двоюродному брату Азрету Элеккуеву, который в наше отсутствие часто навещался в Чегем; опекая Ахмата, ходил в школу на родительские собрания и всячески помогал.

Родственники вызвали Азамата из армии. Его отпустили дней на 10. Кайсын мне рассказал, что беседовал с Азаматом, объяснил ему все, просил любить и поддерживать братские отношения с Ахматом: «Про тебя я сказал, что эта женщина заменит тебе отца, мать, брата, сестру, только будь с ней вежлив. Азамат согласился со мной. Он все понимает».

Еще перед отъездом в Ростов я просила открыть на имя парня сберкнижку, чтобы, как только получим первый гонорар за книгу, перевели на его счет деньги. Кайсын согласился, но денег пока не было, и мы не могли осуществить задуманное. Азамат и Ахмат ночами лежали на раскладушках около отца.

Дел у меня было много. Если бы не мама с Бэлочкой, которые мне во всем помогали, было бы очень тяжело.

Кайсын уже совсем не мог переворачиваться с одного бока на другой и, чтобы не образовывались пролежни, каждый день тело протирала спиртом. Левая нога перестала сгибаться. Я делала массаж, после этого он мог на время вытягивать ее.

Боли вновь участились, снова началась бессонница. Врачи решили подключить электросон. После первого сеанса ночь прошла спокойно, он неплохо поспал, но боже мой!.. Утром, увидев Кайсына, я испугалась: серое, с глубоко ввалившимися глазами, лицо напоминало маску. Открыв глаза, он стал улыбаться и радостно сказал: «Небывалое дело, Элизаточка, я проспал, не просыпаясь, восемь часов!» Я высказала свое недовольство: «Моя душа почему-то протестует против этого аппарата...»

Но он и слушать об этом не хотел. Когда я стала убеждать, возмущался. Я сказала: «Вы поспите всего полчаса и лицо ваше становится розовым, отдохнувшим, а тут...»

«Ты не понимаешь, Элизат! Это замечательный аппарат. Я давно так не спал...»

Хорошо, что в это время пришла Кани и увидела его лицо. Она не только ужаснулась, а запричитала, прося меня не разрешать больше врачам издеваться над ним. Кайсын и ее убеждал, что она и Элизат не понимают, врачи не зря назначили, значит, так надо. Но потом согласился с нашими доводами.

Несколько ночей дежурили у постели больного медсестры, сменяя друг друга. Кайсын это мотивировал тем, что мне надо немного передохнуть, но мне кажется — причина крылась в другом. Я всячески старалась избегать уколов морфия, но организм, быстро привыкающий к нему, требовал свое. Он и решил дать мне передышку. Одну ночь дежурил мужчина. Сидя на стуле, он уснул. Как ни звал его Кайсын, он продолжал крепко спать. Я как обычно, грея руки о батарею, массировала больную ногу, и боль постепенно стала отпускать. Утром медработник проснулся, виновато улыбаясь. После этого Кайсын отказался от их услуг.

Из сберкассы Нальчика позвонили и сообщили, что при-

шли деньги из Москвы. Я передала трубку Кайсыну. Он предупредил их, что за деньгами поеду я. Привезла ордер для заполнения, и он, заполнив, расписался. Снова поехала в Нальчик, а там говорят, что ордер заполнен неверно — дата обозначена 26 августа 1985 года, а был конец мая. Этот ордер хранится у меня в архиве. Кайсын не дожид даже до августа. Я привезла деньги и отдала их Кайсыну. Он, подержав их в руке, сказал в раздумье: «Спрячь их. Они тебе пригодятся». Я спросила: «Они мои и я могу ими распоряжаться?»

— Ты вольна делать с ними, что хочешь, они твои, но старайся экономить. У тебя тоже болезнь раздаривать, но не то время...

Когда мы лежали в больнице, Кайсын все волновался из-за навеса во дворе: «Если вернемся домой живыми, первым делом придется приводить навес в божий вид».

Рабочий кабинет, как я уже говорила, упирался в корявую стену соседей, а деревянная беседка, установленная в саду для работы летом, стояла недалеко от газовых емкостей и от туда постоянно выходил газ. Вот на эти деньги, коль они мои, я и решила привести в порядок навес и заодно пристроить с краю две комнатки с окнами в сад. Если Бог даст и Кайсын выздоровеет, они будут служить ему как рабочий кабинет и комната для отдыха. Но если Бог распорядится по-иному, то все равно, во избежание разных пересудов, надо будет приводить в порядок навес, двор и все остальное. Наняла рабочих, и они принялись за работу.

Из Москвы должны были прийти еще деньги. Он очень рассчитывал на них, чтобы передать их мне, т. к. после моей затеи строить денег не осталось бы. Он знал, что в случае его смерти, львиная доля гонорара за семь книг, которые мы подготовили к изданию, достанется государству, как и случилось потом.

До него доходили разговоры о разделе имущества, и за день до смерти, 3 июня, сказал, чтобы я позвонила Магомеду Тогузаеву—1-му секретарю Чегемского райкома, чтобы он завтра, т. е. четвертого июня, пришел к нам вместе с нотариусом. Повторил несколько раз «вместе с нотариусом». И вновь сказал: «Ты моя законная жена!»

Вечером этого дня приехала врач со злосчастливым «электросном». Зная, как я недовольна, сказала: «Я буду очень осторожна. Сядьте рядом и можете наблюдать». Я села. К голове Кайсына подвели какие-то провода, и она включила аппарат. Спросила: «Чувствуете покалывание?» Кайсын ответил: «Нет». Она усилила подачу тока, но так как он опять не чувствовал, видно добавила еще, потому что его сначала

подбросило вверх, потом он задергался. Женщина в растерянности посмотрела на меня и потом только догадалась уменьшить ток. Хотя она и успокаивала меня, что ничего страшного не произошло, я чувствовала неладное, интуиция редко подводила меня. Кажется, в половине двенадцатого за врачом приехала машина, и она уехала. Где-то через полчаса Кайсын стал быстро и бессвязно бормотать. Невозможно было разобрать хотя бы одно слово. Непрерывный поток невнятной речи. Как он успевал набирать воздух в легкие, осталось загадкой. Я не знала, что делать. Мне казалось, послушайся он меня и откажись от этого аппарата, беды не случилось бы, хотя трудно об этом судить. Все предписано заранес и не в силах человеческих что-либо изменить.

В этот момент, когда я была доведена до отчаяния, приехал один из его близких родственников. Он ехал с какой-то вечеринки и по пути заехал к нам. «Как он? Спит?» Хотел зайти в комнату, но потом заспешил: «Келин, дай деньги, такси ждет». Я возмутилась: «Так ты поэтому заехал сюда?!»

— За такси надо заплатить? Надо. А денег у меня нет. Быстро. Мне надо ехать!

Расул дал денег и проводил его.

У Кайсына началась рвота. Подставляли даже таз, но она рвалась фонтаном и намочила всю постель. Ее надо было менять, но как, если малейшее движение доставляет Кайсыну невыносимую боль? Пододвинули к кровати кресло, чтобы переложить его туда, пока я буду менять постель. Мама с Расулом помогали мне поднять его, и что было поразительно — это то, что Кайсын пытался приподнять себя, чтобы облегчить наше усилие! Еще и еще раз я убеждалась — он был неземной человек...

Быстро поменяв постель, мы уложили его на прежнее место. Но через короткое время рвота опять возобновилась с новой силой. Все, что попадало под руки, я стелила поверх постели, чтобы сохранить постель сухой и не поднимать, не мучить Кайсына снова. Расул позвонил в Кашхатау. Папа болел, и Бэлочка с Ахматом поехали к нему. Я боялась за Ахмата — как он воспримет поздний звонок? Они приехали быстро. У Ахмата глаза были опухшие от слез. Он подбежал к отцу, обнял его. Кайсын чуть слышно прошептал: «А-а, Ахмат...» Позвонили другим родственникам. Кани плакала. Врач сделала два укола: из прозрачной ампулы и темной, после чего ему стало хуже. Он рассказывал, как однажды в Москве чуть не умер от одного укола, хорошо, что сестра оказалась опытной, сразу ввела нужное лекарство и спасла Кайсына.

До того рокового утра, мне не приходилось видеть умирающего так непосредственно близко. Кайсын лежал бездыханный. В страхе забежала на кухню, где разговаривали Жанна и врач. Спросила, что с Кайсыном? Ответили: «Шок». Я слышала, что у людей бывает шок и что их выводят из него, но на самом деле не знала, что это такое. Спросила: «Можно вывести из него?» «Нет»,—ответила врач. Подбежав к Кайсыну, я стала его сильно тормошить, плача и зывая: «Не умирайте, вы не должны умирать, вы должны жить!» И вдруг он открыл глаза!.. «Господи, спасибо тебе, он вышел из шока!»—подумала я. Лицо Кайсына было умиротворенным. Мягко спросил: «Ким еледи? (Кто умирает?)». Поняв, что допустила оплошность, сказав о смерти, я старалась исправить сказанное: «Никто не умирает. Но вы должны жить, жить!..»

— Нек жилийса? (Почему плачешь?).

— Я не плачу...

Закрыв глаза. Из левого уголка рта потекла темная жидкость... Дальше ничего не помню. Соседи потом рассказывали, что я билась в истерике, крича: «Нет, нет!»

В последующие дни и в день похорон находилась в полной прострации, впечатление было такое, что произошло самое ужасное, но оно где-то вне меня. Не знала и того, что прощание с Кайсыном происходило в драмтеатре, где я проработала много лет. Все делала автоматически, плохо соображая. Сказать, что все происходило как во сне, тоже будет не точно. Одно я знала наверняка — Кайсын Кулиев умереть не может. Все и вся может умереть, а он — нет! Поэтому и по истечении стольких лет сердце, протестуя, кричит и плачет: «Нет, нет!..»

Кто может понять смерть, принять ее? Как верно заметил Конфуций, сказавший: «Я не постиг еще жизнь, как же мне постичь смерть?» Как поверить в смерть Кайсына, не успевшего постичь жизнь? Поверить в это трудно. Давно, когда мы еще не были официально мужем и женой, я видела сон: Кайсын, убегая от одной женщины, поднялся на невероятную высоту, я была рядом с ним. Женщина нагнала его, и он упал вниз, с огромной высоты, на мраморный пол. Увидев, что он лежит, я молниеносно спустилась к нему и, плача, просила не умирать. Лицо его было прекрасным, улыбаясь мне, он закрыл в бессилии глаза...

Я рассказала Кайсыну про этот сон. Он успокаивал: «Не бойся, значит, буду долго жить. Говорят, когда умираешь во сне, то долго живешь».

Сон этот во многом оказался вещим. Перед смертью он улыбнулся, как писал незадолго до этого в стихотворении:

Коль приходится расставаться,
Расставаться с тобой навеки,
Сквозь последние в жизни слезы
Я тебе улыбнусь.
Улыбнусь и горам и небу.
Улыбнусь деревьям и звездам.
Да, найду последние силы
Для последней моей улыбки
И тебе улыбнусь,—
Золотая вестъ моя.
Я тебе улыбнусь,
Я тебе улыбнусь!..

Приехали из Москвы сыновья Эльдар и Алим, из армии вызвали Азамата. Кайсын лежал в середине комнаты. Там находились близкие родственники. Зашел Азамат и сразу подошел ко мне. Я обняла его, сердце наполнилось волной сострадания и нежности к нему, я подумала: «Будет у меня последний кусок хлеба, но и тогда я обязательно поделюсь с ним».

Поздоровавшись с остальными и постояв около отца, он вышел. Его уже поджидали, чтобы преподать урок «человеколюбия».

Понадобится отдельный том для описания последующих событий. Кое у кого прорвался определенный талант, ранее скрытый. Как известно, долго сдерживаемый поток прорывается со стихийной силой. Верховодил всем человек, которого многие, по простоте душевной, жалели. Жалела и я, хотя меня предупреждали быть с ним поосторожней. Но чтоб понять, надо обжечься...

По истечении 52 дней после смерти у мусульман собираются на «жик дуа» — поминки. С троюродной сестрой Кулиева Сакинат Наршаовой, которая очень хорошо знает биографию Кулиева, начиная с детства и до последних дней его жизни, мы ездили по базарам доставать загодя все необходимое. Подвал в чегемском доме был теплый, поэтому скоропортящиеся продукты отвезли в Вольный Аул к племяннице Сакинат. Остальное оставили дома. Папа купил двух быков и барана. За несколько дней до поминок в нашем дворе собралась ватага, решившая учинить суд над Элизат. Во дворе стоял такой гвалт, что соседи удивленно спрашивали: «Что случилось?» Здесь были старые и молодые, но никому и в голову не пришло встать на мою защиту, кроме Кудаева Сафарбия. «Утрату Кайсына вынесла, вынесу и это...» — говорила я себе.

Я сразу поняла, что это был заранее спланированный

спектакль. Им надо было распространить слух, что Элизат ничего не захотела покупать для поминок Кайсына.

После поминок служитель религии Ахмат Трамов, которого очень уважал Кайсын, прощаясь, сказал: «Вижу, от тебя остались кожа да кости, но ничего, мясо нарастет. Ты держись молодцом, так и продолжай, не обращай внимания на их глупости. Они, как заблудшие овцы без вожака, сами не знают, что творят. Заблудших надо жалеть и не обижаться на них. Ты, наверное, думаешь, что люди, поверив им, отвернулись от тебя? Нет. Они все видят, но сдерживают себя, не хотят поднимать шума вокруг имени большого человека. Не надо судить о людях по кучке собравшихся здесь. Ясно, что их кто-то собрал, но они тоже скоро устанут, каждый займется своим делом, заботами, не до тебя им будет. Так что, не переживай...»

Я ничего хорошего ему не сделала, а он принял такое участие! Прав Кайсын, твердивший: «Мир не без добрых людей!» Больше всех плакала тетя Кайсына Нашхо Кудаяева (мы ее ласково называли «Дюймовочка»). Не зря любил ее Кайсын и относился к ней с трогательной нежностью. Однажды он купил ей маленький миниатюрный кувшинчик для омовения перед молитвой: «Под стать ей самой, посмотри, Элизат!» Нашхо, Накочукъ, была стройненькая, хрупкая, сохранившая и в старости красоту и женственность. Она так и не вышла замуж, чтобы не оставлять без присмотра племянников-сирот. А сватали ее многие...

Дети сломали крышку кувшинчика. Надо было видеть ее огорченное лицо. Кайсын отнес его лудильщику, и кувшинчик опять был цел, а Накочукъ — счастлива! После смерти дорогого племянника она, взяв в руки его подарок, часто плакала. Голос у нее был мягкий, нежный: «Келин, мы все должны любить тебя, потому что наш брат тебя очень любил, мы должны благодарить тебя всегда за то, что ты смотрела за ним, не всякая могла бы так ухаживать за тяжелобольным, как ты. Только злые люди не хотят понимать этого. Тебя они не любят не потому, что ты плохая, нет, они ревнуют Кайсына к тебе...»

Ее племянник Маштай Кудаяев хотел купить дом, чтобы я с Ахматом жила с ними: «Я буду думать, что Аксакал не умер, живет в одном доме со мной». Он всегда радовался, когда видел меня и Ахмата: «Как будто Кайсына увидел!» — говорил Маштай. Два брата — Маштай и Сафарбий Кудаяевы, их сестра Даумхан в трудные дни были рядом со мной. Они не предали, остались верными памяти Кайсына.

Привязанность ко мне Кулиева расценивалась некоторыми так, будто Элизат приворожила его путем колдовства!

Кайсын смеялся: «Они же не знают, Элизаточка, что ты сама, вся, как есть, являешься сплошным «хыйнычыкь!» (Хыйны — колдовство, чыкь — ласк.).

* * *

Хочу внести точность в устоявшееся мнение, что Кулиев похоронен в своем саду лишь благодаря усилиям маститых писателей — друзей поэта. В духовном завещании Кулиев просил похоронить его в своем саду. Народ узнал об этом, настаивал на воле покойного. Т. К. Мальбахов приехал в Чегем, и, когда я вышла его провожать, люди, окружив его кольцом, стали проявлять волнение.

Я попросила их вести себя сдержанней и, вспомнив о завещании, попросила Тимбору Кубатиевича немного подождать. Вручив ему важную для решения вопроса бумагу, вкратце объяснила суть написанного. Положив завещание во внутренний карман пиджака, глава республики сказал: «Это уже совсем меняет дело...» Никакие другие доводы или усилия не могли бы помочь, если бы не это завещание поэта!

* * *

Вскоре после смерти Кулиева, а точнее, в конце июня, Мальбахов принял меня и стал расспрашивать, не нуждаюсь ли я в чем. Мне было неловко просить о чем-либо, лишь сумела выдавить из себя: «Тимбора Кубатиевич, меня чернят». Он серьезно посмотрел и ответил: «Никто мне вас не чернит. Когда я приехал в Чегем проведать Кайсына, наверное помните? (Он в тот день привез орден Октябрьской революции для вручения.) В беседе наедине Кайсын охарактеризовал вас самыми светлыми красками. Важно это, а на остальных совету не обращать внимания».

Насчет «квартиры» заговорил опять-таки сам: «В июле или в августе достроят дом на проспекте Ленина, и вы получите обещанную квартиру». Кайсын всегда говорил о Мальбахове: «Это обязательный человек, если пообещает, выполнит непременно».

Тимбора Кубатиевич поругал меня: «Вы даже не прописались в Чегеме. Так нельзя, за себя надо уметь постоять». Вызвал помощника и дал указание, чтобы меня срочно прописали.

В декабре того же года Мальбахов, к сожалению, покинул свой пост.

Я продолжала жить в Чегеме. Беспрестанный поток людей к могиле продолжался. Из дальних мест приезжали поклониться и увезти горсть земли с могилы. Приезжали даже калеки! Единственный оставшийся в живых наш Красный Фук, лежа у подножия могилы, охранял покой своего хозяина, как бессменный часовой. Не всех желал подпускать он к священной обители.

* * *

К 70-летию Кулиева в нашем чегемском доме должен был открыться музей. Председатель СП КБАССР Адам Шогенцуков и министр культуры Константин Эфендиев, приехав в Чегем, спросили согласия о безвозмездной передаче дома государству. Мало задумываясь над тем, как и на что будем жить, тут же согласилась. По ряду независящих от меня причин я пока не работала. Константин Касимович вел переговоры с министром культуры России Ю. С. Мелентьевым насчет мемориального музея. Юрий Серафимович, лично знавший Кулиева и высоко ценивший его творчество и личностные качества, поддержал благородную идею.

Для будущего музея, только по акту, я передала безвозмездно 2 821 предмет. Сохранила паспорт Кайсына, который после смерти должны были уничтожить, и передала в музей.

Из краеведческого музея в Чегем приезжали сотрудники работать над материалами поэта. Увидев однажды в мусорном ведре порванные письма арестантов, обратилась к одной из сотрудниц, почему она так поступила? Она спокойно ответила: «Там есть нецензурные выражения».

— Но поэт хранил эти письма, он только вычеркнул их адреса и фамилии.

— Я не могла их оставить. Они чернят нашу систему.

— Насколько мне известно, вы не имеете права самовольничать. Это не ваш архив.

Я понимала, что трачу слова впустую. Они тоже пользовались моей растерянностью.

Надо было успеть освободить дом, иначе открытие музея не состоялось бы. Я это знала. Первым секретарем обкома уже работал Е. А. Елисеев. Квартиру мне не давали, причиной задержки явилось кляузное письмо. Неужели эти люди не понимали, что, делая мне плохо, они вредили Кулиеву. Понимали, но человек, движимый мстостью, как одержимый, носится с этим чувством.

Кайсын Кулиев знал, что мне предстоит многое вынести, но что такое!.. В книге, которую он посвятил мне, есть одно пророческое стихотворение:

Эта книга — твоя — до последнего выдоха.
В мое самое трудное время, когда
Из него, как из смерти, не видел я выхода,
Только ты освещала мой путь, как звезда.

И когда я устал и мой лоб, словно в инее,
Был в холодном поту, ты, надеждой светя,
Наклонялась ко мне и, клянусь твоим именем,
Ты спасала меня, как спасают дитя.

Сокращая в больнице мое пребывание,
Так ходила за мной, что я верю опять:
Не исчезло еще на земле сострадание,
Могут люди еще доброту излучать.

Эта книга моя, видно, песнь лебединая,—
Жизнелюбие мое, да и мука моя,
Это — книга любви и строка ее длинная,—
Длинный путь мой к тебе по тропе бытия.

И покамест чернила и кровь еще двигаю,
Ты прости мне, но правды я не утаю:
Словно сердце живое, дарю тебе книгу я
Не за прелесть твою, а за стойкость твою.

О, как много тебе предстоит еще вынести!
Но еще об одном, дорогая, прошу,—
Эту книгу мою в этом виде и выпусти,
Если я ее все-таки не завершу.

(Перевод И. Лиснянской)

Немало трудностей досталось на мою долю. Пришлось испытать человеческую жестокость, равнодушие, злобу. Но, к счастью, были рядом люди, излучающие доброту и свет,— истинные ценители гениального творчества незабвенного Кулиева!.. Я помню всех, кто помог нам в эти трудные дни и годы не только делом, но и просто добрым словом. Я благодарна президенту нашей республики В. М. Кокову за его теп-

лое человеческое отношение к вдове поэта. Не будь его поддержки, мне и Ахмату пришлось бы труднее.

С какой бы просьбой я не обращалась к премьер-министру Г. М. Черкесову, он всегда шел навстречу и говорил открыто: «Не думай, будто я это делаю потому, что ты моя родственница или односельчанка, это исключительно ради светлой памяти моего земляка Кайсына Шуваевича Кулиева, которого люблю, что и никогда не забуду!»

С большой теплотой и благодарностью вспоминаю ректора КБГУ, незабвенного Владимира Калиметовича Тлостанова — пусть земля ему будет пухом, Валентина Зедовича Шевлокова — декана учетно-экономического факультета КБГУ, прокурора республики Руслана Исметловича Абазова, начальника ГНИ по КБР Олега Лионовича Шандирова, первого заместителя прокурора республики Руслана Мухажировича Кульбасва, принявших большое участие в судьбе Ахмата. Пусть Всевышний всегда будет опорой им и их близким!

Не всегда побеждает черная сила, на свете много чистых, светлых людей. Благодаря им я успела освободить дом в Чегеме. Вместо обещанной двухкомнатной квартиры мне дали трехкомнатную. К юбилею поэта музей должен был открыться — это являлось главным для меня!

Боясь, что руководство республики назначит меня заведующей музеем, недоброжелатели забегали опять. На сей раз все зависело от моего согласия. Но я не собиралась заведовать музеем. Решили поставить нейтрального человека. Поставили Кучинаева Ахмата. Он перетаскивал из одного дома в другой стеллажи с книгами, был и за директора и за рабочего. Проработал несколько лет, а затем, без объяснения причины, был освобожден от должности.

После того как сменили Кучинаева, я прехала в свой бывший дом. В шкафу нашла свой портретик с разбитым стеклом, там же лежал и второй портрет. Но в конечном счете сама жизнь, вступив в свои права, ставит все на свои истинные места. И вопреки всему воцаряется порядок, который всегда царит там, где царили любовь, понимание и согласие!

Ты возле,— и нов целый мир для меня,
И светит мне солнце счастливого дня.

Ты возле,— и трудное дело не в труд,
Снега и метели меня обойдут.

Наверное, так, как твоя красота,
Целительна жизни одной высота.

Коль будешь ты возле и в смертный мой час,
Подумаю: смерти не будет для нас.

Последние муки свои облегчая,
В лицо твое я посмотрю, дорогая.

В секунду, отделявшую жизнь от смерти, Кулиев, думая не о себе, нашел силы спросить: «Почему плачешь?». Ему хотелось успокоить меня, но он в бессилии закрыл глаза... Впервые он не сумел помочь человеку. Так встретил поэт темноту. Прямо как у Тютчева:

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

На рассвете июньского утра, сказав любви последнее про- сти, звездный ангел, распротясь с тревогою житейской, устремился в звездную высь...

Кайсын говорил, что в следующем нашем рождении, он хотел бы стать деревом, а я была бы птицей, чтобы прилетать к нему и, сев на ветку дерева, беседовать с ним!

* * *

Пусть не покажется нескромным, но что было в моих силах я постаралась сделать в память о гениальном поэте. Один из красивейших проспектов Нальчика и балкарский национальный театр носят имя Кайсына Кулиева. Все это давалось нелегко — приходилось сталкиваться иногда с глухой стеной равнодушия, но всегда находились люди, которые подсказывали, что делать. Надо было собирать подписи. Мне помогали замечательные люди: поэт Абдуллах Бегиев, ученые Ибрагим Ахматов, Борис Тетуев, Абу Шарданов, студенты, артисты...

В издательстве «Художественная литература» вышел трехтомник Кулиева.

На свой страх и риск я представила на Ленинскую премию (посмертно) книгу «Человек. Птица. Дерево», в порядке исключения, т. к. положения выдвигать произведения умерших авторов не было. Но я решила не отступить. Академик Левон Мкртычевич Мкртчян горячо поддержал меня. В Ереванском университете прошло широкое обсуждение книги, и протокол был послан в Комитет по премиям. Секретарь ко-

митета Раиса Генриховна Бурова сообщала, что со всех концов страны приходят письма с прекрасными отзывами о поэзии К. Кулиева. Она и Зоя Богуславская (жена поэта Андрея Вознесенского) очень помогали мне,— по их совету я послала в Москву необходимые бумаги. Жизнь учила быть на чеку, надеяться больше на себя.

Комиссия состояла из 94 человек. На заседаниис комитета приехали не все. Чтобы отдать свой голос лично за Кулиева, несмотря на болезнь, прибыл из далекого Казахстана выдающийся писатель Абдижамил Нурпеисов. Народные артисты СССР Донатас Банионис, Вяя Артмане, Мая-гезель Аймедова, композиторы Мурат Кажлаев, Ариф Меликов, писатели Туфан Миннуллин, Исхак Машбаш успокаивали меня, уверяя, что поэзия Кулиева достойна самой высокой награды. В день голосования я не показывалась в комитете, а сидела в номере гостиницы «Москва» у телефона. Первой позвонила Мая-гезель: «Элизат-жаным, мы победили!» Потом поздравляла Раиса Генриховна. Мне рассказали, что Юрий Григорович, главный балетмейстер Большого театра, который в это время находился на съемках своего балета где-то за Москвой, появился, запыхавшийся, когда урны с бюллетенями уже уносили, но Юрий Николаевич успел проголосовать за Кулиева и за Андрея Тарковского. 16 человек проголосовали против. Тогда Меликов сказал: «И все-таки нашлось среди нас шестнадцать подонков, посягнувших на святая святых! Но Бог есть, и он справедлив!»

В ресторане гостиницы «Россия» земляк Мая-гезель Аймедовой, занимавший в Туркмении высокий пост, устроил большой пир в честь Кайсына Кулиева, пригласив членов комиссии. Поднимая тост, сказал: «Кайсын Шуваевич Кулиев — не только балкарский поэт, он свой для туркмен, казахов, узбеков, киргизов, таджиков. Кулиев — поэт всего мира!»

В мае 1990 года меня вызвали в Москву для вручения диплома. Академик Борис Сергеевич Угаров передал слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказавшего: «Эту премию Кайсын Шуваевич заслужил давно. Получил посмертно. Поздно, но справедливость все же восторжествовала!»

23 мая Михаил Сергеевич принимал у себя руководителей республик, поэтому глава нашей республики Валерий Мухамедович Коков не смог присутствовать на церемонии вручения, но он попросил Мухадина Ляковича Берова быть на вручении. Приподнятая атмосфера, царившая в Академии художеств во время церемонии, высокие, восторженные слова о лауреате и теплое отношение собравшихся к вдове Кулиева радовали Мухадина Ляковича. Наклонившись ко мне, он

шепнул: «Видишь, с каким уважением и любовью они относятся к моему другу Кайсыну и к тебе. Я рад, очень рад!»

Я тоже была рада тому, что маленькая горская республика, благодаря гению ее Сына, получила самую высокую премию страны — Ленинскую! Счастлива сознанием того, что Кулиев продолжает жить и служить своей земле!

Здравствуй, Кайсын! Светоч жизни, врачующий дух, здравствуй, пламя яркой, могучей поэзии. Здравствуй в шелесте листьев и трав, в каплях светлых дождей и в круженье снежинок в облаках, проплывающих низко над нашей землей и в сверкании хрупких ажурных льдинок...

Здравствуй, здравствуй, Кайсын!!!

Нисына
Кайсына Кулиева
к Элизат

Кули Кайсыны
Элизатха жазган
кагазытлары

Элизатым!

Сизге тансыкълыкъ саламыбызны айтабыз. Энди сиз юйге къайтхан болурсуз деп умут этебиз. Тынч болугъуз! Бизни да хатабыз жокъду. Сизге бек, бек тансыкъ болгъанбыз, бек! Юйге кетерге ашыгъабыз — биринчиден, сизни кърюрге, экинчиден — мында хауаны биз хазна жаратмайбыз. Тенгиз игиди, хауа уа угъай. Биринде юйге кетерикбиз. Аллахха шукур! Бир иги ишибиз — сизге айтырыкъ иги хапарыбыз — Лорканы «Къанлы тоюн» кърюрюп бошадыкъ. Къаты низам бла хар кюнден ишлерге тюшдю. Аны бошагъаныма кесим да бек къууандым. Сѣзсюз, иги пьесады, керти трагедия. Сиз анда Леонардону къатынын ойнаргъа керексиз. Мени акъылыма кѣре, ол сизни ролугъузду. Кесибизни пьесабызгъа тиерге замап табылмады. Алай жууукъ заманда аны да жазып бошарбыз деп иги умутубуз алайды, Иншаллах!

Энди сизге тюбеген кюнубюз бизни бек насыплы кюнле-рибизден бири боллукъду. Расулгъа¹ салам айт. Хайда, сау кърюшейик, жанымы кыйыры! Бек сюеме, бек! Къаты къучакълайма, жаным!

ЭКИ ГАЗЕЛЬ

Биринчи жол башлайыкъ газельле жазып,
Чакъырайыкъ суймекликни ѳлмез жазын,

Къоркъмагъанлайын, ол эски болгъанды деп,
Хафиз салгъан кѣпюрден ѳтейик, базып.

Эски болмагъанлары кибик гюл, жауун,
Билебиз газельни да эски болмазын.

Хафиз ичген эски чагъырдан ичейик,
Алай буюргъанча бизге къадар-жазыу.

Суймекликге, таулагъа махтау берейик,
Бизни суйгенле болур кибик ыразы.

Ах, Къайсын биледи бек эрттеден бери —
Дунияда къайгъы кѣп, тынчлыгъ'а — азын!..

¹ Гочияланы Расул, Элизатны тамата жашы.

Жашай келдим, сүймекликге тилек эте,
Чыммакъ булутлары башым бла ёте,

«Тиширыуну ариулугъуну аллында
Акъ тау тёпелери да баш урдула!» — дей.

Бирде сүймеклик къамасы жүрегиме
Кирсе да, бирде — сабаны иги битди.

О, Чегемде къошунбаш юйчюкде сени
Тангны жарыгъы жарытып тургъан бетинг!

Таула чыммакъла эдиле ол сагъатда,
Кече къарангы аладан кетип.

Тауда атамы къойларынча, Сүймеклик,
Сени къара, акъ сюрююнгю кютдюм!..

1978

Была биз сизге деп жаза башлагъан газельлерибизденди-
ле. Аланы юсюнден сизге айтхан эдим, унутмагъан эсегиз.
Жаратсагъыз, бек ыразы боллукъбуз. Газельлени мындан ары
да жазаргъа умут этебиз. Сау кёрюшейик!

Къ. К.

Пицунда, 22—7—1979

6—X—79
Москва

Элизат, салам, жаным!

Кече онеки сагъат бола турады, мен а санга, бир-эки сёз
болса да, жазайым деп олтурама. Миша Дудин бла онбир
сагъатдан озгъандан сора келгенбиз юйге — бюгюн Литера-
торланы юйюню сезону ачылгъан кюн эди да, онг болуп, сёз
айтып, алай келгенбиз. Анда бюгюн бизни бла бирге бек бел-
гили артистле да сёлешген эдиле — Образцов, Ульянов, Мои-
сеев, жазыучуладан — Дудин бла мен. Бек иги вечер болду.
Эрттен бла мен 5 сагъатда турлукъма. Эрттенликде бек эрт-

те учарыкъбыз. Мени акылыма кёре, Аллах айтса, мен юйге 16—17 къайтыргъа умут этеме. Иншаллах!

Сизге бек тансыкъ болгъанбыз, жанымы къыйыры Элизат! Сабийлеге, Бэлагъа¹ да салам айт. Иги туругъуз. Сау кёрюшейик, алгъыш биргеди.

Къучакълайма, уппа этеме.

Къайсын

24—XI—79

Тбилиси

Элизат, Тифлистен бизни саламыбызны алыгъыз!

Бу ингирде (24-де) юбилей ишлерин бошاپ, сагъат онекиде (кече) сизге, эки сёз болса да, къагъыт жаза кетейик деп олтургъанбыз.

Жанымы къыйыры, Элизат! Бек тансыкъ болгъанма, мен къайда болсам да, кече да, кюн да мени жюрегимдесе. Бу къагъытымда да санга суймеклигимн бла хурметимн ал. Кесинг да, сабийле да аурумай, ырахат болурсуз деп ийнанам. Ираклийни² юбилейн бек иги ётдю. 22-синде Давид³ бла ингирде келген эдик. Минводда 6 сагъат сакъларгъа тюше да, эсге алмай турдукъ, бек тап келдик, бир хатасыз, Аллах-ха шукур! Тамбла беш сагъатда (ганг аласында) Ленинград-ла учама. 26—27 Москвагъа ётерикме. Энди жатып, жукъларгъа керекди. Хайда, тынч кечели бол! Сабийлеге салам айт. Къучакълайма, уппа этеме. Сау кёрюшейик!

Къайсын

Тбилиси

Кече

27 март, 1980

Москва. Саусузла юйю

Кюн ахшы болсун, Элизат, ханым, жанымы къыйыры!

Къагъытынгы алдым. Бек сау бол. Ол сен манга айтхан алаамат сёзледен иги дарман табыллыкъ туююлдю. Мени бир хатам да жокъду. Жарсып, кесинги къыйнама. Энди ол

¹ Элизатны гитче эгечи.

² Ираклий Абашидзе, гюржюлю поэт.

³ Давид Кугультинов, къалмукълу поэт.

биопсия деген зат да артда кълалды, андан да кълутулдукъ. Аллахха шукур болсун! Энди бизни ишибиз эки ыйыкъдан кеп турмай (апрельни алтыларына) белгили боллукъ болур. Биз билген затыбызны олсагъат окъуна сизге билдирибиз. Иги тюшлерибизге ийнанганлай турабыз, бек ырахат болургъа кюрешибиз. Окъуйбуз («Дон-Кихот», Тютчев, Фет, Блок, Маркес). Бир-бирде жазгъан да этебиз. Мында кълыш—кълыяма, сууукъ, кълар аямай жауады. Жауады. Сабийлеге — Расулгъа да, Ахматха¹ да менден, соруп, салам айт. Народный шуехум² а чыкългъанмыды? Мени соргъланлагъа барысына да салам айтырса.

Санга бек тансыкъ болама. Андан башха хатам жокълду. Аллах бергенни керюрбюз. Къладарыбыз кълалай эсе, алай болурбуз.

Мен ырахатма. Кесиме деп бу сёлзени такългъланма да, орус кълышны кълар жаугълан кюнлеринде аланы кеси кесиме кълатлай — айта турама:

Тюнгюлмей тур, жуума кълал,
Ийнан, чагълар деп эрик,
Кълыйын кюнде кълаты бол,—
Олду адам этерик.

Элизат, ханым! Сени бла сынагълан кълуанчымы мен саулай жашауумда да сынамагъланма. Сен манга берген зауукълну чеги жокълду. Санга сюймеклигим — мени насыбым, уллу кълуанчымы, кълочюм да болгъланды. Ол кълуанчны сынамай, бу дуниядан кетмезге манга жашау кеси алай оноу этген болур. Аны ючюн санга алай ыразыма, жаным кълурман болсун!

Хайда, жаным, хайт деп, иги тур!

Кълучакъллайма, башыгдан аягълынга дери уппа этеме!

Кълыйсын

* * *

Элизатха

Кълыш эди. Юйледе от жана,
Сени бетинг ариу кълызарып.

¹ Кълулийланы Ахмат, Кълыйсын бла Элизатны жашлары.

² Кълочюкланы Шабазны жашы Мухаммат, РФ-ни халкъ артисти.

Къар, умутларынг кибик, жангы,
Анда сени аякъ ызларынг.

Къыш эди. Къаргъа бла санга,
Тийре акълыгына къууандым.
Бююн, ол ингирни сагъына,
Бу сёзлени айтама андан.

Къыш эди. Терекле, арбазла,
Юйле да акъ болуп жангыдан,
Сени ол ариу ауазынга
Тынгыладым, бара жанынгда...

Къыш эди. Къар жерни акъ этип,
Юйледе адамла от жагъа.
Ол кюн къар алай жангы эди,
Сюймеклик да аныча жангы!..

*1980, март
Москва
Саусузла юйю*

* * *

Жангы къар, мени суйгеними
Сен терезесини аллында
Агъаргъанынг ючюнге — санга
Къалай ыраыма мен мында,—

Бийик жеримден узакъда!
Ол, сени акълыгынгы кёрюп,
Татлы сагъыш этгени ючюн,
Алгъыш этдим санга кёп кере.

Бийик ахшам жулдуз! Суйгеним,
Сени кёрюп, ойлары татлы
Болуп тургъаны ючюн — санга
Ыраыма, тангым тынч ата.

О, ариуума агъаргъан тау!
Бийиклигинг, акълыгынг ючюн
Ыраылыгымы ал мени
Ай бурун кибик тийген кече!..

*1980, март
Москва
Саусузла юйю*

Бек кѳууанама бу жер юсюнде
 Санга жулдуз жаннганына,
 Сен анга, сабыр кѳарац, суююне,
 Кѳар — сен кѳр деп жаугѳанына.

Бек кѳууанама — жаз, жашиллигин
 Алып, санга келгенине,
 Жауун, хапарын айта желлеге,
 Жаугѳанын да кѳргенинге.

Тапг жарыгѳы юйюнге киргени,
 Бир хата болмай юйюнге,
 Гюлле кѳызаргѳанларын кѳргенинг
 Ючюн кѳууандым кѳп кюнде.

Кѳанатлы кѳалгѳанды азатлайын,
 Жыры да жарыкѳды андан.
 О, санга кѳууанч берген затланы
 Барысына да кѳууандым!..

*1980, март
 Москва
 Саусузла юйю*

Элизат! Бу сизни жазылгѳан юч назмуну сизге, ашыкѳмай,
 тап окѳугѳуз деп небиз. Дагѳыда бардыла назмула, машин-
 касыз жангы кѳагѳытха кѳчюрген кѳыйынды.

Элизатчыгѳым!

Бюгюн санга экинчи кѳагѳыт жазама. Асыры уколла эт-
 генден — сау жерибиз кѳалмагѳанды, болсада, сизге кѳа-
 гѳыт жазгѳан да — жаныбызгѳа асыуду. Мында — мени па-
 латамы кѳатында холлда бир кавказ элчикни (кѳаяла тюбюн-
 де) акѳтереклери бла сураты (живопись) барды да, кюн чы-
 гѳып, анга кѳарайма да, ол да жюрегиме асыу болады, тау
 элледен бири кибиц алай кѳюнеди да! Алай эте турабыз.
 Тырнагѳан да этебиз. Ондан артыкѳ назму жазгѳанбыз.
Энтта жазаргѳа умут этебиз. Иншаллах!

Биринчи конвертге салгѳан назмулагѳа нѳгерге энтта бир
 назму жибереме. Бир окѳуп кѳрюгюз, ханым! Кѳп жазабыз
 десек, арып кѳалабыз. Аны себепли кѳысха жазып кѳоябыз.
 Айып этмегиз. **Расулгѳа, Ахматха — салам! Юйге сѳлешсегиз,
 Эльбайгѳа. Бислиматха, Бѳлагѳа менден, соруп, салам айтыр-**

сыз. Хайдагъыз, сау туругъуз, къууанч бла жолугъайыкъ,
жаным кибик кѳрген Элизатчыгъым!

Къучакълайма, уппа этеме.

Сени Къайсының

27 март, 1980

Москва. Ауругъанла юйю

Энтта къыйынлыкъ келди,
Ёлюм жаный жангыдан,
Къара къайгъы кѳлюнгде, —
Къоркъаса сен жанынга.

Энтта ауруу — нѳгеринг
Бу къарлы къыш чагъында.
«Жаз келир, жер кѳгерир,
Баллиле акъ чагъарла!» —

Дейсе, жанынга къоркъа,
Тауларынгдан узакъда,
Къарайса орус къаргъа,
Эсге тюше кѳп затла.

«Чегемде тереклерим
Чакъгъанларың кѳрмейин,
Къалсам а мен, кюнлерим
Бошалып, онг бермейин?» —

Дей, жатаса, таулагъа
Термиле, сабий кибик.
Жолгъа, сыртха, талагъа
Къарагъан таула — бийик!

Кѳл этгенден бек кючюнг
Жокъ бюгюн жер юсюнде.
Беклик сууундан ичип,
Айтаса сен кесинге:

«Тюнгюлмей тур, жуума къол,
Ийнан, чагъар деп эрик,
Къыйын кюнде — къаты бол, —
Олду адам этерик!»

1980, март

Москва. Саусузла юйю

Элизатым! Ханым!

Санга айтырча жангы зат жокъду. Алай дагыда телефон бла айтхандан сора да, акъ къагыт бетинде жазылган саламыбызны сизге айтыргъа суйюп, андан жазама. Жанымы къыйыры! Мен, санга айтханымча, хайт деп турама, Аллахны къадарына бла кѳрген иги тюшлерибизге ийнанып турабыз.

Санга, жерибизге, Ахматчыкъгъа, жууукъларыбызгъа да тансыкъ болганма. Андан башха бир хатам жокъду. Къараган бек иги этдиле. Бу саусузла юйюню ичинде **Зимний сад** барды, бош кезиуомде анда олтурама, окъуйма. **Дон-Кихотну** бюгюн эрттенликде жангыдан окъуп бошадым. Ол бек иги иш болду, ол китапны юсюнден жангыдан кѳп оюм этдим. Бюгюннге дери 13 назму да жазганма — мен къарт графоманма да, жазмай чыдаялмайма. Керти — оюнсуз — мен бир зат этмей туралмайма — хар заманда да аллайма. Мында бир зат да этмей, ырахат туругъа керек эди, алай къолумдан келмейди.

Жаным кибик кѳрген Элизатым! Сен манга берген зауукъдан иги дуняда жашаган жаннга, ёлюп кетерик адамгъа зауукълукъ жокъду. Расулгъа бла Ахматха менден салам айт. Хайт деп тур, къайгъы этме. Сен къыйнала болурса деп бек жарсыйма.

Хайда, сау кѳрюшейик, Аллах хатадан сакъласын барыбызны да!

Къучакълыйма, уппа этеме, Элизатчыгъым!

Сени жаны кибик кѳрген *Къайсын*.

2 апрель, 1980

Москва, саусузла юйю

О, поэтле — Дон-Кихотла!
Жараларыгъыз кѳп, ачы,
Сизни жыкъдыла кѳп атла,
Алдады жашау къууанчы.

Сизни керти пелиуанла,
Жалган пелиуанла да кѳп
Жаралы этдиле, жолла
Къаныгъызны жутсунла деп.

Жыгъылдыгъыз, иймей къолдан
Къурч къылычланы, жаралы

Болгъанда да, насып алдап,
Болгъаныгъызда да жарлы,—

Тюзлюк, адамлыкъ барына
Ийнанганлайын къалдыгъыз,
Жер кырдыгына, къарына
Сабийлеча къуандыгъыз.

Жалан сабийле ийнанган
Жомакълагъа ийнандыгъыз,
Жашау халаллыкъсыз къалгъан
Кюнде халаллай къалдыгъыз.

Терслик сизни буугъанлыкъгъа,
Тюзлюк бар деп ийнандыгъыз,
Кюйсюзлюк бий болгъанлыкъгъа,
Анга баш урмай къойдугъуз.

О, ол а къыйынды нечик —
Хурмет да жокъ, тынчлыкъ жокъ!
Чыдамлыкъ сууундан ичип,
Тездюгюз, чапханда да жау.

Кёп иги умутугъузну
Кюйдюрдюле къара отла,
Ёлмедигиз антыгъызгъа,
С, поэтле — Дон-Кихотла!..

1980, март
Москва, саусузла юйю

Элизат! Мен бу назмуну да, мен мында къаллай оюмла
эте тургъанымы бил деп, андан жибереме.

* * *

О, Гамлет! Энтта да уулу къылыч
Турады, гунч болмай жерни юсюнде.
Жашагъан а энтта да туююлдю тыпч,—
Сени жойгъан жарала да эсимде!..

Дания патчахлыгъында хар бир зат
Иги болгъан сунма — бал да, уу да бар,
Кёп кюнле, къыяма келир деп, оза,
Кёп кече, къара болуп, жауады къар.

О, Гамлет! Ол уулу кыылыч салгъан
Жара не ачыды, ёлтюрюр жара!
Кесим жарлы болгъанда да, санга
Жарсыдым мен, къан жугъу жауун
жауа!..

О, Гамлет! Бюгюн да уулу кыылыч
Кюсейди къан, сени таза къанынглай!
О, бюгюн да жашагъан туююлдю тынч,
Сабийлени уу кыылычдан къоруулай!..

1980, март
Москва, саусузла ююю

Элизат! Мен мында быллай сагъышла, оюмла эте, алай
турама.

Сау кёрюшейик!

Къ. Къ.

27 апрель, 1980
Москва

Элизат, хапым!

Мени саламымы ал. Телефон бла айтханымча, бек иги барып, бир хатасыз Венгрияда айланып, Будапештден ырахат къайтдыкъ. 23 апрельде Симоновну юсюнден, 24 апрельде уа — Тихоновну юсюнден жыйылыуда болуп, сёлешип, 25 апрельде тюшден сора бнягъы саусузла юююне къайтдым (кесими 627 номерли палатама). Санга бек гансыкъ болгъанма. Андан башха бир хата жокъду. Бек хайт деп жюрюдюк. Хар зат да иги болуруна ийнанганлай турама. Болсада жаны сау адам сагъыш этмей болмайды. Кёп затланы юсюнден сагъыш этебиз. Ол оюмларыбыздан бири — «Таукелликни тыякъ этип» — деген сёзле бла башланган жангы назмубузду. Аны да сизге иебиз.

Энди, жаз кечигип келгенлигине, жерибизде терекле чыгып, жашил болуп, кырдык иги чыккыган болур. Тюнене Света да Чегемден сёлешген эди. Хар зат жериндеди, хата жокъду, тереклеге да къарагъандыла, Бойнакъ да семирп турады дегенди.

Расулгъа бла Ахматха бизден уллу салам айтыгъыз, юйге сёлешсегиз (Къанхатаугъа), алагъа да — салам.

Хайдагъыз, жанымы кыйыры, сау туругъуз, къууанч бла, сау-саламат кёрюшейик! Къучакълайма, уппа этеме, жаным, Элизат.

Къайсын

Тамбла да нерме жангы кыагъыт бла жапгы назмула.

Таукелликни тыякъ этип,
Къаллай чынгылладан ётдюм!..
Бу аурууну чынгылындан,
Къаясындан, чунгурундан
Ёталмагъанлайын къалып,
Ёмюрге тыйылып аллым,
Къаллыкъмы болурма алай,
Менсиз келе кюнле, айла?
Ахыр чынгылыммыды бу?
О, азатлыкъда баргъан буу!
Нечик сукъланама санга,—
Саулугъунгу этчи саугъа!..
Сени кёреме хар кюнде
Бу саусузланы юйюнде.
Мен, кёп да къутула келип,
Бу жолму жетеди ёлюм?
Жашау, мен бу жер юсюнде
Сени суюдюм, сени суюдюм,
Дайым санга къуллукъ этдим,
От кёпюрлерингден ёте.
Мен сау чыгъарча кёп тангига —
Болуш манга, болуш манга!
Мен бу жол тюшмезча отха,
Жашау, къутхар! Энтта къутхар!..

1980

Апрель. Москва, саусузла юйю, Мичурин проспекти, 6

Элизат, жаным!

Биринчи къагъытымы ызындан экинчисин неме. Жангы халпарым жокъду. Жалан да мында жазылгъан назмуларым бардыла да, энтта да аладан ючюсюн жибереме. Ол санга хурметимди. Сенден сора кишиге да назмуларымы жибермейме. Мени хатымы чыгъараласыз да?

Сабийлеге салам айтыгъыз. Алгъыш биргеди. Сау кёрюшейик.

Къучакълайма, уппа этеме, Элизатым!

Къайсын

*27 апрель, 1980, Москва
Саусузла юйю*

Таула да, сен да узакъда.
 Сиз бир хатасыз турсагъыз,
 Ырахат, жарыкъ болсагъыз,
 Къыйналмагъанча бир затдан,—

Турурма мен мында алай,—
 Къалгъанча ауруусуз — эсен.
 Мени дарманым болгъанлай
 Къалдынг, халалым, эслим, сен.

Таула, сабий кюнлеримде
 Кибик, агъара болурла.
 О, менсиз ингирлерингде
 Сен къарап тургъан акъ къырла!..

Мен таулагъа бла санга
 Бирча тансыкъ болгъанымда,
 Кюсеуде ёте хар сагъат,
 Сизге баш урама мындан.

Мында агъара къайынла,
 Умут терегим да ёсе.
 Энтта,— келгенде къыйынлыкъ,
 Ханым да — сен, жаным да — сен!

Мындагъы къыш — сууукъ, къарлы.
 Анга къарай, этдим эсеп:
 Мени ёлюмден къутхарлыкъ
 Сундум — тауларым бла сен!

1980. Март. Москва, саусузла юйю

* * *

Юйюбюзге палах кирген
 Кюнде ангылайбыз иги:
 Не къыйынды аны кёрген,
 Ол келсе да башха юйге.

Сен сахнагъа чыкыгъанында,
Ётгенча бийик къаядан,—
Жюрегинг ачыгъанында
Башхала къыйынлыгъындан,

Мени къайгъым да къошулсун
Рольда къайгъыларынга,—
Мында мен кёп болама сын,
Къарай орус къарларына.

Къарла — акъ, къыйынлыкъ къара,
Чек жокъ адам жарсыууна.
Файгъамбарла да, ауара
Бола, ичдиле суундан.

Ол суугъа жокъду таркъайыу,
Ол черек тохтамай бара,
Уулайын къалып къалды уу,
Бушуу, ачыу дайым — къара.

Сен, сахнагъа чыкъсанг, мени
Жарсыуум да тюшсюн эсге.
Юсюнде бу эски жерни
Жарсыуу къалды, болмай эски!..

1980. Март. Москва

* * *

Саусузла юйюнде — кече
Бла мен, узакъда — Чегем.
Мен, къайгъы суундан иче,
Жарсыууму жокъду чеги!..

Саусузла юйюнде — жылы.
Тышында уа — къар жапхан жол,
Узакъда къалгъанды Жылгы,
Биргеме ахлу, тенг да жокъ.

Саусузла юйюнде — кече.
Жарсыуум бла мен бирге.
Къарлы туманланы ичи
Бла Чегемден ит юрген

Тауушу келеди бери,
Жюрегиме асыу бола,—

Сүйген итим Бойнакъ юре,
Баргъанча мен аны бла.

Саусузла юйюнде — кече.
Биргеме — ачыуум — къайгъым.
Ай да чыкъмады бюгече,
Къарар эсем да мен айгъа!

Саусузла юйюнде — кече,
Узакъда, узакъда — Чегем.
Кюн сайын таркъая кючюм,
Жангызлыгъымы жокъ чегин!..

Элизат, жанымы кыйыры!

Санга, тауларыбызгъа, ахлулагъа тансыкъдан башха,
март айындача туююлдо энди, бир хатам да жокъду. Бизни
графоман болгъаныбыз ючюн айып этмегиз — назмула жибе-
рип кыйнайбыз. Ол — сизге артыкъ хурмет этгенлигибизди
ансы, бир кишиге да назму ийип кюрешмейбиз.

15—20 майлагъа къайтыргъа умут этебиз. Не билейим —
жиберирлеми, жибермезлеми!

Мен бек иги туругъа кюрешеме. Сиз да алай этигиз. Са-
бийлеге салам айтыгъыз, бизни соргъанлагъа да.

Хайдагъыз, алгъыш биргеди! Сау кёрюшейик! Къучакъ-
лайма, жюз кере уппа этеме!

Къ. Къайсын

5—V—1980

Москва. Саусузла юйю

* * *

Энтта жатама саусузла юйюнде,
Онг жокъ тауда сууладан ичер кибик.
Жапсарырча бу кыйынылы кюнюмде,
Анам жокъду къатымда чегер кибик.

Кюн кетеди, жарсыу эте, сытыла,
Ахшам къарангысы жатады къаргъа.
Азап чекген, термилген сагъатымда
Анам жокъ мени кёзюме къараргъа!

Чегемде ахлула жокъларла кенгден,
Мен хайт деген, иги тургъан сунарла.

Бу ёлюмден кьоркъя жатхан кюнюмде
Анам жокъ талгъан башымдан сыларгъя!

Мен кьайтсам, кьайтмасам да ары,
Жаз жауунла тау жолланы жууарла.
Келгенинде кьарангы кече арам,
Анам жокъду кезлерими жумаргъя.

Жатама, тауланы, саулукъну кюсей,
Жашауну, ёлюмню да бирча тергей.
Жатама, жилиууму эте кесим,—
Анам жокъду, ёлсем, жилиу этерге!..

1980. Март. Москва. Саусузла юйю

* * *

Бойнакъ, мени унутмай
Турамыса Чегемде?
«Къалмам,— дейме,— кьайтмай!» —
Мен кюнюмде, кечемде.

Инсан эсинг болгъанча,
Жолугъя эдинг, келсем.
Сен, жарсып, юрме анча,—
Къайтырма сау-эсен!

Бойнакъ, Бойнакъ, сынсыма,—
Келирме, болуп иги.
Мен мында къаллыкъ сунма,
Къайталмайын юйге.

Чегемге кьайтырма,
Къууанырса жангыдан,
Бу назмуну айтырма,
Чёгюп сени жанынгда.

Сен, къууанып, юрюрсе,
Ангылап назмуланы.
Бойнакъ, ийнан, кёрюрсе
Биргеме кёп жазланы!..

Башыбызда уа — энтта
Кёп жулдузла жанарла,
Къууандыра жер, кёк да,
Къар, жауун да жауарла.

Кюннге да жылынырбыз,
Къарарбыз жангы отха,
Энтта бирге турурбуз,
Кёре тангны атханып.

Кязим назму этгенча
Къара итине эртте,
Кюнюм зыраф ётгюнчю,
Саанга назмуму эгдим.

Бойнакъ, къоркъма, келирме,
Насып терегим ёсер,
Худур, эт да берирме,
Энтта къууанырса сен.

Биз кёрюшмезлик сунма,
Арбазны сакъла иги.
Бойнакъ, къоркъма,— мен саума,
Къоркъма, — келирме юйге!..

1980. Апрель
Москва. Саусузла юйю

Юрмала. Дубулты
22 июль 1980

Элизат, ханым!

Сизге, жаныбызны кыйыры болгъан Элизатыбызгъа, соруп, салам айтабыз. Телеграммаларыбызны алгъан болурсуз, сёлеширге уа бир да аямай кюрешгенбиз, болмагъанды. Биз турабыз, жокъду хатабыз. Алай быйыл бери келгенибизге бек сокъуранабыз — болмагъанча сууукъ, жауунлуду, биз бери келгенли онеки кюн болду, кюнню мында жалан да эки кере кёргенбиз. Артыкъ да Азаматны¹ келтиргениме жарсырма — не жууунургъа, не кюннге жылыныргъа амалы жокъду. Азамат кесин бек иги жюрютеди, мени жарсытмайды. Столовагъа мени бла жюрюйдю, айтхан сагъатымда — 11 келип, жатады. Ол жанындан иш игиди. Азамат андан сора да бильярд ойнайды. Ма мында, Юрмалада, бизни жашауубуз алайды. Мен тохтамай, кюн сайын ишлейме. Солургъа керек эди, алай орус тилинде жангы китап хазыр этерге керекди. Китапха «Ночь и рассвет» атагъанма. Сени циклинги да, «Мой поздний свет» деп атап, подстрочник этгенме. Бек кыйын эди, алай этгенме. Бек иги переводчик (Къыргъыз-

¹ Къулийланы Азамат, Къайсын бла Маканы гитче жашлары.

станда ёсген, мен атасын да таныгъан) **Михаил Синельников-ха** бергенме окъургъа, ол аллыкъ болур. Ол мындады да, кеси келип, айтыргъа ийменип тургъанма ансы, сизни затларыгъызны кёчюрюрге эрттеден къаст этип турама дегенди да, окъургъа, жаратсанг, кёчюрюрге деп, кёп зат бергенме. Ол, окъуп, жаратхан, аны жүреги ушатхан затланы алса (ол аны бюгюн этерик болур), санга дагъыда жазарма. Бек кёп подстрочник этгенме, жангы затла да жазгъанма. Къысха — бек къаты ишлегенме. Саусузла юйюнде да алай этип туруп, энди мында да алай ишлеген тынч туююдю. Алай низам, къаты низам бла ишлейме,— кюн не осал болса да, салкъынлыкъны да алып, тенгиз жагъасында кюнден юч кере — эртенликде эртте, тюшде, ингирде да айланама. 11 жатама. 6—7 къобама. **Эмегенбиз!** Ма алайдыла ишле, жанымы къыйыры. Биз 5—6 августда келирбиз деп турабыз, Иншаллах! Сиз къагъыт жазаргъа энди жетишалмазсыз, ары-бери кетерик болсагъыз, бизге биринчи августха дери телеграмма беригиз. Бек тансыкъ болгъанма, жаным! Биз мындан 3 августда 12 сагъатда кетерикбиз. Хайда, сау кёрюшейик!

Къучакълайма, уппа этеме.

Къайсын

Сабийлеге менден салам айг!

23—VII—1980
Юрмала

Элизатка, салам!

Тюнене санга къагъыт жазып, почта ящигине атхан эдим. Мен ол къагъытда жазгъанымдан башха тюрлениу жокъду. Миша Синельников 40 чакълы назмуну кёчюрюрге алгъанды. Ол назмуланы ичинде сени циклинг да барды. Бек жаратып алгъанды, иги этерине мен ийнанама. Ол аллай бир назму алгъанына къууанып турама. Хатабыз жокъду, турабыз. Ишими этерге кюрешеме. Сен къалай тура болурса деп, кёп сагъыш этеме. Бек тансыкъ болама. Андан башха жангы хапарым жокъду. Сизникиле барысы да тынч болурла деп ийнанып, аланы барына да салам иеме. Чегемден хапар жокъду. Мындан селешип болмайды. Хайда, жаным, сау кёрюшейик. Къучакълайма, уппа этеме. Сени да, сабийлеринги да, экибизни бар жууукъларыбызны да, жарлы жерибизни да Аллах хатадан сакъласын!

Сени жаным кибик кёреме! Сау тур!

Къайсын

Элизат, ханым, эрттен, кюн, ингир, кече ахшы болсун!¹

Мени хатам жокъду, ишим кѣпдю ансы — не хылы-мылы да бизге азмыды! Сиз да иги солуй болурсуз деп ийнапып, къууанабыз. Қъалайсыз? Тенгизни тауушуна тынгылайсыз, аны женгине къарайсыз, зауукъ этесиз да?

Мен тюнене (21-ринде) Эльдарланы² элтип, Минги тау тий-ресине барып келдим. Ариулукъну чеги жокъ эди! Жомакъ, жомакъ! Аллах халкъыбызгъа бар насыпны да орунуна бу жерибизни ариулугъун, бийиклигин бергенди да. Энтта мен анга ёмюрюмде апы тюненеге дерн кѣрмегенча алай къарадым. Зауукъ, уллу зауукъ. Бизни саулугъубузну хатасы жокъду. Хар кюнден ишибизни этерге кюрешибиз.

Мен сиз кетген кюнню экинчи кюнюнде окъуна сизге телеграмма берген эдим, Алгъан болурсуз. Сизден а хапар жокъду. Барып, Мухажир³ къарындашынг бла иги кесек олтуруп кетгенме... <...> Сау туругъуз, жаным, къучакълайма. Уппа этеме. Бир амалым болса, келирме... <...>

Элизат, жаным!

Бу сизге экинчи къагъытыбызды. Жангы хапарыбыз болуп да жокъду, тансыкъдан жазабыз. Угъай, терс айтама, жангы хапарым да барды. «Боевая слава Кабардино-Балкарии» деген китап чыкъгъанды да, анга тюкенде къарай келгенимлей, Эльбанны⁴ юсюнден кѣргенме да (сураты бла да) алып, ишге элтип, столума салып къойгъанма. Келгенингле, санга берирме. Ол китап шѣндю чыкъгъанды. Эльбай да кѣрген болмаз.

Бек тапсыкъ болгъанбыз, сизни тюшюбюзде да кѣребиз. Элизатка! Хайда. Сау-саламат бол, иги солу. Сау кѣрюшейик. Къучакълайма, уппа этеме. Бек сюеме!

Къайсын

23 август 1980

ЧЕГЕМДЕН — СОЧИГЕ

Элизат, Элизат,
Сынама аман зат,
Кѣп жылны, кѣп жылны,
Кюнюнг бола жылы!

¹ Штемпельге кѣре, къагъыт 1980 жылда 23-чю августда жиберилгенди. (Къ. Э.)

² Къулийланы Эльдар, Къайсын бла Маканы тамата жашлары.

³ Къулбайланы Мухажир Ахмат улу, ол заманда КПСС-ни Къабарты-Малкъар обкомуну секретары.

⁴ Къулбайланы Османни жашы Эльбай, Элизатны атасы.

60-е годы

Элизат Кулиева. 1959 г.

В Хуламо-Безенгневском ущелье. 1959г.

На сенокосе

Давид Кугультинов и Кайсын Кулиев

Чингиз Айтматов и Михаил Дудин на праздновании 60-летия поэта. Нальчик. 1977 г.

Чингиз Айтматов и Кайсын Кулиев

Поэт с волкодавом Абреком во дворе своего чегемского дома.
1981 г.

Тембог Керашев и Байсын Кулиев с супругами. Майкоп, 1981 г.

Олесь Гончар, Анна Ковусов и Кайсын Кулиев в Дубултах.
1980 г.

Александр Межиров, Кайсын Кулиев, Элизат Кулиева

Нодар Думбадзе и Кайсын Кулиев

Маршал Иван Баграмян и Кайсын Кулиев

Григол Абашидзе, Камиль Яшен, (?), Кайсын Кулиев

Кайсын Кулиев, Мария Урматова, Зульфия, Элизабет Кудиева.
г. Ташкент, Афро-Азиатская конференция, 1983 г.

Нодар Думбадзе, Кайсын Кулиев, Михаил Дудин, Ираклий Абашидзе

Ректор Ереванского университета академик Сергей Амбарцумян и Кайсын Кулиев. 1983 г.

Кайсын Кулиев с сыном Ахматом. Последняя фотография.
Декабрь 1984 г.

Бир аламат сунуп,
Бек суйгюн Къайсынны!..
Бир хатасыз къайт,
Манга кен хапар айт.
Жолунг болмай къыйын,
Сау-саламат къайт!
Элизат, Элизат,
Тангынг ахшы болсун,
Кюнюнг ахшы болсун! —
Кеченг ахшы болсун! —
Деп тилейди Къайсын,
Тангынг жарыкъ атсын! —
Деп кьойду къарт Къайсын,
Серлик жетген къартчыкъ,
Доп-доп этген къартчыкъ,
Сёзле тизген Къайсын,
Сени суйген Къайсын,
Тансыкъ болгъан Къайсын,
Сакълап тургъан Къайсын.
Элизат, Элизат,
Жокъ санга жетер зат!..

Чегем, 22—23 август, 1980

Элизат! Бу назмуну, жаным, санга жубанчха деп жазгъанма.

Къ. Къайсын

Салам, Элизатчыгъым!

Мындан алгъа жазгъан эки къагъытыбызны да алгъан болурсуз. Тюнене, ол сизни бла олтургъан дорбунубузгъа барып, къурманлыкъ ашап, алай къайтдыкъ. Эсигиздемиди — сизни тобукъларыгъызгъа башымы салып, кырдык да, терекле да битген уллу ташны юсюнде жукълагъаным? Энтта аны юсюнде, Сизни эсиме тюшюре, бираз жатдым. Жолда Сафарбий¹ ол бирге Чегем ауузуна баргъаныбызда жазылгъан кассетаны салды да, эки жырыгъызгъа да тынгыладыкъ (бешалты кере). Бек таза жазылгъанды. Ах, къалай аламат жырлайса! Алай жюреги бла, алай жанынга жетдирип, жюрегиги титиретип, бир певица да жырлайлыкъ туйюлдю. Бек драматично жырлайсыз да. Бек иги, бек иги! Сау болугъуз.

¹ Къудайланы Сафарбий, Къайсынны экиге айланган къарындашы.

Сиз бек фахмулу жансыз, бек. Сизге халкъ артисткасы деген атны бермей тургъан адамлада не жүрек, не билим, не адамлыкъ жокъду. Алагъа фахму, искусство да керек туююлдуле. Болсада, сёзсюз, сен ол атны алай кёп турмай аласа.

Бюгюн ингирде Эльдарланы ашырама. Сизге барыргъа аллай ишле онг бермей турадыла. Сиз иги солуй болурсуз деп ийнанып турама. Хайда, алгъыш биргеди. Сау кёрюшейик. Къучакълайма.

Къайсын

24 август, 1980

Бек тансыкъ болгъанма! Сенн суйгеним — жашаргъа, ишими этерге да кюч береди.

ЧЕГЕМДЕН — СОЧИГЕ ЭЛИЗАТХА

Суймекликсизлейин жыр да
Адамыча этилмез.
Азат баргъан журну да
Арулулугъун кёз кёрмез.

Суймеклик — гюл ёгени,
Энтта махтайбыз сени!

Суймекликсиз гыржын да
Иги этилмез, бишмез.
Суймекликсиз бир жан да
Жашау татыуун билмез.

Суймеклик — чакъгъан шаптал,
Ёмюрге алайлай къал!

Суймей ашалгъан аш да
Бир да татыулу болмаз,
Хар этген затынг бошду,
Суймей этсенг, къыймат аз.

Суймеклик — жаз жарыгъы,
Жашауну этген жангы!

Суймекликсиз — тар жол да.
Бир жарыкъ да жокъ алда.

Сюймекликни ажал да
Хорлаялмайын кьалды.

Сюймеклик — уллу сауग्ъа,
Бар махтауубуз санга!..

23—24 август, 1980

Чегем

Муну да сизге тансыкъдан, сиз эсибизде тургъандан этгенме. Дагъыда аз болса да, эрикгенинги кетерир, Элизатка — жанымы жулдузу!

Къ. Къ.

Элизатым!

Сизге къагъыт жазмай бир кюн да чыдаялмай башлагъанбыз. Айып этмегиз, къыйнай болурбуз! Тюнене ингирде Эльдарны ашырыргъа аэропортха ётген эдик да, Сафарбий бла энтта кёп тынгыладыкъ эки жырынга да. Керти да аламатды. Ах, мен санга къалай тынгыладым! Ол жырланы алай бир жан да жырлаяллыкъ туююлду. Санга Аллах фахмуну, сюйдюмлюлюкню да бек чомарт бергенди, сен дунягъа бек иги кюн туугъанса. Сенден фахмулу таулу тиширыу жокъду. (Орусча айтханда: — Ты сегодня самая талантливая балкарка, истинный художник, действительно выдающаяся актриса!) Бир таймай искусствонга къуллукъ этерге керексе. Алай этсенг, аны санга жашау бир кюн болмаса да, бир кюн къайтарыр, эртте-кеч болса да, къайтармай къоймаз. Художник дайым да алай жашайды. Мен сени жырлагъанынга тынгылагъанда, мени жюрегими ачып къараргъа бир амалынг болгъа эди! Сени кибик тиширыула аз боладыла. Я обожаю тебя и твой талант! А то, что ты — выдающийся талант, лучше меня никто не знает и не понимает. Иги солу. Даражангы, фахмунгу даражасын эсингде тут. Бек, бек сюеме, тансыкъдан ёлеме, сакълайма!

Сау кёрюшейик, жанымы къыйыры!

Къ. Къайсын

ЧЕГЕМДЕН СОЧИГЕ — ЭЛИЗАТХА

1

Къара тенгиз бойнунда,
Сочи шахарда мени

Сен эсинге тюшюре
Эсенг, ийнагъым, сау бол.

2

Мен а мында, Чегемде,
Не кюн, не кече сени
Унутмайма, жукъласам,
Кёрюнесе тюшюмде.

3

Кетмейди да сыфатынг
Такыр да кёз юсюмден,
Ол ариу атлагъанынг,
Къарагъанынг да манга.

4

Сейир ауазынг эсде,
Таймай... эштеме аны,
Ол кёкден эштигенлей,—
Жулдузланы ичинден.

5

Гитче юйчюгюмде мен,
Къошунбаш юйчюгюмде,
Жазу эте, арбазда
Бойнакъ итге аш бере

6

Тургъанда да, эсимден
Кетмейсе, татлы сагъыш
Эте сени юсюнгден,
Алай турама, эрттен,

7

Ингир келсе да, акъсыл
Булутлагъа къарасам,
Не да жулдузлу кёкге,—
Сагъышларым бек татлы.

Эштемисе, Элизат,
 Жюрегими жарыгъы? —
 Бу назмуну да санга
 Тансыкъ болгъандан этдим.

Назмум — терк къарылгъачым,
 Ашыкъ, бар суйгениме!
 Къол аязына къонуп,
 Жарыкъ жырынгы жырла.

Къ. Къайсын

24—25 август, 1980
Чегем

30 август, 1980
Мин.-Воды

Элизат, ханым, салам!

Аэропортда къагъыт да табылмай, бу блаклада жазама. Мен бююн Азаматны Ленинградха, Сагитни жашын — Ташкентге ашырып, 12 сагъатда сизни кёрюрге учама деп келгенме да, энди кюндюз 12-де кетерик самолётла — кече сагъат 12-де, не да тамбла кетерикдиле дегендиле да, бююнлю сакълайма. Самолётла аз учуп хар жанына да, адам кепден кирир жер, къымылдар амал да жокъду. Аны себепли, жашланы къоюн кетерге амалым болмай, планым бузулду. Иш кюнледе барыргъа уа амалым жокъду — ол Союз кибикиде кесим къалгъанма. Алай бир амал бола, Сизге барыргъа — умутумду. Сёз берген эдик да, Сизге берилген сёз хар заманда эки болургъа жарарыкъ туююлду — ол бири. Экинчиси уа — Сизге бек тансыкъ болгъанбыз. Биз Сизни, къартлыгъыбызгъа да къарамай, жаныбызча кёребиз. Сизни кёрюрге бек термилебиз! Бир амал болса, бир кюннге болса да, келирбиз. Бююн Мухажир къарындашынг да мында эди, кимге эсе да жолугъуп, алып кетди. Олтуруп, бирге чай ичин, хапар айтдыкъ. Бизде кюн иссиди, арнуду. Сизни телеграммагъызгъа уа биз, бек иги хапаргъа къууанган кибики, къууандыкъ. Сизден келген хапардан иги хапар бизге къайда!

Хайдагъыз, сау кѳрюшейик! Къучакълайма, уппа этеме,
жаным! О, ханым, Элизат!

Къ. Къ.

Къагъытым сиз кетгинчи жетерми — не билейим!

Элизат, жанымы къыйыры!

Бир хатам жокъду, бек иги турама, сизге чексиз тансыкъ
болгъандан башха бир зат да къыйнамайды. Сизге жазыл-
гъан жангы назмуларыбызны машинкада зарф этгенбиз да,
аланы, эки конвертге салып, жиберебиз.

Сабийлеге, бизни соргъанланы барына да салам айты-
гъыз. Сау-саламат туругъуз. Алгъыш биргеди. Къучакълай-
ма, уппа этеме.

Къайсын

26 октябрь, 1980
Москва, саусузла юю

* * *

Жырлада айтылыргъа жараулу
Атынг не ариу,— Элизат!
Анымы эшитдим, мени жаралы
Этгенде уллу къазауат?

Чегемден учуп келген къанатлы
Болуп, башымданмы ётдю?
Сора турдумму мен аны къатлай,
Келе, кете ингир, эрттен?

Танг атханда, къарылгъач учханлай,
Бу ариу атынг — Элизат!
О, ол игиди — кырдык чыкъгъанлай,
Бар ауурлукъдан да азат.

Ол атны санга бердимни берген
Къоркъутмай турсун деп бир зат,
Сен жашауда не къыйынлыкъ кѳрген
Кюнюнгде да къал деп азат?

АлаMAT сѣзге болады ушаш
Бу ариу атынг — Элизат.
Ол сѣз хар заманда да — бийик, жаш,
Ол сѣз ѳлмезлик сѣз — азат!..

1980
Сентябрь

* * *

Энтта да жаз келир да, къарылгъач,
Къайтып келип, уясын
Табар, жашил болур ѳзен, агъач.
О, сени сейир ауазынг!..

Энтта да жаз келир да, черекни
Тауушун эштир жолоучу,
Биз билебиз чексизликни, чекни.
О, сен алаMAT жырлаучунг!..

Энтта да жаз, къайтып бу жерге,
Къууанчны кѣбюрек этер.
Ол сени арбазынга да жетер.
О, танг жарытыучу бетинг!..

Жаз келир, къарылгъач учар женгил,
Сен къууанырынгы суйюп,
Жашилле болурла чынар, жѳге.
О, ариу баргъанынг сени!..

1980
Сентябрь

* * *

Сени ауазынгдан ариу ауаз
Эштмегеними мен айтдым.
Исси кюн таудан ургъанча аяз,—
Алай хычыуунду атынг.

Къарылгъач учуп баргъанча — алай
Ариу атынг — женгил, жарыкъ.
Танг атханына къарап тургъанлай,
Атынга къууана, жаным!..

1980, сентябрь, Чегем

Мен игирек, тазаракъ да болдум
Сени суйгеним себепли.
Энтта да кюнлерим кѣпча алда
Кѣрюндю суйгенден сени.

Заман барады, бизге къадала,
Ким турур ёмюрге эсен?
Ыразы болурма къадарыма,
Жиляууму да сен этсенг.

Жетер да ахыр кюнюмю жели,
Къалмаз эсим, не сезимим.
Тынчыракъ да болур жатхан жерим,
Сен жумсанг эки кѣзюмю!..

1980, сентябрь, Чегем

* * *

Тиширыуну суйсенг, алай суй,
Ол санга кюнча кѣрюнюрча,
Тиширыуну суйсенг, алай суй,
Аны ючюн отха кирирча.

Тиширыуну суйсенг, алай суй,
Сен андан иги жан жокъ дерча,
Аны ючюн, Пушкин ёлгенча,
Ёлюр кибик. Суйсенг, алай суй!..

Суймеклик барда — кюн жарыкъды,
Къарангы жыжымы сѣгюле.
Межнун Лейляны суйгенлей
Суйгенден уллу эрлик жокъду.

Тиширыуну суйсенг, алай суй, —
Ол тюнюнг, тюшюнг да болурча,
Тиширыуну суйсенг, алай суй,
Ол насыпха тенглей турурча!..

1980, октябрь

* * *

Суймеклик — жарыкъ танг кибик,
Жашауум жангы, татлы,

Тауум энтта да — акъ, бийик,
Жокъ не ауруу, не къартлыкъ!

Сюймекликни жарыкъ бети,
Татлы сууу, чагъыры.
Насыплылагъа тенг этди,
Бийиклеге чакъыра.

Къууанч барына — мен шагъат,
Манга сюймеклик келип.
Таукел къарайма жашаугъа,
Жокъча къартлыкъ не ёлюм!..

1980, октябрь

* * *

Жолгъа кеч чыкъгъан жолоучу
Бютюн бек сюер жерни.
Оюм таулагъа учуп,
Ханым, бек суйдюм сени.

Бу жолгъа кеч чыкъдым. Алай
Ахшам жулдузум — жарыкъ,
Ол жана, танг жулдузунлай.
Андан жаш жулдуз да жокъ.

Оюмум татлы кеч жолда,
Баргъанча эрттенликде,
Насыплыма кюн жылыдан,
Жазны кырдыгы кёкден.

Кеч чыгъып, барама жолда,
Татлы оюм — эсебим.
Артха къайтханча жылла,
Хапым, сюеме сени!..

1980, октябрь

Хапым, Элизат! Санга айтылгъан назмуланы энтта да са-
ламым бла бирге ал. Санга бек тансыкъ болгъан

Къайсым

*1980, 26 октябрь. Москва, саусузла юйю
Мичуринский проспект, 6*

Элизат, жаным!

Бу эжинчи конвертди. Эки конвертдеги назмуланы да бир-ге кышарса. Тас этме!

Мени бир хатам жокъду. Бек сюеме! Бек тансыкъ болама!

Къучакълайма, уппа этеме, жаным кибик кёрген Элизатым!

Сау кёрюшейик. Сабийлеге салам!

Къайсын

26 октябрь, 1980

Саусузла юю, Москва

* * *

Узакъда да ёнюнг эштиле,
Сюеме сени.
Кюнле къаллай саугъа этдиле! —
Сюеме сени.

Баргъанынг кёзюме кёрюне,—
Сюеме сени.
Жарыкъ жулдуз болдунг кёгюме,—
Сюеме сени.

Ышаргъанынг кёзюм юсюнде,—
Сюеме сени,
Бар кылыгъынг таймай эсимде,—
Сюеме сени.

Жашауум да, ишим да — жангы,—
Сюеме сени.
Ахшам жулдузум болуп, жандынг,—
Сюеме сени!..

1980, октябрь

* * *

Сени атынг башланган
«Э» харфдан иги харф жокъ.
Аны айтсам, тилиме
Алай игиди, иги!

Андан жылы жокъду харф,
Андан жумушакъ, таза,
Жулдузгъа ушагъан харф,
Къарылгъач къанатына!..

«Э» харфны жазгъан манга
Алай игиди, зауукъ,
«Къууанч» не да «жаз» деген
Сёзлени жазгъан кибик.

Сени атынг башланган
Харф, тюзюмде кёрюнген
Кибик, алай алапат,
Жашил чум чапыракълай!..

1980, октябрь

* * *

Таймайын бийик кёгюм болсанг да,
Къарап, алгъыш этерме мен,
Сен бугъоугъа—шынжыргъа салсанг да,
Аланы да элтirme мен,

Уллу, сыйлы саугъаны элтгенча,
Элтirme, сыйсызлыкъ демей,
Суйген жериме алгъыш этгенча,
Санга да алгъыш этеме.

Кесими кючюм жетмей къалсам да,
Сен — бююлмез кючюм! — дерме,
Сен бугъоугъа—шынжыргъа салсанг да,
Саугъагъа санап, элтirme!..

1980

* * *

Жюрек кючюм болмай эски,
Жыл санымы алмай эсге,
Тиширыуну кючлю суюдюм.
Кимди боллукъ манга сюдю?
Базманнга ким салыр аны,
Билип игини, аманны?
Ол тиширыу башхаладан,
Игиледен, ахшыладан

Ер эсе, энш эсе да, мен,
Тюз эсе, терс эсе да, мен
Билмейме, билмем ёмюрде,—
Хар бир эрттенде, ннгирде
Къарайма мен анга, андан
Иги жокъча дунняда,—
Кёрмейме бир шарайыбын,
Кёралмайма бир айыбын.
Ол болур суймеклик деген,
Суйгенлеге насып берген.
Жокъду суйгенингден иги,—
Суйдюнг, чууакъ болду кёгюнг.
Жыл санымы алмай эсге,
Тиширыуну суйдюм. Терсге
Санарыкъ, болаллыкъ сюдю,
Сюд эт, тиширыуну суйдюм!..
Иса файгъамбарны эки
Къол аязына да бёкем
Чюйлени ургъан кибик, ур,
Эталырыкъ сунуп мугур!..
Терссе деген болсун сюдю,—
Мен жаш тиширыуну суйдюм!..
Кеси суймеген терслесин,
Ол манга терс сюдюн этсин!
Мен а энтта жер юсюнде
Тиширыуну кючлю суйдюм.
Мен, ёлюп кетерик инсан,
Къара жерге кирлик инсан,
Энтта тиширыуну суйдюм,
Мен ташларыкъ жер юсюнде!..
Тау оюлгъаныча келди,
Ырхы баргъаныча келди,
Тангны жарыгъыча келди,
Кюнню тыягъыча келди,
Сормай-ормайын, суймеклик.
Арта турмайын, суймеклик.
Жыл санымы да унутуп,
Ауурлугъун жери атып,
Тиширыуну бир бек суйдюм.
Базыналлыкъ болсун сюдю!..

1980, октябрь

Кёзден кетген — кёлден кетер! —
Керти сёз — кыйын, ачы.
Кюнле озадыла не терк,
Эски жарала ачий.

Ханым, ол сёзню кёп эштдим,
Эштдим шахарда, элде.
Энтта жел, жауун эшикде.
Манга жылы — кёлюнгде!

Мен суйген сыфатынг — бетниг
Тюшюмде да кёрюне,
Турама мен, тилек эте, —
Кетмейим деп кёлюнгден.

Егюзню да басады тер,
Ол иште, жолда талып.
«Кёзден кетген — кёлден кетер!» —
Дегенди билген таулу.

Дайым да турду кёлюмде
Кёзбауу жокъ керти сёз.
Кёп затлагъа тёзе келдинг,
Жюрегим, анга да тёз!

Анга да тёз, жарлы эте,
Ол зат башынга келсе,
«Кёзден кетген — кёлден кетер!» —
Дей, кышны жели ётсе.

1980, октябрь

Элизатым, Ханым, половчаночкам!¹

Мени тансыкълыкъ саламымы ал! Биз, Эльдар бла мен, сагъат сегиз бла жарымда Ленинградха жетдик. Купебиз бек иги эди, алаMAT жукъларым. Бу кёнакъ юйде, мен ийген телеграмманы алып, иги номер деген эдим да, бек игисин (бир суткагъа 30 сом багъасы номер) кёюп тура эдиле да, зауукъ этип турабыз. Азамат да келди. Арыкъды, мудахды. Халы ал-

¹ Бу эм муну ызындан басмаланган беш кыагъыт бир кюн келген эдиле. (Къ. Э.)

Къууанч, халаллыкъ, тюзлюк,
Жерибиз, Тауларыбыз.

Жаз, кырдык, жауун да бар,
Кёк чууагъы, жулдузла,
Сабийлени бетлери,
Сууну уа — тазалыгъы;

Поэзия, Азатлыкъ,
Музыка, танг атханы.
Манга дагъыда — Сени
Сюйгеним, этген ишим.

Эсгернулерибиз бар,
Иги умутларыбыз.
Жашаргъа деп туугъанны —
Жашаргъа болур борчу.

28 февраль, 1981
Ленинград

Элизаточкам!

Бююн, 28 февраль, Ленинградда сууукъ кюн болгъанды. Мен, чыгъып, Пушкинни сыныны къатына да барып (ол къонакъ юнню къатындады), сууукъ болуп, къайтып келип, жангызлай бу арну номерде олтуруп, эски назмуларымы да жангы къагъытха тюшюрюп, санга нерге хазыр этдим. Артыкъ да алай этгеним — конвертле арну конвертледиле да, сени къууандырыргъа деп, былай этгеним анданды. Бююн эрттенликде сегиз сагъат бла жарымда бердиле Налжикини (кече заказ этип къойгъан эдим). Сиз жууап этмедигиз. Бек жарсыдым. Бек тансыкъ болама. Кёп затла да жанымы бек къыйнайдыла, алай бек тансыкъ болама, жанымы къыйыры, жашауума жарыкъ берген жулдузум!

Сени Аллах бар хаталарындан сакъласын! Къучакълайма, уппа этеме.

Къайсын

ЭЛИЗАТ, МУНУ САНГА КЪЫЙЫН КЮНЮМДЕ
АЙТДЫМ

Къайгъымы ауурлугъу таула чакълы
Болуп, къара жел урду кёп жылладан,
Къыйын кюн, тобукъларынгы
къучакълап,
Кесингден да уялмайын, жилядым.

Хау, тиширыу кючлюдю эр кишиден.
Къыйынлыкъда болурса тыянчагъым.
Сени отунг жанып турса, юшюмем,
Къышымда да умут тереги чагъып.

Къыйын кюн, тобукъларынгы
къучакълап,
Жилядым. Сора желди ырахатлыкъ.
Жулдузум дагъыда ырахат чыкъды,
Менден узакъда, узакъдача къартлыкъ.

Тиширыугъа жангыдан этдим алгъыш,
Кёзлеринге, ышаргъанынга сени,
Манга келмегенлей къаллыкъ кибик
кыш,
Жаз манга деп сыйлы урлугъун себе.

Жашауну манга барча къара дерти,
Тыялмадым ётюр кетген жылланы,
Кёзюме кёрюне тыйгъычсыз ёртен,
Тобукъларынгы къучакълап, жилядым.

1981, январь, Чегем

Половчаночкам! Чегемде жазылгъан бу назмуну да, деф-
теримден къагъытха тюршюрюп, санга Ленинграддан неме.

Сау кёрюшейик!

Къ. Къ.

* * *

Зурнукла чыкъдыла жолгъа,
Кёрдюм — чууакъ кёк, къургъакъ жол.
Аркадий Кулешовха¹
Энди кёк да, зурнук да жокъ.

Жулдузла энтта чыкъдыла,
Сауса, алгъыш эт алагъа.
Терекле энтта чакъдыла —
Энтта жаз келди таулагъа.

¹ Аркадий Кулешов, белоруслу поэт, Къайсынны татлы тенги.

Суу жырлай чыгъады кьолдан,
Сен сауса, анга алгъыш эт.
Суусуз да, тенгсиз да кьалды
Кулешов — ол уллу поэт!..

1980

Элизат! Мында, Ленинградда, бу кыш кюн мен бек суйген Аркадий Кулешовну юсюнден да сагъыш этеме. Аны себепли ол шуехуму аты айтылгъан назмуну да сизге иеме. Бу назму былтыр жазылгъан эди.

* * *

Элизатха

Мени ауанамда, ауанамда тур,
Хар терекни бар кеси ауанасы.
Энди онгсузуракъ жанса да отум,
Игирек билдим хар нени багъасын.

Къартайгъан чынар да жаз сайын
чагъар,
Ауанасы, алгъын кибик, болур кенг,
Тюбюнде сабийле ойнарла, чаба,
Бир бутагъы да болмагъан кибик кем.

Мени ауанамда тур, ауанамда,
Ауанасындача чынарны, тауну.
Къышым, манга келе, таудан аугъанда,
Болуш, кьоркьутмазча сууугъу аны!..

Ауанамда тур, ауанамда мени.
Аны тилейди сенден бюгюн жаным,—
Чынар таукел ашырады кюнлени,
Къалгъынчыннга кесилип, отда жанып.

Хар терекни бар кеси ауанасы,
Ауанамда тур, мени ауанамда.
Ангыларса сёзюмю магъанасын,
Отун боллукъ чынарча аугъанымда!..

1981, 1 январь, Чегем

Атынгы айтсам, эринлериме
 Жангы гюл тийгенча бола.
 Ол игиликни бир затха бермем,—
 Насыplyма аны бла.

Ариу атынгы айтсам, бетими
 Тангны жарыгъы жарыта.
 Мен аны бир затха да тенг этмем,
 Таулагъа ай жарыкъ жата.

Атынгы айтсам, бийик жайлыкъда
 Гелеуле ариу сюзюле,
 Буйрукъ болду да, санга жолукъдум,
 Таула тынгылай сёзюме.

Атынгы айтсам, таза суу бла
 Жуугъан кибик мен бетими.
 Эски жараларым да сау бола,
 Сени кишиге тенг этмем!..

1981, 6 февраль, Чегем

Тауларыма тансыкъ болгъанымча,
 Санга да болама тансыкъ.
 Акъ бийиклеге къарагъанымча,
 Чегемде жашил танг атса,—

Алай къарайма, сени кёрсем да,
 Бийикле — таула бла сен.
 Къайда болсам да, не зат этсем да,
 Дайым сизге кете эсим.

Тауларым бла сеп манга бирча
 Кёрюне, турама къарап,
 Ишми кёлюм бла этерча,
 Сиз бересиз манга къарыу.

Элизатым, Элизат,
Къолунгу бери узат,—

Болуш манга, къулунга,
Къор болайым къолунга,—

Ол гырхы къолчугъунга,
Иги гумхотчугъунга!

Элизатым, Элизат,
Санга келмесин азап!

Элизатым, Элизат,
Мен жарсыгъанда, узат

Жашил чум бутакъчыгъын,
Тауда аллымдан чыгып!..

28—2—1981

Ленинград, «Европейская» къонакъ юйю

Элизаточкам!

Башынгы аурутама, айып этмегиз. Былтыр жазылгъан назмуланы, мында къагъытха кёчюрюп, сизге иебиз. Бир да къуруса да, конверт ариу конвертди. Михаил Александрович Дудин мында жокъду. Эрменистаннга кетгенди. Орлов¹ бла бюгюн туберикбиз. Тюиене Азаматны школуна барып, тамалары бла сау эки сагъатны сёлешгенме.

Хайдагъыз, ханым, сау кёрюшейик, алгъыш биргеди.

Къучакълайма —

Къайсын

28—2—1981

Мен кёп жерлени да кёрдюм,
Бардым тюзде, чыкъдым ёрден,
Кёрдюм черек шорхаланы,
Уллу узакъ шахарланы,

¹ Владимир Николаевич Орлов, оруслу поэт, литературовед.

Къалаларына къарадым,
Орамларында да бардым.
Токио, Варшава, Париж,
Манга кѣп зат айтдыгъыз сиз.
Кѣрдюм бек арну жерлени,
Тюбюнде жылы желлени,
Алгъыш да этдим барына
Мен кюндюз, кече арада.
Алай бу малкъар таулары,
Биргеме баргъанча бары,
Айырылмайын турдула,
Аязлары бурулдула,
Агъардыла тѣппелери,
Хаталаны къууа кери.
О жерим — тауларым, юйюм!
Энтта турама баш ийип
Аллыгъызда, тола кѣлюм,
Энтта да узакъдан келип!..
Сизни кѣргенимде, менден
Азат жокъду жер юсюнде,
О таула, таула!

1980

* * *

Жауа жауун, жауа къар,
Ёмюрде турду бу жол.
Къартлыкъ да, ажал да бар,
Алагъа дарман а жокъ.

Анга адам баласы
Жарсыгъанын къоялмаз,
Чачын-башын чал баса,
Кюню бола аздан-аз.

Къутулур ол хар неден,
Чам эте, жыр да тагъа.
Къартлыкъ бла ёлюмден —
Къутулуу жокъду анга!..

1980

Элизат! Кѣрти болсала да, бу сѣзлерими кеч манга, жаным!

Кѣ. Кѣ.

Адам жашады, талды,
Елдю, кетди, думп болду.

Андан ары жокъ хапар.
Жангыдан жауады кьар!..

1980

Элизат! Бу сёзлерим ючюн да — кечгинлик!

Къ. Къ.

Ханым!

Эки кюнню ичинде санга сегиз кьагъыт ийгенме. Аны ангылагъан да кьыйынды. Бюгюн да эки кьагъыт неме — он болдула! Юч кюнню ичинде он кьагъыт! **Рекорд!** Бюгюн эки кере сёлешдим, сени телефонууг тынгылайды. Жууап жокъду. Тамбла эрттенликде жети сагъат бла жарымгъа заказ этгенме. Насыбым тутса, жууап этерсе! Хайда, сау кёрюшейик, Половчаночкам! Бек сюеме, жаным киби кёреме! Къучакълайма, уша этеме.

Къайсын

1 март, 1981, Ленинград

* * *

Къ. Э.

Жарсысам да, санга ачуланып,
Тюрт сёзге сени кёзюм кьыймады.
Татлы суймеклик да ачылыгъын
Бу жол манга кёргюзтмей кьыймады.

Къачап эсе да бир болгъан затла,
Тил да, сёз да бек кьыйнагъандыла.
Бир-бирде хыйла терс сёзюн айтса,
Файгъамбарла да ийнангандыла.

Мен а файгъамбар туююл, бош адам,
Жарсыйма, жилайма, кьыйналама.
Мен сени да жарсытама андан,
Бир-бирде сын болуп да къалама:

Мен сын болама сени суйгенден,
Къыйнады деп да терсге санама.
Кёп сагъыш эте сени юсюнгден,
Къолну жүрекге да кёп салама.

Бир тиширыуну суймедим сенлей,
Бирн ючюн былай къыйналмадым,
Жилясам да, жилядым суйгенлей,
Сенден ёнгеленип да къалмадым.

Мен жигит да, акъылман да туююл,
Къыйналама, кёпле къыйналгъанча,
Кёп сёзден да, кёп тилден да куююп
Турама, кшшиликсиз къалгъанча.

Мен тургъанымда жарсып, къыйналып,
Сен: «Не болсанг да бол!» — деп кюймадынг.
Ачудан не къайнаса да къаным,
Сен терссе дерге кёзюм къыймады.

Къолдан къалай келсин терссе дерге? —
О, суймеклик къачан терс болгъанды?
Ол барда суйгенле бла бирге
Ёмюрге да терс болмай къалгъанды!

*1981, 1 март,
Ленинград*

Элизатка!

Мен акъылдан шашхан сунмагъыз! Акъыл кибигибизни ол
болгъан дыккысы жериндеди. Сизге да, жерибизге да тан-
сыкъ болама да, мынча конвертин андан неме.
Къучакълайма, уппа этеме. Сау тур!

Къайсын

* *

Кел, Элизатым, кел,
Жарсыма, къууан, кюл!

Жаулагъа ачугъа,
Жарыкъ болуп чыгъа,

Сен жарыкылайын кѳал,
Тангыга, кюннге кѳууан!

Сен манга да онг бол,—
Бек тюз боллукѳду ол!

Кел, Элизатым, кел,
Кѳоркѳма сен, кѳууан, кюл!..

*1981, 1 март. Ленинград,
«Европейская» деген кѳонакѳ юй*

Ханым!

Бу кюн бизни халкѳыбызгѳа бек кѳара кюн болса да, Ти-
ширыуланы кюнюдю. Узакѳ ёмюрлю да, насыплы да бо-
лугѳуз, жанымдан да суйген половчаночкам! Сизни Аллах ха-
таларындан сакѳласын!

Кѳучакѳлайма, уппа этеме.

Кѳ. Кѳайсын

*1 март, 1981, Ленинград, ул. Бродского, 117,
гост. «Европейская»*

Элизаточкам!

Бу кѳоянчыкѳ окѳуна насыплы болур¹, дейме, бек жарыкѳ
кѳрюнеди, дауурбас кѳакѳгѳанына кѳууана болур.

Бек сюеме, бек тансыкѳ болгѳанма, половчаночкам! Кѳу-
чакѳлайма, уппа этеме. Бу кѳоянчыкѳны да суйгени болур
эди.

Кѳ. Кѳ.

1 март, 1981, «Европейская» кѳонакѳ юй

Элизаточкам!

Москвадан саламымы ал! Минводда бираз туман эди да,
самолёт, жети бола учарны орунуна, сегизден озуп учду. Бю-

¹ Открытканы бетинде дауурбас кѳакѳгѳан кѳоянчыкѳны сураты бар
эди. (Кѳ. Э.)

гюн алты сагъатны жыйылыуда олтурдум, телевиденияда «Лица друзей» деген программагъа жазылдым. Андан къайтханлай, сизге телефон бла сѣлешген эдим. Ючюнчю кере ингирде онбирни жарымында сѣлешдим, бир кере телефонугъуз бош туюл эди, экинчи кере зынгырдатханымда уа — алмадыгъыз. Сау туругъуз. Сау кѣрюшейик! Къучакълайма, уппа этеме. Бек сюеме, жаным кибик кѣреме.

Бу къагъытны уллу шахарда санга кече жазама. Жукъла, жанымы къыйыры, тауларымы жулдузу, ырахат, татлы жукъла!

Къайсын

Москва, 19 март, 1981

* * *

Къ. Э.

Жукъла, жаным, ырахат жукъла,
Тауларыбызгъа ай тийгенде,
Мени уа тюшюнгде да жокъла,
Мен къараучу кѣкню тюбюнде.

Жукъла, ханым, сен жукъла татлы,
Жашауда бир да жокъча къайгъы.
Бюгече, кѣп кере да къатлай,
Алгъыш этдим жулдузгъа, айгъа,—

Ала энтта сени юйюнгю
Башы кѣкде жарыкъдыла деп,
Суулары кеченги, кюнюнгю
Бек жарыкъ жырларыкъдыла деп!

Ах, бюгече тауларыбызда
Ай алай жарыкъ болур дедим!
Мен баргъанча Чегем аузунда,
Мында бек татлы сагъыш этдим.

Татлы сагъыш этдим, бетинги
Ай жарытып тургъанлай кѣре.
О, суюдюм насыплы этерге
Сени, тийдирмей жашау кирин!..

Москваны кечеси мында,
Олтурама мен къонакъ юйде,
Жукъла, ханым, тынч жукъла анда,
О, тауларыбызгъа ай тийди!..

19 март, 1981

Кече

ЭЛИЗАТХА МОСКВАДАН

Къыйыплыкъ къыйнаса да,
Къычыра къара къушу,—
Таукеллик энтта сауду! —
Ол жангыдан болушур.

Къанат болурса энтта,
Ханым, къыйын кюн келди.
Сёзюнгю дарман эт да,
Ташны тайдыр кёлюмден!

Чыдамай не этерме,
Къайгъымы ким ангылар?
«Къалай сууукъду!» — дерме,
Арбазыма буз жауар.

Ханым, сен ангыларса
Деп умут этди жаным.
О, тынчлыкъ, нечик азса,
Чырагъынг мутхуз жана!..

Элизаткам! Бу кюнледе мен неге жарсыгъанымы сен иги билесе. Санга бу тизгинлени жазгъаным да мени жапсаргъанча кёрюнеди.

Аллах сени хатадан сакъласын, половчаночкам!

*«Москва» къонакъ юйю
19 март, 1981*

* * *

Къ. Э.

Жашагъан кёрмей болмаз
Жашау тынчын, къыйынын.
Кёп иги, аман а — аз
Кёр, жанымы къыйыры!

Айым, жулдузум да — сен,
Жашау алай буюруп.
Жаша, къууан, бол эсен,
Сен, жанымы къыйыры!

Мында сени атыңгы
Къатлай турама къуру.
Ырахат чыкъ кѣп тангига,
Сен, жанымы кыйыры!..

19 март, 1981
Москва. Кече

Половчаночкам, донжуаночкам!

Бюгюн жангызлыкъда, санга тансыкъдан, бу къонакъ
юйде юч назму жаздым. Алай этгеним — манга зауукъду да,
андан жазама.

Алгъыш биргеди!

Къайсын

Элизаточкам!

Ма энтта санга «Москва» къонакъ юйде жазылгъан бир
назму.

Ол тап, иги гумхотчугъунгдан уппа этеме!

Къайсын

Москва, 20 март, 1981

* * *

Санга жазсам, тауда таза суудан
Ичгенча кѣрюнюп турду,
Атынг манга саулукъ берген сундум,
Андан тау салкъыны урду.

Санга жазсам, Чегемимде чакъгъан
Тереклеге къарап тургъан
Кибик болду. Мухолда чууакъгъа
Къарай, мен таулада баргъан

Кибик, алай жазама мен санга,
Танг жарыгъы жюрегимде!
О, мен сени кѣрген иги сагъат
Жанымдан суйген жеримде!

Сени юсюнгден жазсам, танг атып,
Мен таулагъа къарагъанлай
Болады. О, сени бийик атынг —
Ол таулагъа тенг болгъанлай!

Кёп иги сёз айтыргъа
Сюйдюм мен, ханым, санга,
Болсун деп бу сен тургъан
Жерге жарыкъ хар сагъат.

Менден иги сёзлени
Санга уа жашау айтсын.
«Мен бек сюеме сени!» —
Деп къояды къарт Қъайсын.

Санга былай кёп жаздым,
Болуп къалгъанча тели!
«Энтта сюерге баздым!» —
Дейди Қъайсын — Чегемли.

20 март, 1981. Москва

* * *

Бусагъатда уянган
Болурса сен да юйде,
«Танг энтта жарыкъды!» — дей
Сен айтхан кибик манга.

Ма Москвада да танг
Атды. Мен санга тансыкъ
Болуп уянганма, тап
Жукъу чагъын тауусуп.

О. Малкъарда атхан танг! —
Къырла санга агъара,
Жомакъдача чыммакъ тау,
Черек жылтырап бара.

Энтта мамыр танг атды,
Къарангы кетип-озуп.
Ариу атынгы айтдым,
Ханым, танг ахшы болсун!..

Половчаночкам, башынгы аурутдумму? Мен быллай зат-
ланы жаза турсам, сени бла ушакъ этгенча кёрюнеди. Ол ме-
ни бек жапсарады.

Къучакълайма, ханым!

Москва. 20 март, 1981

Сюймекликни не зат болгъанын киши да билмейди. Мен да сени не зат ючюн сюйгеними артыкъ иги билмей сюеме. Бек сюеме! Санга былай кѣп да андан жазама, бир заманда да этмеген ишими этеме. Мен алгъын письмо жазаргъа бек эриннге адам эдим, ханны эринчеги¹. Энди уа кесинг кѣресе,— графоман болгъанма, къарт графоман. Къонакъ юйден сегиз сагъатда кетерикме. Бусагъатда жети бола турады. Санга бек, бек тансыкъ болгъанма.

Хайда, сау кѣрюшейик, жанымы къыйыры!

Къ. Къайсын

22 март. Москва, гост. «Москва», № 426

* * *

Ханым, башынга сакъ бол! —
Бек керекли затды ол.

Жел, сууукъ да урдурма,
Учхара да олтурма!..

Сакъ бол, жаным, башынга,
Эм кѣзюнге, къашынга...

.
.

Не тюрлю болса да жол,
Наным, башынга сакъ бол,—

Башха жерлеринге да
Сакъ бол!.. кѣзлеринге да!..

21—22 март 1981. Москва

Ангылаймыса, ийнагъым? Будь здорова, моя кипчакская царица! Я люблю тебя!

К. К.

¹ Ханны эринчеги — Къайсын аны хапарын зауукъ этип айтыучу эди. Ханны эки эринчеги жатып тургъанлай, юй кюйюп башлагъанды. Сѣз айтыргъа окъуна асыры эриннигенден, экиси да кюйюп къалгъандыла. (Къ. Э.)

Элизатым игиди,—
 Жанымы бийигиди.
 Половчаночкам болду —
 Жеспри болуп кьалдым!
 Бек суйдюм гумхотчугьун,
 Суйдюм арну халчыгьын,
 Эки гырхы кьолчугьун,
 Арну, женгил атчыгьын.
 Башха жерлерни да бек
 Суйдюм мен, жаным кибик
 Кёрдюм ышаргьанчыгьын,
 Орамда баргьанчыгьын!
 Половчаночкам мени,
 Бердинг жылы кюнлени!
 Донжуаночкам мени,
 Бердинг татлы кюнлени!
 Элизатым игиди,—
 Насыпча бийигимди!

21—22 март 1981

Сердцеедочкам! Танг ахшы болсун! Сауга быллай затла-
 ны бек суйюп жазама. Аны ючюн да сау бол, ханым! Бир
 төрт сагьатдан жолугьурбуз, Иншаллах!
 Кьучакьланма, уппа этеме!

Москва

* * *

Жомакьлагьа ийнаныу кетсе,
 Адам жулдузланы да кёрмез.
 Ол алай жарлы этсе кесин,
 Танг да анга алгьынча келмез.

Сабийлеге ушаш поэтле,
 Сизни аны ючюн да суйдюм,—
 Жомакьлагьа ийнанып эртте,
 Кьалгьанла юйренирча сизден,—

Алай жашадыгьыз, жулдузла
 Жарыта жүреклеригизни,
 Суула сизге жырлай оздула,
 Ай жарытды бетлеригизни.

О, поэтле бла сабийле!
Дайым ушагъанлай бир бирге
Къалып къалдыгъыз, кете кюнле,
Жокъ болмай къалыгъыз ёмюрге!

Анга ийнандырыгъыз мени
Мен жашагъан къыйын кюнледе,—
Жерлейин къалырына жерни,
Ётмек бишерине юйледе!..

О, сабийле бла поэтле!
Сиз жер жомакълагъа ийнана,
Заман эрттеден алай ётдю,
Кюн, кече да кёрдюле аны.

Дуниягъа сабий кёзлери
Бла къарамакълыкъ болса жокъ,
Жюрек тазалыкъ кетип керн,
Къар акъ этип турмазла тау, жол!

Сабийле, поэтле кёзлери,
Туругъуз кёрюп кёкню, жерни!
Турсагъыз, бир-бирге сёз бере,
Ол да — насыбым болур мени.

21—22 март, 1981
Москва

Элизаточкам! Бу назмуну бир ай мындан алгъын Чегемде жазаргъа умут этип, жазалмай, къойгъан эдим да, тюнене— 21 мартда башлап, бююн — 22 мартда, 6 сагъатда (танг ата туруп) жазып бошадым, уянган юч сагъатда этдим. Юйге сегизде кетерикме.

Донжуаночкам!

Выланы, сени юсюнгден сагъыш эте, санга тансыкъ болуп, самолётда тырнай келгенме.

Бек игичиксе, ариуум, бек сюеме!

Сени да, Окоучукъну¹ да уппа этеме!

Къ. Къ.

* * *

Ийнагъым, ханым этдим,
Половчаночкам! — дедим.

¹ Ахматны эр (жаш) болгъанын чертип, бир-бирде «окоучукъ, окоучугъум» деучю эди Къайсын. (Къ. Э.)

Таймай алай айтама,
Кёп тюрлю ат атайма.
Наным, тюкеним дедим,
Сен жарсысанг, эридим.
Самолётда барама,
Жокъду бир ауарам да
Санга тансыкъдан башха.
Къайтыргъа ашыгъа,
Бу назмуну этеме,
«Салам, журчугъум!» — дейме.
Жолдан да салам ийдим.
Сау кёрюшейик юйде!..

27—IV—1981

Самолёт Минвод — Москва

* * *

Къарт къанатлы уа уя
Этмеймиди, чёп жыя?
Жаны сау не болса да,
Жылы не аз къалса да,
Кирир жер, аш мадарыр,
Тургъанлыгъына арып.
Ол жорукъ тюздю, бекди,—
Сау жашаргъа керекди.
Къарт къанатлы да уя
Эте болур, чёп жыя!..

27—IV—1981

Минводдан Москвагъа учхан самолёт

27—IV—1981

Элизаточкам!

Бу назмучукъну мен кёкде жазгъанма. Ол жангыдан уя этген къарт къанатлы да мен кесимме. Сен — мени ханымса, половчаночкамса, ариуумса! Къучакълайма, уппа этеме, жанымы кыйыры!

Къ. Къ.

Тюкеним, шедеврачыгъым!

Бу айтханым да тюздю! Аны юсюнден да эсеп этерге керекди.

Къучакълайма, уппа этеме.

Кѳ. Кѳ.

* * *

«Кѳп баргъан сау къайтмаз»,—
Дегенди таулу эртте;
Халкъ сѳзю бош айтылмаз.
Аны сагъышын этдим.—

Сенден узакъда, кѳкде,
Самолѳт бла келе,
Сагъышларым да кѳпден
Толгъанча бола кѳлюм.

Кѳп жюрюйме асыры,
Кѳп учама. Эт эсеп.
Хар нени барды саны,
Темирден тѳйюлсе сен.

Кѳ. Кѳ.

Элизат, ханым!

Бюгюн ишим не бла бошаллыкъ болур деп бек къайгъы
этеме. Болса да, санга быллай назмучукъланы жазып, сени
къууандырыргъа сѳеме.

Къор болайым жанынга, таудан эннген журчугъум!

Кѳ. Кѳ.

* * *

Донжуаночкам мени,
Унутдуруп хар нени,
Къалай зауукъ этдирдинг,
Жаннет насыбын бердинг.
Жапсаргъанлай тур мени,
Унутдура хар нени!..
Донжуаночкам, санга
Насып берсин хар сагъат!..

28—IV—1981

«Москва» кѳонакѳ юйю

Жаным, Элизат! Ма санга энтга бир гитче пазмучукъ.
Мында айтылгъан да тюздю.

Хайда, сау кёрюшейик! Қъучакълайма, ол иги гумхот-
чугъунгдан уппа этеме.

Къ. Къ.

* * *

Менме бек иги билген
Болгъан ишни кыйматын,—
Сени бла тургъанлы
Кёп иги жанды отум.

Сени бла болгъанлы
Жашауум болду татлы.
Къууанчыи кеси билир
Кёкде баргъан къанатлы...

28—IV—1981

«Москва» къонакъ юйю

Элизаточкам!

Бу сёзлени санга, танг аласында къобуп, алай жазгъанма.
Юч жылны насыплы болуп жашадым. Энтга бир бёлек
заманны Аллах насыбымы кыызгъанмазын тилей турама.
Уппа этеме.

* * *

Элизатха

Ма сени жарыгъынгдан
Башха жарыкъ кёрмейин
Қьалсам да, турурма мен
Қъарангыды демейин.

Жашайма мен, кесими
Санай сени къулунга.
Энтга болуш жашаргъа,
Қыйын кюн бер къолунгу!

Билмейме не боллугъун,
Не айтайым мен санга?
Ханым, жашайма сени
Мен насыбыма санап!..

Кѳ. Кѳайсын

1981, 29—IV

МОСКВАДАН — ЭЛИЗАТХА

Энди не болса да манга,
Бу затха акъыл бѳлдюм:
Берген зауугъунга багъа
Жетмез. Мен аны билдим.

Келсе мен бек кѳоркѳгъан сагъат,
Ахыр да кете кючюм,
Айтырма: «Ыспасым санга
Берген насыбынг ючю!»

Бюгюнню кюнюм да къыйын.
Алай жашауну сѳге
Турмам энтта, кѳзюм къыйып,
Сюйгенним ючюм сени.

Бу жашауда сени тапдым,
Ол туююл гитче саугъа,—
Ачы ашым болду татлы.
Бек ыразыма санга!..

29.04. 1981¹

Гюнenedен бери бек жарсып турама. Аны жашырыргъа кереги жокъду. Энтта иш тапсыз болгъанына сѳз болмаз, алай хайт дерге керекди. Эндиге дери болуша келген энтта болушур эсе уа!

Кѳ. Кѳ.

Донжуаночкам, жанымдан сюйген половчаночкам!

Бу назмучукъну да санга жолда этгенме. Ийнагъым, сау

¹ Кѳайсын кеси, жангылып, кѳагъытда назмуну тубюнде 1929 ж. деп жазганды. (Кѳ. Э.)

көрүшейик! Бюгюн врачла къарагъанларын санга айтханма.
Тамбла не боллугъун көрюрбюз. Аллах буюргъан болур.
Къучакълайма.

Къайсын

* * *

Къ. Э.

Сени бек игиге санап,
Бек, бек тансыкъ болдум санга.
Хар къайда да ауазынгы
Эштеме, къарда ызынгы
Къайда да турама көрюп.
О, сен — мени жашил тёрюм!
Жокъду манга сенден иги,
Сенсе бийик, чууакъ кегюм!..

10—V—1981

Нальчик — Москва самолётда

* * *

Къ. Э.

Гумхотчугъунга,
Тап атчыгъынга
Болама тансыкъ!
Бек тансыкъ!
Алтынчыгъыма,
Къолайчыгъыма
Болама тансыкъ,
Бек тансыкъ!
О, игичигим,
Чырагъым, кючюм!..

11—V—1981, Москва

Элизаточкам, Донжуаночкам, муну да санга нерге деп,
апрельде келгенимде, бу къонакъ юйде жазгъан эдим. Мен
хайт дерге кюрешеме. Сен да хайт де, ийнагъым. Уппа
этеме.

Къ. Къ.

11 май, 1981

МОСКВАДАН — ЭЛИЗАТХА

Заман санайды кюнлени,
Ол — бек кыызгъанч тергеучю,
«Да жилягъанынг, кюлгенинг —
Бары болжаллы!» — деучю.

Не кѣп да жаша, хар нени
Ахыры, кыйыры бар.
«Елмесенг да, болурса къарт!» —
Дегенди халкъым мени.

1981, апрель. Москва

Ханым, жанымдан суйген бийчем!

Бу гитче назмучукъну, санга тансыкъ болуп, жангызлыкъ-
да жаздым.

Донжуаночкам, башынга сакъ бол! Бек сюеме. Къучакъ-
лайма, уппа этеме.

Сени Къайсынынг

11—V—1981

* * *

Жулдуз чыкъды,
Терек чакъды.

Къууандынг сен.
Жаша эсен.

Къоркъмай затдан,
Элизатым!..

*11 май,
1981, Москва*

* * *

Дуня жашил, жашил.
Ол — жазны иши, иши.
Аны къарт болмаз бети
Энтта жерни жаш этди,—

Жокъ аны суймез киши.
Дуния жашил, жашил!..

1981, май
Чегем — Москва

11 май, 1981

Элизаткам!

Бу назмучукъну, бир ненча кюн мындан алгъын сени бла бирге тауда болгъаныбызда, эки тизгинини айтханым эсингде болур. Қалгъанын Москвада бошадым. Хайда, жанымы кыйыры, сау тур!

Қайсын

12—V—1981

Элизат!

Бюгюн 6 сагъатда къобуп, бу назмуну жаздым. Мени бу ачы фикирими терсге санай эсенг, манга айып этме, кечгилик бер! Мени сезимим, оюмум да бу кюнледе алайдыла.

Сау кёрюшейик, алгъыш биргеди!

Қайсын

* * *

Адам баласы билген
Ётюрюкдю кёбюнде,
Ётюрюк айтмаз ёлген
Қъара жерни тубюнде!

Жаныбыз — жалгъан айтхан,
Билгенибиз — ётюрюк,
Киргинчи дери отха,
Жалгъан ташын кётюрюн,

Барабыз, уятсызла,
Кёзбаучула, жалгъанла,
Бирле керти айтсала,
Душман бола қалгъанла,

Жашайдыла адамла
Ол халда, ол къадарда,
Тюрленмейдиле ала
Не жауунда, не къарда!..

12—V—1981

Бийчем, унафачыгъым, жанымдан суйген тюкеним! Ол ачы назмум артыкъ ачы кёрюнмезча, санга муну да жаздым... Тансыкъ болама, жарсыйма. Хайт дерге керекди!

Къучакълайма, уппа этеме. Алгъыш биргеди. Сау кёрюшейик!

Къайсын

* * *

Ариучугъум — Элизат,
Болмагъанса тели зат!
Ариучугъум, ариучукъ,
Тангнга иги жукълап чыкъ,
Мени да тюшюнгде кёр,
Тюшюнгде да салам бер
Манга, ол сер къартчыкъгъа,
Ол тели башсызчыкъгъа!..
Элизатым — ариуум,
Болса чексиз къарыуум,
Санга берирем барын,
Тохтамаз эдим, арып!..
Элизатым, жанчыгъым,
Донжуаночкачыгъым!..

12—V—1981

* * *

Элизат, менден узакъ
Болгъанынг — манга азап.
Сен манга жарсый юйде,
Тансыкъ болсам, хар кюнден
Къарайма — суратынга,
Термиле сыфатынга.
Саусузла юйю — тузакъ,

Элизатчыгъым узакъ!..
Мындан да сени кѣре
Турама, салам бере.
Бу сѣзлерим да — салам,
Жаным, тюкеним, санга!

1981, 20 май
Москва, Мичуринский
просп., 6. Спецбольница

Половчаночкам мени!
Санайма мен кюнлени
Бу саусузла юйюнде,
Сени сагъына кюнде.
Донжуаночкам мени,
Тюрлендирдинг хар нени,—
Къарт башымы жаш этген
Кибик, узакъгъа кетген
Къыйынды манга сенден,—
Кече-кюн сен эсимде!
Окоучугъум бла сен
Кѣпге болугъуз эсен!
Сиз болдугъуз дарманым,
Сизсиз къалмаз амалым.
Сен башынга бол бек сакъ,
Хайда, кѣрюшейик сау!

1981, 21 май
Москва. Спецбольница

Дунияда кѣп къайгъы.
Адамлай къалгъан — къыйын.
Адамлай къалмасанг а —
Сен иги болмасанг а
Кесингден къарыусузгъа,
Къыйынлыгъа, саусузгъа,—

Адамлыкъсыз турлукъса,
Бёрюча улурукъса!..
Кёп жылны артда кёюп,
Адамлай къалгъан кыйын!..

1981

18—22 май

Москва. Спецбольница

Къ. Къайсын

Элизат, ханым!

Ишим кёпдю да, санга жазаргъа да заман тапмайма, алай жазалмай да болалмайма. Бек тансыкъ болгъанма. Аны Аллах кёреди. Къалай тура болурса деп да кыйгъы этеме. Мен, телефон бла санга айтханымча, турама. Обследованияларына чек жокъду. Излеме кый, къаллай хазнала табарыкъ эселе да, бир кёрейик! Тюзюн айтханда, кыйын обследования кёпдю. Бир-бирде келгениме да сокъуранама, алгъадан окъуна (былтыр) врачлагъа кёрюнмей къалсам иги болурму эди деп, кёлюме алай келеди, болса да, алай этерге къолубуздан келмеди, келсе да, ажымлы болурму эдик деп да эсеп тебиз.

Жаным! Айны аягъына кыйтыргъа умут этеме. Сени да ру кыйынлыкълагъа кыйдум. Айып этме, кечир! Мында жылыды. Аны себепли мен, тыйгъычсыз графоман, санга энтта, Боташ улу¹ айтханлай, бир назмучукъ этгенме. Жибереме.

Къайсын

Половчаночка! Къучакълайма, уппа этеме. Бек сюеме!

* * *

Май келгенди да, жокъду
Къары, сууугъу жылны,
Маске да, къамажакъ да,
Терек, мен да жылынып,

Ыразыбыз кюннге да,
Чууакъгъа да жангыдан,—
Жаз игиди кимге да,
Жылыу бере хар жаннга.

¹ Боташланы Жарахматны жашы Исса, белгили малкъарлы поэт эм драматург.

Жашил май келди энтта,
Жаз ариулугъундан къан,
Менича алгъыш эт да,
Жазгъа биргеме къууан!..

1981, май, Москва, саусузла
юйю

25—V—1981

Москва. Спецбольница

Элизаточкам!

Кесин тыя билмеген графоман, энтта да санга назмула
жазгъанма. Чыда да, окъу!

Бу кюнледе биягъы мен (бу ыйыкъда) кѣп ишледим.
Къыргъызлы поэтге ал сѣз жаздым, назмула тырнадым. Бю-
гюн «Коммунизмге жол» газетине да пакет жибергенме (Ха-
санны атына). Ол пакетге юч жюз тизгинден артыкъ назму
салгъанма. Аладан бир уллу назмуну («Таулу поэтлеге») алгъаракълада жазаргъа умут этип, жазалмай къойгъан
эдим да, мында жазып бошадым.

Бюгюн компьютерге элтип, къанымы ичип, алай келтир-
диле. Обследованиягъа чек жокъду. Хайт дербиз, Аллах
буюргъан болур.

Хайда, суюгеним, ханым, половчаночкам, Донжуаночкам,
ийнагъым! Къучакълайма, уппа этеме.

Сабийлеге салам.

Элизаточкам, къарылгъашчыгъым!

Къ. Къайсын

ЭЛИЗАТХА МОСКВАДАН — САУСУЗЛА ЮЙЮНДЕН

Ишибиз къыйынды бизни,
Тур аны толу биллип,—
Эштирбиз кѣп ачы сѣзню,
Къыйнар сѣзчюле тили.

Бир къайгъысыз жашагъан —
аз.

Гаукеллеча турайыкъ.
Хар сѣзге да чыдаргъа баз
Болуп, алай къарайыкъ

Жашаугъа. Анга юйрете
Мени уллу поэтле,
Жашадым мен да, къаст эте
Болургъа жарыкъ бетли.

Мен къаргъаялмам къюлени
Къыйынлыкълары ючюю.
Чыдарма. Сени сюйгеним —
Мени бюкдюремез къючюм.

Ишибиз къыйын болгъанын
Сен алгъадан биллип къал.
Мадар излербиз алгъадан,
Дайым табарбыз амал!

Анга таймай ийнанайыкъ,
Экибиз да хайт дейик,
Жашаугъа къоркъмай
къарайыкъ,
Биз тюзбюз, кёл этейик!

Кертиси да — неди манга
Башсыз мени сёкгени?
Зауукъду, жетмезча багъа,
Жаным, сени сюйгеним!..

1981, 25 май
Москва, саусузла ююю

Къонуп жашил терекге,
Жырлагъан къанатлычыкъ,
Къууан да, жаша кёпге,
Кёп жазлагъа саулай чыкъ!

Сени къууанчынг — жашил
Жаз, кырдык, чууакъ, жылыу.
Тиймей, ёлтюрмей киши,
Жырла, жаша кёп жылны!

Мен да, ханым да санга
Энтта кёп тынгылайыкъ,
Сен, терегинг да саулай
Тургъаннга къууанайыкъ.

Жаш, жашиллик, къанатлы
Бюгюн да биргебизге.
Болса да ачы, татлы,
Жашау сауғьады бизге.

1981

24 май, Москва, саусузла юю

Элизаточкам, кёз жарыгъым!

Мен, уяла билмеген графоманладан бири, энтта санга назмула жибереме. Жаным-кёзюм! Аллах сени хатадан сакъласын!

Хайда, сау кёрюшейик, Половчаночкам!

Къучакълайма, уппа этеме. Сабийлеге салам.

Къ. Къайсын

26 май, 1981, спецбольница

* * *

«Ийнанма бир врачха»,—
Дегенди Лев Толстой.
Тюбеп къыйын ачыугъа,
Врачлагъа бердим бой.

Не этейик да? Суугъа
Кетген таш къармар! — деди
Таулу, кёз жашын сыгъа.
Мен да кёп суудан ётдюм,

Батып къалмайын эртте.
Тенгим кёп, алай кетген.
Да, кёп сууладан ётдюм,—
Кезиу келсе, не этгин?!..

1981, 26 май

Москва, саусузла юю

* * *

Къ. Э.

Игим, аурудум, къыйналдым
Дей, сени къыйнагъандан
Эсе, энтта кесими
Хазырма мен къыйнаргъа.

Алай этерге кюрешдим
Къуру да. О, бетинги
Жоймай кетген бу жашауда
Не кыйынды, не кыйын!..

1981, 25 май
Москва, саусузла юю

* * *

Мен жашадым, юшюдюм,
Жылындым да, къууандым,
Этдим суюген ишими,
Тау сууларындан къандым.

Кёп жылны турдум эсен.
Кюнюм азмыды алда?
Айтычу болду десе,
Кесим да дерме — болду!..

1981, 26 май
Москва, саусузла юю

Элизатым!

Бюгюн, айтханымча, академик Лопаткин келди. Къууандырған жери болмады. Манга аладан къутулуу жогъуна эди ахыр да ийнандым. Мен бу сёзлени жазғанлай, сен сёлешдинг, ханым. Тюзюн айтсам, бек жарсып турама. Умутум — бир эки-юч жылдан кел дерле деп эди да, болмады! Алай не болса да, мени аурууум къалай бла бошаллыкъ эсе да, борчум — адамлай къалыр ючюн кюреширге, хайт дергеди. Урушда неда Орта Азияда ёлюп къалсам эди уа, не этерик эдим? Анча жылны жашадым, ишими этдим. Аны ючюн Аллахха шукур! Не да болсун, санга ыразылыгъымы айтама. Ары дери жашаған жылларым бу арт юч жылыма къор болсунла! Бек, бек ыразыма, жаным кыйыры, Половчаночкам, Элизатым!

Къучакълайма, уппа этеме. Сау кёрюшейик!

Къайсынынг

27—V—1981
Москва, спецбольница

Бюгюнню халымы — санга жазған назмумда кёрюрсе, жаным. Сени назмуларым бла кыйнайма. Айып этме.

ЭЛИЗАТХА МОСКВАДАН —
САУСУЗЛА ЮЙЮНДЕН

Бюгюн да врач иги
Болдунг демеди манга.
Къаяда къалгъан бегни
Ийнанады амалгъа.

Манга уа амал къайда —
Мени къутхарыр мадар?
Къаллай хатагъа къойду
Мени хатерсиз къадар!..

Энтта къайгъыда жаным,—
Билмейме не этерге?
Амалсыз болсун жауум! —
Билмейме мен не дерге.

Ийнагъым, айтдым санга,—
Къатларма жаным саудан:
Ишим туююлду иги!
Сен — суюгеним, бийигим!

Темирден туююл жаным,
Ахыры бар хар нени.
Ханым, сен а юч жылны
Зауукъ этдирдинг мени.

Бир заманда мен алай
Болмагъанма насыплы.
Кёп, аз болду да къолай,
Къыйынлыкъла басына.

Кёп тюрлю тюнюм, тюшюм,
Ташлай келдим кюнлени,
Насыплы этмей киши,
Сен этген кирик мени.

Кетерме, алай айта,
Келсе да ахыр кюнюм,
Сен тангым болуп атдынг,
Ханым, сен — тюшюм-тюнюм.

Не онг табар ажаллы,
Жауа кеч жауунлары?
Сен жарытхан юч жылым
Жаннетдеча жылларым!

Сюйдюм санга айтыргъа,
Ауруу кьойгъунчу жыгъып:
Сен жылы этип тургъан
О насыпты юч жылым!..

Къ. Къайсын

1981, 27 май
Спецбольница. Москва,
Мичуринский просп., 6

* * *

Болсам да андан эрши,
Тимур¹ бла эришип,
Мен да жаш къатын алдым,
Энди анга тенг болдум.
Алдым иги, жаш къатын,
Сюйюп халын, къууатын.
Бий болмасам да, бийче
Кибик тур, жетип кючюнг,
Элизаточкам, хайт де,
Намыслы бол, къоп эртте,
Базыкъ болмагъанлай тур,
Кёресе кесинг, Тимур
Къатынын арыкълайын
Тутханын, алгъынлайын.
Сюймейме семизлени,
Эринчек жаукёзлени,
Уллу къарынлыланы,
Артлары уллуланы!
Энди алайды ишим —
Тимур бийге эришип,
Алгъанма мен жаш къатын.
Анга кёп атла атап,
Къубултама кюн-кече
Бек, бек сюйгеним ючюн.
Юлгю кёргюзтдю Тимур —
Аны унутмайын тур,—
Тимурну иги сыйла
Хурмет эт да, кёр сыйлы.
Элизатым, ийнагъым,
Мен, башы жокъ, биягъы

¹ Шаханланы Борисни (Басиятны) жашы Тимур, Къабарты-Малкъар Миллет музейини илму къуллукъчусу.

Аурутама башынгы.
Салам эки жашынга!
Кесни алаамат сунуп,
Муну айтхан

Къайсынынг

Элизатчыгъым! Биринчи назмум сени жарсытса, бу уа жубатыр деп, муну андан жазгъанма. Андан сора да, бу кесиме да жубанчды, жапсарыуду.

Хайда, жанымы къыйыры, сау кёрюшейик!

Къучакълайма, уппа этеме.

Къайсынынг

27—V—1981
Саусузла юйю

Элизаточка, жанымы къыйыры!

Мийим бираз солуса, бек сюерик эдим. Алай ол хайран тохтаялмайды. Ма санга, ийнагъым, энтта бир назму. Айып этме.

Къучакълайма.

Къайсынынг

Спецбольница

* * *

Бек суйгеним не эди?
Уллу, гитче иште да,
Юйюмде, кюрешде да,
Аллахны шагъат этип,

Дайым керти айтыргъа
Уллугъа, гитчеге да,
Патчахха, ишчиге да,
Жалан керти айтыргъа!

Алай жашаялмадым.
«Жарлы башы!» — дерсиз да?
Шургу да этерсиз да?
Алай жашаялмадым!..

1981, май, Москва
Саусузла юйю

Терс эсе да, тюз эсе да,
 Алай эт дединг сен да,—
 Къартма дегенни къойдум,
 Тайдырдым аны ойдан.
 Энди мен — жашма! — дерме.
 Тынгыларгъа эринме,
 Сёзюме бер тюз багъа,
 Элизатым — ийнагъым!
 «Жаш къатынлагъа — къартма
 Дерге жарамаз, айтма! —
 Дегенди манга Тимур,—
 Жашма дегенлейин тур!» —
 Жашма мен, ханым, жашма,
 Жугъутургъа ушашма!
 Элизат, сен а — журум,
 Мени бек иги жырым!..

Къ. Къайсын

*1981, 21 май. Москва
 Спецбольница*

Элизаточкам!

Ленинграддан къайтып, къонакъ юйге эрттенликде 9 сагъатда келгенме да, олтурама жангызлай. Биягъы мен эки назму жазгъанма, бирин Окоучкагъа¹, экинчисин а — кесиме. Окъуп бир кёр.

Ханым, тукеним, бек сюеме, жаным кибик кёреме. Иги тур. Сау кёрюшейик!

Быллай бир къагъыт бир да жазгъаным туююл эди.

Хайда, унафочкам, алгъыш биргеди.

Къ. Къайсынынъ

30—V—1981

«Москва» къонакъ юйю

КЕСИ КЕСИМЕ АЙТАМА

Таулу атанг этгенча,
 Энтта жаша, тарыкъмай,
 Ахыр кюнюнг жетгинчи
 Кёлсюзлюк жырын такъмай.

¹ Къубултуп, бир-бирде Къайсын Элизатха алай да айтыучу эди.

Тарыкъма,— жишини да
Жарсытыргъа кюрешме,
Таукел эт ишинги да,
Эссиз чалысын эшме!

Хатаны, аурууну да
Ёз жүгюнге сана да,
Бош сёзню, дауурну да
Къой да, бек бол. Санга да,

Кёплеге бергенича,
Ауруу берген эсе да,
Урушда тёзгенингча,
Тёз, тарыкъмай тур сен да!..

30 май, 1981

«Москва» къонакъ юйю

(Экинчи чам назмусун басмаламайма.— Къ. Э.)

* * *

Элизат, билни къалгъын:
Эрттеден да бар эди
Мени аллай къылыгъым —
Ачыуланып, дерт этип,

Терс болгъан къатынлагъа
Аскерни¹ айта келдим,—
Сёзюмю къатылыгъы
Кючлю болгъанын билдим.

Аскерни айтсам, бары
Тиширыула къоркъдула,
Апчып, кетип ахлары,
Жерлеринден къопдула.

Къоркъмай а ол къапладан,
Ол тыйгъычсыз кишиден!
Хар къатын къоркъду андан.
Аны къаплан ишинден!..

¹ Аппайланы Макарни жашы Аскер, Къабарты-Малкъар къырал университетде малкъар тил бла адабиятны кафедрасыны таматасы болуп ишлегенди, профессор. Чамны, лакъырдыны, ётгюр сёзню устасы болгъанына Къайсын хурмет этген адамладан эди. (Къ. Э.)

Аскерни айтырымы
Сюймейсе. Айтмам, кьойдум;
Керексиз этмем тырман,
Аллай зат жокъ оюмда.

Кир кьондуруп атыма,
Болса аллай терслигинг,
Санга Аскерни айтмам,
Айтырма мен кесими!..

Элизаточкам!

Ангыладынгмы? Энди Аскер бла угъай, кесим бла
кьоркьутама. Кьоркьмаймыса? Хоу бир да!

Уппа этеме, тюкенним!

Быллай чам назмучукъланы окъуна кьаллай формада
жазгъаныбызны керемисиз? Огъесе ол сизге башха туююл-
мюдю?

Алгъыш биргеди, ханым, игим, ариуум!

Къ. Къ.

ЭЛИЗАТ, САНГА АЙТАМА

Былай эте, жубана
Турабыз ауругъанда,
Чамны чырагъы жана,
Ол биргеме тургъанда,—

Хорлаялмаз деп ауруу,
Быллай назмучукъланы,
Тургъанымда да арып,
Жазама мен, сукълана —

Хайт деген адамлагъа.
Чам, дайым тур биргеме —
Тенг болмай аманлагъа,
Мен этерча бир неме!

Былай эте, жубана,
Къутулурбуз ауруудан,
Умут чырагъы жана,
Ол къутхара арыудан!..

1981

31 май, Москва

Ийнагъым, Элизаточкам!

Ма былай, кеси кесими жубата, жашайма. Мен тели, сен да мени сюесе деп да ийнанам. Хайран башым!
Уппа этеме, журчугъум!

Кѳ. Кѳ.

* * *

Чам, хайт де, чам,
Ауруугъа чап!
Сен кѳл этдир,
Урушха кир
Ауруу бла,
Батыр бола!
Хайт де, хайт де,
Таукел эте!
Нѳгерим — чам,
Ауруугъа чап!..

1981, 31 май, Москва

* * *

Сени, жалан сени
Этдим мен суйгеним.
Нек сюеме мен, нек?
Бек сюеме мен, бек!

Элизатым, сенсиз
Къайсын болур юйсюз.
Сюйдюм сени, сюйдюм,
Санга кесим сюдю.

Элизатым — игим,
Халалым, бийигим.
Солугъан хауам — сен,
Болду, болсанг эсен!..

1981, май, Москва

Муну, келюнгден биллип, муслийман къбуранны суураларын
(главаларын) къатлагъанлай, къатлай тур, ханым!

Кѳ. Кѳ.

Элизаточкам!

Самолётда келген эки сагъат бла жарымны ичинде жазып олтурдум да, жолну узакълыгъын билмей къалдым. Қъонакъ юйде да жаздым. Бир киши да тыялмазлыкъ графоманма! Азаматны иши болур деп умут этеме. Бюгюн сагъат онда ректор бла туберикме. Туура мында да иссиди. Быйыл та-маша жылды — мен бир жерде да иссиликден къутулалма-дым.

Ханым! Энтта санга эки конверт жибереме. Сени бла болгъанлы ёмюрюмде этмеучю затларымы этеме. Бек тан-сыкъ болгъанма.

Қъучакълайма, уппа этеме. Санга да, Окоучукъгъа да къор болайым!

Салам

1981, 28—VII

«Европейская» къонакъ юйю, № 204, 5 сагъат, 30 минут

Жукълаялмай, санга назмула жаза, олтурама. Тереземи аллында уллу жашил терекле. Аланы ары жанларында Орус музей аз эсленеди.

* * *

Маниги болгъанынг
Насыплы этди мени,
Бетинг, халынг, къолларынг
Унутдура кюнлени
Къысхалыгъын, къыйынын,
Жаныма къууанч бере,
Жашауну акъ къайыны
Кёз аллымда кёгерге.
Кёрюмдюнг субай, женгил,
Атлагъанынг да алай.
Жылларымы да женгип,
Мен жесиринг болгъанлай
Къалдым,— таукел этдинг сен,
Тюрлене кюнюм, кечем,
Ма кеппе-керти эсеп:
Туугъанса мени ючюн!..

Олду таукеллик берген,
Ол ийнаныуум мени,
«Жолубуз бирди!» — дерге,
Элте жүгюн кюплени.

28—07—1981

Ленинград, «Европейская»
деген кѳонакѳ юй, № 204

* * *

Толу этдим эсебин
Бар да этген ишими,—
Бары — ишим кесими,
Терслемезча кишини.

Жыл санымы кесимден
Иги билмедн киши,
Бар этгеним эсимде,
Бары — кеси юлюшюм.

Ийнагѳым, не да болсун,
Сенсиз болалмай кѳалдым,
Болса да онглу, онгсуз
Кѳалгѳан жашауум алда.

Кюз да — кюздю, жаз да —
жаз

Алай болур ѳмюрге.
Кѳалса да кюнюм не аз,
Сюйдюм суююп ѳлюрге!..

28—07—1981

Ленинград, «Европейская»
деген кѳонакѳ юй, № 204

* * *

Ленинградны тангы
Жарыды. Тереземи
Аллында — уллу, шимал
Терекле, артларындан
«Орус музей» эслене.

Аны бери аллында,
Онгуракъгъа къарасам,
Пушкинни жангы сыны,
Автору Аникушин
Михаил Иван улу¹.
Академикди. Алай,
Биз тюбегенде, анга
Къоюучубуз Миша деп.
Сен да аны Москвада
Кёргенсе бир минутха.
Ол да эсингде болур.
Къарайма тереклеге,
Жангы танг жарыгъына,
Пушкинни сынына мен,
Сен да эсиме тюше,
Жерибиз, тауларыбыз
Тюше энтта эсиме.
Танг ахшы болсун, ханым,
Бийик жерим, тауларым!

28—07—1981

Л-д. Эрттенлик. 6 сагъат

* * *

Сен саулукъдан манга не къыйынлыкъ барды? —
Не исси кюн да салкъын аяз урады,
Не сууукъ кюн да жылытыр от жанады,
Ырахатлыкъ табады чархым, жаным да.
Сен барда, неди ауара, къыйынлыкъ да? —
Энтта да бар кирик намыс да, къылыкъ да,
Манга алай кёрюнюп къалады энтта —
Жашауда кёпча адамлыкъ да, хурмет да,
Тазалыкъ да, огъурлулукъ да бек кёпча,
Халаллыкъ жерни жарытхан кирик кюнча, —
Элизат, сен барда, алай кёрюнеди,
Къозу хорлап кёйгъан кирик бёрюню да!
Сени эсге тюшюре баргъанымда да,
Санга деп бу сёзлени жазгъанымда да, —
Кёрюнеди мен тау хауасын жутханча,
Къолларымы таза шорхагъа тутханча,

¹ Аникушин Михаил Константинович. (Иван улу деп Къайсын жангылып жазгъанды.) (Къ. Э.)

Танг атханда Чегем аузунда баргъанча,
Сейир этип, Минги таугъа къарагъанча!
Аламаточкам, кёкде кетип барама,
Сени кёреме, булутлагъа къарап да!

27—7—1981

Самолёт Минводы — Ленинград

* * *

Мен, самолётха минип,
Ленинградха бара,
Жол узакълыгъын билип,
Терезечикден къарап,

Акъ булутланы кёре,
Сезе салкъынлыкъларын,
Иссилик азап берип,
Терлеп, къыйналып, арып,

Баргъанлыгъыма, дагъы,
Элизат, эсимде — сен,
Жюрегими ийнагъы!
Сюймекликге жокъ эсеп.

Къыйын иш бла кетип
Барама. Сен — асыуум.
Санга этмем жанны тенг,
Хауамса, тангым, сууум!

Аламаточкам! Салам
Иеме бу бийикден.
Бар алгъышым да — санга
Бу чууагъы кенг кёкде!

Ариучкам! Жапсара
Тураса таймай мени,
Турсам да кёкде бара,
Жатсам да, жерге энип.

Половчаночкам, жаша!
Бар алгъышым да — санга.
Къыйында да ауушум,
Аудум, сени сагъына.

Хар нем — тынчым,
кыйыным —
Сени бла байлашып.
О, жанымы кыйыры,
Элизатчым, жаша!

27—VIII—1981
Самолёт Минводы—Ленинград

18—1—1982
Москва. Кече

Элизаточкам¹

Санга табыракъ жазаргъа заманым болмады. Айтханымча, Берлин таба эрттенликде эртте учарыкъбыз. Бек аз жукъларыкъма. Хайда, сау кёрюшейик, жаным, Половчаночкам, аламаточкам!

Уппа, уппа!
Къайсын

Элизаточкам!

Кюнбатыш Берлинге бек иги, бек ырахат келдик. Ахбал чудем яхшы!² Бир хатам жокъду. Барына да салам!
Къучакълайма, уппа этеме. Бек тансыкъ болгъанма.

Къайсын

2—1—1982

* * *

Таулагъа бла санга
Болама бек, бек тансыкъ,
Бу киши жерлеринде.
Мында — кыш, сууукъ,
кырыпакъ.

¹ Бу къагъыты бла бирге «Литературная газетаны» жибергенди. 1982 жылда чыккыган номерин. 13 январьда.

Анда Даниил Долинский кечюрюп, «Как в садике вновь тихо у меня...», «Пимену Панченко», «Стихи, написанные зимой ночью в Чегеме», «Свадебная песня» деген назмулары басмалангандыла. (Къ. Э.)

² Халым бек игиди! (Езбекча.)

Элизаточкам, сени
Кёрюрге термилгеним
Биргемеди кече-кюн
Бу сууукъ кыш Берлинде.

Уппа этеме!
Сау кёрюшейик!

Къайсын

Элизатчыгъым!

Дунияда таза, уллу салам бар эсе, мени санга саламым алайды. Лирика деген налах затды да — энтта, акъыллыракъ болгъанда да, тыялмайма кесими. Мында больницада окъуна — иги кесек назму жазгъанма, романымы жазаргъа керек болуш тургъанлай да. Ичгичиге — ичги, саякъ тиширьюгъа — къахмелик киби, бу лирика деген зат мен телиге алай болуш, къахме къатышла кеслерин тыялмагъанча, мен да бу лирикадан кесими тыялмай, тыяргъа кюрешеме, алай тыялмай, — графоман болурма, лирика менича телиге морфинистеге наркотикле киби бир затды. Чыдаялмайма! Манга аямай романымы жазаргъа керекди. Мен башсыз а энтта назмула бла кюрешеме. Кесими тыялмайма да!

* * *

Э. Къ.

Ах, бу жол да къутулалсам,
Къалай сюерме сени!
Энтта жашар амал къалса,
Жашагъанча эсенле,—

Иги болуш, къайталсам,
Жашау халаллыкъ этип,
Мен керти да къутулалсам,
Сюерме сени бютюш!

Сагъышларыма жокъ эсеп,
Тышында жел. Къар кече.
Иги болуш, юйге келсем,
Сюерме сени нечк!..

К. Къайсын

Москва. Саусузла юйю
22—1—1983

Таула да, сен да энтта узакъда
 Болсагъыз да, жүрегимде
 Турасыз мында, хагадан сакълап
 Тургъанча, «Хайт де, къркъма!» — деп.

Къркъмайма: таула да, сен да — мени
 Жүрек жарыгъым, насыбым.
 Мында энтта кър жапханды жерни,
 Терекле да — акъ, басынып,—

Алай турадыла. Ийнап, манга
 Сууукъ туююлду — узакъдан
 Ёнюнгу эштдирген телефонга
 Алгъыш! — Энди къркъмам затдан!

Эрттенликде таулагъа кюн тийсе,
 Сен мени ючюн да къууан,
 Арбазыбызгъа ай жарыкъ ийсе,
 Сен мени ючюн да къууан!

Таулагъа, санга да тансыкъ бола,
 Турама кышхыда мында.
 Хар кыйынлыгъым да артда къалыр,
 Тауларым бла сен барда!..

1983, 10 январь
Москва. Саусузла юйю

* * *

Къыш кече. Эштеме желни тауушун.
 Саусузла юйю. Сууукъ орус къышы.
 Кър жапханды жерни терегин, ташын.
 Ма былайды бюгечеги сагъышым:

Сюймейме мен больницада ёлюрге! —
 Ахыр сагъатымда да, алгъынчы жан,
 Ахлуларымы бетлерин кёрюрге,
 Ауазларын да эштирге ахыр жол,—
 Сюеме алай кетерге!

Кёрюрге ийнагъымы мудах бетни,
 Аны кёзлерин ахыр жол кёрюрге,

Мен, юйюмде осуятымы этип,
Артха келмез жолума тебирерге,—
Сюеме алай кетерге!

Къарындашым бла эгечлерими
Бетлерине ахыр жолу къараргъа,
Бошап бу дуняда ишлерими,
Кетсем, артха келмез жары барыргъа,
Сюеме алай кетерге!

Сюеме кёрюрге ахыр кюнюмде
Атам, анам да къараучу таулану.
Ёлюрге сюеме кеси юйюмде,
Тап бир къыйматы жокъ эсе да аны,
Сюеме алай кетерге!

Къ. Къайсын

*1983, январь
Москва. Саусузла юйю (Спецбольница)*

Элизатчыгъым!

Бу назмуну окъу да, бек жарсыгъан кюнюмде жазгъан
мудах назмум жарсытханын унут! Тюзюн айтсакъ, ол назму
да (юйюмде ёлюрге сюйгеними юсюнден назму) ат багъасы
назмуду!

* * *

Энтта биягъыча юйюбюзню
Башымда уллу жулдузла
Чыгъарла да, къууандыра бизни,
Эрирле бу къара бузла!

Экибиз да, энтта, биягъынлай,
Къарарбыз ол жулдузлагъа,
Энтта да, алгъын баргъаныбызлай,
Барырбыз тау ауузлагъа!

Терек бахчабыз жангыдан чагъып,
Энтта бизге къууанч берир!
Къолан итчигибиз, чабып чыгъып,
Жазгъа къууаныр да, юрюр!

Алай боллугъуна ийнанганлай
Турайыкъ бу кыш кюнледе,
Игиле тѣзгенча, тѣзюп алай
Бизге кыйынлыкъ келгенде.

Мени хар сѣзюм узакъдан санга
Жаз къарылгъачынлай барсын.
Жашайма сенден иги жокъ суна!..
Сени чексиз суйген —

Къайсын

1983, 21 январь
Москва. Саусузла юю

* * *

«Суймеклик бизни этеди батыр»,—
Деп, не тюз айтханды эсли.
Жарсыуум кыйнагъанында къаты,
Ол сѣзге тюшюндюм кесим.

Сени бек суйгеним ючюн санга
Керекме алгъыш этерге.
Суймеклик — насыпды жаны саугъа,
Къарыу, кишилик да берген.

Экибизге энтта кырдык чыгъар,
Бирге къууанырбыз анга,
Экибизге энтта шаптал чагъар,
Бирге къарарбыз жаз тангнга.

Биз бирге къарарбыз акъ таулагъа.
Сени суйгеним — насыбым.
Кетип бар да къоркъуула, къаугъала,
Алгъынча жазар Къайсынынг!..

Сени суйгеним — болду байрамым,
Атынг, керти сѣзлей, таза.
Кѣтюреме къууанчны байрагъын,
Къоркъууладан болуп азат!..

Аллай кючню суймеклигим берди,
Кюн тийдирип жюрегиме.
Сени суйдюм, жаным кибик кѣрдюм,
Тенг этип туугъан жериме!..

1983, январь
Москва. Саусузла юю

Къоркъма Элизатчыгъым! —
Къутулуп, мындан чыгъып,

Къучакъларма мен сени,
Жарыкъ болуп эсебим!

Мудах назмула ючюн,
Акъыллычыгъым, кечир.

Тохтамагъанлай кюле
Турадыла телиле!

Ариучугъум, къоркъма сен, —
Къайтырма сау-эсен!

Къоланчыкъ да къууаныр,
Унутуп къоймай, таныр.

Къоркъма, мен, болуп иги,
Келирме санга — юйге.

Бизге къууанчха учар
Къарылгъач, кырдык чыгъар.

Жаз сыбызгъысын согъар.
Келирме юйге — санга.

Сюерме энтта чексиз,
Насыплы жашарбыз биз!

Къ. Къайсын

1983, январь

Москва. Саусузла юйю

Элизатчыгъым! Ариучугъум! Игичигим! Сюйгенчигим!

Бюгюн санга эки конверт жибереме. Биринде — жашаууму юсюнден хапарымы санга айтама, экинчисинде (бу конверт-де уа) — назмула. Жаратсанг — къууанырса деп, андан жибереме, دفترден къагъытха кечюрюп, романымы жазгъанымы да тохтатып. Мен санга быллай назмула жазгъандаң сора, сен мени бир зат бла келюме тийсенг, эштмедим деме! Жер тебер! Отелло трубочистге тенг болуп къалыр!

Сау кёрюшейик!

Къ. Къайсын

Жюз кере уппа этеме! Хар затха сакъ бол. Бизге быллай кыйынлыкъ келгенде, биз бютюн да бек болургъа керекбиз, адам болургъа!

Биягъы Аллах урлукъ лирика къара сёзюме уллу чырмау болады: Элизатчыгъым, Половчаночкам, Чегем элегиячыгъым, ма энтга санга назмула.

* * *

Игилик этеме ден,
Аманлыкъ этдим эсем,
Кечир манга, жаным, сен,
О, кечир, кечир, кечир!

Мени бир иги сунуп,
Кесинг жангылдынг эсенг,
Кесинге да кечир сен,
О, кечир, кечир, кечир!

Иш сен умут этгенлей
Болмай, жарсыдынг эсенг,
Халаллыкъ эт,— кечир сен
Манга. О, кечир, кечир!

Сени суймеклик кеси
Жангылтып кыйду эсе,
Суймекликге кечир сен,
О, кечир, кечир, кечир!

Сен умут этген кибик,
Кёп турмасам сау-эсен,
Ах, аны да кечир сен
Манга. О, кечир, кечир!..

1983

23 янв. Кече

Москва. Спецбольница

Къалай турады Къоланчыкъ —
Ол гитче итчигбиз,
Ол тиричик, аламатчыкъ,
Къаран, къууанычу биз?

Юремиди, адам келсе,
Жумдурукъ кибик гитче,
Алай жарыкъ тутхан кесин,
Ол сен бек суйген итчик?

Ойнаймыды аны бла
Токуй да — киштигиз?
Киштик итге шуёх бола
Тургъанына кюлдук биз.

Тухур а къабакъ аллында
Турамыды биягъы
Энтта ол тели халында,
Чаба да, эте къаугъа,

Алайтын машина ётсе,
Машинала душманы?
Ол сылхырны да ач этсенг —
Болмаз, ач этме аны!

Мен мында, киштикге, итге
Окъуна тансыкъ бола
Турама, ханым, не этгин! —
Тюшюме кире ала.

1983, янв.
Москва. Спецбольница

Элизаточкам!

Тюнене — 23 январьда — Санга эки конверт ийгенме. Бюгюн да эки конверт жибереме. Жюз кере уппа этеме!

Къ. Къайсының

* * *

Къ. Э.

Бетинге, кёзлеринге, къолларынга,
Орамда мени бла баргъанынга,

Арбазыбызны сыйпай тургъанынга,
Ышаргъанынга, тап атлагъанынга,

Мен анча жылны суйген ауазынга,
Туура арбазны къарында ызынга —

Тансыкъ болама кышхыда, узакъда,
Жарсыйма кёрюрге амалым жокъдан.

Ол манга кыуанч да, жарсыу да бере,
Турама мен, сени тюшюмде кёре.

Тюшлеге алай ыразыма, кече
Мен сени тюшюмде кёргеним ючюн!..

*1983, янв., Москва
Спецбольница, Мичуринский
проспект, 6*

Элизаточкам, субайчыгъым!

Къарт графоман санга дагъыда бир назму жазгъанды

* * *

Кимди билген — жашауда хар нени?
Кёбюнде жюрюйбюз, сокъурлача.
Къалай кёпдю, кёп сагъышым мени:
О, этдикми сен сокъуранырча?

Мени быллай палахха къаллыгъым
Белгили болмай, жангылдынг, билмей.
Ким билсин тамбла не боллугъун? —
Бир инсан да жокъ, жашарыкъ ёлмей!

Мени бла жашаргъа тюшсе аз,
Терс, тюзюмю эдик, — эсеп этерсе...
Сени киши хыликкя эталмаз:
«Ол мени суйген эди, Ол!» — дерсе.

*1983, 24 янв.
Москва. Спецбольница*

Элизатчыгъым!

Мен санга хар кюнден да къагъыт жазарыкъ эдим, алай
китабымы жазама да, заманым къалмайды. Процедурала
да чырмайдыла, арытадыла. Жанымы кыйыры, наным, ха-
ным! Бек тансыкъ болама. Я люблю тебя до слез! — орусча
айтсакъ. Бир-бирде асыры тансыкъдан хайран болуп къа-
лама. Аны айтхан да айыпды. Алай не этериксе? Бююн
ыйых кюндю. Тамбла — баш кюн, жапгыча багъуларын

банларыкдыла. Бизге кьалгъаны — «Аллах буюргъан болур!» — деп, кёл этип, сакълагъандан башха зат кьалмагъанды, насыбыбыз болса, ол хайырсыз ауруу болмаз да, кьутулурбуз, иншаллах! Мында уа — бакъдырып, хар айтханларын этип тургъандан сора башха амал жокъду. Мында мени жашауум былайды: жети сагъатда кьобама, сакъал жюлюйме, кьол-бет жууама, жылыракъ суу бла жууунама, он чакълы газет келтиредиле да, алагъа къарайма, сора коридорда холлда «Зимний сад» дегенлерине тюшюп, бираз жюрюйме, кьыргъызлыла айтучулай, аны таза хауасын жутама. Тогъуз сагъатда ашарыкъ (завтрак) келтиредиле, ауузланама. Сора олтурама да, сагъат онекиге дери жазама (исследованьяла бошалгъанлы ансы, ала баргъанда сагъат экиге дери алагъа жюрюй эдим), 12 сагъатдан сора 30 минутха ышына чыгъама — хауагъа, сууукъду, былайы — жел бек ургъан жерди. Бёркюм а жокъ! Къайтама да, сагъат экиде обед келтиредиле. Ючге дери солуйма, окъуйма. Ючден бешге дери дагъыда не жазама, не машинкада кьагъама. Ингирде да жазгъаным да болады, алай солургъа кюрешеме, окъуйма, окъуучумлай, кён окъургъа кюрешеме, кючюм жетгенне кёре.

Сагъыш, айхай да, кён этеме. Мени юйдегимча юйдегиси болгъан адамгъа къуру кесини жашаууну, ёлюмню юсюнден сагъыш этерге амалы болмайды. Аны сен кесинг ангылайса. Иш аман бла бошалырыгъы кесиме белгили болса да, санга не этерге керек болгъанын мен айтырма. Адам хар заманда хар затха хазыр болуп туругъа керекди. Ол жалан ауругъанда-аурумагъанда, кьартда-жашда да туююлдю. Анга тамбла не боллугъун бир жан да билмейди. Мен, хайт деп, ишми этерге бек къадалып кюреширме, сен да, хайт деп, юйюнге къарап, башынга, башха жерлеринге да сакъ болуп, алай тур. Поэт жазгъанына, Поэзиясына кёре, анга тийишли болуп, кьыйынлыкъда алай туругъа керекди. Мен алай этеме. Аурууну кьорккьуундан сора да, мени мында бек кьыйнагъан — тансыкъ болама юйге, **Санга, жанчыгъым!**

Мен Аллахдан — китапларымы жазып бошар ючюн, маинга 10 жыл керекди да, ол 10 жылны кьызгъанма деп тилейме, **энтта жалан он жылны!**

Жазарыкъ китапларым а (лириканы айтмай), ма быладыла.

Къара сёз бла жазылырыкъла:

1. «Къыш эди» («Была зима») — роман. Жазыла турады.
2. «Ёмюрлюк жолоучу» («Вечный путник») — повесть.
3. «Чынгыл» («Пропасть») — повесть.
4. «Къар юзюлгени» («Обвал») — повесть.

5. «Амал кыйда?» («Где выход?») — повесть.

6. «Кюн сайып» («День за днем») — гитче хапарчыкыла китабы.

7. «Прометейни отуну жарыгы» («Свет Прометеева огня») — о поэзии и поэтах — великих учителях и о тех, с кем я общался, — больших и малых.

8. Хапарла китабы (Книга рассказов).

9. Жомакыла китабы (Книга сказок) — анамы жомакылары (Сказки матери).

Назму бла жазыллыкыла:

1. «Элтюрюлген бешик жыр» («Убитая колыбельная») — пьеса.

2. «Хиросимагыя реквием» («Реквием Хиросиме») — поэма.

3. «Жер бла халкы» («Земля и народ») — поэма.

4. «Чегем элегиясы» («Чегемская элегия») — поэма.

5. «Прометейни кыясы» («Скала Прометей») — поэма.

6. «Кыйчакы поэмагы» («Половецкая поэма») — поэма.

Была барысы да, кесинг билгенликден, эртте эсиме келип турган затладыла. Телиден, акылым жетмегенден, жашаууму тапсызлыгындан жазалмай кыалганма ансы, мен бу затланы эндиге дери барып да жазып бошарыкы эдим. Орусча айтсам — мне очень помешали проклятые застолья! **Мен кыалай тели эдим!** Ай, эндича ангыласам эди, не медет! Хар нени да кеч болгандан сора иги ангылай башлайбыз да. Ол туйюлмюдю палах! Аллах он жылны кыызганмаса, ёгюзча ишлеп, бу айтхан китапларымы барын да жазып бошаргы боллукы эдим. Ким биледи, — уллу Аллахны кючю кейдю — болушур эсе уа, жаны ауруп эсе да! Мен кеси кесимдеги бек иги прозаикни буууп, ёлтюрюп кыйганма. Энди ауругандан, кыарт болгандан сора акыллы болама! Таулуну арт акылы деп андан айтадыла. Хайда, ханым, сау кейюшейик. Аллах аманындан сакыласын! Кычакылайма, упуна этеме.

Сени Кыайсынынг

Ай, башха затладан сора да, лирика кыймай келди да кыара сёз бла жазаргы. Телилик бла Лирика!

Москва. Спецбольница. Мичуринский просп. 6

Элизатчыгым, жаным-кезюм!

Салам айтама. Жюз кере упуна этеме! Бек тансыкы болганма. Жазган кей этеме. Лирика энтта манга романымы

жазаргъа чырмау болургъа кюрешеди. Алай унамам. Болса да ма энтта санга бир назму!

Сау кёрюшейик!

Къайсынынг

25—01—1983

Москва. Спецбольница

* * *

Бир замандача, тауласыз къалып,
Не да сенсиз айланнгандан
Эсе уа, мен, садакъачы болуп,
Жашар эдим тауларымда.

Факъыраны къадары не аман
Эсе да, андан да осал —
Жерине барыргъа тапмай амал,
Айлансанг, мухажир болсанг!

Харип деген олду, ма ол жарлы,—
Жерсиз, юйсюз да айланнган,
Бир кишини да аурумай жаны,
Жеринде къабырсыз къалгъан!

Кёп харипбиз къалгъанды алай,
Биз этгенбиз жиляуларын.
Аланы жарлы этдиле алай
Битеу халкъланы жаулары!..

... О, тауларымсыз, сенсиз тургъанны
Татыуун энтта сынадым!
«Мени суймеген сынасын аны!» —
Дей, къыш кюнленн санадым...

1983. янв. Спецбольница

Элизатчыгъым, Чегем элегиям, Половчаночкам, Ханым,
Жаным!

Сен манга жууап да этмединг, жиберген назмуларымы да махтамадын. Алай дагъыда мен санга жазмай тёзалмадым. Не этериксе, ишинг алай болса!

Кюндюз работал, орусча айтсакъ, над прозой, трудился упорно, отпечатал 9 страниц! Ол бир иги жангы хапарым,

санга, ханым! Экинчи жангылыкъ — бу ингирде назму жазгъанма. Аны махтамасанг, Гейне айтханлай этерикме! ¹ Хайт деп турама. Сен да хайт де! Кереги алайды. Жууукъгъа, тенгиге, сабийлеринге, къоншулагъа да салам айт. Иншаллах! — мен игилик бла къайтырма!

Жюз кере къучакълап, уппа этеме!
Назмуну иги окъу, ашыкъмай окъу!

Сени Къайсынынг

7—02—1983

Москва. Спецбольница

Бююн Ленинграддан Дудин, Гранин, Чепуров селешдиле. Черкесскеден — Суюнчев, Назир Хубиев, Нальчикден — Жанна Кулиева.

Алгъыш биргеди!

* * *

Къ. Э.

Чегемде, къыш ингирде,
Мен жау чыракъларымы
Жандыргъанда бир-бирде,
Къайтмаз чакъларымы

Эсгердим, къар шош жауа,
Сени бетниги чыракъ
Жарытып, къар тынч жаба
Тереклени,— ала акъ.

Шопенни музыкасын
Пианист сейир согъа,
Юй башланы къар баса.
Мен айтдым, игим, санга:

— Шопен да нечик къыйын
Жашады, жерин кюсей.
Не къыйналса да кеси,
Кетди, саулагъа къоюп

¹ Г. Гейне суйген тиширыууна: «Мени назмуларымы махтамасанг, айырылмай къалмаз арабыз!» — деучю эди. (*Къ. Э.*)

Ёлмезлик музыкасын
Кёп ёмюрле ичинде.
Арбазны да къар баса,
Биз олтурдукъ Чегемде.

Жау чыракъла жарыгы
Жарытып кьолларынгы,
О, къар акъырын жаугъан
Эл!.. Сюймеклик барына

Мен жангыдан ийнана,
Къарап тургъаным санга!..
Бюгюн эсгердим аны,
Келгенде кыйын сагъат.

Чегем. Ингир. Къар жауа.
Шопенни музыкасы.
Жау чыракъла шош жана,
Арбазны къар шош баса...

Къ. Қтайсын

*1983. 7 февр. Москва
Спецбольница. Ингир
Къар жауа*

Элизат — ханым!

Сен жазмагъанлыкъгъа, мен жазмай тёзалмайма. Оруслада сёз барды: «Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе». В данном случае, орусча айтханда, Ты — гора, а я Магомед. Иш алайды. Не этериксе? Лермонтовну Арбенини айтханын билемисе? Ма аны айтханы:

«Когда-то так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей!»

Ишлейме аямай, ауруугъа-талаугъа, бир затха да къараймай. Бир кюннге, процедурагъа да жюрип, дагъыда 6, 8, 9 бет машинкагъа урама. Назмула да жазама. Режимим бек къатыды. Бюгюн Расулну¹ бери больницагъа салгъандыла. Ол эки затха сейир этгенди. Бирин — режимим. Экинчиси уа — Змний садда олтуруп тургъаныбызлай, ингирде соргъанды:

— А как твои любимые женщины?

Я ему ответил:

— У меня одна любимая женщина на свете. Ее раньше

¹ Расул Гамзатов.

звали — Элизат Эльбаевна Кульбаева, а теперь зовут Элизат Эльбаевна Кулнева. Других женщин я не знаю.

Расул был сражен.

Обнимаю тебя, любовь моя, целую сто раз.

Твой Кайсын

Тишлерими аламант чыммакыла этгендике, сынган жерине пломба салгандыла. Энди тишлерими эрттенликде да, кече жатарны аллында да таза этеме, хар ашагъандан сора да аузуму чайкыайма.

Таулу газетге мында жазылгъан назмуларымы Салихни¹ атына жибергенме. Къарай тур. Чыкъсала, айтырса (телефон бла).

МОЙ РЕЖИМ ДНЯ В СПЕЦБОЛЬНИЦЕ

Январь, февраль, март 1983 года

1. Подъем — 7 ч. Туалет. Стихи. Письма.
2. Утренняя прогулка — С 8 ч. 30 м. до 9 часов.
3. Завтрак — 9 часов.
4. Работа над прозой — С 9 часов до 12 ч.
5. Дневная прогулка — С 12 часов до 12 ч. 40 м.
6. Рентгенотерапия — С 12 часов 40 минут до 14 часов.
7. Обед — 14 часов.
8. Отдых. Чтение — С 14 ч. до 16 часов.
9. Работа над прозой — С 16 до 18 часов.
10. Вечерняя прогулка — С 18 ч. до 18 ч. 30 минут.
11. Ужин — 19 часов.
12. Поэзия. Письма. Чтение. Телевизор — С 19 ч. до 23.
13. Отбой — 23 ч.

Этот режим нарушается и видоизменяется, и иногда время работы с 17 до 19 отводится для посетителей. Но стараюсь, чтобы как можно меньше приходило людей. И это удается. Сыновьям приказал приходить редко, звонить по телефону. Режима придерживаюсь строго. Если бог даст жизнь, и дома заставлю себя строго соблюдать точно такой режим.

Аллах жашау берсе, Элизат, юйде да ма быллай низам бла ишлерге керекди.

Сёзсюз, алай этмей, амал жокъду!

¹ Гуртуланы Салих, поэт, ол заманда «Коммунизмге жол» газетни баш редакторууу заместители.

Элизаточкам!

Хайт деп турама. Салам айтама санга да, ханым, бар жууукъгъа, тенгнге, къоншугъа да. Ишлейме. Кюннге нормам — 8 бет машинкада. Андан аз этмезе кюрешеме. Низамны (режимни) бек къаты тутама. Хауагъа (20 минутха, 30 минутха) юч кере чыгъама — 8 с. 30 м., 12 с. 15 м., 16 сагъатда. Адамла келселе, бираз тюрленип, низамым бузулады. Тюнене Залийхан улу Жанакъайыт¹ къатыны Фатимат бла келди да, низам бираз бузулду. («Хауагъа чыгъу») Алай ала келгинчи, **8 бетни уруп бошагъан эдим** (бешге дери), жатып, солургъа уа заманым болмады. Ала бир чегемли къой бутну келтирип, Москвада биширип (Фатиматны эгечини юйюнде), бир уллу тауукъну, кеп кегет да, эки шеша коньяк да алып келдиле. Аперим болгъандыла. Бек ыразы этгендиле. Расулну да чакъырып, олтурдукъ. Ала ючюсю бир шешаны ичдиле. Мен жарлы уа биягъы туруучумлай турдум. Академик Павлов тюнене келди. (Алгъын къарагъан ол ахшы къарт къатын профессор Ермолаева да биргесине. Кеп затла сорду Павлов. Айтханындан мен ангылагъан — облученияны радиусун (уллу лугъун — площадын) азыракъ этигиз деди. Иги къарт киши бек ариу селешди, сакъ къарады. Ол — зат да этмей, тохтатып, кетме къоюгъуз дер деп, къоркъуп турдум да, алай болса, бакъгъандан магъана чыгъарыкъ туююлдю деген болур деп, аны себепли къайгъы этип сакъладым. Энтта багъууну бардырыгъыз дегенин аны себепли жаратдым. «Сорур затынг бармыды?» — деди да, угъай деп къойдум. Не сорлукъ эдим? Соргъандан мында къыймат болмайды. Артда отсленяны таматасына сордум: «Къалай эди академикни настроенясы?» — деп. Ол айтды: «Он ушел, настроенный оптимистически. Тебя устраивает нынешнее твое самочувствие, работоспособность, твоя сегодняшняя жизнь?» — деп сорду. «Да», — дедим. «Вот таким будет и дальше, уважаемый и любимый всеми нами Кайсын Кулиев», — деди. «Спасибо, дорогой Владимир Владимирович!» — дедим да, хапар аны бла бошалды. Етюрюк айтхан болмаз деп, умутум алайды. Бек мужественно турама, ишлейме. Тюшле къоймайдыла — хылы-мылы тюшле. Кеп сагъыш этеме, кеп ишлейме да — ол анданды, мыйым арыгъан этеди. Мыйыма да къарагъанды, аны къан тамырларына да. «Все в порядке», — дегенди къарагъан (аппарат бла) врач.

¹ Залийханланы Жанакъайыт, Къабарты-Малкъарны халкъ жазуучусу.

Бюгече сен кир сууда жууунуп, кымыжа болуп,— алай кӱргенме. Аман сӱз — тил эшитирикме да, ол анданды. **Сакъ бол!**

Я бодр, действительно держу себя мужественно. Стойко тружусь, как никогда!

Тюнене ингирде Амо бла Левон¹ (Еревандан) сӱлешген эдиле. Сени сора эдиле, салам айтхандыла. Сау болсунла.

Къучакълайма, ариуум!

Прогоулкагъа (эрттенлик) барыр заман болду. Андан кӱп жазаргъа заман жокъду. Уппа!

Къайсынынг

Любовь моя!

Моя Чегемская Элегия, моя половчанская княжна! Будь здорова и счастлива!

Обожающий тебя твой Кайсын

28—02—1983

Москва. Спецбольница

Элизатчыгъым, жанымы кыыйыры!

Сегизинчи март байрамы быйыл да санга, сабийлеринге, жууукъларынга, иги адамланы барына да къууанч бла келсин. Аны огъурлулугъун кӱр! Сени, барыбызны да Аллах хатадан сакъласын!

Сау кӱрюшейик! Жюз кере уппа этеме!

Къайсынынг

28—02—1983

КЪЫШХЫДА ЖАЗЫЛГЪАН ТЕРТ НАЗМУ

1

Къарны акълыгъы хар кӱргенден
Сейир этдире, къууандыра,
Жашайма мен. О, чыммакъ къарым,
Къоян аягъы да тиймеген!
Терслик этмей жашаялгъанла
Бла сени тазалыгъыгъыз
Бирча кӱрюнедиле манга.

¹ Амо Сагиян — эрменли поэт; Левон Мкртчян — литературовед — Къайсынынн бек татлы шуӱхлары.

Кече жаууп чыккыган чыммакъ кьар.
Тазалыкъ аз болду, тазалыкъ.
О чыммакъ кьар, сен тазалай къал!..

2

Бу жерни мен бек алгъа кӛрген
Кюсюмде кӛрдюм тау башлада
Къарны акълыгъын. Андан бери
Сени сюйгенлейин къалдым, кьар,
Акълыгъышгы, тазалыгъынгы.
Къара уруш тютюн ичинден
Окъуна таймай кӛрюп турдум
Къарлы башларын тауларымы.
Окъ тийип жыгъылгъанда да, мен
Къан къатыш кӛрдюм акъ таулачы!..

3

Тауда, тюздеми жауады кьар,—
Хар аны кӛргенден фикирим
Таза бола, жашау да — жангы,
Биричи айтылгъап фикирлей.
Къайда жауса да, чыммакъ жаугъан
Къар, таза кьар — мени къууанчым!
Энди кюйген юйле кӛмюрюп,
Къап-къара кӛмюрюп акъ кьарда
Кӛргюзтме манга ёмюрюмде,
Жашау, боллукъду кӛргюзтгенинг!..

4

Акъ кьар адам къанындан къызыл
Болгъанын энди кӛргюзтме сен,
Къадар, манга, акъ кьар юсюнде
Кӛзлери кӛкню кӛрмей жатхан
Сабийни, не жашы урушдан
Къаитмайын, сакълай, къарт болуп
Ёлген ананы, уруш оту
Кюйдюрген сабанны, китапны!..
Кырдыкга, кьаргъа, жазгъа, гюлге
Къууаныргъа къой сабийлени!..

*1983, 19—20 февр.
Москва, Спецбольница¹*

¹ Назму февральда жазылгъанды, къагъытны уа Къайсын март айында жибергенди. (Къ. Э.)

Элизаточка, любовь моя!

Поздравляю тебя, обнимаю, целую в счастливый для меня твой день рождения. Я горячо люблю тебя, моя половчаночка, моя прелесть, мое спасение и мое наслаждение! Единственная вина моя перед тобой — мой возраст и моя нынешняя невозможность дать тебе телеграмму. Дай бог тебе здоровья! Обнимаю, целую.

*Обожжающий тебя
твой Кайсын*

До свидания! Сау кёрюшеник!

10 марта 1983

Москва, спецбольница

Элизатчыгъым, игичигим, жанчыгъым!

Къагъытынгы алдым, окъудум, зауукъ этдим. Бюгюн сёлеширсе деп турдум. Тансыкъдан ёлеме! Бюгюн бек къыйналдым, артыкъ да бек! Келмесенг, чыдаяллыкъ болмам. Мен къачан чыгъарымы билалсам, мен чыгъар кюннге бир ючтёрт кюн къалып келирсе. Мени бла Нурекге барырча. Эки кере келген а къыйын боллукъ болур.

Не да болсун, тансыкъдан ёлеме! Сегиз жангы назму (цикл) жибереме. Жюз кере уппа этеме!

Сени Къ. Къ.

Ты — мое существо, опора, радость, жизнь! — орусча айтканда.

СЕГИЗ НАЗМУ

I

Саусузла юйю. Жапгызлыкъ.
Къыш ингирле. Сагъышларым.
Жау чыракъларым болсалта,
Ингир сайын да аланы
Жандырыр эдим, Чегемде
Жандырыучумтай мен, сени
Бетниги жарыта, биз тынч
Олтуруучу ингирледе
Кибики, таула тийресинде.
Энтта къыш ингир. Жапгызлыкъ.
Сен да жокъ бюгюн къатымда,
Жау чыракъ да, таула да жокъ!..

Жел кесин терезелеге
 Урады. Февраль. Ингир.
 Мен, эки кёзюмю кысып,
 Эсге тюшюреме сени
 Бетинги, эки кьолунгу,
 Тап баргъанынгы орамда,
 Не арбазгъа чыккыгъанынгы...
 Кетген кече мен аланы
 Тюшюмде кёрдюм, насыплы
 Болдум. Сен алай ышардынг
 Манга тюшюмде кыыш кече,
 Къайтаргъанча жазымы!..

«Сюймекликмиди да къайгъы,
 Атом уруш жаныгъанда?» —
 Дейдиле бирле. О, угъай!
 Сюймекликсиз энтта болмаз,—
 Сюймеклик кьутхарыр бизни! —
 Дей, жашарбыз энтта биз.
 Уруш къайгъысы, саусузлукъ
 Энтта да биргеме мени
 Мында бу кыыш ингирледе.
 Болса да, сени сюйгеним —
 Жарыкъ кючюмдю, мен кёре
 Турсам да чачымы чалын!..

Кыыш ингирле, кыыш ингирле.
 Саусузла юйю. Жангызлыкъ.
 Жашауну эгерле деп кюл,
 Улуйду жел да тышында!..
 Къайгъы да кёп, кьоркьуу да кёп
 Болмагъанча бир заманда!..
 Мен а, санга тансыкъ бола,
 Сени кёрюрге термиле,
 Жау чыракъланы жандырып,
 Бетинги шош жарытыргъа!..
 «Сау дунняны кьутхарыр
 Сюймеклик!» — деген тюз айтды.

5

Санга, сабийлеге да мен
 Къоркъама кыйыи жашауда,
 Къоркъама мен сабийлени
 Барына бу жер юсюнде,
 Къоркъама мен суймекликге,
 Кесими суймеклигиме,
 Суймеклигине хар кимни,
 Суймекликге жер юсюнде;
 Къанатлыгъа, гумулжукга,
 Кюнню жылыууна, айны
 Жарыгъына, жулдузлагъа,
 Жомакыгъа бла гюллеге!..

6

Жангыдан кыйш ингир келди.
 Олтурама сагышларым
 Бла бирге энтта кесим.
 Тенгим жау чыракъла алып
 Келген эди да, жандырдым,
 Чегемде жандыргъанымлай,
 Алгын — ырахат кюнледе
 Жандырыучулары кибик...
 Кыйш ингир. Тышында — къар. Жел.
 Мен, жау чыракъланы жандырып,
 Ала бетинги жарытхан
 Кибик, олтурама жангыз...

7

Манга жангыдан чыдамлыкъ,
 Беклик да керек болдула.
 Бююн манга тынчды десем,
 Мен ётюрюк айтыр эдим.
 Бакъдырама, жазама мен,
 Тыянама кёллюлюкге
 Иги умут бла бирге.
 О, алай хар неден да бек
 Кюч береди суймеклигим,
 Игим, санга суймеклигим!..
 Суйгенлени барысына
 Къууанч, хорлау тилейме мен!..

Къыш ингир. Тышында — къар. Жел.
 Арну ауазынгы эштдим
 Телефонда, ауазынгы, ауазынгы!
 Алгыыш, махтау телефоннга!
 Жау чыракъланы жандырып,
 Сау дуняны юсюнден,
 Кеси юйюмю юсюнден,
 Ез саулугъуму юсюнден,
 О, сени, сени юсюнгден
 Сагъыш этеме хар ингир
 Сайын, кече сайын мында,
 Сени, о, сени юсюнгден!..

1983, февраль
Москва, Мичуринский проспект, 6
Спецбольница

Элизатчыгъым!

Мен саусузла юйюнде быллай назмула жазаргъа кё-
 лумдан келгени сейпрди.

Къ. Къайсын

Элизатчыгъым!

Саламымы ал. Тюнене манга алай бош айтдынг. Ол терс-
 ди. Алай этме деп мен санга эртте айтханма. Мен аллай адам
 туйюлме. Манга аллай затланы айтып, жүрегими къыйна-
 гъан — гюняхды. Сени аллынгда мен, бу сёзлени жазгъан
 къагъытым къалай таза эсе да, мен алай тазама. Санга тап-
 сыкъдан ёле турама. Сен а манга аллай сёзлени айтаса. Ол
 айыпды. Манга дунияда сенден башха тиширыу жокъду. Жа-
 нгыдан мен жыйырмабешжыллыкъ жаш болуп, юйдегим сен
 болсанг да, башха тиширыугъа къарамаз эдим. Ол затны ке-
 сине насыпха санар эдим, алай Аллах манга аллай насып
 бермеди. Я люблю, обожаю, тебя, — орусча айтханда, — Ты —
 мое самое высшее наслаждение на этом свете!.. Ты — мое
 единственное сокровище! Жашауубузну болмагъан затла бла
 бузма! Алгыыннгы жених да кёп болмай биягъы адыгейкасын
 келтиргенди деп Магомет Хубий улу¹ алай айтды телефон

¹ Къарачайлы поэт, устаз.

бла. Аны себепли — кьой, жашауунгу бузма — женихлеринг да чачылгъандыла.

Манга уа — сенден сора тиширью, къатын да жокъду. Мен мындан чыгъаргъа бир ыйыкъ къалгъанда келирсе деп умут этеме. Къучакълайма, унна этеме.

Къайсынынг

Сабийлеге, барына да салам! Тюенене саиға жазылгъан
8 назму жиберген эдим¹.

21—VI—1983

Москва. Спецбольница

Элизатчыгъым!

Анализлеши башлагъандыла. Бююн главврач келип, Лопаткин бир ыйыкъдан келликди, ары дерн, къарап бошап, ол келип къараса, юйге жиберип къоярыкъ болурбуз дегенди. Алайды да, «Иншаллах!» — деп турама.

Жапчыгъым! Бек, бек тансыкъ болама. Юйге жиберселе, андан сора манга кереги жокъду.

Тюенене шигирде нашаладан бла помидорладан этилген салат, бююн а — татлы баллиле (черешняла) бергендиле. Ишлерге стол да келтиргендиле. Машинкамы, къагъытларымы да салып, низам этип, ишлерге хазыр болгъанма. Тамбла жазып башларгъа умутумду. Аллах айтса!

Бек тансыкъ болама! Бек! Элизатчыгъым! — деп къычырама. Унна! Унна! Унна!

Юйге терк къайталсам, къабакъны артындан этип, ишлеп турургъа керекди. Иншаллах!

Ол тёрт китапны хазыр этип, келтиргеним бек иги иш болду. Бек къаты ишлеген эдик. Алай керекди ёнге уа!

Хайда, жаным, сау тур. Сау кёрюшейик! Хайт де! Ахмат Окоучукъгъа салам! Жанымдан суйген Элизатчыгъым, полвчаночкам, Чегем элегиячыгъым! Акъыллычыкъ болуп тур.

Къоншулагъа салам айт.

Унна этеме!

Къайсынынг

Къагъыт, штемпелые кёре. Москвадан 1983-чю жылда 3-чю март-да жиберилгенди. (Къ. Э.)

14 май, 1984
Москва. Спецбольница

Элизатчыгъым, мёлегим!

Сен мени кёлюме тийгенликге, мен а санга тансыкъдан ёлеме, ариучугъум! Ишим оюн туююлдю, алай биягъынлай, хайт деп турама. Акъмурзаны¹ философиясы мени философиямды. Бюгюн баш кюндю. Тамбла, геуюрге кюн, багъып башларыкъдыла. Бу жолгъа дери манга аллай дарман бла укол этмегендиле. Жыйырма кере этерикдиле. Солуу кюн да боллукъ туююлдю. Бюгюн врач: «Будьте готовы — будет очень трудно — тошнота, головокружение, рвота, сильная боль во всем теле», — дегенди. Мен а анга айтханма: «Я веду неравный бой с болезнью четыре года. Придется вступить в рукопашную и со смертью. Нам не впервые!» Тимборагъа да² бюгюн айтханма: «Будем держаться!» Ол да: «В нашем положении больше ничего не остается!» — дегенди. Алай эте турабыз. Ишлейме. Ковусовну юсюнден жазып, машинкагъа да ургъанма, Логвиновну³ юсюнден жазып, бюгюн кесине жибергенме. Чингизни⁴ юсюнден жангыдан юч бет чакълы жазгъанма, тёрт гитче назмучукъ да тырнагъанма. Жашауум алайды. Издательство бла Шерешевскийден⁵ сора кишиге сёлешмейме, ырахат турама. Жалан да, телевидениягъа сёлешип, мында болгъанымы Қалашниковагъа⁶ айтханма. Июньну экинчи жарымында келирге айтханды. (Мен сау-саламат болсам!) Ма, ханым, мени жашауум алайды. Бюгюн Хренков⁷ да, Орлов да сёлешгендиле.

Экибиз издательстволагъа **жети китап бергенбиз** («Қъарылгъачны» да санап). **Қъалай аперимлебиз!** Ойнагъанмы этесе! **Ол бек уллу ишди! Очень мудро!** «Современникден» бюгюн редакторум келип кетгенди. Қъол жазмагъа къарангъанбыз. Ол, аланы издательствода аллай китап кёрмегенме деп, махтагъанды. Редакцияны таматасы да телефон бла

¹ Қъайсынны «Қъыш эди» деген романыны баш жигитлеринден бири, устаз.

² Мальбахов Тимбора Кубатиевич, ол заманда КПСС-ни Қъабарты-Малкъар обкомуну биринчи секретары.

³ Логвинов Виктор Григорьевич, поэт.

⁴ Чингиз Айтматов, жазыучу, Ленин атлы премияны лауреаты.

⁵ Шерешевский Лазарь Вениаминович, Қъайсынны назмуларын орус тилге кёчюрген поэт.

⁶ Қалашникова Галина, ЦТ-да жаш тёлую редакциясыны баш редактору.

⁷ Хренков Дмитрий Терентьевич, критик, литературовед.

алай айтханды. Мен аны махтанып айтмайма, сени кыуандырайым деп айтама, Элизаточкам.

Врачлагъа да мени айтханым былайды: «Я полностью понимаю серьезность своего положения, но при любом случае буду держаться храбро. Я хочу жить только так!»

Сабийлеге салам айт. Расул практиканы кыздыра болур? Ахматчыкъ кыалайды? — Бек тансыкъ болгъанма. Элизаточкам, жюз кере кыучакълайма. Мени унутма!

* * *

Анам, мен саулукъдан бизге
Айырылыу жокъду — кюзге,
Жазгъа да турама алай
Жолугъа, унутмагъанлай
Сени. Мен да кирсем жерге,
Биз унутурбуз ёмюрге
Бир бирни!..

12 май, 1984

Москва. Спецбольница

* * *

Бек кыйынды манга сенсиз, —
Жангыдан болгъанча ёксюз.
Сенсиз жаз да туююлдю жаз.
Хауа да болгъан кибик аз.
Сюймеклигим — кючюм бола,
Кыйынлыкъла артда кыала,
Хорлатмагъанлай алагъа,
Тенг бола кыарыулулагъа,
Алай келдим арт жыллада,
Сени отунга жылына.
Отунг, жылыуунг, жарыгъынг
Жашаууму эте жангы!..

1984, май

* * *

— Кыалап чагъады юлѳкью!
— Мен а жашаргъа нечик
Сюеме!..
— Мен да алай!

— Нечик чагъады
жабышмакъ,
Къалай акъдыла таула,
Нечик жашилди кырдык!
— Мен а жашаргъа
Нечик суюме!
— Мен да алай!..

1984, май

Мен назму жазмагъанлы жылдан артыкъ бола эди! Лирикки куймучуна табанны жетдирип, тышына кыстап турдум!

*17 июня 1984
Москва. Больница*

Элизаточка, половчаночка, любимая!

Я уже сутки в больнице. Снова в который раз смотрю на высотное здание Московского университета. Пока нет ничего нового. Кроме того, что сегодня принесли в полдень замечательную черешню и много. Поел с удовольствием. И сун в обед был очень хорош — нечто вроде супа-пюре, любимого нами с тобой. Я специально пишу это письмецо, чтобы сказать, какой философской проблемой я занят в эти дни, как уехал из дому. Человек добился много интересного и хорошего наравне со всем дурным, злым и отвратительным. Если бы ему удалось победить страх, главным образом страх смерти,— как это было бы замечательно! Это первая мысль, ради которой решил написать тебе.

А вот и вторая. Десять дней, которые я провел после больничных моих тревог и страданий, стали счастливейшими днями моей жизни. Я счастливо в эти дни любил тебя, был с тобой неразлучно, с особым удовольствием и бодро водил свою машину, смотрел на горы и небо, на деревья моего любимого чегемского сада, на прекрасный орех под окном столовой, на другой любимый орех во дворе.

Я вчера и сегодня даже думал: стоило родиться на свет, чтобы прожить эти десять дней!

Вот какими прекрасными они показались мне в моем чегемском доме, возле тебя, моя прекрасная, моя любимая Элизат!

Это моя философия — фикир. А что делал я сегодня здесь, в больнице, которая осточертела мне порядком? С утра, как и вчера, шел дождь, было холодно, мрачно. Поэтому на прогулку не ходил. До 12 часов отпечатал 3 странички о

Чингизе. Потом полтора часа ходил на свежем воздухе, опираясь на свой новый зонт. Полчаса лежал и читал Хемингуэя. В два обедал, ел с удовольствием. Съел все, как обжора. Взвешивали. Похудел за 10 дней на 1 кг. Раньше этого не бывало. Уходил, возвращался, а вес оставался одинаковым. Больше новостей пока нет. Буду мужествовать, трудиться по строгому режиму, если не замучат, и любить тебя, тосковать по тебе, Лизакам!

Большой привет Ахмату. Он должен слушаться тебя, любить, уважать. Передай ему это. Обнимаю, целую, люблю!

Твой Қайсын

Думаю, что больше сюда я не приеду, в эту больницу, моему, не стоит. Все это бесполезная трата времени.

*6 январь, 1985
Ростов-Дон*

Ахматчыкъ, къалай тураса, балам, мени бек иги жашым? Бизге жарсыма, бизни хатабыз жокъду, докторлагъа къараттып турабыз. Элизаточкагъа да багъадыла. Палатабыз жылды. Шуёхларыбыз да келедиле, не да келтиредиле, къарайдыла.

Энди, кёп турман, юйге кетерге умут этебиз. Сиз а къалай турасыз? Бэла да иги турамыды? Бизден бек салам айт. Расул а сизни бламыды? Биз санга да, барыгъызгъа да бек тансыкъ болгъанбыз.

Хайда, сау кёрюшейнк. Қъучакълайма, уппа этеме.

Сени бек суйгец атанг

Қз. Қтайсын¹

¹ Бу Қтайсыны ахыр жазгъан къагъытыды.

Из дневниковых записей

82

меня на цветник и идет спать в комнату. Сквозь сон ему слышен голос девочки, спрашивающей у него:

— Вы не знаете, отчего так часто плачет эта женщина в саду?

— Это ветер, девочка.

— Нет, это плачет женщина среди цветов, она там одна, ей холодно.

— Ей не должно быть холодно...

— Она плачет. Мне страшно, помогите ей!

— Я уложил ее в саду, потому что в стенах дома ей душно, ей нужны простор, свобода! Пойдем, девочка.

Они идут и видят, как от ложа поднимаются вверх к солнцу сверкающие паутинки и растворяются в нем. Цветы увядают, листья на деревьях поникают.

— Вернись,— просит он.— Пожалей меня, пожалей этот сад, здесь все умирает!

На солнце видны глаза, из них падают слезы. Там, где они ложатся, вырастают диковинные растения необычайной красоты. Удивленный, он, прижимая их к груди, спрашивает: «Что это? Я никогда не видел такого!»

— Это моя любовь...

— Ты вернешься ко мне?

— Когда настанет час...

Он берет девочку за руку: «Скажи, она вернется?»

— Вернется, вернется! — как эхо подхватывают деревья, цветы, птицы.

— Вернется! — уверенно вторит им девочка. Она, молитвенно сложив ладони, становится на колени: «О мать, терпеливая всепрощающая мать-земля! Ты видишь нуждающегося в помощи. Помоги ему!»

Он лежит на земле, глядя в небо, в глазах надежда. Опускаются сумерки, все затихает, диковинные растения обвивают его. Темнеет. Но он верит, надежда его жива.

* * *

С утра, как обычно, принялась за уборку. Позвонил Кайсын и сказал, что хочет поздравить меня с женским днем. Они пришли втроем. У меня ничего не было готово и пришлось приготовить кое-что на скорую руку. Они немного выпили, закусили. Когда остались с ним наедине, Кайсын стал говорить о своей любви, о том, как ему было плохо без меня и, что теперь он безгранично счастлив. И еще сказал: «Я решил твердо, никого я не боюсь. Я люблю тебя. Это смертельно, Элизаточка. Будь готова, мы вдвоем должны быть готовыми к самому трудному. Я преодолею все, лишь бы ты любила ме-

ня. Люби меня». Просит подождать. Сколько я ждала, разве мало мучилась все эти годы? Ему нелегко, но и мне не легче.

Настроение у меня сегодня отнюдь не праздничное. Включила «Реквием» Моцарта и стала читать Кулиева. Музыка заглушала мой голос, эмоции. Я давно хочу подготовить «Реквием» К. Кулиева, но он не поддается мне. То же происходит и с «Играют Шопена». В оригинале это стихотворение изумительное, перевод хороший, но на балкарском он звучит прекрасно.

12 марта.

Вечером спектакль «Ромео и Джульетта». Мне надо переводить синхронно с балкарского на русский. Утром Кайсын привез меня на работу. Оттуда я пришла домой и сразу в постель. Думала, не усну, но поспала часа два. Разбудил телефонный звонок. Это был Кайсын:

— Ты любишь меня?

— Да.

— Правду говоришь?

— Правду.

— А я люблю тебя. Сен мени жанымы кыйырыса (Ты частица моего сердца). Моя балкарочка, мой ребенок. Ты мой ребенок. Ты дорога мне, никому в обиду не дам. Никого и ничего не бойся, пока я жив. Счастье мое, ни на кого не променяю. Все будет хорошо. Ты вернись старику Кайсыну? Я старик?

— Вы не старик.

— Всегда так говори. Кайсын тебя очень любит, мое сокровище, и ты люби его, Элизаточка.

13 марта.

Разбирали пьесу моего дорогого друга Алима Теппеева. Интересная пьеса, есть над чем работать. У меня сложная роль, не знаю, сумею ли? Мне кажется, я разучилась играть, на меня убийственно действует отношение некоторых людей друг к другу в коллективе — ненависть, зависть, двуличие. Но все равно не могу без людей.

Приходил мой дорогой, мой любимый человек. Какое удовольствие слушать его. Он — смысл моей жизни. Это хорошо и плохо. Плохо, потому что я не могу жить без него, а он принадлежит не только мне. Замкнутый круг. Что ждет нас?..

Сказал, что тосковал без меня. Какое точное слово—«то-

сковать». Я тоже тоскую. Хочу видеть, слышать его каждый день, каждый час. Хочу прижаться к дорогому лицу и прислушиваться к биению нашей крови.

Немного посидел. Я была занята на кухне. Даже не поел. Спешил. Грустно. Обещал позвонить. Буду ждать.

Как долго мамы нет, мы все очень соскучились по ней. Скорее бы ты приехала, мамочка моя — солнышко, светящее в ночи, голубушка моя горестная, хрупкое тело с большим любящим сердцем. Родная, милая мама, умеющая с достоинством преодолевать испытания, посланные судьбой. Мама моя!

14 марта.

Какая радость! Приходил мой дорогой человек и что принес! Какие книги — Лорка, Тютчев, две свои: «Живу среди людей» и на балкарском «Тюнене бла бюгюн» («Вчера и сегодня») и уникальную фотографию — мой любимый в двадцать лет. Чудо мое. Такая радость смотреть на него, прелесть, прелесть моя! «Порывистый, бурный ветер Кавказа». А для меня нежный ветерок, ласкающий лицо в жаркий день. 22 часа. После прочтения Тютчева.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

Денисьева, Тютчев... «Последняя любовь, вернее, русская любовь Тютчева». Мучительное положение незаконной жены и смерть... «Я живу, как кукушка на часах, заведут, и кукую, знаешь, жизнь такую не пожелаешь и врагу...» За эти годы, с тех самых пор, когда судьбе угодно было связать нас, я научилась ждать, жертвовать. Но унижать себя не позволю никому. Или все, или ничего. Вы сказали, чтобы я ничего не боялась, пока вы живы, так сделайте, чтобы никто не смог нас упрекнуть. Если любил, умей ограждать любимого человека от унижений. Ответственность за честь любимого — это любовь, а не громкие слова о ней. Любовь, неотвратимая как судьба, связала и нас в тугой узел, будем же достойны ее.

16 марта.

Разучилась слушать музыку. А раньше... Какие видения посещали меня! В комнате с наглухо запавшими окнами, наедине с любимыми чародеями: Моцарт, Григ, Вивальди... А «Грустный вальс» Сибеллуса и «Колыбельную» Яри-

фельда могла слушать часами. Произведения великих композиторов, мне кажется, надо слушать с незапятнанной душой, а коль появилось что-то плохое, то слушать для очищения. Ведь совсем недавно, казалось, ничто не могло омрачить душу, что же теперь так больно? Жажда постичь глубину прекрасных, непостижимых творений? Возможно ли такое, когда засасывающая рутина царит в полном блеске? Всегда боялась се... Приди же, моя святыня, спасение мое! Вырви из чудовищных лап этой бездны и рассказывай о себе, читай любимые стихи Лорки, Тютчева, Блока, Лермонтова и уводи в высокий желанный мир! Поражай воображение с присущими только тебе ощущениями, вроде этого: «Знаешь, когда я слушаю «Болеро» Равеля, мне мысленно видятся шагающие мулы по каменной тропе в вечеряющих сумерках гор»... Своеобразный, труднообъяснимый, неповторимый!

Пришел, чтобы только увидеть. Так он сказал. Мне кажется, он занят лишь своими мыслями, эмоциями, работой. Мне же хочется, чтобы со мной считались в первую очередь. Может это от эгоизма или я так привыкла? Но что я заметила и что странно для меня — с ним я забываю о себе, все, как он пожелает, лишь бы ему было хорошо.

23 марта.

Кайсын позвонил и пригласил меня пообедать. Наум Гребнев — его переводчик, Кайсын, дочь Кайсына Жанна и я поехали в ресторан «Сосруко». Настроение было неплохое, но когда мы возвращались обратно, Кайсын и Наум заговорили о саде в Чегеме. Кайсын полушутя сказал: «Надо жениться на сельчанке, умеющей ухаживать за садом, за огородом». Гребнев при этих словах посмотрел в зеркало машины на меня вопросительно. Мне стало неудобно. Жанна спросила: «А Элизат разве не сможет?»

— Элизат нет, не сможет. Она, наверное, никогда не держала в руках лопаты.

— Нам никто не нужен, кроме Элизат, папочка.

Я сидела молча. Жанна шеннула мне: «Да он шутит, Элизат, испытывает тебя».

Настроение было испорчено. Меня довели до дома. Кайсын не мог понять, отчего я расстроилась. Попрощался. Надо было отвезти еще Наума и Жанну.

24 марта.

Сегодня Кайсын позвонил с утра и сказал, что поедем на Кизиловку, но с условием, что настроение будет нормальное.

— Договорились.

Пообедали в кафе «Къонакъ». Потом на канатке поднялись в горы. Так чудно кругом, особенно, когда рядом такой собеседник. Он так любит землю, окружающую его природу. Показывает интересные деревья со скрюченными стволами, сравнивает их с человеческими судьбами. Все в нем необыкновенно. Долго смотрит на меня. Хоть и тепло от его взгляда, я начинаю смущаться и спрашиваю: «Скажите, только откровенно, я не кажусь вам легкомысленной? Это меня так мучит».

— Откуда такие мысли? Ты моя любимая. Высшая женщина, мое высшее очарование. Мне в тебе все нравится. Знаешь, когда тебя нет рядом, я представляю себе твою походку, лицо, изящную фигуру, слышу твой голос. Я люблю тебя. Это не просто слова, это смертельно. Ты моя единственная. Ты только не покидай меня. Лучше предупреди, если я падаю тебе.

— Я никогда не покину, вы не покидайте.

— Как можно? В моей жизни не было подобного, я это могу с уверенностью сказать. Озарение мое... А ты? Как тогда восприняла мое первое признание, я имею в виду, когда мы жили рядом друг с другом?¹ Ты ведь знала, что я люблю тебя? Знала, знала.

— Я не раз слышала, что великий Кулиев любит актрису Кульбаеву, не скрою, мне это льстило, хотя не очень верила в это. А когда услышала ваше признание в свой адрес, растерялась. Я всегда бывала счастлива, когда видела вас, еще до вашего объяснения, а когда узнавала, что вы в поездке, очень волновалась, вдруг, что случится с вами. Успокаивалась, когда слышала, что вы на родной земле. Я редко видела вас в те годы, но запоминала каждое слово, взгляд. Взгляд ваш был чистый, светлый,— я благодарна вам за это, другое отношение оскорбило бы меня.

— Я всегда любил тебя, но не мог сказать, робел. Кайсын робел перед женщиной! Сам удивлялся себе. Когда робеешь — значит, любишь. Это истина.

— А я боготворю вас... боготворю и не знаю как быть?

— Ну, посмотрим, все уладится. Я не брошу тебя на суд толпы. Ты только не расстраивайся, все будет хорошо. Я очень, очень люблю тебя, моя балкарочка...

Мы едем по канатной дороге, сидя друг против друга. В руке Кайсына деревянная палочка. Тихо плывут облака. На ярко-синем небе горит желтый диск. В уповательно-томном танце медленно кружатся деревья...

¹ Кулиев и я жили на углу пр. Ленина и Советской, в домах напротив друг друга.

Вечером пришел и читал Тютчева, Блока: «О этот юг, о эта Ницца», или «Ты, как отзвук забытого гимна»...

Когда читает стихи Кайсын, воспринимаешь по-особому, каждое слово, оттенки глубоко проникают в душу, и ты зачарованно слушаешь чародея. Кайсын! Какого доброго бога благодарить за тебя?!

25 марта.

Надо чутко относиться к любви, одним неосторожным движением, словом можно ранить и разрушить очарование.

28 марта.

День рождения Жанны Кулиевой. Были Танзиля, ее Жанулька прелестная, которую я очень люблю, Кайсын, я и еще одна женщина (имени не запомнила). Хотели пригласить и Бориса Кулиева — нашего режиссера, но не нашли. Очень тепло посидели.

6 апреля.

Поехали в «Къонакъ», пообедали. Потом все вместе: Ахия Ахматов, Ибрагим Бабаев, Муталип Беппаев, Кайсын и я решили пойти в гости к Б. Хозяева были рады Кайсыну. Засуетились, усадили всех за стол. Все шло хорошо, пока не выпили и хозяин не стал выговаривать Кайсыну, обвиняя, что он не поддерживает его, не помогает, при этом бросая в лицо такие слова, от которых мы пришли в ужас.

Я думала, сейчас ударит молния и испепелит все, но Кайсын пытался успокоить разбушевавшегося.

Мы ушли. «Ноги моей больше не будет там, где Б.», — сказал Кайсын. Когда мы остались наедине, спросил: «Это правда, что я исписался? Может, все скрывают, а Б. сказал открыто?»

— Перестаньте, пожалуйста. Самый исписавшийся Кулиев на двадцать голов выше их всех. Не ему судить о вас. Вы сами во всем виноваты, — посадили всех на голову, когда хвалите, не знаете меры, не думаете, во что это потом может вылиться. Ваша доброта, не знающая границ, часто вредит вам. Хвалите, поддерживайте, но знайте меру.

Кайсын соглашался со мной, но я знала — он успокоится и простит, будет так же, как всегда, дарить свою доброту, не

столько всего, разве выразишь? Что-то в этой встрече насто- рожило меня, и исходило это от него. Обычно, как только он заходил, сразу начинал взглядом ласкать меня. В его взгля- де тоска, а может, мне это казалось? А в этот раз он дождал- ся, пока мой взгляд не выразил мою тоску по нему, и только тогда отдался своим чувствам. И все же, что-то не то. Он другой. Что-то скрывает? Покажет время.

* * *

Недавно, числа 28-го, я вновь увидела старушку. Спроси- ла, где живет. Но она, оказывается, ничего не слышит. Хо- тела дать денег, но вдруг обидится. Заглянула в ее кошелку, там кусочек хлеба и два яйца. Я протянула ей яблоки, смот- рю—берет, тогда дала деньги. Она опешила: «Спасибо, спа- сибо, доченька. Дай Бог тебе здоровья!» А у самой слезы на глазах... Я шла и думала, кто она, какая у нее судьба? Ребя- та во дворе рассказали, что она живет неподалеку, сыновья разъехались кто куда, а дочь живет в каком-то городе, и эта старушка умудряется помогать ей, отсылая свою пенсию.

Бедные матери... Единственная душа, которая не под- ведет.

Кайсын как-то рассказал мне интересную притчу: «Сын привел в дом невесту. Справили свадьбу. Вскоре молодые ре- шили жить отдельно, подальше от матери-свекрови. Мать старалась не выказывать обиды, не вмешивалась в их жизнь, но молодой жене показалось этого мало. Однажды она спро- сила мужа о любви его к ней. Он ответил, что любит жену больше матери. «Тогда,— сказала женщина,— в доказательст- во своих слов, принеси мне в дар сердце своей матери. Только тогда я поверю в твою любовь».

Сын поехал к матери, вынул ее сердце и поспешил к су- женой. По дороге конь под ним споткнулся, и он упал. Серд- це матери вскрикнуло: «Сильно ушибся, сынок?»

Я слышала эту легенду не впервые, но сидела ошеломлен- ная. В устах Кайсына она прозвучала так, что мурашки про- бежали по телу.

— Уж такой сын оказался у несчастной матери,— ска- зала я.

— Ты права. Но не дай Бог, чтобы в твой дом вошла та- кая сноха. Нет ничего страшней злой женщины...

Сколько несчастных, одиноких людей на свете! Люди — они могут хоть словом выразить свою боль, обиду, а живот- ные? Мир, где страдает от голода одно несчастное существо, разве может быть справедливым?

У меня сегодня так тяжело на душе. Что же случилось, что случилось, Кайсын? Пусть будет горько, но я должна знать правду.

3 мая.

Что-то случилось, не могу понять, что именно, и спросить не могу. Не может интуиция обмануть меня. Он приехал не тот, он другой. Редко кто может быть верным обещаниям. Слова, слова, на ветер брошенные! Внимаешь им — они дурманят, не веришь, но они заставляют поверить в обман...

6 мая.

Сказал, что нашел домработницу. Она крепкая, толковая. Что ж, поздравляю.

Прощай, прощай, выстукивает дождь,
Я ухожу, а ты еще не знаешь,
Что никогда меня ты не найдешь,
А найдешь, ничего не исправишь...

Иногда я кажусь себе незаметной пичужкой, на мгновение залетевшей в вашу жизнь. А представьте, что у этого крохотного создания есть сердце и оно способно страдать. Вот беда, зачем ей это? Была бы большой видной птицей, еще понятно, а то всего лишь песчинка, да и рвется вдобавок куда-то...

Говорят, когда человек умирает, дух его устремляется вверх. Может, я мертва, но не знаю об этом, а дух, не давая покоя, зовет в заоблачное, недостижимое? Не знаю и вряд ли когда узнаю. Ясно одно — я живу в надежде на чудо. Вы — моя заоблачная высь. В какой-то отрезок времени мне почудилось, что я приблизилась к вам... Что-то уцелело, видно, при падении, иначе не была бы боль такой ощутимой.

Люди строят дома, возводят прекрасные сооружения, а рядом рушится человеческая надежда — храм, созданный им для радости и счастья. Дом — зрим. А душевная архитектура человека? Пусть даже любимого тобой — она скрыта. И надо быть чрезвычайно чутким, чтобы уловить это разрушение... Но для чего тогда слова: «Я тосковал по тебе, зашел на минуту, чтобы только увидеть. Радость моя, мой дорогой ребенок. Да, ты могла быть моим ребенком. У меня к тебе такое чувство, поймешь ли это? У меня к тебе удивительная нежность...»

О, мой блуждающий дух! Не ищи то, чего не суждено найти. Я прощаюсь с вами снова, как много лет назад, пожелаю вам счастья, долгой и плодотворной жизни, а сама

выплачу эту любовь к вам до состояния безжизненности и, может быть, тогда успокоится мятежное!..

9 мая.

Я сумела поздравить вас с праздником Победы. Вы и не представляете, как мне было трудно говорить с вами. Да, я узнала кое о чем, но не от вас, к сожалению. Я силилась понять вас. Кто поймет творческого человека? Никто не имеет права судить вас. Мы все должны благодарить Творца за вас, за тот великий дар, коим Он наделил нас. Все будет хорошо, родной мой!

11 мая.

Простите меня, простите за сомнения, обиду, за то, что поверила напраслине. Я не знала, что вы больны, а вы почему-то скрыли, как можно? Что делать, как помочь? О, Господи, помоги ему! Вы не должны болеть. Я попрошу, и вы переборете все болезни, переборете смерть! Ведь правда? Я попрошу, и ваша любящая душа прислушается к просьбе. Мой удивительный человек, что сделать мне, чтобы облегчить вашу боль, как быть мне, не имеющей права быть с вами рядом даже в такие дни? О боже, какая мука! Не иметь права ухаживать за вами. Кто это сделал бы с большей любовью, чем я? Знаю, ваша мама. Но ее нет на земле, поэтому нет на свете человека, любящего вас больше, чем я! Я молю Творца, Землю, Небо — храните его! Пусть длится его жизнь! Прошу вас, прошу!

12 мая.

Сегодня Бэлочка сказала, что в школе разбирали поэзию Р. Гамзатова, и поднялся спор, кто лучше пишет — Гамзатов или Кулиев. Класс разбился на две группы. Она должна завтра выступить и попросила меня помочь ей: «Представь себе яркий день, цветущие деревья, бросающиеся в глаза своей ослепительной красотой! — это, на мой взгляд, поэзия Расула. Но вот ты проходишь мимо неказистого, на первый взгляд, кряжистого дерева и невольно оборачиваешься и видишь, как оно вросло в землю своими корнями. Дерево, иссеченное ветрами, градом, но оно живет наперекор смертям и рвется к сиянию солнца, к лунному свету и звездам! Цель дерева — выстоять, оно — жизнелюб. Поэзия Кулиева не внешняя, она глубокая, как корни того дерева, которые, питаясь соками земли, питают других. Кулиев, познавший на себе всю боль и радость бытия, назвавший свою книгу «Раненый камень», — огромное дарование в мировой поэзии, он — необъятный

мир!.. Ставить вопрос, кто лучше из них — неверно. Другой вопрос — кто кому дороже?..»

18 мая.

Позвонил в 14 часов и сказал, что улетает в Москву, а 20-го — в Новосибирск, потом в Ленинград. Пришел ненадолго, посидел, просил, чтобы я не забывала его. Очень усталое лицо.

Как странно мы живем, забываем, что жизнь одна, живем, боясь людских кривотолков, а они есть и всегда будут. Когда он сегодня говорил о своей любви ко мне, я поражалась силе убеждения и хотелось броситься в водоворот этих слов... Пока он не позвонит, что доехал благополучно, у меня не будет покоя.

19 мая.

Позвонил в половине двенадцатого. Я не спала, ждала звонка. Доехал благополучно, погода в Москве хорошая. Успокоилась и неплохо поспала. Сегодня я приеду с выезда поздно, но он обещал позвонить.

24 мая.

22-го получила телеграмму, а с 19-го числа болею, особенно две ночи. Ночью читала до четырех, потом уснула. Ноющая боль в спине и в ногах. Сейчас перечитываю «Дом и мир» из страниц автобиографии. Кайсын был необходим миру, и он выжил. У меня такое чувство, что я всегда была рядом с ним и он не имел права умереть. Он был прав, когда сказал, что я не смогу без него. Каждый шаг вдали от него болью отдается в сердце. Между Нальчиком и Новосибирском большая разница во времени, поэтому вчера днем и сегодня ночью не спала, в надежде, что мысли наши хоть на какое-то мгновение соприкоснутся. К утру разморил сон, и я вижу его. Даже во сне он спрашивает: «Ты ни в чем не нуждаешься, все у тебя есть? Ты мне всегда говори, если что нужно, никогда не скрывай, я твой друг. Да. А как же иначе? Ты не только моя любимая женщина, ты мой ребенок, мое счастье. Никто тебя так не любит, как я, мое сокровище».

Приснилось то, что он говорит наяву, дословно. Наверное, он не спал и думал обо мне.

28 мая.

Погода в эти дни как нельзя точно характеризует мое настроение. С 22 мая от него нет известий.

30 мая.

Наконец, утром принесли телеграмму из Ленинграда. Как будто гора с плеч, так легко стало. Много ли человеку надо? Внимание близкого человека и ты оживаешь даже в такую пасмурную погоду.

Сходила к Борису Кульбаеву¹ в больницу. Ему очень плохо. Не выдержала, расплакалась. Пришла домой, позвонил Он из Ленинграда. Завтра придет и будет дома. Скорей бы. Уже 2 часа ночи, а сон не идет. Боюсь, завтра буду плохо выглядеть.

31 мая.

Бэлочка говорит, что он звонил, но я была на работе. Опять собрание, не могут решить, что повезти на гастроли — «Ромео и Джульетту» или «На рассвете» Иссы Боташева. Если бы знала, что Қайсын позвонит, не ходила бы никуда. После работы проведала Бориса, сегодня ему чуть легче.

5 июня.

Я ждала его и злилась, т. к. у него все время дела. Меня удивляло его терпение. Решила встретить его холодно. Он пришел, и куда делась моя холодность? Сразу стало так легко. Потом пошли в гости к Танзиле, немного посидели у них, она угостила нас хинкалом по-кумыкски (дагестанское блюдо).

Қайсын скоро опять уедет. Прав Чехов, написавший в «Трех сестрах», что, когда берешь счастье урывками, становишься злющей!

6 июня.

Позвонил. Хотел прийти. Я сказала: «Как вам будет угодно». А он: «Нег, если тебе трудно, то я позвоню и попрощаюсь перед отъездом. Я хотел видеть тебя».

Приехал. Настроение у меня отвратительное. Молча наблюдаю за ним. Пришла Бэлочка, получила пятерку, сдал экзамен. Қайсын так радовался! Хороший, любимый мой! А я дура.

7 июня.

Утром была на сдаче «Антигоны». Переводила синхронно с балкарского на русский. Спектакль получился, все выдержано в едином ключе. Я рада.

Сегодня Қайсын должен был позвонить после телевидения, но что-то молчит. Завтра улетает в Ленинград и оттуда — в

¹ Борис Кульбаев — мой близкий родственник (Э. К.).

Венгрию. Приедет 6 или 7 июля. Опять ждать. Это длится с апреля, в месяц я вижу его всего раза два-три и все.

Да, совсем забыла. 4-го числа, после того, как он ушел, вечером позвонил из Чегема и читал новые стихи в переводе и на балкарском, «Касыда о бессмертии» и другие. Боже, какие это стихи! Благодарил меня: «Я давно уже не мог взяться за перо, благодаря тебе вновь стал работать». Еще сказал, что стихотворение «Кукушка» написано для меня. А в Новосибирске, оказывается, он болел. Давление. Вот почему мало давал знать о себе. Я не зря волновалась. Господи, дай ему счастливую дорогу.

Позвонил в 22 часа, сказал, что звонил в половине девятого, но почему я не слышала звонка? Целый день он был занят делами сына. Попрошались очень тепло. Приедет в десятых числах июля. А я, наверное, буду на гастролях. Обещал приехать в Карачаевск, если я сообщу ему, где устроилась. А сейчас болит сердце, не могу уснуть. Уже два часа ночи. Волнуюсь. Скорей бы долетел благополучно.

9 июня.

Вечером переводила «Антигону». Когда на сцену вышел Хамид Юсупов и сыграл свою роль (всего один выход), зал скандировал. Маленькая роль, но как он ее сыграл! Молодец. Ахмату Бачиеву надо будет поработать над образом Креонта, у него он получится, он талантливый человек.

Бэлочка сказала, что звонил Кайсын, а я была в театре. Он, оказывается, звонил и днем, но я была у Танзили. Сказал, что завтра позвонит, но у меня спектакль. Ему еще предстоит поездка в Венгрию.

10 июня.

Позвонил утром, переживал, что долго придется быть вдали от меня. Но если я попрошу, то приедет,— так он сказал.

11 июня.

Проснулась от щемящей боли в сердце. Во мне живет постоянный страх — вдруг с ним случится что. Видела сон — греческо-эпическое что-то.

14 июня.

Мы в гостинице «Учкекен» (Карачаево-Черкесия). Вечером показывали «Ромео и Джульетту», народу было мало.

15 июня.

Сегодня все наши артисты были на природе. Зариф Бапинаев проиграл Кулиеву Борису (наш режиссер) барабана, и его, бедного, зарезали, освежовали. Все веселятся, мне же тоскливо без Кайсына. Исполнительница роли Джульетты Марьям Ульбашева — прелестная девушка, умная и скромная. Она мне очень нравится.

После спектакля поужинали с Ханафием Жантуевым (наш главный администратор), Борисом К. и Розой. Боря ругал меня за пассивность. У меня сейчас творческий застой. Бывало время, когда я играла для себя даже дома и бывала удовлетворена собой. Такое редко бывает — быть довольным собой. А сейчас... Но думаю, все это временное явление.

16 июня.

Дождь. Град. День прошел в томительном ожидании завтрашнего дня. Скорей бы уехать отсюда. Нет воды, нет душа. Наверное, 18-го уедем.

23 июня.

18-го мы приехали в Черкесск. Звоню домой. Бэла пчелюхо сдает экзамены. От Кайсына нет никаких известий. Через недели две он должен приехать, а пока надо держаться. Страшно скучаю.

25 июня.

Гомон птиц. Радость наступающего утра. Сколько надежды вселяют они в душу, полную сомнений. Сколько жизнерадостности в их шумных хлопотах... Проснуться бы в один из дней ранней хлопотливой пташкой и чирикать, и щебетать от неизбывной радости...

27 июня.

Сегодня было очень много народу, а клуб малюсенький. Мою «вдовушку» («Требуется вдовушка» Яхьяева) принимали очень хорошо. Соскучилась за детьми, хотя звоню каждый день. Скорей бы закончились эти гастроли.

30 июня.

Временами кажется — человек, которого я люблю, не знает настоящей грусти. Он постоянно занят делом, умеет перебаривать непрошенные сантименты. Но иногда в изменившейся интонации голоса грусть предательски вырывается наружу, хотя он старается скрыть ее. Ну что ж, я не против то-

го, чтобы не было места грусти в вашей жизни... Сейчас передо мной ваша фотография. Я смотрю на нее. Кажется, прошла вечность, как мы вдали друг от друга. Фотография — жалкая замена облика любимого человека... Хочу видеть вас, слышать ваш голос, держать ваши теплые руки в своих. Мне тоскливо, грустно без вас, слышите меня?!

1 июля.

Сегодня сказали, что наш театральный автобус перевернулся, чудом остались живы два водителя, находившиеся в нем. Сегодня наняли автобус и поехали на выезд. Вчера спектакль пришлось отменить, не было света, зато зрителей было много. Сегодня их человек сто, но принимали «вдовушку» отлично. Мне эта роль не по душе, но говорят, что я играю ее хорошо.

4 июля.

Родной мой! Скоро увидимся. Сейчас лежала с закрытыми глазами и в полудреме близко и отчетливо увидела его лицо. Защемило сердце, и отлетел сон. Скоро. Скоро.

Сегодня звонила Фатима Урусбиева и приглашала меня в гости, но наш коллектив еще вчера пригласил драматург Сафар Бабоев. Пришлось идти со своими. А мне хотелось пойти к Фатиме. Роза Жерештиева обещала приехать ко мне в Карачаевск, но что-то нет ее. Звоню домой, никто не отвечает, Роза тоже, а то она узнала бы, почему не поднимают трубку дети.

Дочь Борнса К. Зухрушка, такая уморительная лопотушка, сил нет! Она с нами на гастролях, выходит на сцену и в конце спектакля раскланивается вместе с артистами. Без нее было бы очень скучно.

7 июля.

Сегодня были в селении Эльтеркач. Фатима У. ездила с нами. Ее родители живут там. Спектакль тоже посмотрела. Народу было битком набито, было душно. Еле закончили. Принимали прекрасно. Моя «вдовушка» покоряет село за селом.

10 июля.

Все время вижу вас во сне: на столе перед вами стакан с выпивкой, я сижу рядом, но мы не пьем. Это хорошо. Пить во сне — к печали. Приехали вы или нет? Не знаю. Я в мучительном состоянии.

21 июля.

Мы в Карачаевске. Принимают нас все время очень хорошо, но меня это не очень волнует. Я должна понять, осмыслить поступки моего Кайсына: «С глаз долой, из сердца вон?» Вот как?

24 июля.

Ливень. Лета как не бывало, все время стоит пасмурная погода. Не могу приказать себе не думать о нем. Вчера зашла в местную библиотеку и попросила «Литературную газету» за июль. Там напечатаны стихи Кайсына о любви. Но на балкарском эти стихи куда интересней звучат.

25 июля.

Ночью во сне я побывала на том свете. Там встретилась с моими знакомыми женщинами (наяву их лица мне совершенно незнакомы). Все они белотелые, пышущие здоровьем и обнаженные. Одна из них беспокоилась за меня и просила подруг не напоминать ему — Всевышнему — ибо мне, ибо, по ее словам, я не скоро должна прийти к ним: «Ты будешь долго жить и маяться, отмаливай грехи. Любить мужчину большой грех». Я спросила: «А почему мы любим?» Другая женщина ответила со злостью: «Потому, что мы спешим жить, времени для любви отведено слишком мало». Я ухожу от них, и чем ближе к этому свету я приближаюсь, тем больше пыли: начинаю задыхаться, трудно дышать. В страхе просыпаюсь: «Мой грех — стала злой. Люблю вас, но переборю себя. Постараюсь и сумею».

Уснула. Убегала во сне от вас и слышала ваш голос: «Разыщите ее любой ценой и приведите ко мне!» А я убегаю далеко, убегаю в слезах. Вокруг люди празднуют какое-то торжество, приглашают меня, но я отказываюсь. Забегаю домой, ищу дневники, чтобы записать что-то, а в ушах ваш голос: «Найдите ее, мне очень плохо, найдите ее скорей!»

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески неясный,
Как откровение духов...

28 июля.

Вчера играли в с. Кумыш. После спектакля нас пригласил к себе Муса Батчаев — молодой карачаевский поэт, интересный человек. Хочу, чтобы с Ф. У. у него все наладилось. Они — достойная пара.

В доме у Мусы я увидела репродукцию нашего замечательного художника Якуба Аккизова — на втором плане колыбель и мать, а на первом — Кайсын Кулиев... Голова его в каком-то необъяснимом порыве повернута в сторону, будто сейчас произойдет некое чудо, и весь облик поэта ждет его! Ветер, несущийся по Чегемскому ущелью, развеивает его одежду, клонит деревья и несет с собой звуки колыбельной песни — душевные и тревожные!

Ты сотвори о чудо, боже!
Верни того, кто всех дороже
Мне на земле!..

30 июля.

Вчера Азамат Алимович Суюнчев, Азрет Исмаилович Семенов, Расби и братья Хубиевы (все они — карачаевские поэты) пригласили нас на природу. Сидели на берегу реки — читали стихи, пели песни народные. Интересные люди, добропорядочные, ни единого лишнего слова, к женщине относятся с большим почтением. Молодцы. Боря Кулиев был со своей гитарой. Магомед Хубиев пел песни под свой аккомпанемент.

Еще немного терпения и я буду дома, рядом с моими детьми, моими близкими, где просто и свободно дышится. У меня добрые, умные, прелестные дети, зачем же сетовать по пустякам? Я должна воспитать их настоящими людьми, хоть настоящим очень трудно в этой жизни.

2 августа.

Наконец-то я у себя дома! Со своими детьми. Вчера было много провожатых: братья Хубиевы, Азрет Семенов, Азамат Суюнчев, Кази Лайпанов, Муса Батчаев, художники, студенты. Расби не смог приехать и прислал мне большую коробку конфет и сборник своих стихов, но 31-го он попрощался со мной. Жалко его — такая умница и такое несчастье — он прикован к коляске, ходить совсем не может. У него замечательные стихи, много драматизма и щемящей грусти.

В 11 часов сели в автобус и попрощались с Карачаевском. Нас встретил дождливый Нальчик. Вечером Бэлочка сообщила о моем приезде Кайсыну. Завтра встретимся.

2 августа.

Пошла на работу, получила отпускные и вернулась домой. Через некоторое время появляется он, и с ним Ахия. Я так ждала его, а он пришел не один. Принес подарок — арабские духи «CAIRO», а тушь с помадой забыл в кабинете. Меня очень тронуло его внимание; значит, он думал обо мне!

Послезавтра он опять уезжает. Предчувствие меня не обмануло.

3 августа.

Бэлочка получила неуд по сочинению. Она так плакала. У нее в аттестате по русскому языку и литературе стоит отлично. Вечером позвонил Кайсын и, узнав об этом, просил успокоить Бэлочку и обещал ее устроить, но теперь на заочное отделение. Родной мой человек! Я не собиралась его беспокоить, его и так тревожат просьбами со всех сторон, но он сам сказал, что поможет. Сегодня он отпросился и не пошел на пленум. Позвонил ко мне и мы встретились у него в кабинете. Скоро должен поехать в Японию, а потом по нашим городам. Опять разлука. Завтра едет в Пицунду.

5 августа.

Я на кухне варю обед. Течет вода из крана. Сквозь струйку воды, к которой прикован взгляд, видятся безбрежное море и Он. Волны подкатывают к его ногам. Он проникает в тайный смысл их: эти волны — страдание сердца, рокот моря — стремящийся голос, надежда и безнадежность... «Чудо, чудо, где ты?» — Чуда нет. То чудное желание твое. Чудо там, где у моря отдыхает любимый волшебник. Он с собою унес твое сердце, дыхание твое...

6 августа.

О многом передумала я в последнее время. Надо решать. Сколько противоречий. Что делать? Я совсем не могу спать. Как взять себя в руки? Я должна, должна перебороть себя.

15 августа.

Зашла в книжный магазин, что рядом с нами. А портрет Кайсына, что висит на стене, до сих пор не поменяли. Такое сытое самодовольство на его лице, какого никогда в жизни не было. Зашла к заведующей. Прошло три месяца с тех пор, как я попросила поменять этот неудачный портрет. Я забрала его и принесла домой. Позвонила директору изобразительного музея И. Боташеву, он обещал прислать машину, но,

ведно, забыл. Надо будет найти Якуба Аккизова, уверена, он обязательно исполнит мою просьбу, он обязательный человек.

17 августа.

Приболела. Сегодня Кайсын должен приехать. Ждала звонка целый день. Телефонный провод казался черной змеей, протянутой меж нами. Но наконец в десятом часу звонок и долгожданный голос. Из Пицунды не мог никак дозвониться. Завтра, бог даст, увидимся!

27 августа.

Мне нужно приготовить для концертного чтения стихи Лорки и Кулиева. Пока не начинаю читать вслух, все вроде получается как надо, когда же читаю вслух, не совсем то, чего хотелось бы мне. Чувство чего-то невыплаканного комом стоит в горле,— вот его-то и надо передать голосом. Читаю снова и снова. Тщетно. Особенно не поддается «Играют Шопена». Поэзия Кулиева и Лорки — это целая гамма возвышенно-прекрасного! Как передать ее полно, без папека на фальшь? Но возможно ли объять необъятное? Вот отчего бессилие, тонущее в слезах. Поэзия чародеев! Вы — завораживающие ночные звезды, зовущие в непостижимо-прекрасную звездную высь!

Девочкой я бродила «полуночицей», влюбленной в луну, звезды. Часами любовалась, делилась с ними сокровенными мечтами. А они то улыбались, то хмурились. Светло, темно, светло, темно. Разве не так и с любимым волшебником? Сегодня он поднимет тебя высоко, от света жмуришь глаза, а завтра... лишь Богу известно. Но звездная поэзия моего Кулиева, родная по духу, улыбается мне всегда!

Я добьюсь желаемого, я сумею, буду работать и одолею!

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом,
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем;
Играют Шопена...

27 августа.

Шел проливной дождь — частый гость этого года. Слушая его, я смотрела в окно и увидела мужчину с красными гладиолусами. Несмотря на ливень, он шел медленно, устало. Я вглядываюсь в него и, не узнав, думаю: «Если в такой день люди продают цветы, значит, деньги — поистине великая вещь. И! кто та счастливица, кому предназначены эти цветы?»

Мужчина тем временем заворачивает в наш подъезд. Это был Кайсын!.. Встретились. Я так соскучилась по нему! Какое у него измученное лицо, глаза грустные-грустные... Спросила, отчего он грустный? Ответил: «Не грустный, а серьезный». Я забыла, ведь он не умеет грустить.

Родной мой! Что с тобой сделали, сотворили, ты так изменился!..

Попросил сесть рядом. Села. Обнял и долго молчал. Встал, молча прижал ладони к моим щекам и, глядя в глаза, сказал: «Я очень люблю тебя, моя девочка. Не забывай это, хорошо?» На вопросительный взгляд ответил: «Ничего, я уже успокоился. Все будет хорошо». Ушел. Вечером позвонил из Чегема, спросил о самочувствии. Я скрыла от него свое состояние, скрыла слезы. Почему?! Я щажу его. Люблю. Хочу забыть и не думать, но не могу забыть грустных глаз его (ну, пусть по-вашему, они будут серьезными, хотя я знаю, что грустные!), и опять плачу. Я боюсь, боюсь...

6 сентября.

Кайсын сказал, что больше не будет писать о любви. Он стар, стыдно, хотя в душе и не чувствует старости. Мне же кажется, что стыдно должно быть от искусственного. Если сердце человека наполнено чувством, пусть в сто лет! Это же счастье. Пока человек любит, он живет. Живой человек, живые эмоции, пусть самые разнообразные, главное, чтоб они были естественные. Как-то в разговоре он сказал: «Часто печататься некрасиво, я стар». Ну, а если вам пишется и стихи хорошие? Не понимаю я вас иногда. Не возрастом определяется старость. Ваше сердце, чувства не заросли сединой, так не приближайте старость ненужными размышлениями. До старости вам далеко. Я вчера любовалась вами, вы выглядели молодцом. Вам трудно быть благопристойным мещанином, пусть эта участь минует вас.

Если бы я могла высказать вам все, что думаю. Но в партнерстве с вами я, кажется, обречена на роль молчаливицы, и надолго.

13 сентября.

Какая вулканическая, чарующая сила! Я заморожена и думаю: если сейчас такая сила, то какое обжигающее пламя бушевало в вас раньше? Необычайная божественная сила, ничего нарочитого, назойливого, — благодать Создателя, — нет слов, чтобы выразить вас, мое волшебство! Когда рассказываете о чем-нибудь, даже незначительном, или читаете Блока, Тютчева — поэзия сквозит во всем, и даже когда ко-

лесте дрова, разжигаете печь или с нежностью прикасаетесь к моим щекам... Вы прикасаетесь, и кажется, «святость» коснулась меня. Когда вам плохо, вы приходите ко мне в любое время дня и ночи. Провожая, я страшусь за вас. Быть бы спокойной за сыновей, можно было бы, не задумываясь, умереть, чтобы не видеть вас даже болеющим. Вы говорите, что любите меня наравне со своими детьми, а может, еще больше: «Ты очень дорога мне, как мои дети. Да, ты мой ребенок, самый дорогой ребенок. А еще, ты моя звезда. Звезды — моя необходимость, я не могу жить, не видя их, как и тебя, моя нежность, мой праздник. Благодарение Всевышнему, пусть поздно, но сбываются мечты. Блаженство мое, спасибо тебе, что ты есть. Спасибо родителям, породившим тебя...»

Как вместить в себя ваши слова, вашу ласку?! Вы во всем велики и неподражаемы! Вы благодарите меня, а какую хвалу воздать мне моему доброму божеству за то, что вы есть и будете на этой земле? Позвольте травинкой склониться к вашим стопам. Делайте, что хотите, только живите, только творите!..

Вчера он был рядом со мной, а сегодня готовится, завтра улетает в Ленинград с Алимом. Обещал до отъезда позвонить и прийти, но я долго пробыла в поликлинике.

19 сентября.

Я иногда, обижаясь, приказываю себе не думать о нем, не дотрагиваюсь до его книг, зная, что, прочитав, я снова попаду в западню. Ваши стихи — ваша душа, ваша стихия, я ее чувствую и понимаю. Интересно, если бы не эти прекрасные стихи, обожествляла бы я вас так? Трудно сказать. Но не любить вас невозможно.

22 сентября.

Сегодня я ходила в художественный фонд. Наконец, директор обещал привести портрет в нормальный вид.

От Кайсына нет никаких вестей. Уехал 17-го, а сегодня 22-е. Пусть только приедет, все выскажу. Ведь просил: «Не забывай меня, Элизаточка...» А сам? Обещал прислать телеграмму Бэлочке — поздравить ее с поступлением в университет, но не прислал. Что с ним? А вдруг заболел, вот чего я боюсь больше всего. Мне бы только узнать, что вы чувствуете себя хорошо, а остальное как-нибудь переживу. Наверное, я умру от волнения!.. Нет минуты, чтобы не думала и не представляла его себе. О, как я люблю смотреть на ваше лицо — одухотворенное, задумчивое, загадочное, даже когда в нем борются противоречия. Я читаю в лице вашем, оно под-

робней всякого рассказа: вот вы закрыли глаза, и мир, присутствующий только вашему воображению, посетил вас. А я жду, что же вы сейчас скажете? Открываете глаза и говорите совсем о другом. А «то» осталось, окутано дымкой тайны, сокровенной дымкой. И опять вы говорите о чем-то и снова мысли, мысли... Вы отбрасываете их, начинается диалог между нами. Мне же интересен «тот ваш мир», но он остается недоступным.

24 сентября.

Вы позвонили. Куда делась моя обида? Оказывается, он не мог дозвониться. В эти дни я была у своих,—приезжала, уезжала. Слава Богу, он чувствует себя хорошо, значит, мне тоже хорошо. Моя прелесть. Если бы вы знали, как я ругала вас сегодня. Я злая, злая! Как смела дурно думать о вас? Вы позвонили—и гора с плеч, легко и радостно, все сомнения позади!

26 сентября.

«Разве вы не слышали его тихих шагов? Он идет, идет, идет. Каждый миг, каждый век, каждый день, каждую ночь идет он, идет, идет. Много несен печальных и радостных пела я, но всегда звучало в них: идет он, идет, идет».

У нас в республике Дни литературы и искусства Адыгси. Кайсын с гостями.

28 сентября.

О. поэт-наставник, я сажусь
у ног твоих. Пусть моя жизнь
будет проста и правдива, как
свирель из тростника, которую
ты наполняешь звуками.

Рано утром раздался звонок. Спросила, кто. Ответа не последовало. Чуть приоткрыла дверь, вижу, стоит он с букетом роз. Зашел. Так радостно ощущать его рядом...

В последнее время он все чаще и чаще задает вопрос: «Как быть, что делать?» Я тоже спрашиваю себя—как быть?.. Я нужна ему, знаю. Иначе не приходил бы, не искал встреч. Но вся загадка в том, что нужна ли я ему, как нужен он мне?..

Кайсын показал альбом с вырезками его стихов, который ему прислал для автографа Гдалин Михаил Маркович из Москвы. Ему лет под семьдесят, любит поэзию Кулиева. Как я благодарна таким людям за то, что они есть. Хотелось бы написать ему теплое письмо, но Кайсын это сделает лучше меня.

Вчера он спрашивал, не раскисаваюсь ли я, что развелась с мужем? Я ответила: «Нисколько».

* * *

Вчера он должен был позвонить и привезти облепиховое, как он говорит, «чудодейственное» масло. Но в одиннадцатом часу пошла на работу, потом в поликлинику, пришла в четвертом часу, а он, наверное, в это время поехал с гостями в район.

Я опять раздражена. Он опять уезжает в Москву. Там пробудет со 2-го по 8-е, а потом поедет в Ташкент на десять дней. Поневоле будешь раздраженной, а тут еще эти гости.

2 октября.

Вчера он позвонил и попросил приехать в Чегем, т. к. Евгения Дмитриевна уехала на могилу дочери, а дом оставить некому, воруяют вплоть до дров, поэтому приехать ко мне не может. Завтра уезжает и хочет видеть меня. С утра должен повести Алима в военкомат. За мной послал племянника.

Приехала к нему в село. «Старик Кулиев» водил меня по обширному саду, по комнатам большого дома и маленького (временка) и по-детски увлекательно рассказывал, как они с его двоюродным братом Ахией Ахматовым покупали необходимые для дома вещи, чтобы комнаты приобрели более жилой вид: «Тебе нравится? Уже лучше, чем тогда? Для тебя старался».

Спальня его в большом доме напоминает келью. Маленькая узенькая комнатка с побеленными стенами. Односпальная кровать. Вторая не поместилась бы. Рядом с кроватью небольшой столик, на нем редкие издания книг. Настольная лампа. Небольшой портрет матери. (Он обещал подарить ее фотографию, чтобы я хранила ее у себя.)

В общем, обстановку дома можно назвать обиталищем отшельника. Мне, как всегда, было интересно наблюдать за ним. Все, что ни делает,— с увлечением, споро.

После обхода «владений» усадил меня за стол и стал потчевать: «Поешь, поешь! Ты очень плохо кушаешь. Ну хоть орехи поешь, я сейчас почищу их для тебя. Знаешь, они очень полезны для человека, очищают мозг». Я почувствовала себя маленькой и захотелось покапризничать, но вовремя спохватилась, вспомнив, что далека от того блаженного возраста... На смену орехам пришел бульон из свежей баранины и тоже, как утверждает Кулнев, полезный. Выпив бульон, стали жарить баранину. Ели и смотрели Фернанделя, совмещая приятное с полезным.

Завтра он уезжает и просит меня остаться у него. Я не соглашаюсь. Тогда решили ехать ко мне. Позвонил к племяннику Сагиду, живущему неподалеку, чтобы тот присмотрел за домом. Пока ждали автобус, стемнело. Ни одного такси. Видя, что я замерзла, Кайсын снял с себя плащ и накинул мне на плечи поверх моего плаща: «Представляю, как я «выглядываю!» — рассмеялась я. «Нормально выглядываешь!» — в ответ засмеялся Кайсын. Наконец, остановился небольшой автобус, и мы поехали. В автобусе пьяные ребята, громко хлопая, горланили песни так, что уши затыкай. Не дожидаясь нужной остановки, мы поспешили выйти у нового вокзала и пошли пешком. Пока добрались до моей квартиры, прошло довольно много времени. Спать не хотелось. Беседа, просидели до шести утра. Он говорил о своей любви ко мне. Просил потерпеть: «Много терпела, потерпи еще немного, я все постараюсь уладить». Вспоминал наше первое знакомство, рассказывал, как ревновал меня к мужу. Признался, что не раз звонил мне, не называя себя, услышав голос, клал трубку: «Ты, наверно, гадала, кто этот человек?» Я действительно гадала тогда, кто он — этот таинственный незнакомец? Значит, и ему не чуждо ничто человеческое. Вот тебе и Кулнев!.. Разоткровенничались до того, что я все же решилась сказать ему о слухах. В последнее время они участились. Он, видимо, тоже был в курсе, потому что, несколько не удивившись, помолчал и сказал: «Наверное. говорят. Пусть, что поделаешь? Никому не прикажешь молчать. Не расстраивайся. Что-нибудь придумаем... Ты жалеешь о наших отношениях? Не жалея. Поверь, я все время думаю о том, как облегчить твою участь. Знаю, как тебе трудно».

Мы поговорили еще, и вдруг он спросил: «Может, ты хотела бы выйти замуж, ты ведь еще молодая, может, нравится тебе кто-нибудь? Не скрывай от меня, я, прежде всего, тебе

друг. Если бы я был помоложе!.. Я боюсь, не смогу дать тебе полного счастья. Я старик...»

Он такой чуткий, тонкий, как не видит, что причиняет боль своим вопросом? Не видит, что я полна им, и мне никто, кроме него, не нужен. Человек, ради которого пришлось и приходится переносить осуждения, не хочет или не может тебя понять. Я же, чтобы не расстраивать его, больше молчу, хотя мне есть, что сказать. Он все время просит потерпеть. Временами готова взорваться, но сдерживаю себя, терплю, плача почками в подушку, потому что не хочу никакого нажима со своей стороны, все должен решить он сам и по доброй воле. Ему нелегко: семья, больная жена. Но меня тоже надо понять, я тоже живой человек. Мудрый, всепонимающий Кайсын, конечно же, видит все. «Долго ждала, подожди еще немного», — попросил он. Что ж, подождем...

Утром вызвала такси. Он оделся и вышел. Я смотрела вслед. Коричневый плащ, коричневый берет, бодрая походка... Болью в сердце отозвались слова: «Я боюсь, не смогу дать тебе полного счастья. Я старик». «Вы само счастье!» — шепчу я, сжимая голову руками, еще пахнущими им.

Проходит немного времени, звонит из Чегема, просит не волноваться: «Элизаточка, не огорчайся, верь мне. Я не могу схватить со спокойной душой, когда ты расстроена. Я сказал тебе, я что-нибудь придумаю. Не торопи меня, хорошо?»

— Хорошо. Счастливого пути! Как только прилетите, сразу же позвоните!..

3 октября.

Читаю «Гамаюна», увлекаюсь и вдруг ловлю себя на том, что в мыслях — ваши слова, лицо, откладывая книгу. Считаю часы: в четыре выехал, пять, шесть, семь часов... В восемь должен долететь. В девятом часу звонок. Трубку берет Ра-сул. Говорит по-русски и по мере того, как переходит на балкарский, понимаю, что звонит он. Бегу к телефону.

— Ты не удивляешься, что я?

— Удивляюсь.

— Ты знаешь, мы еще в аэропорту, не уехали. Москва не принимает, там снег.

— А вы взяли теплые вещи?

— Взял, не волнуйся.

— Смотрите, одевайтесь тепло.

— Чем ты занимаешься? А у меня здесь провожатые: Ахия, Бабаев, Танзиля. Я сегодня хорошо выпил. Давно не пил, ты знаешь это, но сегодня выпил. Не забывай меня, жанымы кыйыры (частица души моей.— Э. К.). Ох, если

бы здесь был Аскер Аппаев¹ и узнал бы, что я звоню к тебе, какая сладостная пища была бы для него...

Қайсын попросил, чтобы я поговорила с его провожатыми. Поговорила, потом взял трубку он сам, и мы попрощались. Не знаю, что именно меня расстроило? Вроде ничего особенного не сказал, но какой-то неприятный осадок остался. С ними он другой, раскованный, что ли. Не знаю.

8 октября.

4-го звонил днем, но меня не было дома. Потом заказал переговоры в одиннадцать часов ночи и прождал до двух. Линия была повреждена и дозвонился только 6-го. У него все нормально, Эльдар с ним. Звонил Азамату. В общем, все хорошо. 8-го утром вылетает в Ташкент. Просил, чтобы я была в хорошем настроении. Я не стала говорить о том, что сгорел в машине дотла мой родственник, парень 24 лет. Такое горе.

Скорей бы приехали. Молитвы тех, кому вы делали добро, сметут зло на вашем пути, и ваша дорога будет светлой. Сегодня, только открыла глаза, первое, что пришло на ум, было ваше имя. Я его произнесла много раз.

11 октября.

Сегодня часть наших актеров уехала на гастроли в Дагестан. Проводив их, пошла в исследовательский институт, но Алима Тепишева не нашла. Пришла в театр и с Муталипом Беппасвым (он у нас сейчас заведует литературной частью) говорили о моих рассказах. Удивлялся тому, что не отдаю их в печать. Вероятно, хотел поднять мое настроение. Чистый он и боюсь, сломают его. Страшно делается, когда видишь, как люди относятся к людям с божеской печатью.

Вчера Қайсын позвонил из Ташкента. Там был час ночи, а у нас 22 часа. Спрашивал о самочувствии детей, моем, родителей: «Погулял с Чингизом Айтматовым, только разошлись с ним и звоню тебе. У Шахидат (сестра) еще не был, звонил. Здесь будем до 16-го. Звонил в Чегем, там все нормально. В Москве купил для тебя облепиховое масло. Как горло? Передай Танзиле, что видел Зульфию, она передавала ей привет. Соскучился. Я еще позвоню тебе».

Приблизительно такой разговор.

13 октября.

Спала сегодня очень тревожно. Просыпалась и долго не

¹ Доктор филологических наук, друг К. Кулиева.

могла уснуть. Вспоминала, как Қайсын рассказывал о фильме «Царевна-лягушка», который посмотрел по телевизору. Он так переживал за нее, когда эти сытые богатеи издевались над ней. Но вот она сбросила лягушачью кожу и предстала во всей красе, и восторжествовала правда. Қайсын плакал! Боже мой, что это за чудо? Вы чудо? Вы чудо, Қайсын!

20 октября.

Одним взглядом, одним словом и сердцем опять в западню. Я думала, он не звонил, значит, забыл меня. Приехал 18-го и звонил весь день, а я была на студии, читала стихи поэтов из соседней республики. Сегодня я увиделась с Кулиевым. Отвыкаю мучительно и привыкаю так же.

24 октября.

Позвонил с работы. Спросил, как я поспала. Сам он не спал. Вечером опять звонил и читал свои стихи «Чегемская баллада». Прощаясь, благодарил Бога, родителей моих за меня, желал спокойствия, счастья мне, детям, родителям. Вот пока все.

Да, он опять спрашивал: не брошу ли я его? Я сказала — нет. А он: «Это точно? Не бросай меня. Если я стану тебе в тягость, предупреди, я освобожу тебя». Потом я начала разговор о самоубийстве. Он воспротивился: «Убить себя можно, если ты предашь человека, как некоторые «сексоты». Только тогда, а иначе никак нельзя, пока не придет смертный час». Я сказала: «Разве человек, предавший один раз, будет размышлять о совести? Нет. Он будет предавать и дальше». Он рассказал кое о ком, и я узнала их.

29 октября.

Переговариваемся по телефону. Все дни занят — собрания, созздания. Это хорошо, что я его не вижу эти дни, могла натворить глупостей. Все потому, что ревную. Он рассказывал о своей первой любви с большой нежностью. Лейля — есть стихи о ней, почти вся лирика до пятидесятых годов овеяна ею. Когда слушала его, выслушала вроде нормально, а сейчас ревную. Ну не дура, а?

1 ноября.

Сегодня день рождения моего дорогого человека. Утром выпал первый снег в этом году. Я проснулась, выглянула в окно и ахнула от неожиданности. Вокруг бело. Пушистые белые хлопья на деревьях. Снежная сказка! Дети, краса и

прелесть вселенной, уже на санках. Одеты тепло и — как пушочки на пуховом снегу.

Поздравляю вас с днем вашего рождения и с рождением первого снега!

* * *

Он пришел, а я не успела, как хотела, накрыть стол, но все равно это его очень тронуло. Главное — внимание. Немного выпили в его честь. Спешил. Болеет родственник, надо достать ему лекарство. Мне принес «Гамаюна», теперь у меня будет своя собственная книга.

2 ноября.

В десять утра Кайсын звонил из Минвод, слышимость ужасная. В час дня он уже с Азаматом был в Нальчике и звонил уже отсюда, но я была у Лейли Гергоковой. Расул сказал, что звонил дядя Кайсын. А недавно опять зазвонил телефон и — его взволнованный голос. Завтра в шесть утра он едет в Минводы, оттуда в девять часов вылетает в Москву.

3 ноября.

Приехал Ахматик на каникулы. Моя ласточка. 1-ю четверть закончил на отлично. Расулик получил три четверки, остальные — отлично. Жаль, Кайсына нет, как он обрадовался бы!

4 ноября.

Позвонил вечером. Жаловался, что не мог дозвониться все эти дни, волновался за меня. Родной мой. Завтра должен приехать.

5 ноября.

Позвонил в шестом часу. Доехал, в четыре звонил, но меня не было. Он болеет. У меня темнеет в глазах от страха. Нет возможности быть рядом в такие дни. Мне кажется, я вылечила бы его.

Недавно опять звонил и успокаивал: «Не волнуйся так, ничего страшного, наверное, переутомился». Милый, милый мой. Не берегут вас. Мне бы ни на секунду не покидать вас. Мы будем вместе. Я это почувствовала сейчас.

6 ноября.

Звонил несколько раз. Самочувствие неплохое. Завтра идем в гости к Иссе Боташеву.

7 ноября.

Были в гостях. Все вроде бы было нормально — рассказывали интересные случаи, вспоминали А. Аппаева. Но что-то неуловимое, его смех по поводу одного смешного рассказа удивил меня. Не смеяться, а скорее пожалеть надо было бы это несчастное существо, явившееся не по своей воле предметом потехи. Смеялись все, Кайсын тоже. Может, и надо мной также могут смеяться? Осуждать, смеяться легко, а вот понять человека...

Кайсын и Ахия довезли меня до дома. Зашли ко мне. Посидели. Уходя, сказал, что трудно меня покидать. Я ответила, что не думаю так. «Почему?» — удивился Кайсын. «Просто так», — ответила я. Проводила их и, зайдя домой, стала плакать. Через некоторое время звонок в дверь. Открываю — стоит Кайсын. Он вернулся, поняв мое состояние. Просил, чтобы я никогда так не говорила и не думала: «Мне действительно трудно без тебя». Побыл с час и уехал в Чегем.

9 ноября.

Сегодня позвонил и сказал, что его вызвали из Чегема в Нальчик, а из городской квартиры у него не было возможности позвонить мне. Алима постригли, он в военкомате. Вечером опять звонил, потом передал трубку Исмаилу Кулиеву (Ишаю), и мы поговорили.

10 ноября.

В месяц, в общей сложности, вижу его раз, ну пусть два раза, даже когда он не в отъезде. Все трудней и трудней. Звонила «доброжелательница»: «Простушка ты, Элизат, веришь всем. А ты сбрось пелену с глаз и ахни!» Но как жить без веры, без людей?

Горько мне, потому что вы даже не позвонили сегодня. Одно ваше слово и я знаю, как преобразился бы этот грустный для меня день.

13 ноября.

Звонил. У него дела, У меня тоже в эти дни объявились дела, так что мы немного квиты. Скрывая недовольство, спрашивал, где я нахожусь в эти дни: «Звоню, никого». А я то на свадьбе, то на дне рождения.

14 ноября.

Звонок. Спрашиваю и не могу понять, кто? «Я, я, не бойся». Открываю дверь. Он — бодрый, в черной дубленке (ов-

чина), она ему так идет. Он целует, а я смотрю ему в глаза. «Что-нибудь случилось? Ты так смотришь... Ну что мне сказать тебе, любимая?»

— Что нам с вами сказать друг другу, когда за нас говорит человеческая пыль...

Я быстро зашла в ванную и стала смывать предательски подводящие меня слезы. Не хочу, чтобы он видел их. Вымыв лицо, выхожу к нему. Он стоит, опустив голову, глядя в пол. О чем он думал?.. «Свет мой! Как можно делать ему больно?» Подошла, обняла.

— Как ты думаешь быть дальше? Что решила?

— За меня решат время и судьба. Надо найти мужество не обращать внимания ни на что. Главное — мы любим друг друга. Ведь так?..

Ваши руки касались меня и под лаской согревалось и оживало остывающее в разлуке с вами сердце.

— Можно, я пробуду у тебя до утра?

— Да.

Я прижала его голову к себе и боялась шелохнуться...

17 ноября.

Сегодня четвертый день, как я не вижу его. Утром позвонил. В эти дни он ездит по районам. Звонил из Бакаевского района, но я была на работе. Потом звонил вечером, никто не поднял трубку. Я, наверное, пошла провожать Лейлю Г.

Сегодня Кайсын, Танзиля и Боташев едут в с. Безенги. Приедут вечером.

20 ноября.

Все время звонил, но меня не было дома. 18-го предупредил, что придут в гости с Ишаем. Посидели. Они спели песню Кайсына: «Песня ребят, идущих на фронт». Ишай такой загорелый, а щеки румяные. Добродушный, приятный. Он хорошо знает и уважает моего папу.

Уехали. Кайсын позвонил из Чегема. Сожалел, что быстро ушли. 19-го тоже звонил. Сказал, что с утра работает. Написал о Безенги. Пожелал спокойной ночи.

А сегодня не успели увидеться по моей вине. Он хотел попрощаться со мной, но меня задержали на работе. В четыре попрощались по телефону. Недавно позвонил из аэропорта. В Москве пробудет до 4 или 5 декабря.

25 ноября.

20-го вечером позвонил папа — болеет Ахматик. Ночью, в час, позвонил Кайсын. Узнав о болезни Ахмата, страшно раз-

волновался, сказал, что позвонит родителям. Еще дождаввшись утра, поехала в Кашхатау. Мой маленький, козочка моя! Как он обрадовался. На следующий день говорит: «Как мама приехала — и температура прошла, и опухоль тоже». У него было опухшее горло (дифтерит). Что делать мне? Он так хочет жить с нами. Сердце разрывается на части.

Приехала в Нальчик, а Расулик говорит, что звонил дядя Кайсын, спрашивал, где я и как чувствует себя Ахматик.

24-го опять звонила эта «доброжелательница». Чтоб отвязаться, сказала: «Папа дома, и я не могу говорить с вами».

Сейчас Кайсын звонил из Ленинграда. Туда он выехал поездом вчера вечером. Пробудет в Ленинграде до 27-го, а 28-го обещал позвонить уже из Москвы. Азамат чувствует себя нормально. Волновался за Ахмата, но я успокоила его.

4 декабря.

Он приехал 2-го и, если в Нальчике будет летная погода, вылетит отсюда, а если нет — то завтра из Минвод. Утром мы простились с ним. Сейчас он звонил и сказал, что у нас погода летная. 9-го или 10-го выедет во Фрунзе на юбилей Чингиза Айтматова. Купил ему в подарок дорогой кинжал. Почти весь декабрь я не смогу его видеть. Сюда он приехал больным, хотел быть у меня, но из-за сильного тумана остался у себя. А вчера остался ночевать у меня. Попарила ему ноги, поставила горчичники, дала горячего чая с калиной. Пронотел. Спал неважно, кашлял.

Принес две книги: Станислава Рассадина и Нины Байрамуковой о творчестве Кайсына Кулсева. Начала читать работу Байрамуковой и думаю: чтобы выразить Кулсева, его надо видеть глазами матери и любящей женщины.

6 декабря.

Вчера получила посылку, которую он выслал 28 ноября. Красивый платок и французская косметика. Ему нравится, когда я ношу платок. Одеваю вещи, купленные им, и так жалко, что изнасятся, хочется сберечь, как память о нем.

Пришла телеграмма. Долетели хорошо, а 10-го летят во Фрунзе. С кем? С Кугультиновым?

* * *

13 января 1979 г.

Давно не бралась за дневник.

18 декабря звонил из Москвы с Кугультиновым. Братья-

киргизы приняли Кайсына здорово. Перед отъездом не звонил, был очень болен: «Горло болело, даже языком не мог шевельнуть».

Из Москвы уехал в Ленинград и, кажется, 26-го или 27-го он был здесь, на своей земле. Встретились. Я про себя твержу: «Слава Богу, жив! Сколько дней я не видела его». У него столько впечатлений, много рассказывал. А 31 декабря принес книгу А. Ахматовой. Он опередил меня — я хотела сама попросить, т. к. эту книгу у меня украли. Расулу подарил красивый портфель и сделал разные подарки Ахмату, маме, папе, Бэлочке.

А позавчера, т. е. 11-го, были в гостях у Танзили. Шарифутдин, муж Танзили, славный человек, воспитанный, скромный, по национальности кумык. Наши языки сходные, и мы общались на общетюркском. Пришел профессор Аппаев. Некоторые обижаются на него, мне кажется, — зря обижаются. Какие у него образные сравнения, какой язык! Наш прекрасный балкарский язык. Было весело, уютно. Стали расходиться. Кайсын хотел забрать меня в Чегем, но я не согласилась, и он остался. Проговорили до самого утра. Про себя сказал: «Я безумный старик». А эту ночь назвал «безумной и прекрасной». Мне достались не менее интересные эпитеты, вроде этого: «Ты праздник моей жизни!» — и много других пьянящих слов...

17 января.

Сегодня Кайсын попросил, чтобы я нашла красивую балкарскую шаль для Сильвии Капутикян, у нее юбилей. Сильва любит национальные шали, шарфы. Я купила у одной балкарки очень красивый платок.

Кайсын был грустен. У него опять что-то выскочило на нижней губе. У него шрамик на этом месте, так время от времени что-то появляется твердое. Он считает, что это неспроста. Я тоже расстроилась.

19 января.

Сегодня была на телевидении. Передача об Алиме Теплееве. Читала его прозу. Передача получилась неплохая. После передачи сходили в кино. Вечером пришла домой. Телеграмма из Еревана — все хорошо у него. Немного успокоилась. А может, просто написал, чтоб я не волновалась? Перед отъездом во Фрунзе, из Москвы, была такая же телеграмма, а сам сильно болел. Не знаю.

20 января.

Колет сердце с утра. Как он себя чувствует?

Вчера смотрела фильм с интересной концовкой. Мужчина попал на остров и полюбил черную девушку. Наконец, его разыскали. Сначала «синьор Робинзон» обрадовался. Они вместе с женой отъезжают, но вдруг он прыгает за борт и плывет к той девушке; его ловят сетями, так и везут, беспомощного и затравленного, домой. Хотелось, чтобы Кайсын посмотрел этот фильм.

22 января.

Я очень расстроена в эти дни. У Кайсына тоже неприятности. Не щадят его, сил уже нет. Бедный мой. Из Еревана приехал 21-го. Вечером позвонил.

23 января.

Он очень меня любит, теперь я верю в это: «Ты мое счастье, моя любовь, сестра, ребенок мой, жена моя. Все самое святое — это ты. Как я сильно тебя люблю. Боже мой, боже мой! Чем дальше, тем больше. Ты прекрасный, чуткий человек, редкая». Вот так он возвеличивает. Я обыкновенная, но люблю его без остатка и мучительно переживаю за все, боюсь за него, хочу помочь и не знаю как.

24 января.

Вчера привез в подарок Расулу телевизор. Я просила не делать этого, но его не переубедишь. Он считал это своим давним долгом перед Расулом, т. к. при его рождении дал ему имя — Расул. Внизу никого не было, чтобы помочь Кайсыну, и он нес эту тяжесть на 4-й этаж сам: «Не мешай мне заботиться о тебе, доставь мне такую радость. Мне дорого все, что связано с тобой. Я люблю тебя, всех твоих родных».

Сегодня обещал привезти антенну, а когда узнал, какую радость доставил Расулу, сам радовался, как ребенок.

27 января.

Звонил много раз, говорил, что очень любит, что он пропал. Шквал чувств настолько эмоционален, что я устала. Вечером сказал, что у него в гостях Мухажир Кульбаев, и он ему все рассказал. Дядя Мухажир все одобрил. Потом Кайсын звонил к Абидат Биттировой, искал меня. Ночью приехал, долго говорили. Пел вполголоса народные песни. Спел

и сочинение карачаевки-гармонистки, любившей его. Я понимала ее страдания.

Утром не захотел есть, выпил чай и уехал.

1 февраля.

Позавчера Жерештнева Роза пригласила Алима Теппеева и меня к себе. Я только собралась идти — звонок. Сказала, что иду в гости. Сама пригласить в гости Кайсына посчитала нетактичным и промолчала. Передала трубку Алиму. Хотела поехать за ним, но Кайсын сослался на то, что у него срочная работа, надо закончить. А вчера звонил и спрашивал, как мы провели вечер. Сказал, что и он пошел бы, если я пригласила бы его. Но как я могла это сделать? Если к себе домой, другое дело, а к Розе... Она сама должна была это сделать. Я сидела у нее, а думала все время о Кайсыне.

Был на похоронах в с. Былым и в 10 вечера приехал ко мне. Какие интересные вещи он говорит. Запомнить бы. Его удивило, что у меня уже нет того восприятия природы, которое было раньше. А его ничто не сломило. Он живет, чтобы видеть окружающее: свет, звезду и т. д. И я живу для этого, и, конечно, ради детей, но того слияния с природой, до слез, уже нет, и мне больно. Кайсын назвал меня своей звездой, сказал, что не может не видеть ее долго. День, два, а на третий звезда становится необходимостью: «Так и ты. Ты моя необходимость до слез, до смертельности!»

Вот опять, думая о нем, я плачу. Я хочу быть рядом всегда, долго, вечно. Охранять покой, иметь право на это.

Сегодня утром он попросился со мной, и от слова «прощай» все сжалось внутри. Вчера говорил, что через пять лет надо будет организовать юбилей Кязима — 125-летие. и усомнился, вдруг не проживет столько. Если бы он знал, какую боль доставил мне той, вслух оброненной, фразой. Вы должны жить! Я молю об этом Всевышнего день и ночь. Кайсын, Кайсын! — великое чудо земли!

Сегодня и завтра мы не сможем увидаться. Много дел. 3-го, утром, улетает в Ижевск к сыну Алиму, который несет там армейскую службу. Оттуда едет в Москву и 10-го придет домой.

8 февраля.

Телеграмма из Ижевска. Пишет, что все нормально. Когда Кайсын рядом, колдовские чары его отуманивают мозг, и рассудок молкнет, а когда его нет неделями, нет-нет да и всплывает в памяти обида. Он за эти дни, как уехал, не позвонил, не написал, а обещал, да как бурно! Уехал не один и об этом

со мной не обмолвился ни словом. А слова о его любви ко мне сыплются из уст «Мазепы», как весенний град,— чаруя и усыпляя разум. Его сейчас нет рядом, но появится и снова вихрь чувств понесет, чтобы в водовороте накала эмоций я расшибла себе голову!

13 февраля.

Кайсын приехал 10 февраля. Позвонил из «Внуково», просил встретить его. Поехала в аэропорт. Самолет приземлился. Он, спустившись с трапа, снял шапку и, приложив руку к сердцу, склонил голову в поклоне. Так приветствовал народный поэт родную землю. Рядом с ним стояла незнакомая мне женщина. Поздоровались. Довезли сначала до дома эту женщину (родственница), потом оставили чемоданы в кабинете Кайсына и приехали к нам. Оказывается, 50-градусный мороз он ходил на почту, чтобы отправлять мне телеграммы из Ижевска, но я получила только одну из них. Он полежал, немного поспал и уехал в Чегем. 11-го готовился к встрече с избирателями Зольского района. Вчера, 12-го, был там. Приехав оттуда, ночью позвонил ко мне. Встреча была очень теплой. Еще бы, его так любят! Да как можно не любить его? Кулиев — необыкновеннейший человек. Это истина.

Вскоре опять позвонил и сказал, что едет ко мне. Я спросила:

— Уже поздно, на чем вы приедете?

— Выйду на дорогу, поймаю что-нибудь и — буду у тебя

Я позвонила в таксопарк и попросила послать машину в Чегем Кайсыну Кулиеву. Через полчаса он был в Нальчике.

Сегодня утром мы пошли на работу, а в час дня Алим Т. с женой Фатимой, Ахия и мы с Кайсыном пошли обедать в ресторан. Инициатором пойти в ресторан была я. Увидела цены в меню и стало не по себе. А Кайсын спокойно расплатился.

Завтра у него встреча в с. Кичмалка и так до 21 февраля.

6 марта.

Почти ничего не помню, какой-то хаос. Кайсын все время находился у меня, а вот скоро неделя, как переговариваемся только по телефону. Он очень обидел меня своей ревностью. И любовь его, и ревность — буря, ураган, пламя! Я устала, и обида не проходит. Избегаю встречи с ним. Нужно время и, конечно же, я прощу его.

18 февраля мы были в новом ресторане с его родственником.

Вернулись домой, решил искупаться, а ванна для него тесная. Для него, мне кажется, и мир тесен. И купается он на славу — от жизнелюбия и избыточной энергии пыхтит, все вокруг мокро. Приходилось все время протирать пол в ванной, чтобы вода не просочилась на нижний этаж. Облачившись во все свежее, лег!

Чуть не забыла. Кажется, 17 февраля была конференция, и дядя Мухажир (Кульбаев) остался на своем посту секретаря обкома. Об этом мне сообщил Кайсын. На второй день дядя Мухажир был у него в Чегеме. Опять Кайсын звонил радостный, неумный: «Элизаточка, я рассказал твоему дяде, что люблю тебя! Он не против отдать за старика свою племянницу!» Потом позвонил снова. Трубку поднял Расул. Ему он сказал: «Нет лучшей женщины, чем твоя мама. Не обижай ее. Я люблю ее, люблю тебя, Ахматика!»

Все время повторяет: «Я люблю все, что связано с тобой». Часто повторяет слово «смертельно». «Я никогда так не любил и никогда так не ревновал. А тебя ревную даже к воздуху!»

Бог справедлив! И я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей...»

Произносит слова из «Маскарада» Лермонтова. Будто я его жена. И в ресторане он представлял меня своим знакомым, как жену. А мне неловко.

24 марта.

Сумею ли вспомнить все по порядку?

В феврале винничане приехали к нам. Кайсын пригласил меня на концерт, данный в их честь. Я пошла с Абидат Биттировой — актрисой нашего театра. Она училась вместе с Кайсыном в ГИТИСе. Видела, как Кайсын, сидя в президиуме, искал меня взглядом. Потом рассказывал, что смотрел, пока глаза не разболелись. Когда начался концерт, сел рядом со мной. Я не осталась на банкет и ушла с Абидат. Наши должны нанести винничанам ответный визит, и Кулиев спросил — хочу ли я поехать с ним в Винницу? Согласилась, потому что он из Винницы поедет в Москву, а оттуда в Японию. Хотелось быть подольше рядом с ним. В поезде, в одном из вагонов кто-то вспорол живот какому-то парню. Это зрелище больно отразилось на Кайсыне, он всю дорогу не находил себе места.

Винница встретила нас прекрасно. Кулиев — легенда винничан! Прекрасная легенда. Его выступления несравнимы ни с чем!

14 марта был сводный концерт. Я не принимала в нем участия, т. к. была прикреплена к поэтам. После концерта его пригласили на банкет. Он не знал, как быть. Идти или не идти? Я сказала, чтобы он не волновался за меня и пошел, куда приглашен. Хотел взять меня с собой. Я отказалась и пошла в гостиницу вместе с неприглашенными. Все удивлялись тому, что я не с ним. Все эти дни они видят нас неразлучными и вдруг... Поужинав, зашла к себе в номер. Легла. Вся ночь прошла в слезах.

Утром звонил, потом пришел. Я отказалась от завтрака, отказалась от поездки в район. Причина — больное горло, болит голова. Горло действительно разболелось. Столько проплакать, да еще сдерживаясь, чтоб не слышала соседка по номеру Женя Белгорокова (журналистка). Через некоторое время опять поднялся ко мне на восьмой этаж: «Ты обижена на меня?» Ответила: «Нет, а за что?» Он понял, что это обида.

— Может, все-таки поедешь?

— Нет.

— У тебя же сегодня день рождения. Я хотел организовать что-нибудь. Отметить как-то.

— Ничего. Не такое уж важное событие этот день. У меня горло болит.

— Ты понимаешь, что это меня расстроило?

— Не надо расстраиваться.

Хотела еще сказать, что если не можете быть верным своим словам, то не произносите их вслух. Но промолчала. Постояв в некотором замешательстве, он попрощался. А я опять оплакиваю свою неудавшуюся судьбу, оплакиваю доверчивость.

Женя Белгорокова позвонила в газету «Винницкая правда», за нами прислали машину, и мы посмотрели краеведческий музей, дом-усадьбу Пирогова, еще раз посмотрели ставку Гитлера и Михайловский гай. Вернулись в номер. На следующий день Женя уехала в какой-то район, а я решила посмотреть «Клеопатру» с Ричардом Бартоном и Элизабет Тейлор. Погода сегодня пасмурная, под стать моему настроению. Ходила по городу, пока не свалилась с ног. Запомнилась белая птица над рекой, — серая масса воды и над рекой, в сером воздухе, парит белая птица. Я долго смотрела, любуясь ею. Птица надежды! Вот она на мгновение села на поверхность воды, взмахнула крыльями и устремилась ввысь... Дул ветер. Колебалась вода, и кружила птица над

водой. Мне подумалось: какое отчаяние бросает людей с высоких чугуных мостов в объятия холодной массы? Ответ прост — когда человек перестает надеяться. Сегодня у меня не было надежды. Мне казалось, я могла последовать примеру отчаявшихся. Могла бы навсегда проститься с этим поразительным миром, многообразие которого так люблю, могла проститься с Тобой, любовь моя, без которого нет жизни во мне. Я простилась бы с моими надеждами и чаяниями, со всем бренным и прекрасным, что дал Господь, если бы не два существа, которым очень трудно будет в этом мире. Две кровинки — два сына. Я должна им помочь встать на ноги своими беспомощными руками... Ну почему я не умею постоять за себя, бороться, добиваться своего? Не умею. Породили и воспитали меня чистые, беззлобные, бесхитростные люди, они учили честности и доброте, совестливости, как, впрочем, и поэзия моего Кулиева.

Завтра он улетает в Москву, а мы все остаемся в Виннице.

Перед отъездом зашел ко мне. Опять слова — высокие, прекрасные. Просил своих коллег быть внимательными ко мне. Адам Огурлиевич¹ все эти дни относился ко мне очень тепло, я так благодарна ему. Мягкий, благожелательный, он понимал мое состояние и всячески опекал, стараясь поднять совсем было упавший дух. Свет, как всегда, не без добрых людей, может поэтому и держится земля!

Наверное, Кайсын уже в гостинице. Позвонить не может, потому что телефона в моем номере нет. Скоро мы попрощаемся с гостеприимной Винницей и на днях, даст бог, будем дома.

Позвонил из Москвы, билет в Японию куплен на 27-е.

26 марта.

Видела сон, проснулась в слезах, еле дождалась утра, с трудом узнала номер телефона в Москве и позвонила ему. Кайсын не ожидал, что я позвоню. Завтра они улетают вместе с Давидом Кугультиновым и Феликсом Кузнецовым. Давид передавал мне привет, но я с ним не знакома.

В неприхотливом убранстве стоишь. О, Ты человек — щедро раздаривающий богатства души своей. Прикоснувшись к тебе, я поднялась над суетной землей, оградившись от низменного и наносного. Клетки тела полнятся великой чудодейственной силой. Я с радостью встречаю рассветы с самозабвенно поющими птицами утра моего, в шепоте трав, в шепоте

¹ Шогенцуков А. О. — кабардинский поэт.

лесте листвы. Божественное пламя заливает мир, былинки тянутся к Творцу Вселенной. Торжественный гимн любви, гармонии, счастья!

Ты — дарующий сердцу надежду и тепло, устав от дневных забот, наверно, отправляешься на покой. Да будут светлыми сны твои, как предвечерние закаты, сияющие на белизне горных отрогов...

И мы этой ночью с тобой
Сойдемся на горной тропе,
На звездной тропе голубой —
Легко мне скучать по тебе...

Ночь. Нет сна. Ярко, до самозабвения, светит луна. Звездочки — мои холодные льдинки, напевающие песни, каждая на свой лад. Как могут сомкнуться вежды от дурманящей песни-ворожбы, если ее загадочные звуки, завораживая, томят душу? Не одна я слышу мелодию ночи: там, вдали заглох дыханье лес, замерли горы и реки, весь сияющий подлунный мир слился с божественной стихией ночи. Звезды не только в небе, они и в темном лесу, — мерцают и гаснут... Нет, то не звезды, а светлячки, — они в лабиринте вращений веков, расчлененные Богом разгневанным, духи любви! О, лесные блуждающие огоньки, вы тоже мечетесь, ищете друг друга, как мы.

Я найду Тебя, хоть Ты постоянно в пути. Я дождусь Тебя, хоть обещал Ты не скоро прийти. Я буду терпеливой птицей, той птицей, имя которой — НАДЕЖДА!

7 апреля.

Позвонил из Москвы, чтобы сообщить о своем приезде из Японии. Говорит, что побывал в сказке. В Нальчике будет 9-го или 10-го.

10 апреля.

Он не может выехать, потому что приехала М. с племянником, надо показать его врачам. Теперь приедет только после сессии. Прислал посылку детям. Приедет поездом.

24 апреля.

Вчера позвонила Ольга Будаева (актриса нашего театра) в слезах. Умер отец Расула. Позвонил Қайсын, я сказала ему об этом, он уверял, что неправда, видно, кто-то решил подшутить. Дал машину и мы поехали в поселок Мирный,

около Кисловодска. Кайсын оказался прав. Все живы, здоровы. Ну и слава Богу.

Кайсын приехал из Москвы сильно простуженный. Евения Владимировна тоже болеет и за ним некому ухаживать.

26 апреля.

Вчера Кайсын был в поликлинике, там ему ставили банки. Пришел ко мне и рассказывал о Японии, она произвела на него очень сильное впечатление. Свою новую книгу Кулиев назвал «Весенний свет», выйдет она в этом году, но, к сожалению, в нее не войдут переводы Липкина, Лиснянской и Ахмадулиной. Они нелегально издали стихи в журнале «Метрополь» и теперь пребывают в опале. Какая несправедливость, без этих переводов книга не будет соответствовать названию, но менять название уже поздно.

29 апреля.

Были в гостях у Бориса Кулиева. У него родился сын, и мы обмывали это радостное событие. Кайсын хочет назвать его Иналом.

3 мая.

Кайсын просил, чтобы я позвонила ему после репетиции. Позвонила. Попросил, чтобы я приехала к нему в Чегем, т. к. он болеет. У него сидели родственники. Походили с ним по саду, он весь в цвету. Потом они выпили, а на столе, кроме сыра и хлеба, ничего нет. Приехала Евг. Владимировна, а за хлебом и продуктами поехал Кайсын. Хоть и больной, все должен делать сам. И когда только он успевает писать? Не знаю, что и как? У него своя, непонятная для меня жизнь, непонятные отношения. Прогуливаясь по саду, говорил: «Как бы я хотел уйти от всего, от всех. Быть рядом с тобой, здесь, в Чегеме. Только ты и я. Но, наверное, это невозможно».

Я приехала домой. Вечером он позвонил. Приехать не может, поднялась температура. Этого было достаточно, чтоб не спать. Всю ночь думала, как он там?

7 мая.

Вчера приехал с букетом алых тюльпанов. В одно время он перестал дарить цветы, а в эти дни приходит вновь с цветами. Интересная ночь. Кайсын читал стихи Пастернака.

9 мая.

Хотела поздравить его с праздником Победы, но его дома не было. Через некоторое время позвонил сам. Хотел

поздравить с праздником и Расулика, но его не было. Сегодня он на возложении венков, а в час улетает в Москву, а оттуда—в Киев. Проститься же перед отъездом со мной он приходил 7 мая. Сегодня ночью позвонил уже из Москвы. Доехал благополучно.

22 мая.

Получила телеграмму из Киева. Может, и звонил, но у меня все время репетиции. Вчера была у Абидат Биттировой на дне рождения ее дочери Луизы.

Сейчас он звонил из Москвы. Едут с Давидом Кугультиновым в Махачкалу на юбилей Эффенди Капиева. Наверное, приедут 25-го, а мне ехать на гастроли в Карачаево-Черкесию. Так что, не соскучишься.

24 мая.

Вчера позвонил в двенадцать часов ночи. Приедет 25-го. В Минводах будет в девятнадцать часов. Я не спросила у него, откуда он звонил — из Махачкалы или из Москвы?

25 мая.

Бэлочка говорит, что Кайсын звонил из Махачкалы и придет сразу к нам. Я прождала его всю ночь, не сомкнув глаз, но ни его, ни звонка. Что за ужасная ночь! Что с ним? Почему не дал знать о себе?

26 мая.

Утром позвонил из Чегема. Оказывается, он приехал поздно и, боясь потревожить Расула, поехал в село. Сегодня к нему придут гости: осетин-профессор Нафи Джусойты и Алим Теппеев.

Позвонил в три часа. У него гости и хочет, чтобы я приехала в Чегем. Но у меня вечером репетиция. Он позвонил к Б. Кулиеву, отпросил меня и сказал, чтоб я ждала дома,—они сами придут ко мне. Я сказала, что ничего нет для угощения, неудобно перед Джусойты. Решили пойти в ресторан.

27 мая.

Вчера встретилась в ресторане «Кавказ», в банкетном зале. Познакомилась с Джусойты. Интересный человек. Было настолько хорошо, ничто не омрачило хорошее настроение. Кайсын пел балкарские песни, Нафи — осетинские. Все было чудесно. Но ночью Кайсын сильно кашлял и в таком состоянии ему надо ехать на неделю в Адыгею. Утром встал в пять

часов. Я вызвала такси, и он поехал в Чегем, чтобы собрать вещи в дорогу. Они отъезжают в девять. Опять говорил, что все его существо полно мной: «Нет никого лучше тебя, нельзя быть лучше тебя, это невозможно. Любовь моя, какая ты красивая. Твой голос, твоя походка. Девочка моя. Ты сегодня явилась, как видение — тонкая, изящная. Элизаточка моя, мое божество. В моей жизни не было такого, не было, не было...»

28 мая.

Я еще спала. Кайсын извинялся, что разбудил. Вчера не мог дозвониться весь вечер. Дозвонился кое-как только в семь утра. Кашель еще не прошел. Встретили их там хорошо. Эти постоянные выезды, а он умудряется писать и выполнять еще просьбы многочисленных просителей. Помогать людям доставляет ему огромную радость. Редчайший человек. А эти «вертуны», кружащиеся вокруг него? Не люблю я их. Не верю в их искренность. Есть и такие, которые дорожат Кулиевым, знают ему цену, дорожат его временем, не пристают с просьбами, хотя и нужна им его поддержка.

7 июня.

Я на гастролях со 2 июня. Звонил Кайсын. Хочет сначала поехать в пионерский лагерь, чтобы проведать Расула, потом поедет в Кашхатау к Ахматуку, а потом приедет ко мне, в Карачай.

12 июня.

Звонил. У него сидели Тимур Шахапов, Алим Тепеев и Борис Кулиев. Кайсын поочередно передавал трубку им, и я поговорила со всеми. Мы 16-го поедем в город Карачаевск. Все время жара. Сегодня лил дождь, благодать, земля и деревья насытились влагой.

16 июня.

Вчера он позвонил из Нальчика. Хотел приехать на один день. Я сказала, что на один день ехать не стоит. К Расулу он так и не успел съездить, а у Ахматика был. Бэлочка сдала экзамен.

28 июня.

Звонил Кайсын и сказал, что уезжал по делам. Бэлочка сдала на отлично экзамен по литературе.

Я написала письмо Кайсыну, но пока не отправила. Забыла номер дома.

3 июля.

Около гостиницы, где мы поселились, много зелени, и поют разные птицы. Каждый день слышу, как зовет любимую или любимого воробышек. Взъерошенный, измученный, крылышки дрожат. Глядя на него, думаю: «О, если бы меня так ждал Кайсын!»

4 июля.

Сегодня с сослуживцами я была на даче у нашего друга-инвалида. Заросший огород напоминал пустырь. Два-три дерева, ветхий домик и заросли диких растений. Погода пасмурная. Мы сидим под вишней и кажемся оторванными от мира. Хозяин дачи читает свои стихи,—они драматичны и очень лиричны. Потом наши артисты читают Кулиева. После стихов поют балкарские и карачаевские песни. Я на какое-то время уношусь в детство... Жила-была некогда на свете девочка. Босая, в стареньком платьице, она целыми днями бегала по заросшему пустырю. Там был ее воображаемый дворец. Растения на пустыре делились у нее на добрых и злых людей. Желая видеть мир добрым и чистым, она вселяла мир в злые сердца, по-детски наивно налаживая порядок в своем государстве. О, жизнь в чарующем мире детского воображения!.. Но как быстро рушился бережно выстроенный мир от грубого окрика взрослых. Удивленно оглядываясь по сторонам, она не верила глазам, противилась правде, окружавшей ее. Но правда неумолимо убеждала, что нет никакого дворца и пышных нарядов, в доме нет еды, и мать сейчас всю горечь выместит на ней. Послевоенная нищета. Изгнание! Девочка, не знавшая, что такое достаток, не переставала строить воздушные замки, не переставала верить в свою прекрасную мечту...

Сейчас уже полночь. За окном гостиницы таинство деревьев, освещенных фонарями. От легкого ветра чуть слышно шелестит листва... Глаза мои устремлены туда, вдаль, где на далеком пустыре детства владевает девочка в оборванном платье с доверчивыми глазами. Она зовет меня в тот поразительный мир детства... Но не надо. Не зови. Позволь остаться мне в моем уголке. Я боюсь теперь верить сказкам, хотя хотелось бы очень. Реальность такова, что нет ни дворца, ни царских нарядов. Я прекрасно вижу, что нахожусь в захудалой гостинице города Карачаевска, куда на время гост-

ролей забросила судьба, и прислушиваюсь к биению своего сердца.

7 июля.

Карачаевские поэты Азамат Суюнчев и Назир Хубиев приехали в гостиницу, и мы разговаривали в коридоре. Я подошла к дежурной и увидела на столике телеграмму и свое имя на ней. Взяла и читаю: «Шлю горячий привет поклон из Москвы нашей любимой никогда не забываемой Элизат. Пятницу утром Азаматом вылетаем домой. Обнимаю целую-Кайсын».

А сегодня утром позвонил из Чегема. Его вызывали в Москву по каким-то делам. Азамата не с кем было оставить, и он повез его с собой. «Все уладилось, не волнуйся». А какие дела, не стал говорить. Спрашивал, не нуждаюсь ли в чем? 8-го едет отдыхать в Пицунду с Азаматом. Приедут 1—2 августа.

30 июля.

Уже не знала, что и думать. Я его не вижу с 27 или с 28 мая. Он должен был приехать из Адыгеи 2-го, в этот же день я уехала на гастроли. 8 июля уехал в Пицунду. И вот только сегодня я получила от него письмо и две «газели». Наконец, полностью завершился перевод «Кровавой свадьбы» Лорки. Я ему вижу в образе жены Леонардо. Ради «Колыбельной», конечно, можно было ее сыграть, но мне нравится роль Невесты. Сцена побега ее с Леонардо потрясающая, и мне хотелось бы поработать над ней. Странно, что и Борис Кулиев видит меня в роли Жены.

Две «газели» написаны Кайсыном под впечатлением одной ночи. Это было в прошлом году, в марте. Я проснулась у него в Чегеме в маленьком домике под черепичной крышей. Он встал рано, затопил печь. Я смотрела на него и впитывала в себя его голос, его движения. «Ты для меня тот человек, дороже которого, наверное, не бывает. Прости меня за все мои сомнения и муки».

2 августа.

Кайсын приехал первого. Сегодня встретились у нас. Говорил о многом и серьезно. У него усталый вид, хотя пытался это скрыть. Сказал, не может без меня.

Пошли в радиокомитет слушать ораторию Аслана Даурова «Горская поэма о Ленине». Аслану хотелось наложением записать голос автора поэмы, т. е. Кулнева. Получилось удачно. После записи он пошел на работу.

6 августа.

Ну почему он не жалеет себя? У него бронхит, а он носит-ся с места на место, исполняя просьбы просителей. Он постепенно губит свое здоровье. Как помочь? Я потеряла голову. В последнее время он часто болеет, дыхание сдавленное, а сегодня ночью бредил. Господи! До чего же я несчастна. Умру от страха.

Послезавтра ему надо вылететь в Москву, а оттуда в Монголию. И так все время.

8 августа.

Сегодня он уезжает. В Чегеме остаются Азамат с матерью, а позже придут Эльдар с женой. Евг. Владимировна хочет уехать насовсем, поэтому за огородом, садом ухаживать будет некому.

В эти дни он какой-то усталый, а может, из-за болезни? Звонил из Москвы, голос хриплый. 10-го должна быть запись в Останкино, если горло поправится до этого.

10 августа.

Позвонил сегодня вечером. Слышимость ужасная, я кое-как поняла, что горло почти поправилось, запись закончил и завтра ночью улетает в Монголию.

19 августа.

Ахматик сильно болел, замучилась с ним. Сегодня ему лучше. Козочка моя! Такой он милый, смешной, прелестный, мальчик мой. Расулка 14-го уехал с баскетбольной командой на море. Кайсын прислал телеграмму.

22 августа.

Говорит, что восемь раз набирал мой номер и связь все время прерывалась. Что-то насторожило в его голосе. Мне кажется, что он болеет, но скрывает. Прилетит 23-го или 24-го. Все расспрашивал обо мне, о детях.

24 августа.

Приехал сегодня. Говорили по телефону.

26 августа.

Вчера встретились. Он приехал утром, в половине девятого, а ушел в третьем часу. Завтра провожает Азамата и

встречает гостей из Москвы, должен приехать с ними и Михаил Дудин.

16 сентября.

Давно не могу взяться за дневник, нет настроения. Қайсын звонит постоянно, приходит. Не помню точно, какого числа, мы были с ним на Кизилловке. Он загорелся новой идеей — хочет продать дом в Чегеме и купить где-нибудь в Хасанье или на Белой Речке, с видом на лес и реку. Опять говорили о многом. Что толку? Мое положение не меняется от этого. Ему наша неустроенность, естественно, не доставляет удовольствия. Пил, что в последние годы он позволял себе крайне редко. Ночевал у меня. 14-го утром собирался делать покупки, хочет послать Алиму посылку в армию.

Я веду себя, как самая верная, всепрощающая жена, а он умудряется еще ревновать меня. После каждой, пусть маленькой, раны я все дальше отхожу от него. Все переносю молча, хочу высказать все и не могу.

15-го утром уехал в Ижевск к Алиму, а оттуда поедет в Москву. Приедет 24-го или 25-го. Шараф Рашидов прислал Қайсыну приглашение, если сможет, то поедет в Ташкент 28-го.

Недавно у нас были гости, Қайсын стал говорить им, что любит меня, что ему трудно, Бэлочку называл свояченицей, обнимал Ахматика и ему говорил, что любит нас и все будет хорошо: «Я готов ползком ползти, если что понадобится для тебя, мамы, Расула, Бэлочки». К чему эти слова? Он до сих пор остается загадкой для меня.

21 октября.

Был в Ташкенте на юбилее узбекского поэта-просветителя Хамзы Ниязи. Приехал и рассказал сон: Пастернак, Твардовский и Кулиев ехали в черном фаэтоне. Қайсын им говорил о Лермонтове, и Борис Леонидович удивлялся точному определению творчества Лермонтова. Черный фаэтон увез их вместе... Потом Қайсын пожалел, что рассказал, потому что я до сих пор не могу справиться со страхом.

После Ташкента вроде никаких поездок не намечалось, но прошло дня четыре и он сказал, что едет в Болгарию.

А на днях здесь была зловещая погода — дул сильный ветер, с неба хлынули потоки дождя. Детей не было дома. А я поймала себя на том, что молю Бога за Қайсына. Пришли дети и сказали, что током убило соседского мальчика Олежку. Единственный ребенок...

Қайсын часто звонил, говорил с Бэлой, Расулом. Я была

то на выездах, то на репетициях. Прислал письмо. 16-го позвонил из нашего аэропорта и сообщил, что вернулся из Болгарии. О своем приезде никому, кроме меня, не сообщил. Переживал, что украли кофту, которую вез мне в подарок. «Я с такой любовью покупал ее для тебя. Такая красивая, как у Софи Лорен. Тебе было бы так к лицу»,— сокрушался он. Я успокоила его. Кайсын был на своей земле, что может быть для меня дороже этого подарка.

Завтра, 22 октября, уезжает в Москву на творческий вечер Марии Петровых. А из Москвы поедет на юбилей Мустая Карима.

Была в Чегеме. Сидели в его маленьком домике (временка). Кайсын читал новые стихи на балкарском. Многие из них посвящены мне. Подарил книги, свои фотографии. Сказал, что он уверен во мне. Я взяла томик Пушкина, загадав, открыла и прочла такие строки:

Все кончено, меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Прозносил я горестные пени.
Все кончено—я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду—
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Расстроилась. Ему ничего не сказала.

29 октября.

Приехал из Уфы. До этого прислал телеграмму о том, что долетел нормально, юбилей завтра, здоровье нормальное.

31 октября.

У нас в театре должен был быть спектакль, но он не состоялся. В два часа нас пригласили на банкет, после банкета были в гостях у главного редактора издательства Ибрагима Гадиева. Его дочь Лейля—молочная сестра Ахматика—читала стихи Кулнева. Мы аплодировали ей. Не по-возрасту умная девочка.

Пришли домой. Опять переживания, сомнения. Боялся, что стал мне в тягость. Просил предупредить заранее, и тогда он освободит меня от своего «ига». Ему страшно в его возрасте менять устоявшийся уклад жизни. Я тоже чувствую, что долго продолжаться так не может.

10 ноября.

Взялась за дневник, чтобы описать какой сегодня пронзительно-светлый воздух, день! Так празднично вокруг. Детишки высыпали на улицу. Бегают, смеются, радуются солнцу, природе, украшенной его лучами.

11 ноября.

Звонил утром, потом позвонил с работы. Хочет зайти, чтоб увидеть, но все время посетители, и он не может уйти. Ахня тоже у него, передавал привет. Они приехали ко мне в шестом часу вечера: «Мы на полчаса. Ничего не надо, уже пообедали. Хорошая сметана, бульон. Мы не голодные. Если тебе не трудно, пришей, пожалуйста, пуговицу». Я пришила. Все спрашивал, не трудно ли мне? «Вот освобожусь немного и займусь тобой. А сейчас много дел».

Через некоторое время привели Расулика — ушиб ногу. Кайсын разволновался, стал снимать с его ноги носок. Я прошу не делать этого, а он не соглашается, попросил принести теплую воду в тазике. Помыла его ногу, бинтовала Кайсына: «Элизат, ты не сумеешь».

Приехал его шофер Мачранл, и они собрались уходить. Я, наконец, вручила ему подарок, который купила ко дню его рождения, а вместе с подарком и «Птицу надежды» из моих записей о нем.

13 ноября.

Вчера был пленум, Кайсын звонил до и после пленума. Собирался ехать в Чегем, искал машину. Свою кто-то попросил, и он, не умеющий отказывать, дал, а сам ищет другую, чтобы поехать домой. Сегодня утром попросил машину Чабдарова Бориса¹ и едет провожать Азамата в Минводы. Сказал, что в два часа будет в Нальчике. Уже два, а звонка нет. Позвонил только в четвертом часу. Приехал в два, но пришлось сразу же ехать на похороны. Сейчас собирается в Чегем. Устал. Ночью почти не спал, т. к. Азамат пришел поздно.

14 ноября.

Читал стихи по телефону: «Все они написаны благодаря тебе».

¹ Чабдаров Б. К. — председатель президиума ВС КБР.

19 ноября.

Были у него в Чегеме, смотрели телеспектакль «Цезарь и Клеопатра». Приехали ко мне. Были слова. Простые, прекрасные: «Хоть я не Цезарь, природа дала мне прекрасный подарок».

21 ноября.

Вчера был юбилей у «народного» — так величает Кайсын народного артиста РФ Магомеда Кучукова. После чествования «народного» поехали на банкет в ресторан «Эльбрус». Произносились тосты, лучшие слова произнес, конечно же, Кайсын. Магомед снял — живой, розовощекий. Начались танцы. Когда в круг вышел Кайсын, все сидящие в зале встали. Немного наклонив голову, он стоял в нерешительности, не зная кого пригласить... Выводят меня. Очаровательный Кайсын! Он держался в танце гордо, счастливо. Когда ехали домой, сказал: «Все собравшиеся там составляли одно, а ты...» Как я могла забыть это необычное сравнение? И сравнения у него необычные, как и он сам.

22 ноября.

Сегодня он уже в Минводах, Кугультинов тоже там, передавал мне привет. Они едут на чествование Ираклия Абашидзе. После Тбилиси Кайсын поедет сначала не то в Ленинград, не то в Москву, а потом начнется сессия Верховного Совета СССР.

На днях была на выставке картин Азамата. Они написаны, когда ему было 14 лет. От этих картин веяло безысходностью, одиночеством юной души. О каком трагизме может знать мальчик четырнадцати лет? Мне кажется, он цельный, трудный, и ему нужно особое внимание — чуткое, ненавязчивое. Кайсын сказал, что Азамат эти картины уже не признает. Зря. В них передано настроение. А это важно.

23 ноября.

Получила телеграмму из Тбилиси. Все нормально.

26 ноября.

Позвонил из Москвы. Был в Ленинграде у Азамата. 28-го начинается сессия. Сказал, что из Тбилиси послал мне письмо.

28 ноября.

Звонил, но я была в театре. Разговаривал с Ахматиком.

29 ноября.

Я на больничном. Письмо от Кайсына не получила, посылку тоже. В три часа Кайсын позвонил и разговаривал с Ахматом, а он потом рассказывает мне: «Мама, почему-то голос у «ол»-а был грустненький!» Скрывая имя Кайсына, я называю его «ол», т. е. «он», дети тоже называют Кайсына так. «Чтобы поднять настроение ему, я начал говорить с ним весело, потом «ол» тоже повеселел!» Интересные эти дети. Как он мог по телефону уловить его настроение?

В шесть часов опять позвонил и мы поговорили. Оказывается, он звонил утром, и в перерывах, и после сессии. Алим приехал из армии и находится с ним. После сессии Кайсын вернется домой поездом, а Алим не хочет ехать в Нальчик. Он любит Алима, и я люблю, но много думаю об Азамате. Хоть бы удачно сложилась жизнь сыновей моего Кайсына.

30 ноября.

Сказал, что приедет второго декабря. Просил передать Ахне, чтобы он встретил. Жена Эльдара в больнице, и мать Эльдара должна ехать в Москву.

Письмо из Тбилиси не получила.

2 декабря.

Послал за мной шофера Мачраила, чтобы он привез меня в Чегем. Передавали по радио стихи Кулиева, читал автор. Попросила подождать, пока не закончится передача. Дослушала и потом поехала.

Кайсын повел меня в свою комнатку. Обнял. А я смотрю на портрет его матери, висящий на стене, смотрю и слезы наворачиваются на глаза.

Она снилась мне. Тихим грустным голосом говорила о сыне, о том, какой он был в молодости и что от него осталось теперь. Показывала мне его фотографию...

3 декабря.

Вчера я не захотела остаться в Чегеме. Тогда он приехал ко мне. Погуляли в нашем дворе, потом зашли в дом. Дети еще не спали. Постелила ему постель в зале. Слышала, как он кашлял ночью. Потом, вроде, уснул. Утром выпил чаю и пошел на работу.

Сегодня я была у Абидат Биттировой. Он звонил к ней, искал меня.

4 декабря.

Была у ларинголога. Сара Адильгериевна говорит, что горло придется лечить долго и серьезно: «Пусть Кайсын Шуваяевич повезет вас в Москву к хорошему специалисту, иначе придется менять профессию».

Вчера получила его письмо. Девять дней шло из Тбилиси! Немыслимо. Сегодня получила посылку — хорошие туфли, но немного большие.

Звонил. Завтра едет на похороны.

6 декабря.

У Кайсына 2 декабря родился внук, сын Эльдара. 5-го они обмывали радостное событие. Меня он тоже приглашал, но мне было некогда. Сегодня пришел утром рано, принес мою долю (юлюш) от курманлыка в честь новорожденного, принес мыло, сейчас большой дефицит — мыло. Он такой заботливый, ему незнакома лень.

Вечером позвонил и сказал, что у него сидят гости. Узнав, что и у меня тоже, был не очень доволен, как мне показалось.

7 декабря.

Меня выбрали делегатом на съезд. Кайсын выступил, как всегда, эмоционально, по существу дела. У меня болела голова, выглядела ужасно и постаралась уйти, пока он не заметил. Звонил и говорил, что устал искать меня. Был грустный.

8 декабря.

Получила его посылки. Маникюрный набор — прелесть. До сих пор не прошла его грусть. Несколько раз звонил, я гозорила ласково.

10 декабря.

9-го он просил меня приехать в Чегем, прислал за мной Ахию. Кайсын читал стихи Кязима Мечиева. Сравнивал его с великими поэтами. Было хорошо сидеть в его маленьком домике с затопленной печкой. Потом приехали к нам. Ночью у нас был разговор о женах пророка Мухаммада. Кайсын спросил в шутку: «Хотела бы ты быть второй женой Кайсына?» Подумав, я ответила: «Нет». Он сказал: «Любимой, самой любимой женой». «Если самой любимой, то согласна». Начали разговор с жен Мухаммада, а закончили ссорой. Я поняла, что он не до конца откровенен. Я предупредила, что не собираюсь делить его с кем-либо. Ушла в другую

комнату, проплакала всю ночь. Он говорил, что их уже ничего не связывает. Я поверила. «Какие стихи я написал о тебе, разве можно после этого знать кого-то. Я еще воспую тебя так, что небо и звезды будут удивляться!» Может, меня, а может, другую воспевают. Он рассуждает о долге. А передо мной? Передо мной-то, как раз, он в большем долгу. Я не умею предъявлять свои права. Не надо молчать, надо кричать о своих правах.

Сегодня он звонит из Чегема, спрашивает, где я была? Говорит, что утром тоже звонил.

— Ты обижена на меня?

— Нет.

— Ну не обижайся.— А голос что-то грустный.— Ну ладно, ладно. К врачу пойдешь?

— Да.

— Ты развелась со мной? — Понял, видно, что мне не до шуток.— Ну ладно, я позвоню. Не обижайся на меня.

* * *

«Как безрассудно сердце человека! Оно не признает своих заблуждений, с трудом подчиняется законам логики и, не считаясь с вескими доказательствами, пытается силой удержать ложную надежду. Но наступает время, и эта надежда, опустошив душу и испепелив сердце, покидает нас. Сознание возвращается, но сердце уже боится снова совершить ошибку»¹.

11 декабря.

Вчера все время звонил, успокаивал. Говорил, что расстраиваюсь из-за ерунды. От этой ерунды было плохо с сердцем, пришлось вызвать скорую. Приходила Лейля Гергокова, успокаивала, сама тоже расстроилась. Вышли с ней во двор, немного погуляли, вроде стало легче. Когда мы гуляли, оказывается, он опять звонил, и Расул сказал ему о скорой помощи. Кайсын спросил: «Разве сердце у нее большое?»

Значит, мне надо было рыдать возле него, чтобы показать ему мои страдания... Я не привыкла бить на жалость. У меня нет рядом сильного человека, за чьей спиной можно было бы жить под защитой. Всего добивалась сама, без чьей-либо помощи.

Он умеет успокаивать так, что начинаешь жалеть его, а

¹ Тагор Р.— «Гитапжали».

себя—винить. Так получилось и на этот раз. А может, и ему нелегко. Не знаю. Я забуду его, забуду.

Сегодня утром, перед отъездом, пришел ко мне.

Вышла его провожать. Он был очень внимателен. Я смотрелась уродиной — посеревшая, осунувшаяся.

Вечером позвонил из Москвы. Дудин тоже там, в соседнем номере гостиницы «Москва».

15 декабря.

Звонил. Был грустен. Разговор был натянутый. Я не спросила, отчего он грустный. Сказал, что купил билет на 19-е.

3 января 1980 г.

19-го приехал из Москвы. 21-го был юбилей Кязима. Он выступал с пламенной речью, хотя и был болен. Продержался до конца. Потом пригласил меня на банкет. После банкета приехали ко мне. Он слег. Через три дня ему стало легче и он поехал в Чегем. 24-го мне было очень плохо, вызывали врача. До сих пор лежу. Он все время звонит, приезжает, приносит лекарства, продукты. Сам еще пока не выздоровел. Было ему очень плохо. Бредил, высокая температура, кашель, то потел, то знобило его. От страха, думала, умру. Сегодня тоже приехал. Мама была у меня, они поговорили. Повез меня в поликлинику. Завтра обещал заехать за мной и повезти в поликлинику.

5 января.

Утром пошла в поликлинику, сделали пробный укол. С понедельника начнут колоть на дому. Делаю прогревания. Скорей бы выздороветь. Скоро возьмемся за Лорку, кого мне дадут? Любая роль у него прекрасная.

Звонил утром. Слышимость была плохая. Когда перезвонил, я собиралась в поликлинику. Позвонил в третьем часу: «Вчера, как сел часа в четыре, работал до часа ночи». Жаловался на свою неустроенную жизнь: «У меня никого нет, кроме тебя. Ты стала откровением для меня. Я знал женщин, относился к ним хорошо, но то чувство, что познал с тобой, мне не было знакомо. Ты осветила мою жизнь. Только в старости я понял это. Теперь я понимаю, что из-за любви могут совершаться убийства, безумства. Я люблю тебя. Это не слова. Это... Да. Видишь, на старости лет. Безумный Кулиев.

Я несколько не разочаровался в тебе, наоборот, с каждым днем люблю больше. Откуда берутся силы? О!.. Ты понимаешь, кто ты для меня? Это объяснить очень трудно. В тебе ничего нет от этой мишуры, от поддельностей...» А как он произносит эти слова! Как не поддаться искушению? Потом читал новые стихи — шедевры в полном, большом смысле. Спросил: «Ну, ты довольна?» Ответила: «Тьфу, машаллах». Обещал переписать их в тетрадь и подарить мне. А в альманахе выйдут с посвящением.

6 января.

Приехал утром, принес продукты. Читал свои новые стихи. Он писал их в дни болезни. Но кто переведет их так, как они звучат в оригинале? Прекрасные стихи.

9 января.

Все время приходит, приносит необходимое. Вчера пришел с Исмаилом Кулиевым. Посидели. И, вспомнив, что Зейтун Толгуров пригласил его в гости, вместе с Ишаем пошли к нему.

Сегодня открываю дверь, а Кайсын держит в руках две буханки хлеба, сахар и чай, по две пачки, — от Ногмова до нас он шел пешком. Вчера вечером не позвонил, так я не могла уснуть, привыкла говорить с ним перед сном. Уже сколько дней я болею, а Кайсын не пропускает дня. Ходит на рынок, в магазин, в аптеку, а сколько у него других дел? Сказала ему, что очень плохо выгляжу, а он: «Я тебя и такую вот худенькую, бледненькую тоже люблю, только выздоравливай скорей».

Вчера по телевизору объявили, что победила Индира Ганди! Коллеги в театре, наша семья — все были рады, поздравляли друг друга. Кайсын пошлет телеграмму. Я сказала, что тоже хотела бы, а он одобрил и говорит, что это очень просто: «Международная телеграмма. Дели. Премьер-министру Индире Ганди».

11 января.

Пришел с Ахией. Я приготовила манты. Ушли вечером. Слушали пластинку, где записаны стихи Кулиева в его исполнении. Принес книгу лирики К. Кулиева.

12 января.

У него гости. Потом в гости позвали его. Говорит, что работать не пришлось.

13 января.

Звонит: «Страшно соскучился». И еще говорит: «Исключительно». Хотел перепечатать стихи и написать предисловие к книге Н. Хубнева, но у него гости. Все они поочередно поговорили со мной по телефону. Видно, он сказал, что я болею, и они решили сделать ему приятное.

16 января.

Приходил с Ахней. Кушать не хотел, потому что дома посл. Ночью по ЦТ должны были передавать его творческий вечер, просил, по возможности, посмотреть. Посмотрела. Поправилось.

18 января.

Пришла с работы, а Расул говорит, что дядя Кайсын просил позвонить. Он сидел в холодном кабинете, дожидаясь моего звонка. У него неприятности. Марьям (сестру) кладут в больницу, что-то обнаружили. Не дай бог. У Кайсына болит правая почка. Сказал, что будет работать: «Мало ли что человека ждет, надо закончить книгу».

24 января.

Вчера не смог прийти, а сегодня утром сходил на рынок, купил мяса и пришел ко мне. На улице невиданный мороз. Замерз. Просил, чтобы я была готова к самому худшему: «Если ты выдержишь, я ради тебя против всего мира встану».

25 января.

Позвонил утром. Марьям будут делать операцию в девять часов в Республиканской больнице. «Я позвонил рано, потому что, проснувшись, думал о тебе. Не разбудил?» Я ответила: «Нет, я не спала».

Звонил из больницы, сожалел, что не успел увидеть сестру перед операцией. Хорошо, что оперировать будет сам Таукевов Магомед.

Каким будет исход? Кайсын так тревожится. Даст бог, все обойдется и страхи останутся позади.

Вечером он посмотрел спектакль с моим участием. Сказала, что он — слишком восторженная натура. Кайсын не согласился: «Я не восторженный человек. Ни в стихах, нигде. Смотрел твою игру очень серьезно, если бы заметил какой-то изъян, сказал бы. Ты двигалась свободно, была обворожительна, хотя играла мещаночку. В моем представлении ты

была актрисой лирического плана, а тут совсем другая грань. Ты поразила меня, я люблю тебя все больше и больше... Ты родилась для меня, только для меня. Я не кажусь тебе старым? Я не старик? Ты любишь меня? Скажи, что любишь».

— Конечно.

— Нет, не говори «конечно», говори «люблю».

— Люблю.

— Правда любишь?

— Да.

— Люби меня, люби. А я тебя обожаю. Ты не бросишь меня, не бросишь?

— Нет.

— Не бросай. Ах, если бы скинуть 15 лет!..

26 января.

Был у Марьям, ей лучше. Был на работе, потом с Ахией поехали в Вольный Аул к Хаджиевой Жаннет. У них нет телефона и Кайсын поручил Ахие позвонить ко мне из школы. Жаннет не отпускала Кайсына. Я прождала его до часа и уснула. Меня разбудил Расул, т. к. звонили в дверь. Оказывается, Кайсын минут пять звонил, а я не слышала. В семь часов утра поехал в Чегем, надо работать.

28 января.

Я выплакалась, и сейчас мне легче. Кайсын сегодня был у врача, потому что в моче обнаружил кровь. Болит почка. Завтра сдаст анализы общие, а послезавтра на с/диабет. Хочет взять у Сары Адильгериевны больничный, дней на двадцать, чтоб закончить трехтомное издание. После завершения работы ляжет в больницу. Так он решил: «Не болезни и смерти боюсь я, мне жалко расстаться с дорогими мне людьми. Надо закончить эту работу, не то я обреку на голодное существование тебя и сыновей».

Позвонила в Чегем, он уже был дома. Успокаивал меня. Потом хотела заняться уборкой, а встать не могу. Пришла Лейля Гергокова, просила думать о хорошем. Хочу, но тревога не дает покоя.

Кайсын сегодня, после того, как сдал анализы, сходил еще и на рынок, принес мяса. Если б знала, не разрешила бы. Он должен заботиться обо всех, так он скроен, и с этим ничего не поделаешь.

Умер Кудаев Хасан, его родственник, он некоторое время работал в нашем театре актером; добродушный, милый человек, жалко его. Кайсын должен идти на похороны. На улице холодно, а он еще должен пойти на кладбище, а там бывает

еще холодней. Просила не ходить на кладбище, выразить соболезнование дома, но его разве удержишь.

2 февраля.

Уже за полночь. Вчера он сказал, что с Сафарбием Кудаевым поедут в Верхний Чегем на похороны. Родственнику или одосельчанину (не поняла) ампутировали руку, думали выживет, но, к сожалению, он умер. «Если приеду оттуда поздно, не позвоню. Позвоню тогда утром».

3 февраля.

Утром позвонил. Попросил, чтобы я держалась, ни на что не реагировала: «Сейчас мне надо закончить работу над трехтомником, обследоваться в больнице, а потом я все улажу».

От волнений, бессонных ночей и слез я вся разбита, нет сил.

4 февраля.

Вчера в половине пятого заехал за мной и мы пошли в гости к Алиму Гепсееву. Кайсын был бледный, усталый. Опять просил, чтобы я была абсолютно спокойной: «Мне сейчас не до семейных драм. Закончу работу и все решу сам. Я с тобой говорю очень серьезно».

5 февраля.

Сегодня позвонил из Пятигорска. Я сходила к его сестре в больницу, а Кайсын, после выступления по пятигорскому телевидению, по пути в Нальчик заехал к нам. Поехал к Марьям. После больницы с Ахней зашли ко мне. Оставшись наедине, высказала Кайсыну свои сомнения. Он успокаивал, потом сказал, что боится одной болезни: «Я тебя в такое положение поставил. Разве я не думаю об этом? Пусть все будут против, только Бог сможет нас разлучить и ты, если разлюбишь. Я так рвался к тебе. В другое время я допоздна оставался бы в Пятигорске, а сейчас ничто не могло меня задержать. Я спешил к тебе. Раньше я мог пропадать там неделями, а сегодня спешил, и ты встретила меня неласково».

8 февраля.

Вчера пришел в половине девятого. Искупался, поел, выпил айран. Он извинялся, что доставляет много хлопот. Говорит, что я порчу его своим вниманием.

9 февраля.

Работает. Первый том почти готов. Еще нужно больше двадцати с половиной тысяч строк. Работать и работать.

Вчера в Чегем приезжала Жаннет Х., и сегодня он опять поедет к ним в гости в Вольный Аул. «Жаннет передала тебе привет и спрашивала: а как твоя француженка? Что француженка? Ты моя балкарочка!» — говорил он.

11 февраля.

Пришел утром, я еще спала, поздно вернулась с выезда. Принес вареное мясо, лакумы. Я засмеялась: «Вы, как мать, которая не может есть без детей». Он согласился. Родственники привезли ему барана, а он поспешил привезти ко мне. Поев, поехал в аптеку за лекарством для Марьям, потом пойдет в больницу к ней, а оттуда поедет в Чегем. Звонил несколько раз. В четыре у меня был выезд. Дождался моего приезда, позвонил, чтобы пожелать спокойной ночи.

13 февраля.

Вчера я сильно поругалась с Расулом. Вздумал курить, ему нет и четырнадцати. Не ожидала от него такого. Всегда послушный, понятливый и вот сюрприз. Пришел Кайсын, увидев, что я побледнела, обнял Расула, попросил его не курить, не обижать меня. Расул пообещал. Он очень любит Кайсына, думаю, данное ему обещание он сдержит. Я собралась идти на рынок, Кайсын подождал, пока я оделась, и довез туда, а потом в больницу, где лежит моя двоюродная сестра Фазика Кульбаева. Диагноз еще не установили. Она держится на болеутоляющих уколах. После того, как мы провели Фазику, Кайсын зашел к Марьям. Должен был пойти еще в поликлинику, чтобы проверить глазное дно. Врач закапала глаза атрапином, и он сегодня не сможет работать, т. к. ничего не видит: «Знал бы, не разрешил, пропали день и вечер». Звонит из Чегема и говорит о любви на балкарском, русском и киргизском языках. Я спросила: «Как можно перевести на русский эти слова: «Санга кьор болайым»? Он сказал: «Перевести точно нельзя. Приблизительно будет так: «Чтобы я умер(ла) за тебя». Но это приблизительно».

14 февраля.

Открываю сегодня почтовый ящик, а в нем письмо без обратного адреса. Насторожилась. Стала читать. Площадной бранью порочит Кайсына, переживает за меня, что могу оказаться обманутой, как некогда она. Я понимаю все: боль женскую, ревность, обиду... Но опускаться женщине до таких выражений... Господи! Как жалко Кайсына. Глыба. Доброта и порядочность. Дар божий, щедро подаренный Всевышним

нашему многострадальному народу, и он должен нести свое тяжелое бремя в подобном окружении. Неужели он не имеет права на простое человеческое счастье? Сколько ему придется переносить! Когда он рассказывает, становится страшно...

О письме я ему не скажу.

16 февраля.

Мое понятие о жизни, о роли человека в ней коренным образом отличается от того, что я вижу вокруг себя. Значит, это ошибка? Но как переделать, изменить свои убеждения? А с ними, с такими убеждениями, жить трудно. Мне кажется, что даже такой мудрый человек, как Кайсын, даже он примирился с этими «наростами».

Вечером приехала мама — моя единственная правда, моя совесть, мой свет. Какая она справедливая. Если бы в мире было больше таких, как она. Ей пошел шестьдесят второй год. Живи, моя мамочка, долго. Не переживай за меня.

Ночью позвонил Кайсын. Сказал, что не мог уснуть. С пяти утра работает.

2 марта.

20 февраля Сафарбий повез Кайсына и меня в Пятигорск. Посмотрели место дуэли Лермонтова. Сафарбий зашел в ювелирный магазин и купил мне золотое кольцо, чтобы сделать приятное Кайсыну. Мне было неудобно, но они заставили принять дорогой подарок. Из Пятигорска выехали поздно, в 11 часов ночи. Кайсын немного выпил, чтобы проверить почки. Вроде пока не болят. Работу над трехтомником закончил, теперь надо готовить сувенирное издание. У него неприятности, связанные с нашими отношениями. Сказал, что грозятся написать жалобу на имя первого секретаря обкома. Если он не отреагирует, то тогда самому Брежневу. Он сказал: «Да хоть самому пророку Мухаммаду!»

5 марта.

Хотел приехать, но никак не закончит сувенирное издание. Абидин Байчекуев (он учился со мной вместе в театральном институте) оставил театр и пишет музыку. Кайсын к нему относится хорошо. Он просил написать несколько слов о его творчестве. Никак не может приступить. Спрашивал, как я отношусь к Абидину? Сказала, что очень хорошо, и песни его мелодичные, душевные. Наверное, скоро напишет. Третьего марта он должен был лететь в Москву и с утра собирался меня навестить, у меня репетиция, а самолет отправляется в

тринадцать часов. Тогда он позвонил в Нальчикский аэропорт и решил вылететь 4-го утром, в шесть часов. Третьего, часа в четыре, пришел с охапкой тюльпанов. Хотел узнать, что бы я хотела получить ко дню рождения. Я не ответила. Кажется, обиделся. Чуть не такой тон в голосе — моментально реагирует и обижается. Не подарков я жду от него, лишь бы не болел, жил. И как я могу сказать, что хочу в подарок? Это неприлично. А он обиделся.

Мы поехали за чемоданами Кайсына, которые он оставил у себя в кабинете, и приехали опять ко мне. Кайсын лег, но спал плохо. Я заказала такси на половину шестого утра. Вспомнил, что забыл нужные документы в Чегеме. В четыре часа утра 4 марта вышла его провожать. Он уехал. Утро было удивительно свежим. Светила луна, небо такое красивое. Не хотелось заходить домой. Только поднялась к себе, зазвонил телефон, — звонил Кайсын из Чегема. Обещал сразу же позвонить из Москвы, как только доедет. Я немного поспала. Проснулась в восемь, а на душе такая щемящая тоска. Плачу и плачу, а отчего, не могу понять. Он не позвонил ни в 12, ни в 13 часов. Позвонила к Алиму Теппееву, в аэропорт, к Магомеду Кучукову, — никто ничего не знает. Я начала пашиковать. Он позвонил в 14 часов. Оказывается, самолет из Нальчика вылетел неисправным и пришлось приземлиться в Минводах. Прождали в Минводах несколько часов и прилетели в Москву только в 2 часа дня. Вот такая халатность. А Кайсын и так был измучен эти дни. Уехал, не позавтракав. Бедный. Звонил усталый, голодный. Вечером, в шесть, он опять позвонил. Они с Дудиным все время вместе. Михаил Александрович купил сумку жене Ирине, Кайсыну она понравилась, и они собрались пойти в магазин, чтобы купить мне такую же. Сумки такой уже не было, и завтра Кайсын хочет сходить в «Березку». Завтра же пойдет в поликлинику сдавать анализы.

6 марта.

Сдал анализы. Давление очень высокое, дали выпить лекарство.

7 марта.

Спрашивал, как самочувствие мое, детей. Давление нормализовалось.

8 марта.

Позвонил в 10 часов ночи. Вчера он забыл сообщить, что дядя Мухажир (Кульбаев) тоже в Москве, а сегодня он был

в номере у Кайсына, поэтому он хотел, чтобы я поговорила с ним тоже. Мы поговорили. Настроение у них было хорошим. Кайсын 7-го послал поздравительную, но я не получила.

10 марта.

Звонил утром. Сходил в поликлинику. Сдал анализы. Давление то нормальное, то высокое. Из-за насморка не лег в больницу. Должен был поговорить с Евгением Ивановичем Чазовым. Если бы я могла поехать к нему, повезла бы плоды облепихи, укроп, и давление понизилось бы. Все дни заняты спектаклями, да и денег нет.

11 марта.

Сегодня должен лечь в больницу. Давление пока высокое. Была на конференции. Потом сходила на почту выяснять, куда деваются телеграммы Кулиева. Это уже третья телеграмма. Начальника не было, попросили, чтобы я позвонила им завтра.

12 марта.

Хорошо, что отменили выезд, ехать в этот гололед в Верхнюю Балкарию опасно. Но мы не поехали по причине того, что не был готов выездной вариант спектакля. Артистов не очень-то жалуют, не думают о их жизни. Был бы выполнен план, остальное не их дело.

Вчера ночью Алим Тепшеев не смог дозвониться до него, хотя администрация гостиницы «Москва» утверждала, что Кулиев еще там. Значит, он еще не лег в больницу.

13 марта.

Ахия получил от Кайсына телеграмму. Он уже в больнице. Дал мне номер телефона в палате. Потом позвонила Жанна (Кулиева), передала просьбу Кайсына — позвонить ему. Я позвонила. Он сказал, чтобы я положила трубку, т. к. сам заказал переговоры. Не хочет, чтобы тратила деньги. Зазвонил телефон, и мы поговорили. Академик Лопаткин придет завтра или послезавтра. В анализах что-то обнаружили, но от него скрывают. Настроение у него, естественно, неважное. Старалась подбодрить. Неужели Бог не сжадется? Мы опять обречены на мучения, но уже более страшные? Не могу забыть тот сон, где Кайсын неожиданно полстел вниз с большой высоты...

14 марта.

Ночью совсем не спала. Чтобы не разбудить детей, зажмала рот, чтобы они не слышали рыданий. Казалось, весь мир плачет вместе со мной. Дети проснулись. Сонные, не могут понять, в чем дело. Еле успокоилась, успокоила их. Днем позвонила в больницу Кайсыну. Долго разговаривали. Целых два часа ему делали рентген почек, мочевого пузыря. Давление уже лучше. Будут лечить горло и, может быть, оперируют шишку на затылке. Вроде бы не опасно. В понедельник или во вторник результат будет готов. Что же скажет Лобаткин?..

15 марта.

Поздравлял с днем рождения. Настроение неплохое, а может не хочет расстраивать меня?

Вчера послал телеграмму, но опять, уже в который раз, не принесли. Мне подсказали, что это проделки одной женщины, работающей на почте. Она не впервые проделывает такое с письмами и телеграммами, адресованными мне. Ходила сегодня к начальнику почты. Он вызвал всех. Как они забегали! Быстро нашлась и телеграмма. Вот текст: «Горячо, всем сердцем, поздравляю днем рождения тебя, прекрасную женщину, замечательного достойнейшего человека, верного друга, выдающуюся актрису. Желаю долгих лет, здоровья, вдохновения, радости, много благ. Обнимаю, целую, люблю,

твой Кайсын».

И такую телеграмму решили скрыть! Я живу его письмами, телефонными переговорами, телеграммами от него, когда он бывает в отъезде или в больнице. Откуда им понять, в каком состоянии я пребываю, когда нет рядом Кайсына. Ах, человеческое несовершенство, на какую низость ты толкаешь людей!

27 марта.

До 25-го мы ежедневно переговаривались по телефону. 24-го он получил мое письмо. 25-го сделали биопсию. Позвонила вчера, в среду, настроение вроде неплохое. Хотела поехать к нему, пока дети на каникулах. Он не разрешил. Сказал, что будет волноваться: как досуду, как устройсь? Я осталась. Результат биопсии будет известен 7-го или 8-го, а до этого надо еще дожить. Что же будет?

1 апреля.

Не знаю, как прожить еще неделю. Почему я так жду этого дня? Надеюсь на лучшее. Придет вторник или среда,

скажут результат, и он окажется счастливым. А пока утро начинается со слез и мольбы. Зачем я плакала раньше? Какая это была мелочь в сравнении с тем, что сейчас нас мучит. Ему будут делать химиотерапию. Сейчас делают уколы, приостанавливающие рост опухоли. Десять лет назад ему тоже делали биопсию, сказали: доброкачественная опухоль...

4 апреля.

Я умру от страха. Невыносимо ждать. Вдруг дождусь страшного... На работе я еще держусь, сжимаю всю свою волю. А наедине... Комок нервов. Это я. А он? Я получила 27-го, после биопсии, два письма от него. Он надеется. Но я понимаю, как ему тяжело. Он пишет: «Судьбе угодно было, чтобы я познал тебя, иначе я не мог умереть. Я так благодарен ей за это. В моей жизни не было подобного». Даже в таком состоянии он пишет о любви своей. Что ждет нас? Может, результат готов и я зря извожу себя? О, если бы зря! Надо переждать сегодняшнюю ночь. Завтра, послезавтра... Я не могу разговаривать, ходить в гости, говорить по телефону. Велика тяжесть, давящая грудь.

7 апреля.

Сейчас 5 часов 30 минут. Хмурое утро с розоватыми проблесками. За окном поют птицы, вестники утра. Приехала с выезда поздно и проспала часа четыре. Проснулась и уже не могла уснуть. Все клетки тела ждут, а в голове так смутно. Сейчас пролетела ворона, каркая во все горло, но опять поют неизвестные птицы... Что же мне сообщит сегодняшний день? Если бы знать, что страхи напрасны.

Он просил, чтобы к его приезду я выглядела хорошо. Считает меня красивой: «Ты красивая. Не красотка, а именно красивая. Если ты была бы какой-нибудь роскошной женщиной, я не смог бы любить тебя. Именно такую, как ты, я мог полюбить». Лишь бы ты жил, мой родной, больше ничего не прошу.

Не могу звонить к нему, боюсь. 5-го, в субботу, позвонил Ахия. Стал ругать: «Ты покидаешь нас, как ты себя ведешь? Он измучился, не знает, отчего ты молчишь. Талонов у него нет, а то сам бы позвонил. Сейчас же позвони!» Позвонила. Долго разговаривали. А сегодня опять боюсь звонить.

19 апреля.

На днях разговаривала с местным онкологом Володей Кучмезовым. Он сказал, что если не собираются оперировать,

значит, ничего утешительного сказать не могут. А я думала — наоборот, если не оперируют, значит — хорошо. От невыносимого состояния слегла, вот уже несколько дней не проходит боль в пояснице, в спине. Все от нервного напряжения.

Решившись, позвонила в Элисту Давиду Кугультинову. Близко, как будто совсем рядом, слышала глубокий, проникновенный голос мудрого человека. Давид Никитич сказал, что надо надеяться на чудо. «Будут пробовать какой-то болгарский препарат. Этим препаратом лечили Твардовского, Симонова. Но, к сожалению, все они обращаются к врачам поздно. У Кайсына организм крепкий, может, все обойдется. В любом случае, вам надо держаться, Элизат».

Сколько дней, ночей я молила и молю тебя, судьба — сжался, сжался, сохрани его! Кайсын обречен? Как поверить? Преподнесла ты мне, судьба, жестокий дар. Черные злые ветры не раз сметали с пути светлое, прекрасное! Прощу, судьба, как милость, дай силы теперь выстоять, выдюжить.

Когда я провожала тебя мартовским утром, оно было ясным. Светила луна, мерцали поредевшие с рассветом звезды, пели птицы. Утро было светлым. Будут, будут еще светлыми наши дни. Мы еще не раз поднимемся с тобой по канатной дороге на Кизилровку, где стоят вековые деревья. Поедем на Белую Речку, где впервые у родника вы сорвали для меня подснежник. И на вопрос ваш я отвечу: «Да, мне хорошо, мне легко и спокойно рядом с вами. Нет той преграды, что встала между нами. Все страшное позади... Мы лежим на траве. Цветут цветы. Пролетел шмель, не обратив на нас внимания, на нас — спокойных и счастливых. Тихий ветерок овеивает нас прохладой. Светит ласковое солнце. Поют птицы, им вторит вечность. Вечность — это вы, Кайсын, вечность — наша любовь! Мы будем счастливы, будем».

10 мая.

23 апреля Кайсын приехал из Венгрии, был на вечере Симонова, потом, 24-го, на вечере Тихонова, а 25-го опять лег в больницу. Через каждые 10 дней ему вводят какое-то лекарство внутривенно. 1 мая я поздравила его, 9-го тоже. Сегодня позвонила к нему в больницу. Был грустным. Кажется, 5-го послала ему письмо. Сегодня получила его письмо с новыми стихами. Каждая строка отдается болью в сердце. 8-го снова обследовали компьютером.

1 июня.

Из больницы Кайсын выписался 23 мая. Позвонил из гостиницы, сказал, что у него часто бывают Давид Никитич с

супругой, Наум Гребнев. 25-го звонил и спрашивал размеры одежды Расула и Ахмата. Я попросила его ничего не покупать, не беспокоиться, а он ответил: «Я пока еще живой». Мне стало больно от этих слов. Раз он так хочет, пусть покупает. Хоть и больной, а сделать приятное человеку остается его непреодолимым желанием.

Кажется, было 27 мая. Кайсын позвонил и сказал, что приезжает вечером и чтобы, если мне не будет трудно, пошла встречать его, а если не смогу, то чтобы была дома. Хотел из аэропорта сразу приехать ко мне. Во вторник в театре выходной и я попросила у дяди Мухажира машину и поехала в аэропорт. Самолет опоздал на целый час. Встречали его только я, Жанна и Ахия. Он не хотел шума, расспросов, поэтому о приезде мы никому не сообщили. Когда я его увидела, было странное состояние. Плохо, когда вокруг люди, не можешь встретить, как хочется. Кайсын тут же стал раздаривать подарки. Ахие шляпу, Жанне сумку с покупками, мне две сумки. Спросил, могу ли я поехать в Чегем? Поехали. Нас встретили Света с мужем. Мы хотели увидеть встречу Кайсына с Бойнаком, но пса не было во дворе. Побыв немного в доме, решили ехать ко мне. Когда сели в машину, появился Бойнак. Он встретил хозяина не как обычно, ликуя и обнимая передними лапами плечи Кайсына, а просто стоял и смотрел. Вокруг заговорили: «Забыл Бойнак, забыл»... Но слишком грустные, осмысленные глаза были у собаки. Они не забывают годами своих хозяев. Кайсын первый заметил слезы на глазах Бойнака. Может, ему показалось? Но мы все увидели слезы. Животные искренни, они ведь не люди, чтобы уметь притворяться.

В журнале «Техника—молодежи» прочитала о грузинке-фемпене, которая устанавливает диагнозы и сама же лечит. Попросила Кайсына обратиться к ней, но он не хочет, не может обидеть Лопаткина: «Он ко мне очень хорошо относится, получится, что я не доверяю ему». Можно было попытаться, вдруг помогло бы. Но усилия тщетны.

Надо молить, биться за жизнь и, может быть, что-то невдомое нашему разуму поможет, спасет... Мне кажется, Кайсын смирился со своей участью.

* * *

Они зашли с Ахией на минуту. Это было 29 мая. Собирались прийти раньше, но один человек попросил на полчаса его машину, но так и не появился. Кайсын нанял такси, и они

должны поехать вместе с братом Аубекиром, сестрой Канз и Ахней в Лашкуту.

30 мая чувствовал себя лучше, лицо немного порозовело, был более уверенным в благополучном исходе, благодарил за поддержку.

31 мая решил поехать на Чегемские водопады. Взял с собой певицу Людмилу Кульбаеву с подругой, заехали в Чегем I за Куанчем Джаппуевым — первым секретарем Чегемского райкома партии. Около водопадов к нам подошла группа туристов, чтобы сфотографироваться с Кайсыном Кулиевым. Просили автограф. Тепло попрощавшись с ними, мы поехали дальше... Если бы суметь описать этот чудесный уголок, куда нас пригласили племянники Кайсына! Внизу шумит река. Чуть выше виднеется каменный очаг. Еще выше — выложенный из камня забор. Природа или люди потрудились? Неведомо. Кайсын хотел подняться вверх именно по этому забору, хотя его можно обойти по тропинке. Я последовала за ним. Подал мне руку. Карабкаясь по выступам камней, мы оказались наверху. Перед глазами предстала удивительная картина: на высоте с человеческий рост, будто в воздухе, висит огромный валун — защита от дождей, от солнечных лучей. Такое впечатление, что ты находишься в своеобразной сакле. Сплошная каменная стена и выступ над ней, как крыша. На земле много сухих мягких листьев. Родственники Кайсына — Сафарбий Кудаяев, Исмаил и Сагид Кулиевы успели освежевать барана до нашего приезда, и в огромном котле варилось мясо. Сагид с Сафарбием постелили на землю брезент, а поверх брезента — бурку. Рядом с «саклей» возвышался высокий холм с порослью березок, кустов барбариса и множеством пахучих ландышей. Кайсын взял бурку и мы поднялись на холм. Он лег, я села рядом, прикрывая его голову от солнца. Кайсын лежит, и такое впечатление, что он обнимает землю, обнимает с тоской. Шум реки, ветра, запахи трав, цветов наполняют сердце надеждой... Кайсын засыпает. Смотрю на дорожное лицо. Слезы комом стоят в горле. У Кайсына нервно подернулась щека. Он пошевелился и опять уснул. Я сижу неподвижно, боясь его разбудить. Внизу Люда с подругой сервируют «стол». Сафарбий и Куанч что-то рассказывают друг другу, громко смеясь. Ишай указывает, куда что положить, чем Сагид не очень доволен. Кайсын просыпается. Мы рвем листья барбариса и жуем. Он рассказывает, что и в больнице, в «зимнем саду», когда никого не бывало рядом, он украдкой лакомился листьями барбариса и вспоминал Чегем.

Стол готов. Мы спускаемся вниз. Начались тосты. Кайсын отпил немного коньяку и больше не стал пить. Баравина

жирная, ему нельзя, но он с удовольствием ел, выпил бульон. Лицо порозовело. Стали петь народные песни. Куанч все время заставляет петь Люду, она уже устала, ей на помощь приходит Сафарбий и затягивает песню на слова К. Кулиева «Песня балкарских парней на фронте». Нужного темперамента, как считает Кайсын, Сафарбию не хватило, и, не выдержав, стал петь сам, с большим чувством! Мы невольно залюбовались. Божий дар — он особый. Кайсын это доказал и в песне.

Благодарен Всевышнему! Кайсын опять в своей родной стихии: горы, деревья, синее небо, бурлящая река, пенье птиц, люди—все, что так дорого ему: «Чегем, его живительный воздух, брызги водопадов действуют на меня, как музыка Бетховена!» — признался он.

А сегодня, 1 июня, в 5 часов позвонил Кудасев Сафарбий. Я быстро оделась. В 5 ч. 30 минут они подъехали к нашему дому, и в шесть утра мы были в аэропорту. Провожали Кайсына: супруги Эфендиевы — Салих и Тамара, Кучуков Магомед, Сагид Кулиев, Ахия Ахматов, Сафарбий Кудасев, Максим Жетишев (племянник, сын Марьям от первого брака), Алим Теппеев, Зейтун Толгуров, племянница Зоя (дочь Марьям от второго брака), Жанна и ее дочь Лейля. С ним вместе ехал и генерал Деппуев. Фотографировались.

Пришла домой. Слезы. В половине одиннадцатого утра, как только долетел, позвонил.

2 июня.

Новостей пока никаких. Идет в поликлинику, потом позвонит. Я пошла в исследовательский институт, оттуда позвонила в гостиницу «Москва». Кайсын поднял трубку и сказал, что только что звонил сам ко мне и разговаривал с Расулом. В три часа за Кайсыном пришлют транспорт и повезут в больницу. В поликлинике проверили давление, температуру, сняли кардиограмму. Давление хорошее. Видно, из-за горного воздуха.

3 июня.

Позвонил. Новостей никаких. Температура, давление, сердце — все хорошо.

10 июня.

Собиралась 6 июня вылететь к нему, но, по милости одной дамы, осталась. Ей бы заниматься своей жизнью и не вмешиваться в наши отношения. Она полагает, что, если я отно-

шусь к ней хорошо, значит, она может себя вести со мной, как ей заблагорассудится? Она вела себя бестактно. А я считала ее человеческой, жалела и относилась хорошо. Впредь буду знать. «В таком случае, приезжай после ее отъезда, она скоро уедет. Не обращай внимания»,—сказал Кайсын. Но я не поеду. Ради себя я пока что ничего не делала, теперь начну. Как мне удобно, как выгодно. Только так надо жить. Вот тогда, наверное, задумаются: «А она кое-что соображает, с ней придется считаться».

Звонила к нему 7 июня. Температура пока держится. Сделали укол.

8 июня температура была нормальной. Потел меньше. Говорил, что 6-го и 7-го приходилось менять белье постоянно.

9 июня наши уехали на гостропи в Карачаево-Черкессию. К Кайсыну не звонила.

А сегодня, 10 июня, хотела сходить к Абидат Биттировой, но начался сильный дождь и никуда не пошла.

28 июня.

Прилетел в Минводы. Вечером приехал ко мне. Встретила не так приветливо, хотя его вины нет ни в чем. Все эти разговоры, сплетни, интриги действуют ужасно, и мне трудно себя пересилить.

29 июня.

Утром уехал в Чегем. Звонит.

30 июня.

Поехали на Кизиловку. Ахне захотелось поесть и по пути пришлось заехать в «Кунак». Кайсын почти ничего не ел. Потом пешком дошли до канатной дороги и я с Кайсыном села в одну кабину, а Ахия с Хуссем (Кулнев)—в другую. В лесу пробыли мало. Когда спускались, Кайсына увидели незнакомые ему люди и пригласили к столу. Пили за его здоровье.

15 июля.

Две недели не делала записей, поэтому могут быть неточности в датах. 1 или 2 июля нас пригласил к себе домой Алим Тешеев. Его средний сын вернулся из армии, и они несколько дней праздновали. Алим сказал, что зарезал в честь Кайсына барана, которого держал специально до приезда его из больницы. Посидели в теплой, дружелюбной атмосфере.

На следующий день Кайсын приехал кем-то расстроен-

нын. Ему и так тяжело. Шутка ли — четыре операции за три месяца. Он все знает, но ничего у врачей не выпытывает, не мелочится, не дрожит. Он мне сказал: «Чем я лучше тех, кто погиб во цвете лет? Почему я должен быть привилегированней моих погибших товарищей? Надо достойно принимать жизнь и смерть». Он показал рукописи. В больнице, когда отпускала боль и выпадала малейшая возможность, он работал. Его рукописи — титанический труд человека, познавшего цену времени.

6-го, вечером, позвонил.

— Приехать мне?

— Как хотите.

— Не как хотите, а ты хочешь, чтоб я приехал к тебе?

— Ну приезжайте.

— Как-то не выражаешь радости. Ты не хочешь меня видеть?

— Приезжайте.

Приехал взволнованный. Когда он взволнован, движения у него становятся резковатыми, быстрыми. Спросил: «Я уже не нужен тебе?»

— Почему?

— Старый, больной.

— При чем тут это?

Помолчал, потом резко: «Я серьезно болен». Внутри у меня все сжалось от боли.

— Почему вы так решили?

— Зачем бы они лечили химиотерапией?..

Прошло больше недели с того разговора, а его лицо, глаза, движения стоят перед глазами. Теперь можно плакать, есть серьезная причина для слез. Сегодня восьмой день, как я не вижу его. Просыпаюсь ночью в страхе, долго не могу унять дрожь и молю, молю неведомого, но, как мне кажется, всемогущего, чтоб он дал здоровье, избавил Кайсына и меня от этой беды. Я хотела бы бросить все и быть опорой ему в эти дни. Но нет у меня прав. Наше общество такое морализованное, его укоренившиеся устои ничем не прошибешь. А за Кайсыном нужен уход неустанный, ему необходима строжайшая диета.

8 августа.

Он хотел 7 июля закончить дела, а весь следующий день провести со мной, потому что 8-го вечером с Азаматом собираются в Минводы, а оттуда — на Рижское взморье. Я сказала, что еду в Кашхатау. Он сказал, что будет звонить туда.

После Юрмалы хотел, чтобы мы вдвоем путешествовали на пароходе, но я сказала, что поеду на море. Весь июль почти мы были в разлуке. 10-го прислал телеграмму в Кашхатау. Они долетели благополучно. 11 июля я приехала домой. Хожу на репетиции.

22 июля приехали телеграмму из Юрмалы. Трудится, там холодно, дожди. 28-го получила два письма. Нашел хорошего переводчика, будет переводить стихи Кайсына и в том числе цыкла, посвященный мне. Свою новую книгу хочет назвать «Ночь и рассвет».

Он должен был приехать 4 августа. Я стала готовится к встрече и получила телеграмму: «Приедем середине августа». Он приедет 14-го, а я уеду в Сочи 15-го. Я приеду из Сочи 6 сентября, а Кайсын в сентябре должен лечь в больницу. Если все будет нормально, то выпишут быстро, а если нет, то вряд ли увидимся в августе. Я ужасно невезучая!

14 августа.

Вчера приехал папа и с ним сходили к нашей родственнице Кульбасовой Шафият. У нее умер муж, Теммосев Магомед, замечательный человек, наш любимый зять. Проводила папу, пришла домой. От Кайсына нет вестей. Достала билет на 15-е. Вылет из Нальчика.

15 августа.

Кайсын позвонил вчера ночью, в 12 часов. Узнав, что завтра, т. е. 15-го, вылетаю в Сочи, расстроился. Утром он уже был у меня. «Не было денег на такси, занял у Светы», — сказал он.

6 сентября.

Сегодня утром я вылетела из Сочи. Встречали меня Кайсын с Сафарбием, они стояли около трапа, и я сразу же очутилась в его объятиях. Сафарбий держал в руках красивый букет гладиолусов. Слава Богу, наконец я дома, увидела Кайсына, детей.

12 сентября.

Легла в больницу. Кайсын принес гладиолусы. Сам бодрый, подтянутый. Я любовалась им. В больнице шепот: «Кулиев пришел!» Открыли ординаторскую и мы посидели вдвоем.

13 сентября.

Приходил, приносил много вкусного. Долго разговаривали.

14 сентября.

Вместе с Кайсыном меня пришли проведать Тимур Шаханов и племянница Кайсына Зоя Малкарова.

15 сентября.

Кайсын приходит ежедневно, приносит все необходимое, с таким же вниманием относится к Расулу и Ахмату.

16 сентября.

С Кайсыном пришли Нафи Джусойты и Алим Теплеев. Настроение у всех было отличное. Внизу их ждали люди, и они спешили. Надо было угостить приехавших с Джусойты гостей из Осетии. Они поехали на Чегемские водопады.

18 сентября.

Приходил с Исмаилом Кулневым. Был бодрым, настроение хорошее. Гостей проводил.

19 сентября.

Принес цикл стихов, посвященных мне: «Мой поздний свет». Мы сели в больничном саду на скамейку, и Кайсын стал читать. Как хорошо, когда он читает сам. Он ушел, а его голос слышался до следующего дня. Я счастлива в эти дни. Здесь все считают меня законной женой Кулиева. Кайсын сказал: «Отвечай — да, жена. Когда спрашивают у меня, я тоже говорю — Элизат моя законная жена».

22 сентября.

21-го я вышла из больницы. В тот же день проводила его в Москву. На этот раз об отъезде никому не захотел сообщать.

26 октября.

Давно не вела записи, поэтому могут быть неточности в датах. 21 сентября уехал в Москву, потом был на юбилее Блюка в Ленинграде, ездил в Тбилиси и только потом приехал домой. Из Тбилиси прислал телеграмму, но я получила ее поздно, поэтому не встретила его. Позвонил из аэропорта. По голосу поняла, что скрывает обиду. Я вызвала такси и поехала встречать. Там же объяснила причину. Приехали к нам. Все дни и ночи вместе. Покупки за покупками, как настоящие семейные люди. Он говорит: «Сознание того, что ты верен одной женщине, — это счастье. Такого раньше я ни-

когда не испытывал. Не курить, не пить и быть верным одной женщине!» И это Кулиев!.. Опять просит немного потерпеть и он все уладит. Не регистрация мне нужна, а возможность открыто быть рядом с ним, а без этой формальной бумаги не обойдешься. Кайсыну нужен неустанный уход. Спросил, могла бы я бросить театр? Услышав, что могла бы, удивился и сказал: «Это будет предательством по отношению к любимому делу». Мне же играть на сцене в настоящее время—мука. У нас особое отношение к театру. Уважающему себя, свой дар божий в этом «храме искусств», мне кажется, делать нечего. По крайней мере, я посвящу себя любимому человеку, по мере сил буду ему поддержкой. Трудно передать, какой любовью люблю я Кайсына — люблю до боли, до самонистязания. Когда его нет в нашей республике, рядом, меркнет все. Трудно передать. Это удивительный, непостижимый, редчайшей честности и доброты человек. Вот уж поистине к кому можно обратиться блоковское:

Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!

18 октября я проводила его в Москву. 19-го и 20-го, кажется, у него было заседание. С 22-го по 24-е он на сессии Верховного Совета СССР. 24-го, после сессии, лег в больницу. Звонил вечером. А сегодня, т. е. 28-го, я сходила в театр, потом позвонила к нему. Сказал, что давление, температура, кардиограмма — все хорошо. Был его лечащий врач, а завтра, наверное, придет Лопаткин. Он в эти дни переписывает все стихи, посвященные мне. Хотел отправить их, но вспомнил, что забыл взять с собой большие конверты. Завтра обещал позвонить.

8 ноября.

Приехал с сыновьями—Алимом и Азаматом. Вечером был у меня. Расстроен. Рассказал причину. Семейное. 10-го или 11-го должен проводить сыновей на учебу. Алима после армии восстановили и он продолжит учебу.

15 ноября.

Все дни приходил, был предельно внимателен. У меня ежедневно выездные спектакли. Этой ночью он дожидался моего приезда во дворе. Я ему оставляла ключ, но Ахмат, не зная, что он придет, надавил на защелку, и Кайсын не смог открыть дверь, а звонить не стал, боясь разбудить детей. Выглядел

хорошо, но что-то насторожило меня, сразу подумала о его здоровье. Кайсын обронил фразу: «Душа болит».

Утром рассказал о сплетнях. Он поверил им, допрашивал, вымучивал себя, меня. Так больно, горько и обидно. Я пыталась доказывать, но что доказывать, если видишь как он поверил им. Неужели останутся безнаказанными отравившие наше существование? Неужели не покарает их Бог?!

Сейчас он позвонил из Баксана. Там проводится юбилей Али Шогенцукова. Кайсын с гостями. Он сказал, что до головных болей обдумал все и что сейчас он спокоен, совствует мне тоже быть спокойной. Но я плачу с момента, как проводила его. Уже четыре часа, надо ехать на выезд, не могу успокоиться. Неужели он не видел мое отношение к нему? Не понял меня. После всех мучений, перенесенных мной за время его болезни, как я могла интересоваться кем-то? Я детей забыла ради него. Нет, я не смогу простить ему. Верить злостным сеятелям грязи и не верить мне! А говорит, что любит.

3 декабря.

Пригласили в Чегем гостей, сделали курманлык в честь возвращения Алма из армии. Я не поехала.

А до этого, в ноябре месяце, кажется, 17-го, Кайсын поехал в Москву, потом в Ленинград и в Ереван на шестидесятилетие Армении. Его пригласил глава республики Демирчян. Из представителей Северного Кавказа был только Кулиев. Вернулся из Армении в конце ноября, привез подарки, варенье из лепестков роз и ореховое варенье.

5 декабря.

Проводили Алма в Москву. И сегодня утром Танзиля Зумакулова пригласила Кайсына на свадьбу дочери. Жанулька выходит замуж. Кайсын должен быть тамадой. Он поехал к ним в 12 часов и вернулся вечером в 9. Свадьбу проводили в ресторане «Долинск». Когда Кайсын пришел, я лежала. Настроения не было. Никак не могу забыть дни, когда он слушал этих клеветников. Он стал убеждать меня, что они больше рта не раскроют: «Ты сама попросила, чтобы я рассказал. Не будем больше возвращаться к этому. Я не скажу тебе, что я умру без тебя, но если ты разлюбишь, для меня пропадет все. Потерпи еще немного, дай прийти в себя после болезни. Надо устроить Азамата в академию, и разделаюсь со всем. Я прожил в одиночестве, был страшно одинок. Жил ради того, ради другого. Это было ложным убеждением. Если бы не это, мы прожили бы с тобой счастливую жизнь».

Прожив на свете 63 года (я не был ангелом), не встречал тебе подобной. Судьба на старости лет решила меня отблагодарить за все мучения. Ты — высший подарок судьбы. И пусть говорят, что хотят. Думаешь, я не знаю, откуда исходят эти разговоры? Знаю, моя половчаночка, (къярылгашчыгъым, къозучугъум, чыракъчыгъым), ласточка, козочка, огонечек мой, половецкая царица, донжуаночка, сердцеедочка. Ты не разлюбишь меня?»

— Нет.

— А если буду совсем стар, не разлюбишь?

— Нет.

— Люби меня. Люби. Нам уже нельзя друг без друга. А все остальное я улажу.

Ночью мы поехали в Чегем, приехали в 12-м часу. Отключили свет, и он решил спать. Стонал во сне. Тихонько подошла, положила руку ему на плечо. Он проснулся, успокоился и спокойно заснул. Встал в 5-м часу, пошел в маленький дом, надо было допечатать речь, которую он будет говорить на съезде писателей РСФСР.

Спаленка Кайсына (тесная и узкая комнатка) после его приезда из Японии постепенно из аскетической становится более обжитой: железная кровать, на полу козья шкура, столик, книги, две настольные лампы, абажур. Он весело говорит, что в его доме много настольных ламп, очков, сорочек — и все.

На одной стене висят японское панно и картина с красивой белозубой японочкой. Над кроватью — небольшой ковер, подарок матери, и ее портрет. С портрета смотрят глаза с печально-всеведающим взглядом.

7 декабря.

Вчера Кайсын вылетел в Москву из Минвод. Он вызвал такси, а я, попросившись с ним, уехала в Нальчик. Позвонил ночью. В Москве холодно. Укол он не успел сделать, т. к. поздно прилетел. Сегодня Кайсын позвонил после того, как ему дал завтрак Давид Никитич. Он передавал мне привет. Пока мы разговаривали с Кайсыном по телефону, к нему в номер зашел Ираклий Абашидзе и тоже передавал привет

* * *

Все последующие дни следила за ним по телевизору, читала о нем в газетах, слушала по радио. Собирался приехать на поезде, но потом раздумал и прилетел на самолете. Мы

все время были вместе. Потом я простудилась, и он, как лучшая сиделка, ухаживал за мной.

Кайсын хотел, чтобы мы Новый год встретили вместе. 30-го сходили на рынок, купили все необходимое. Он такой быстрый. Пока я расшевелюсь, он уже все сделал, успел.

31-го впервые мы вместе с ним приняли у меня гостей: супруги Шахановы, Теппеевы, Бабаевы, Жанна Кулиева, мой папа, Исмаил Кулиев, Бэлочка. Может быть, хотели обрадовать Кайсына, поэтому хвалили мои кулинарные способности, а он так хотел, чтобы им понравилось угощение, приготовленное мной. Ибрагим Бабаев сделал нам знаменательный подарок — принес сигнальный экземпляр цикла «Мой поздний свет».

9 января 1981 г.

Кайсын по просьбе Сафарбия Кудаетова решил поехать в Туркмению, чтобы вызвать его сына из Афганистана, где он служит. Это было 5 января, Кайсын знает, что это практически невозможно, но отказаться — значит обидеть родственника, поэтому поехал. Звонит из Минвод и говорит, что они перепутали день и опоздали на самолет. Он вылетает в Туркменистан по пятницам, а они выехали в Минводы в понедельник. Взяли билеты на Ташкент, но в Ташкенте туман, планы нарушились. А 7-го утром Кайсына привезли больным. Он написал письмо Гапурову (I секретарь ЦК Туркмени), и Сафарбий с Сагидом Кулиевым отправились в Минводы.

7-го у меня был спектакль на телевидении. Отыграла и приехала домой. За мной приехал шофер Кайсына и, взяв Жанну, поехали в Чегем. Жанна уехала.

Я натирала спину Кайсына козьим жиром, поила молоком, он часто потел, несколько раз меняла белье.

Кайсын говорил, что все его родственники, зная, что он очень любит меня, хорошо ко мне относятся.

10 января.

В три часа приехал водитель Мачраил. Я и Жанна поехали в Чегем. Кайсын обрадовался. Кайсын попросил меня остаться. Он сильно кашлял. Поставила горчичники, попарила ему ноги. В два часа ночи решили поспать. Я легла в соседней комнатке, но из-за его кашля не могла уснуть. Подогрела молоко, дала выпить. Немного покашляв, уснул, а я уже не могла спать. Рано утром вскипятила чай и дала с клюквенным вареньем. Убрала его спальню. Везде паутина, пыль. Потом решила убрать на кухне. Кошмар. Еле привела в божеский вид.

Затем пришли гости... Я слышала обрывки речей, громкие голоса. Много ли мне надо? Я так устала от всего. Кто займет мое положение лучше, чем понимаю я сама? Разговоры, даже незначительные, действуют удручающе, и я готова наложить руки на себя. Они ушли. Кайсын зашел ко мне. Я быстро оделась. Спросил: «Что такое?» Ответила:

— Довольно склонять меня на все лады, мне это надоело.

— Никто не склонял.

— Я слышала.

— Разговоры будут, надо потерпеть.

А мне обидно, что он не пресекает их на корню, как это делаю я, когда касается его. День за днем убивается светлое в душе. Чтобы не показать слез, зашла в умывалку. Потом вышла во двор. Бойнак подошел ко мне и заскулил жалобно, глядя и ласться, будто понял, как мне плохо. Я глажу его, а слезы капают на него. Разве эти слезы не станут результатом того, что я стану черствей, холодней? Кайсыну я не нужна такой. Его надо любить горячо, нежно, а они гасят все хорошее. Кайсын одинок даже в кругу самых близких. Он сам не раз говорил мне об этом. И сегодня, не сдержавшись, я сделала больно опять-таки ему. Я пыталась сдержаться, но Бог не дал умения притворяться. Пока Кайсын набирал номер телефона, чтобы вызвать для меня такси, у меня шли слезы. Самой близкой душой в те минуты стало для меня присутствие бессловесного животного.

Кайсын пытался объяснить, что он ни в чем не повинен, кроме того, что вызвал меня в Чегем, и дети остались без присмотра. А я не обвиняла ни его, никого. Сама виновата во всем. Не девочка. Пора бы понять жизнь, людей, окружение. Приехала домой. Звонит и говорит, что вокруг пустынно, чувствует себя обреченным. Мою обиду считает капризом: «Ты очень своенравная и теперь я понимаю, почему у тебя натянутые отношения с режиссером». Мою боль, обиду воспринять как каприз... А в театре, пока режиссером не стал новый человек, со всеми другими я ладила, и они работали со мной всегда с удовольствием. Ни скандальной, ни сплетницей, ни лживой не слыла. А если я против вышесказанных проявлений в человеке и говорю им об этом в глаза, можно ли винить за это? Просто я невезучая. Этим сказано все.

11 января.

Звонил и сказал, что после того, как я уехала из Чегема, ему было очень плохо с сердцем. Не спал всю ночь. Оказывается, одна особа наговорила всякую чушь про меня. Кайсыну, никогда не жаловавшемуся на сердце, пришлось испы-

тать и эту боль. Все по ее милости. Ей ли судить о морали — запятанной с головы до ног. Но именно такие и мутят воду.

12 января.

Утром приехала мама. Я рассказала папе о визите родственников Кайсына. Папа с мамой не спали всю ночь, и моя голубушка прилетела, как на крыльях. Я пыталась успокоить ее. После работы пришел Кайсын. Они поговорили. Потом пришла Роза Жерештиева и кое-что выяснилось. Выйти замуж за Кайсына Кулиева было розовой мечтой одной дамы, вот она и решила придумать гнусные небылицы в надежде разлучить нас. Роза сказала, что не против очной ставки с той дамой, но Кайсын не захотел. Он был поражен коварством той дамы. Вот так наша любовь не дает покоя кое-кому. Проводив Розу, мы побеседовали в своем кругу, и Кайсын поехал в Чегем. Он приезжал, чтобы остаться у меня, но, увидев маму, не мог остаться. Позвонил из Чегема. Потом еще раз. Говорила ласково, чтобы он успокоился и хорошо спал.

13 января.

Приходил с Исманлом Кулиевым. День рождения Ишая отметили у меня. Кайсын остался у нас.

14 января.

Кайсын ходил на рынок, потом на работу. Сагид с Ишаем принесли много мяса. Половину оставили нам, а остальное уложили рядом с фруктами, чтобы везти в Москву для Эльдара и Алима. Я пожарила мясо, а Кайсын говорит, чтоб я училась готовить мясное у Сагида и Исмаила.

Вечером, в 21 ч. 25 минут, поезд отправляется в Москву. А часа в два, в обед, его повезли на водопады. В шесть вечера должен вернуться оттуда. Я приготовила на дорогу еду, собрала все необходимое и стала ждать его. Семь часов, а его нет. Оделась, вышла во двор, хожу вокруг дома. На улице туман. Они приехали без пяти восемь. У меня было ощущение, будто сердце падает, в ногах дрожь, слабость, не могла унять волнение. Из-за тумана они добрались с трудом. Мы взяли вещи и поехали на железнодорожный вокзал. Кайсына пришли провожать Алим Теппеев, Ибрагим Бабаев и Сэлх Гуртуев.

16 января.

Утром позвонил из Москвы, сообщил, что доехал нормально.

Собирался к Лопаткину. Позвонил в третьем часу, обрадовал. Лечение дало хорошие результаты. Отменили синестрол. Теперь сократили химиотерапию — раньше шведский препарат вводили три раза в месяц. Недавно опять позвонил, сказал, что уже купил билет на 19-е. 18-го у него вечер поэзии совместно с Кугультиновым. О дне приезда просил никому не сообщать. В Москве должен состояться вечер поэзии узбекского поэта Хамида Алимджана. Если его вдова поэтесса Зульфия пригласит Кайсына и если вечер намечен в ближайшие дни, то, конечно, он останется. Зульфию Кайсын очень уважает, ценит и ее поэзию. В ней-то он не ошибается, к счастью.

15 февраля.

Мачраил проводил Эльдара в Минводы. Кайсын простудился, дел у него много. Вернули из Афганистана сына Сафарбия. Как в сказке. Кайсын из невозможного сделал возможное. По просьбе Кулнева Гапуров вернул солдата из Афганистана! Небывалое дело, лишний раз доказывающее почтительное отношение к Кайсыну.

16 февраля.

Вечером позвонила Бэлочка и сказала, что мама болеет уже больше недели. Мне не сообщили, не желая расстраивать, думали, выздоровеет.

17 февраля.

Кайсын рано утром купил на рынке барана, и мы поехали в Кашхатау проведать маму. Увидев нас вместе, мама и все остальные были очень рады. Уехали от них в 10 часов вечера.

19 февраля.

По просьбе Кайсына подала заявление об уходе из театра. Горло у меня все время болит, и врач сказала, что, работая в таких условиях, могу окончательно потерять голос. Директор театра был озадачен.

21 февраля.

Кайсын просил меня приехать в Чегем, и я поехала, взяв с собой Магомед Кучукова. Кайсын целый день печатал новые стихи. 23 февраля должен их читать по радио. Выйдет передачи три. Вечером приехали к нам.

22 февраля.

Ни ему, ни мне не хотелось вставать, и мы пролежали целый день, как два ханских лентяя из сказки.

...Загорелся дом, где лежали ханские сауги. Им было лень не только встать, но и повернуться, чтоб посмотреть. Один из них сказал другому: «Кажется, горим!» А другой в ответ: «Тебе не лень разговаривать?» Так оба и сгорели... Кайсын очень интересный рассказчик.

Вечером провожали в Москву его родственницу Женю Мурачаеву. На улице мороз. Женя была в трауре, у нее недавно умер сын. Кайсын представил меня: «Вот моя новая супруга». Женя поздравила нас. Проводив ее, пришли домой и, по настоянию Кайсына, стала парить ноги. Потом поужинали и легли спать. Завтра ему надо идти на радиозапись.

23 февраля.

Утром встала, погладила ему одежду, приготовила завтрак. Кайсын позвонил на радио, никто не ответил. Выяснилось, что они работают не с 8-ми, как предполагал Кайсын, а с 9-ти.

Через несколько часов позвонил и сказал, чтобы я приехала к нему на работу, нужно о чем-то серьезно поговорить. Я не могла пойти, потому что в одиннадцать должна была быть на работе. Там уже висел приказ о моем увольнении. Все в недоумении, особенно артисты кабардинской труппы: «Ты ушла из театра?!» Поднялась в литературную часть, потом позанималась с актрисой, которой передали мою роль. Услышала голос дежурной: «Кульбаева, к телефону!» Спустилась вниз, подняла трубку, и Кайсын недовольно начал: «Уже сколько времени разыскиваем тебя. Алим Теппеев звонил домой, никто не поднимает трубку, и я решил позвонить в театр. Какие новости?»

— Приказ об увольнении.

— Так быстро?

— Вы же хотели, чтоб было быстро.

— Ну хорошо, как освободишься, приходи сюда, к Алиму. Я освобожусь к трем часам.

Пришла в кабинет Алима. Он стал говорить, что общественность против нашего брака, покоя не будет, постоянно будут разные разговоры, будут травмировать нас.

— При чем тут наши отношения с ним и общественность? Но ты, Алим, человек, которого я всегда считала своим лучшим другом, поверяла тебе многое, ты-то должен знать, что распространяют эти басни наши недруги.

— Я-то знаю.

— Почему не скажешь ему об этом?

— Я говорил, но он...

— Как только начались подобные разговоры, я предложила Кайсыну расстаться, но он слушать об этом не хотел.

— Вам лучше расстаться, ты права.

Зашел Кайсын. Поздоровались. Спросил: «Поговорили?» Алим ответил: «Да». Кайсын: «А я выпил. Граммов семьсот. Хотел опьянеть, не получается...» Сплетни довели его. Видя, как ему тяжело, и не зная, как помочь, разразилась рыданиями — вот до чего злые люди могут довести легкораннимых. Ему нельзя расстраиваться, нельзя пить. Он прислонил мою голову к своей груди, успокаивал, а у самого щеки были мокры от слез. Придет день, когда падет Божья кара на этих людей! Я хотела выйти на улицу, чтоб немного развеяться, но он не отпускал. Потом вышли вместе. Он крепко держал меня за руку, как будто я убегу, стоит ему отпустить меня. Он сказал: «Эти люди развернули деятельность против тебя в полную силу. Я не могу заткнуть людям рты». Я спросила, кто они, просила назвать хотя бы одного. Не захотел. Потом сказал: «Мы должны расстаться, не будем больше видеться, без тебя у меня никого не будет, я буду один. Но позволь высылать тебе деньги, подарки». Эти слова оскорбили меня. Попросила отпустить руку, он не отпускал. Зашли в кабинет. Он опять стал пить. Не в силах видеть это, вырвалась и вышла. Алим и Муталип Бенпаев вышли за мной, успокаивали. Кайсын снова взял меня за руку, и мы спустились в свой кабинет. Он сел за рабочий стол, а я на рядом стоящий стул. Опять стал допрашивать. Я не стала отвечать.

— Почему не отвечаешь?

— Не хочу. Думайте, что хотите. Мне теперь все равно.

— Значит, все неправы, ты одна права?

— Нет, все они правы, я одна неправа. Что еще хотите услышать от меня?

— Правду.

— Она вам не нужна. У меня сложилось впечатление, что вы разочарованы тем, что не соответствую слухам.

Он внимательно посмотрел в глаза и сказал: «Вставай, пойдем». Я не могла встать, разболелись ноги.

— Не могу, ноги болят.

— Умираешь, что ли? Не умрешь.

— Хотите, чтоб умерла? Могу.

— Не хочу. Не умрешь. Вставай.

— Подождите немного, если вам не трудно.

— Что с тобой?

— Ноги.

— Болят? У тебя болят, а у меня нет. У меня должны болеть. Я старик, а ты младше меня на 23 года.

— Наверное, от возраста не зависит.

— Зависит.

— Ну, не знаю.

— Ты любишь меня? Молчишь?

— Сейчас уже не люблю.

— Разлюбила? Так быстро?..

Весь разговор он вел в допросительно-ироничном тоне. Было больно. За него, за себя, за человеческую ненависть. Зашел Алим. Кайсын сказал ему, что не может расстаться со мной и что он решил это твердо. Алим ответил: «Правильно, аксакал, не надо слушать людей, надо быть выше их». А я думала: «Ай да спасибо, Алим, спасибо, друг! Можно было ему сказать об этом чуть раньше? Теперь он решил сам». Он опять поднялся в кабинет Алима. Стали допивать оставшуюся водку. Допили, расходиться не собираются. Хотела уйти, но Кайсын не отпускал, крепко держа за руку. Потом пошли в его кабинет. Муталип принес из кабинета Алима пальто Кайсына и шляпу. Исхак Кулиев, наш замдиректора театра, был на машине, мы сели в нее и приехали домой. Обнял, извинялся: «Я замучил тебя, прости меня, прости. Так нельзя. Я поступил жестоко. Не плачь. Не плачь, мой ребенок. Ну, не надо. Ты и так замучилась. Дурак я. Никто нам не нужен, пусть все отвернутся. Ты и я. Дай вытру твои слезы. Прости меня, я непростительно вел себя. Если бы ты сразу приехала ко мне, как только я позвонил, ничего этого не было бы. Стоило бы увидеть твою мордашку, я сразу успокоился бы, а ты не приехала». Я сказала: «Еще две-три такие сцены и я не выдержу». Обещал, что больше такое не повторится. Он уснул, во сне дрожал, руку мою не отпускал. Когда я тихонечко хотела встать, говорил: «Аллах сакъласын, аллах сакъласын!» (Не дай бог!) Я сказала, что никуда не уйду, сейчас подойду. Когда подошла к нему, крепко обнял, как будто без меня нет жизни.

24 февраля.

Утром Кайсын пошел на радиозапись. Когда освободился, позвонил, попросил прийти к нему на работу помогать. Он корректировал первый экземпляр «Отелло» (его перевод на балкарский язык), а я должна была вносить корректуру в следующие три экземпляра. Поработали. Решили пообедать. Денег у «богача» Кулиева не было, он позвонил Ахне, чтобы тот нас угостил. Я сказала, что у меня есть деньги, но Кайсын не согласился брать у меня. Пошли в ресторан «Нальчик». Ахня, заигрывая с официантами, дарил визитные кар-

точки Кайсына. Я спросила: «Почему Ахия должен раздавать ваши визитки?»

— Пусть раздаст.

Дома я ему сказала: «Вы что-то были очень любезны с официанткой. Ваше дело вежливо заказать меню, а вы вступали в длинный диалог с ней. А если я позволила бы так вести себя с каким-нибудь официантом?»

— Ты женщина. Тебе нельзя.

— Значит, вам можно все, а женщину можно и без вины винить?

Приехал Мачраил, чтобы отвезти Кайсына в Чегем. Позвонил из Чегема. Корректирует «Отелло». К нему пришел Исмаил К. Работу пришлось прервать.

25 февраля.

Утром позвонил. Правку почти закончил. Просил прийти к нему на работу, помогать: «Возьми большую сумку, чтобы уместить четыре экземпляра». Взяла дипломат, пришла к нему. Все поместилось. Он заказал такси, поехали на почту. Там он сказал, чтобы до его приезда из Москвы никуда не отсылали книги, ждали его. Потом поехали на рынок. Дома хотела сесть за работу, но он не разрешил, сказал: «Когда я уеду, тогда и будешь работать». (Над «Отелло».) Завтра с Эльдаром Кайсын уезжает в Москву и в тот же день «Красной стрелой» едет в Ленинград к Азамату — ему исполняется 18 лет.

26 февраля.

Встали поздно. Мачраил тоже опоздал. Кайсын волновался. Но доехали вовремя. Кайсын не согласился лететь на «ЯК-40», т. к. он приземлится в Быково. Кайсыну, чтобы сразу сесть на поезд, лучше лететь на «ТУ-134», который отправляется в Москву чуть позже, но приземлится во Внуково. Кайсын просил, чтоб я сразу жеехала домой, не дожидаясь отлета самолета, но я стояла до тех пор, пока он не отправился. Кайсын несколько раз выходил к трану, показывал рукой, чтобы я ушла, не мерзла. Видя, что не слушаюсь, махнул рукой, сел на свое место и смотрел в иллюминатор. Самолет тронулся, я как всегда пожелала благополучного полета и благополучного возвращения.

27 февраля.

Позвонил из Ленинграда. Спросил, не получила ли телеграмму. Пока не получала. Эльдар и Азамат с ним. Номер шикарный. Спрашивал, все ли у меня в порядке.

Позвонила Абидат Биттирова, просила прийти к ней. Стала собираться, нагнулась за чем-то, а разогнуться не могу. Это все из-за нервов. Пришла телеграмма.

1 марта.

Пришла телеграмма. Это уже вторая. Через некоторое время зазвонил телефон. Звонил из Ленинграда. Спросил, почему такой грустный голос? Не стала говорить о болезни. Сегодня собираются друзья Азамата, и сегодня же Кайсын должен ехать в Москву. Сказал, что послал мне шесть писем и две открытки. А у меня подавленное состояние. Вчера лежала и думала о наших отношениях с ним.

3 марта.

Пошла встречать его. Самолет прилетел раньше, и я опоздала. Сели в такси, приехали к нам. Не успел он отдохнуть с дороги, позвонили из Кашхатау. Умерла моя двоюродная сестра Фазика. Кайсын нашел машину, и мы поехали. Переживал, как я, больная, буду там. Но не ехать нельзя. Побыли на похоронах и вернулись вечером.

4 марта.

Опять поехали в Кашхатау. Сегодня будут хоронить бедную Фазику. Какой Кайсын внимательный ко всем, редкий человек, помочь людям — главная его задача в жизни.

5 марта.

Были все время дома.

6 марта.

Поехали в Кашхатау. Папу положили в больницу. Пошли прозедать. Ему чуть лучше.

7 марта.

Папе сделали рентген, обнаружили 6 осколков в ноге. Собираются оперировать.

8 марта.

Были вдвоем. К вечеру пошли к Шахановым. Было уютно и тепло. Хотели взять с собой Жанну К., но она болела. Я предложила пойти к ней и проведать ее, но Кайсын сказал, что не надо ее тревожить.

10 марта.

9-го и 10-го был в Чегеме. Говорит, отдыхай, хорошо выспайся.

12 марта.

Кайсына и меня пригласили на день рождения Шаханова Тимура. Там были родственники Тимура и его жены Нафисат. Хорошо у них. Кайсын купил Тимуру сорочку и шляпу. Как только зашли к ним, Кайсын стал примерять ему шляпу, а потом надел на него сорочку. Неутомимый, неумемный человек!

Приехали к нам. Немного поговорили. Я хотела спать и пошла в другую комнату. Спала плохо. Тревога не дает покоя. Как будто должно случиться что-то нехорошее. Плохое предчувствие. Да, устала я от этих неприятностей.

13 марта.

Утром пожарила яичницу. Он позавтракал и поехал в Баксан на семидесятилетне Геммосва. Я целый день была дома. Он приехал вечером в 9-м часу выпивший и недвольный чем-то. Увидев, что он выпивший, я тоже расстроилась. Пить ему противопоказано.

Приехал вместе с Муталипом. Кайсын его в шутку называет «къаты шай» (крепкий чай). По-балкарски надо говорить не «къаты», а «кюшлю шай», но Муталип как-то раз вместо «кюшлю» воспользовался его синонимом «къаты». С тех пор Кулнев стал называть его «къаты шай».

В этот день Кайсын вел себя непонятно — торопился, нервничал, я не могла понять, чего он хочет. Потом собрался ехать в Чегем. Муталип уговаривал его остаться, но Кайсын решил ехать. Тогда он поехал вместе с ним.

14 марта.

Утром Кайсын звонил, извинялся. Он приехал, и мы сходили на рынок.

15 марта.

Вчера вечером приехала Бэлочка. Кайсын разбудил нас в половине шестого, чтобы пойти на черный рынок, и в начале седьмого все втроем поехали туда. Не найдя ничего путевого, вернулись. А вечером отметить мой день рождения пришли Шахановы, Теппеевы, Жанна Кулиева. Кайсын был всем доволен. Я простила ему тот вечер, когда он обидел меня незаслуженно.

18 марта.

Уехал в Москву.

21 марта.

Пошли встречать Кайсына: Ахия, я и Расулка. Столько подарков он привез в честь моего дня рождения! И все это Кайсын купил в валютном магазине.

Сказал, что послал письма.

28 марта.

Утром пошли к Жанне поздравить ее с днем рождения. Посидели недолго, т. к. Кайсыну надо ехать на съезд писателей Грузии. Я еду с ним. В 12 часов Мачраил повез нас в Минводы, и в 15 ч. 30 мин. мы вылетели в Тбилиси. Сначала летели над облачной пеленой, и только кое-где виднелись горы, а потом открылось такое зрелище! Внизу снежные горы, а на их вершинах бликами отражались солнечные лучи! Горы сквозь ажурные облака — великолепно!

Прилетели благополучно. В аэропорту нас встретил Георгий Цицишвили и повез ошибочно в гостиницу «Аджария», нас там, естественно, не ждали. Кайсын хотел взять один номер на двоих, но, не обнаружив в паспорте регистрационного штампа, дали два отдельных номера. Мне пришлось краснеть, Кайсын успокаивал.

29 марта.

Позавтракали с аджарскими писателями. Кайсын беседовал с Фридоном Халваши. Поехали на Мтацминду, но не успели подняться, потому что в 11 часов должны возложить венки к памятнику Ленина. Михаил Дудин успел подняться на Мтацминду и шел оттуда нам навстречу. Мы очень обрадовались ему. Остановился он в гостинице «Иверия», где должны были остановиться и мы. После возложения венков Ленину, Маяковскому и Бараташвили нас тоже устроили в «Иверии», в прекрасный люкс. Потом повезли во дворец пионеров — бывший дворец наместника Кавказа графа Воронцова. Дети дали концерт. Кайсын сказал, что в этом дворце граф Воронцов принимал у себя Хаджи-Мурата. Мы посмотрели «старый Тбилиси». Сейчас там идут реставрационные работы. Очень интересно. Были в храме, где пели и танцевали самодеятельные коллективы. Танцы в храме шумные, ритмичные... Не понравилось, хотя храм интересный. Были мы и в доме-музее Ладо Гуднашвили. Это старинный дом Баг-

ратнонов. Гуднашвили с семьей разрешено было поселиться в нем лишь в последние годы жизни художника. Вскоре он умер. Музей очень интересный. Масса картин. Сейчас в доме живет вдова Ладо — Нина Иосифовна, она вся в черном. Старая женщина с умными, живыми, черными глазами, еще довольно подвижная. С ней живут ее внучка и женщина-помощница. Нина Иосифовна сразу узнала Кайсына. Он был в этом доме еще при жизни Гуднашвили. На меня произвело огромное впечатление все, что я увидела. За нами ухаживала внучка Ладо — молоденькая, прелестная девушка. Нам показали ее портрет, не довершенный ее бабушкой. Но все равно было интересно.

Неудобно писать об этом, но так было на самом деле: Нина Иосифовна, увидев меня, сказала: «Господи, да это же поэтическое произведение!» А когда прощались, взяла мое лицо в свои ладони и, рассматривая (как, вероятно, делал ее муж), спросила: «Откуда она? В ней весь Восток». Ей сказали, что я жена Кулиева. Она пожелала мне счастья. Было радостно от этих теплых слов, но хотелось, чтобы их слышал Кайсын, а он в этот момент отлучился куда-то. Я попрощалась с вдовой Гуднашвили и с внучкой, поблагодарила их за теплый прием и смотрю — Кайсын ждет меня в коридоре. Когда подошла к нему, он произнес слова Нины Иосифовны слово в слово. Как же я была рада, что он их слышал. И тогда он сказал мне: «Видишь, как она отозвалась о тебе, как тепло и ласково все обошлись с тобой. Ты жила со злыми, ничего не понимающими людьми, которые никогда не оценят истинное». Он радовался! Милый, душа моя. В этот вечер я тоже была счастлива. Далеко от интриг, сплетен.

30 марта.

В 10 часов начался съезд в зале заседаний Верховного Совета Грузинской ССР. На съезде присутствовал первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Когда приглашенные в президиум писатели сели на свои места, Шеварднадзе посмотрел на сидящих, потом позвал человека и, показывая в зал, что-то сказал ему. Мужчина спустился в зал, подошел к Кайсыну и пригласил его в президиум, но он не хотел оставлять меня одну. Я сказала, что буду сидеть с делегатами из Средней Азии. Тогда он последовал за этим человеком. Эдуард Амвросиевич встал ему навстречу, они обнялись, и Кайсын сел рядом с Ревазом

Маргиани и Карло Каладзе. Начал работу съезда Ираклий Абашидзе, с докладом выступил первый секретарь СП Грузии Григол Абашидзе.

Кайсына здесь очень любят, глубоко ценят.

31 марта.

Продолжение съезда. Я осталась в гостинице. В пять часов Кайсын пришел, мы поужинали. Вечером банкет в ресторане «Арагви». Немного посидели и ушли.

1 апреля.

Позавтракали. Михаила Дудина, Ивана Тарбу, Кайсына и меня повезли в Рустави. Фотографировали с рабочими завода. В два часа приехали в Тбилиси. Не успели пообедать и поехали в Сагареджо — дом отца Леонидзе. В доме культуры выступление школьников и самодеятельного хора. Масса цветов. Ответное выступление гостей. В шесть часов банкет в ресторане. Пили за здоровье Кулиева — за лучшего поэта современности, за прекрасного человека. Его провозгласили ПОЭТОМ № 1!

В гостиницу приехали в 11-м часу ночи.

2 апреля.

Были в гостях у Реваза Маргиани. Чудный внук Георгий. Днем ждали Георгия Шалвовича Цицишвили, который должен был повезти нас на Мтацминду и в Мцхету, не дождался.

3 марта.

Приехал Цицишвили, извинялся. Его вызвали по какому-то срочному делу, он уезжал и не смог вовремя приехать. «Но сегодня целый день я буду в вашем распоряжении», — сказал он. Я увидела Джвари — монастырь Мцыри. А встретил он нас пеннем птиц. Пожалуй, самое сильное впечатление произвел на меня именно этот монастырь, воспетый Лермонтовым. Реваз показал, как внизу протекает Арагва и Кура. В монастыре, в его центре, стоит лобное место. Все очень интересно.

4 апреля.

Вечером нас к себе пригласили Григол Абашидзе и его царственная Ламара. Так называет ее Кайсын. Изысканная обстановка. Хозяйка дома органично вписывалась в нее. Это было вчера вечером.

Сегодня мы двинулись в путь по направлению в Нальчик. Провожали нас: Георгий Шалвович, Реваз, Григол и другие писатели. Хута Берулава обнимал Кайсына, говорил много ласковых, возвышенных слов, обещал приехать к нам.

Приехали в серый, туманный Нальчик. После Тбилиси сразу окунулись в заботы.

6 апреля.

Позвонил, сказал, чтобы я пришла к нему на работу. Обрадовал — вышел первый том на балкарском языке. Поздравила. Позвонила женщина, не дающая нам покоя, — опять сплетни, интриги. Он говорил с ней спокойно.

Я ходила в театр и полностью рассчиталась. А вечером с Кайсыном ходили в парк. Смеясь рассказал, что меня обзвали «казашкой», «казахской женой Кулиева». «Они, наверное, не знают, что казашки — прелестные женщины. Ничего, когда-нибудь успокоятся, куда им деваться?»

7 апреля.

Делали покупки: кресла, стулья. Привезли в Чегем. Потом поехали в ресторан «Чегемские водопады». Зашли в магазин, купили Кайсыну и Расулу туфли. Купили электрокамин.

9 апреля.

Сегодня пленум обкома. Просила переодеться в хороший костюм, не захотел. В 2 часа, отпросившись с пленума, пришел домой. Приехал папа. Пообедали вместе. Сходили в магазин, купили папе туфли. Потом пошли на рынок, купили кое-что и пошли в больницу проведать Қасыма Ақаева.

Вечером Кайсын поехал в Чегем.

10 апреля.

Пленум писателей Кабардино-Балкарии. После пленума поехал на похороны в Былым. Оттуда приехал и зашел ко мне с Тимуром Шахановым. Был сильно взволнован, сказал, что с ним сегодня чуть не случился инфаркт. Оказывается, молодых поэтов принимали в Союз писателей, а Бегиев Абдуллах, которого ценит Кайсын, как талантливого поэта, не прошел по численности голосов. Были и выступавшие против Абдуллаха открыто.

Я просила его успокоиться: «Когда вам было трудно, кто помог вам? Наоборот, старались топить вас, вы выбрали силой огромного дарования, у вас не было такой няньки, каким являетесь для них вы. Вы готовы костями лечь ради каждого из них. Не надо так волноваться».

— Абдуллах честный, хороший парень и пишет хорошо.

— Вы поможете ему, и его примут. Ведь так? Успокойтесь.

Шаханов тоже сказал: «Элизат права, сенатор. Успокойся».

Я приготовила обед, они поели, немного выпили, посидели довольно долго, и Тимур попрощался. Через некоторое время Кайсын уехал в Чегем.

11 апреля.

Целый день работает. Заперся, не отвечает на телефонные звонки. Работа поджимает, надо сдавать рукопись, все сроки просрочены. Его ищут, звонят ко мне.

22 апреля.

Вчера ему дали служебную машину «Волга». Радовались все, в особенности Мачраил. Поехали за номером машины в Урванский район, а там зашли в ресторан «Островок», пообедали. Приехали на рынок, купили гостинцы для Касыма Акаева и поехали к нему в больницу.

Сегодня утром был на работе. Пришел на обед, немного поспал. Потом позвонил с работы. В 18 часов состоится вечер, посвященный 111-летию В. И. Ленина. Ездил в Чегем, привез оттуда барана, разделал тушу и поехал на вечер.

23 апреля.

Поехали в Кашхатау, но дома никого не оказалось, тогда поехали на Голубые озера. Оттуда зашли к Марзият. Домой поехали, когда вечерело. Зашли к нашим, дома был один папа.

24 апреля.

Приехала Марзият с дочерью. Повезли к врачу. Ей выписали лекарство и сказали, чтобы показалась через 10 дней.

25 апреля.

У Сафарбия дочь вышла замуж. Кайсына пригласили на свадьбу. Там будет жирное, соленое, переперченное, а ему

нельзя. 28-го должен ехать на проверку, что же будет? В этот раз он пил. Я просила его, но разве переубедишь? Лопаткин ничего не сказал насчет спиртного, значит, можно. Лопаткин надеялся на сознательность.

26 апреля.

Приехал из Чегема. Говорит, что места не находил, так соскучился. Опять удивлялся тому, как можно любить старика: «Я бы не смог полюбить старуху». Теперь к «половчачке» добавились эпитеты: «кюзучугъум», т. е. козочка, «таудан энни келген журчугъум» — спустившаяся с гор козуля, «донжуаночка», «сердцеедочка», «тюкеним» — клад, «унафа» — по-кабардински приказ или указ. В машине Мацраил часто повторял слово «унафа». Теперь Кайсын меня называет так.

Вечером Кайсын искупался. Я все выстирала, высушила, выгладила. Мы должны встать в три часа ночи. В четыре выедет Мацраил и повезет его в Минводы, чтобы улететь в Москву.

27 апреля.

Долетел нормально. Собирается к Эльдару, хочет посмотреть на внука. Завтра утром пойдет к Лопаткину. Сказал, что в самолете написал три коротких стихотворения, пришлет в письме.

28 апреля.

Утром позвонил папа, дома все хорошо. Потом позвонил Кайсын. У Лопаткина будет в два часа. Надо было дожить до двух. От волнения начала болеть голова. Чтобы отвлечься, стала все мыть-перемывать, а время будто остановилось. Позвонил в третьем часу. По голосу поняла — плохо. Но мелькнула надежда — может, не был у Лопаткина. Был. Хочет ложиться в больницу немедленно. Но Кайсын попросил отсрочить до 10 мая.

Мацраил сказал мне, что Кайсын на свадьбе ел шашлык, пил пиво. Вот и результат. Ведь, когда придерживался режима, результат был хорошим.

Завтра, если погода будет хорошая, собирается приехать.

29 апреля.

Поехали в Минводы встречать Кайсына. Подъезжая к аэропорту, увидели машину Борнса Зумакулова. Кайсын ехал

в ней. Мы посадили его в свою и приехали в Нальчик. Дома я напомнила ему о диете, но он считает, что от нее ничего не зависит. Но мы договорились придерживаться режима. Посмотрим.

2 мая.

Кайсын, Ахматик и я поехали на Кизиловку. Погуляли, но Ахмат быстро устал, и мы приехали домой.

4 мая.

Поехал в Орджоникидзе по делам просителей.

5 мая.

Был в Чегеме. Приехал и вечером пошли в театр смотреть концертную программу.

7 мая.

Он пригласил гостей в Чегем. Утром пошли делать покупки. Мачраил повез меня и Жанну в Чегем, а Кайсын остался, т. к. у него совещание. Приехал к вечеру. Гости вовремя не собрались, и он нервничал. Ифранмов, Мовсесян, Джаппуев и родственники пришли в назначенное время. Опаздывал Мусарби Ахметов. Кайсын любит его. Мусарби так и не пришел, видно, где-то задержался.

8 мая.

К Кайсыну из Москвы приехали редактор и художник журнала «Студенческий меридиан» Юра Ростовцев и Дима Саиджиев. Кайсын, Ахмат и я повезли их в Верхнюю Балкарию, показали нижние и верхние озера, катались на водных велосипедах. Потом приехали в Кашхатау к нашим. Они угостили их. Дима сделал портрет папы, но забрал с собой, хочет доработать. Отелилась наша корова, Ахмат был в большом восторге. Кайсын и я боялись, что сглазят теленочка. Он пытался стать на ножки, передвигаться. Первый день на свете!

9 мая.

Повезли гостей на Чегемские водопады. Кайсын волновался, что воды на водопадах с каждым его приездом становится все меньше и меньше, а вдруг совсем засохнет! Не дай бог лишиться такой красоты.

Когда мы подъехали к пещере, где отдыхали прошлым

летом, Сагид свежеевал барана. Дима и Юра смотрели на чегемские горы с удивлением и сказали Кайсыну, что они производят на них давящее впечатление. Я тоже сказала, что, стоя у подножия этих скал, кажусь себе мурашкой. Кайсын не согласился: «На меня они действовали и действуют, как музыка Бетховена». Мясо сварилось, Сагид пригласил всех в пещеру.

На обратном пути Кайсын остановился около Чегемской поляны. Очень красиво. Рассказал, что в давние времена на этой поляне происходили советы старейшин. А в наши дни везде валяются бутылки, обрывки бумаг, всякие отходы. Это уже позволяют себе современные, цивилизованные люди. Те балкарцы такого не позволили бы.

Доставив гостей в гостиницу, приехали домой к нам. Кайсын искупался. Я попарила ему ноги, он сильно простужен, кашляет, чихает. Натерла мазью, закапала в нос лекарство, напоила чаем. Сильно потел. Постирала ему белье, рубашки и пошла спать в другую комнату. Он все время кашлял, вставал и опять ложился.

10 мая.

Утром вытерла спину, потому что опять вспотел, заставила одеть сухое белье. Лег и уснул. Не стала будить, хотя он собирался сходить на рынок и купить мясо для Эльдара. Пошли в одиннадцать, но мяса не было. Накупили овощей и зелени. Приехали домой в половине первого, Мачраил отвез нас в аэропорт. В два часа самолет отправился в Москву. Позвонил из Москвы вечером.

11 мая.

Сдал анализы, завтра будет известно, положат в больницу или нет. Звонил дважды.

12 мая.

Утром пошел завтракать и предупредил: «Если положат в больницу, значит, не успею позвонить из гостиницы». Прождала до 16 часов, звонка не было, поняла, что его положили. В пятом часу услышала звонок. Дал номер телефона палаты: «Больше никому не звонил. надо беречь талоны. Не говори об этом, а то обидятся».

13 мая.

Прошлой ночью «скорая» увезла Расула в больницу. Ахматик и я пробыли там до часа ночи. Нам сказали, что, если

будут оперировать, то не раньше утра. Немного успокоилась. Рано утром поехала в больницу. Взяли анализы. Зав. отделением сказал, что надо подождать. Через некоторое время опять проверили и выписали. Надо будет держать под наблюдением, хоть бы обошлось без операции.

14 мая.

Лопаткин куда-то уезжает на несколько дней. Назначил новый препарат — эстрадурин. Вводить внутримышечно или внутривенно (не поняла) через каждые 10 дней.

Вечером, только собралась набрать номер телефона палаты Кайсына, звонит Ахия: «Ты знаешь, Кайсына чуть не убили!» Оказалось, что медсестра стала делать ему внутривенное и Кайсыну сделалось дурно, внутри стало гореть. К счастью, медсестра оказалась опытной, она сразу вынула иглу и сделала другой укол. Успела спасти. Когда я позвонила, жаловался на зрение: «Почти ничего не вижу». Вечером я снова позвонила, он сказал, что чувствует себя лучше. Уж лучше бы он лежал здесь, у Таукенова. По крайней мере, без пробы укола ему не сделали бы. А еще кремлевская больница называется. Ночью мне стало плохо, температура.

15 мая.

Днем не звонила, боялась, что догадается о плохом самочувствии. Позвонила вечером, и он сразу стал расспрашивать обо мне и Расуле. Узнал от Мачранла. Лопаткин собрал всех врачей и отчитал их! В следующий раз будут поосмотрительней. Сделал на время другое назначение. Когда приедет, делает по-новому. «А какие лекарства принимаете, вы хоть знаете?» — спросила я. Не знает: «Они все равно не скажут. Наверно, мое дело неважное. Что делать, надо держаться».

16 мая.

Пришло извещение и одно письмо от Кайсына, а три письма еще не получила. Сходила на почту, потом пошла к Абидат Биттировой, — отнесла книгу Кайсына с автографом. Она заставила поест, и желудок опять разболелся.

Позвонила в Москву. Кайсын чувствовал себя лучше, но работать совсем не может, слабость во всем теле. Все волнуется за нас, как мы тут? Я рассказала Кайсыну, что приехал папа, и я спросила у него, как он себя чувствует? А он отвечает: «Я-то что, как чувствует себя Кайсын?» Точно также мне отвечал Кайсын: «Я-то что, как чувствуете себя Расула и ты?»

Лопаткин пока ничего нового не сказал, придет — посмотрим.

18 мая.

Вчера днем позвонила Жанна К. Предупредила, чтобы я закрывала двери и не открывала посторонним. Объяснила, из-за чего необходима такая предосторожность. Только она положила трубку, пошли звонки за звонками.

Сегодня звонила Кайсыну, не смогла дозвониться. Получила его письма. Телеграмму так и не принесли. Вечером, наконец, дозвонилась. Хочет выписаться: «Тоскливо очень, работать совсем не могу. Мозг притуплен, даже письмо не в силах написать тебе. Хоть голос твой услышал». Я спросила: «Может мне приехать?»

— Пока не надо. Лопаткина все равно нет, хочу выписаться. А пока меня обследуют разные врачи: кардиологи, терапевты, глазники. Внутримышечный укол будут делать один раз в неделю.

19 мая.

В 18 часов по местной программе показывали передачу, где мы с Кайсыном читаем его новые стихи. После передачи было много звонков, благодарили за доставленное эстетическое удовольствие.

20 мая.

Приехала мама. Позвонила в больницу, но связь быстро прервалась. Потом позвонил Кайсын, я спросила: «Когда говорили с мамой, вы быстро положили трубку». Он говорит, что думал, Библимат сама положила трубку. Оказывается, их прервали. Потом они спокойно поговорили. Голос был бодрый. Сказал, что Т. Мальбахов тоже в больнице, его выпишут 26-го, а когда Кайсына — пока неизвестно. Сегодня должны проверить компьютером: «Если в порядке, значит — наше счастье, тогда приеду».

21 мая.

С того дня, как предупредила Жанна посторонним дверь не открывать, постоянно какие-то звонки и молчанье. Я не отключаю телефон, потому что может позвонить Кайсын.

Позвонила вечером в пять часов. Голос бодрый. Анализ показал отличный результат! Компьютером еще не проверяли, т. к. Кайсын перепутал время и назначенный для обследования час провел на прогулке, а этот аппарат один на

весь Союз. Отложили на вторник. Я намекнула ему о неприятных звонках. Кайсын сказал: «Ты не бойся, ничего они тебе не сделают. Будь спокойна. Приеду, я с этим покончу. Мне жестоким быть трудно, но если доведут... Только ты будь абсолютно спокойна».

— А я спокойна. Только вы не волнуйтесь, я не должна была вам говорить о звонках...

— Ну ладно, не будем об этом говорить. Как ты, дети, дома? Передавай им привет. Сама уже точно не болеешь? А деньги уже кончились, наверное. Я не знаю через кого послать, но придумаю что-нибудь.

— Не волнуйтесь, пока есть.

— Ну, пока есть. Ты не должна нуждаться... В Чегеме тоже начнут работу с понедельника. Куанч (Джаппуев) звонил, сказал, что трубы, наконец, достали и асфальт тоже начнут ложить.

Попрощались. Я корила себя, что сказала ему об этих звонках. Он расстроился.

24 мая.

Все время дожди, холодно. Вчера не звонила в больницу. Позвонил сегодня днем: «Вчера ты не позвонила, а я так хотел слышать твой голос, не выдержал, заказал утром. Но ты не подняла трубку и вот звоню сейчас».

Настроение у него хорошее. Гамзатов тоже там. Елена Николаевская рассказала Расулу обо мне, и он все допытывает у Кайсына о наших отношениях.

Лопаткин еще не приехал, неизвестно, когда приедет. Просил, чтобы я позвонила во вторник.

25 мая.

Погода чуть лучше, чем вчера, дождь прекратился, но пасмурно. С утра переписываю стихи по порядку, так легче выучить. Мы собирались с Кайсыном выступить с ними в мае, но не повезло. Вырученные деньги хотели передать в Фонд защиты мира. Я выбрала 28—30 стихотворений, в том числе «Реквием», «Играют Шопена» и «Монолог Прометея». Если сумела бы подготовить, как следует,—это для Кайсына было бы лучшим подарком.

26 мая.

Получила его письма в стихах. Днем звонила ему. Лопаткина еще нет. Настроение у него хорошее.

27 мая.

Ходила на телестудию, читала стихи Мурадина Ольмезова. В девять вечера позвонила Кайсыну и по голосу поняла его настроение.

— Лопаткин приехал?

— Да.

— Был у вас?

— Был, завтра выхожу.

— А что же тогда?

— Наверное, мне не выбраться от врачей. Сказал, чтобы показался через 4 месяца. Если было бы хорошо, сказал бы через два—три года, как те врачи, которые проверяли кишечник. Значит — мое дело плохо. На море ехать не советует. Если ехать, то только в конце сентября, в октябре, и то только проверившись здесь.

Я и не ждала ничего хорошего, но настроение пропало. Будто в долг данное. Живешь в постоянном страхе, да и сны замучили, и утешить не смогла.

Позвонил Касым Акаев, я попросила его поговорить с Кайсыном и успокоить его.

28 мая.

Каждый день дожди. А в Москве жара. Позвонил из гостиницы. Голос такой же, как бы изнутри вырывается скрываемая боль. В Министерстве культуры сегодня совещание, и он не сможет переговорить с министром насчет брони для Азамата. В 12 ночи поедет с Эльдаром в Ленинград, в понедельник пойдет за бронью. Приедет домой, наверное, 2 июня. Первый раз наш разговор прервался, а когда стали говорить во второй раз, я попросила, чтобы он поднял свое настроение. Он смеется: «Угадала? Я тоже определяю по голосу. У меня даже сердце болит. Наверное, потому, что много думал».

— Конечно. Не надо переживать, все будет хорошо, очень хорошо, вот посмотрите. И сны хорошие. Я вижу хорошие сны.

30 мая.

Сказали, что умер генерал Делпугев. А у меня первая мысль: «Не дай бог, сообщает Кайсыну, он его очень любит». Кайсын сейчас не сможет приехать, ждет лекарство из Франции, а его доставят только в понедельник. Об этом я сказала Ахие, но он: «Надо сообщить ему обязательно, пусть прилетит, а потом полетит обратно». Сказала, что передам.

31 мая.

Кайсын купил билеты на 2 июня. Завтра пойдет к Демичеву за бронью. Эльдар едет с сыном, и я бегаяю в поисках детской кроватки для Ильясика. Не нашла ни в магазинах, ни в прокате, ни на рынке, ни у соседей, ни у знакомых. Позвонила в Кашхатау. Бэлочка сказала, что у соседей есть, они дадут. Не нашли машину, чтобы привезти оттуда. Потом позвонила к Абидат Биттировой, она нашла у соседей.

1 июня.

Сегодня проводила Ахматика в пионерлагерь. Он очень хотел туда поехать. Его выбрали как лучшего теннисиста. Проводив, пошла в местком за доверенностью для Ахмата. Начался проливной дождь. Переждала в театре. Приехала домой. Позвонил Кайсын, сказала, что не надо везти кроватку оттуда, так как я уже нашла. Завтра в 12 они будут в Минводах. Ему уже сказали о смерти Денпуева. Я знала, что он это остро переживет. Попросила не переживать так сильно, а он недоуменно: «Как не переживать?»

Сегодня была передача «Лица друзей». Дали слово Кайсыну. Как хорошо он говорил и смотрелся прекрасно. Выглядел моложе своих лет. Передачу смотрели во всех уголках Союза. После этой передачи звонили ко мне, поздравляли. Сам он тоже смотрел.

2 июня.

Поехали встречать Кайсына. Вместе с ним в одном самолете приехала африканская группа, которую встречала Елена Накова. Когда прошла эта группа, мы пошли навстречу Кайсыну, он вез в колясочке внука. Обнялись. Было неудобно перед Эльдаром. Пообедали в ресторане. Там Ильясик увидел кота, ему было так интересно. Ильяс подошел к чужому столу, постоял, посмотрел на сидящих мужчин, захотел взять хлеб со стола. Эльдар дал ему кусочек, он стал есть. Откусит, пожует, а потом выковыривает пальчиком, и крошки падают на пол. А как он забавно хмурит бровки...

Приехали в Чегем. Ильяс много бегал по комнате. Живой малыш.

Мы посидели немного и поехали в Пальчик. Мачраил повез Жанну на работу, а Кайсын и я пошли на рынок покупать фрукты и овощи. Все, что купили, отвезли в Чегем, но Ильяс не захотел есть клубнику. Мы поехали в Пальчик, а они остались там. Как он будет смотреть за маленьким? Ему еще нет и двух лет.

У Кайсына вид утомленный. Он сразу же уснул, а я не могла заснуть. Болели голова, горло, разболелись ноги. И всякий сумбур: страх за жизнь Кайсына, за детей, родителей, за близких. Страх, а вдруг начнется война... Боль, наоборот, стала усиливаться, и я не могла отвлечь себя от мрачных мыслей.

Кайсын в тот же день пошел выразить соболезнование семье Хакима Деплуева. Я плакала и думала: «Не дай бог, чтобы и Кайсына ожидала эта участь. Как тогда нам жить без него, без нашего единственного света? Неужели не скажется судьба? Человек с великой совестью. Пощади его Бог! Он один у нашего народа. Судьба не была щедрой к нашему народу, так хотя бы сохрани, не отнимай его у нас!»

3 июня.

Встала в 7 часов. Кайсын проснулся, свежий и бодрый, сказал, что очень хорошо поспал. Съел немного хлеба с маслом и выпил чай. За ним приехал Сафарбий, и они поехали по какому-то делу в Чегем. Позвонил Махраил, я его послала в Чегем, на работу Сафарбия, т. к. Кайсын будет там. Легла, думала посплю немного, но мешали телефонные звонки. И голова почему-то разболелась. Вскоре приехал Кайсын. Решили пообедать в ресторане «Сосруко». Приехали, а там закрыто, нет воды. Пообедали в «Кавказе».

У Хабу Кацнева умер сын. Кайсын пошел выразить ему соболезнование. В три часа пойдет на похороны Павлова — ответственного работника Совета министров.

4 июня.

Был на похоронах в с. Янкой. Приехал сразу в Чегем. Позвонил Сафарбий, я попросила его поехать со мной в Приэльбрусье, к Ахмату. Он обещал. Когда об этом узнал Кайсын, сказал:

- Значит, ты решила ехать без меня?
- Я думала, вам трудно будет, это же далеко.
- А я первый раз еду с тобой в горы? Я просто надоел тебе.
- Не говорите так.
- Тебе не хочется ехать со стариком. Я надоел.
- Хоть на тот свет я поеду с вами. Просто не хотела тревожить. А вы такое придумали. Вы и так все время на колесах. Ладно, впредь буду мучить.
- Для меня исполнять твоё желание не мучение, а радость. И за Ахматом очень соскучился. Завтра поеду на работу, кое-что доделаю, а потом поеду.

5 июня.

Я не была готова, когда подъехал Кайсын. Решил подождать меня на воздухе. Позвонил племянник Кайсына и приехал с Марьям (со своей матерью). Марьям зашла ко мне, осмотрела квартиру, сказала: «У тебя чисто». Есть не хотела, попила чай. Я завернула отрез на платье для нее. Поехали на рынок, сделали покупки — она собиралась в больницу, проведать бывшего соседа. Купили кое-что и для Ахматика. Кайсын взял из кассы полторы тысячи и передал мне, чтобы я отдала Марьям, т. к. ей нужны были деньги. В магазине купили ей отрез на платье. Повезли ее в больницу и потом поехали в Лашкуту. Немного побыли там, полюбовались беленькими козликами, пообедали и стали прощаться. Дальше наш путь лежал в Приэльбрусье. Не доезжая до Тырныауза, увидели вереницу машин. Расулка думал, что мы повернем обратно, потому что смыло дорогу. Подождали, пока расчистили. Уже сколько дней идут непрерывные дожди! Вода с гор, разворачивая камни, снесла заборы, сады, чудом сохранились дома. Приехали в лагерь. Нашли Ахматика. Он сразу же подбежал к Кайсыну. Обнялись, поцеловались. Он чуть пополнел. Голос охрипший. Там очень холодно. Живут по шесть человек в комнате, но Ахмат доволен. Воздух чистый, кормят хорошо. Зашли в магазин, чтобы купить Ахмату свитер и ботинки, но его размера не было. Тогда купили ему фуражку, которая оказалась размером больше, зато не будет мерзнуть голова. Встретились с его тренером. Все хвалили Ахмата. Оставили гостинцы, обещали приехать еще и двинулись в обратный путь. Опять нескончаемый поток машин. Воды, пока мы были в лагере, не убавилось, а прибавилось. Снова ждали, пока расчистили путь. Приехали в Чегем. Кайсын остался там, а Расула и меня Мачраил привез домой.

6 июня.

Кайсын приехал в два часа. Закончил читать верстку. Покормила, и он лег отдохнуть. Он спал до трех часов. Через час приехал Мачраил, и мы спустились вниз. Расула нет. Подождали, уже хотели ехать без него, смотрю — идет. Поехали в Кашхатау. Увидев нас, папа очень обрадовался. Полмесяца прошло, как уехала мама, ему скучно без нее. Мы с Бэлой приготовили хичины с чистым сыром, пожарили мясо. Поужинали. Потом поехали к Марзият, побыли у нее немного и вернулись в Нальчик.

10 июня.

Кайсын сказал, что завтра поедем в Майкоп, на 50-летие Машбаша. Я отправила Расула в Кашхатау. Приготовила еду в дорогу. Убирала, гладила, провозилась до полуночи. Должны встать в половине пятого, папа обещал позвонить и разбудить нас.

11 июня.

Папа позвонил, и мы встали. В нять приехал Мацран, и мы поехали. По дороге встретили багрово-красное солнце. В восемь позавтракали. Кайсын вынул лекарство. По пути — ни одного дорожного знака. Заблудились. Спросили мужчину: «В какую сторону нам ехать?» Он указал в противоположную. Блуждая, все же добрались до Майкопа. Жара непереносимая. Живем в лучшем номере. Три большие комнаты, все хорошо обставлено. В обед приходили фронтовой друг Кайсына и друзья. Потом пришел Даниил Долынский, переводчик Куллева.

Вечером хорошо погуляли. Затем, поужинав, легла спать. В двенадцать часов ночи разбудил телефонный звонок. Я подняла трубку. Спрашивали Куллева. Передала трубку. Стал говорить. Разволновался, стал возмущаться: «Это невозможно! Никуда я не могу выехать, завтра юбилей, они ждут моего выступления!..» И здесь его достали...

12 июня.

Мы не спали эту ночь и предыдущую тоже. Встали в восемь. Приходили писатели. Походили по городу. Жара не проходит. В 16 часов начнется чествование Машбаша. Все очень обрадовались приезду Кайсына. «Это высокая честь для нас», — говорили они. Когда Кайсын вышел на трибуну, его встретили овациями, речь его также прерывалась овациями. Слово свое он начал приветствием старейшего адыгейского писателя Тембота Керашева. Говорил о его заслугах и только потом перешел к виновнику торжества. Речь его, как всегда, была искрометной. Непосредственность, жар души, его ум, благородство, щедрость и мудрость его несравнимы ни с чем, поэтому он так может покорять сердца людей. Жена Тембота, Зуза, была взволнована, она сидела рядом со мной и говорила со слезами на глазах: «Кто, кроме Кайсына, кроме этого потрясающего ума, догадался бы сейчас сказать о Темботе? Сколько человек выступило, но никому не пришло в голову это сделать. Какой это человек — Кайсын! Какой человек! Как можно сдержаться от слез? Дай бог ему здоровья!»

Я тоже была взволнована. Гул оваций, счастливые лица... Родной мой! Он был прекрасен. Столько восторженных глаз смотрело на него! После мучительных ночей, я думала, ему будет трудно выступать, а он словно горный орел, испытанный в страданиях, сумел зажечь людские сердца и устремиться ввысь, к орлиным высотам! Любимый мой, как сохранить тебя?!

Все выступавшие до Кайсына и после него говорили, что сегодня в Адыгее великий гость, величайший поэт двадцатого века, поэт, покоровший сердца миллионов, великий поэт всего мира!.. Каково было мне все это слышать!

10 июля.

Выехали из Майкопа в шесть утра. Нехак Машибаш с суругой Сачнет были огорчены нашим скорым отъездом. Адыгейские писатели провожали нас, пока не выехали из Майкопа, и только потом попрощались. В 9 часов позавтракали, выбрав тенистое место. Кайсын выпил лекарство. Вокруг было очень красиво. В Пятигорске купили хозяйственное мыло, которое сейчас считается дефицитным. В Нальчик приехали в первом часу дня. Посехали в аэропорт, чтобы купить билеты в Москву, но там сказали зайти в понедельник. Довезли меня и Кайсын поехал в Чегем. Он очень устал и душевно, и физически. «Меня успокаивает твое присутствие, а без тебя мне было бы очень трудно», — сказал он.

Позвонил из Чегема. Собирается ехать вместе с Сафарбкем и Сагидом на похороны в Кенделен.

14 июня.

Позвонил в девять. Только проснулся. Вчера вечером звонил, а я была у соседки. Не дозвонившись, Кайсын заснул в саду. Проснулся ночью, но не стал меня тревожить. А я прождала его звонка до двенадцати и уснула, не выключив свет. Расулка не захотел ехать в Кашхатау из-за какого-то фильма.

15 июня.

Вчера приехал на обед. В два часа поехали к роднику в п. Аксу. Выпили воды, умылись родниковой водой, расстелили бурку, и Кайсын стал читать верстку. Некоторые стихи читал вслух. Какой у нас язык! Только слушая его стихи, я поняла, какой у нас прекрасный язык. А когда он читает сам?! Не знаю, через сколько веков расщедрится Бог, и придет ли на землю подобный Кайсыну? Маловероятно. Кроме того,

что Кулиев гениальный поэт, он еще и великий гражданин своей родины.

16 июня.

Утром звонил Кайсын. Настроение ужасное. Кое-кого вызволял из вытрезвителя. Ему надо ехать в Верхний Чегем с учительницей Рыжеволовой. Ей для чего-то нужны снимки с ее учеником Казаковым. Сегодня целый день здесь идет дождь. Когда приехал, позвонил. Потом позвонил еще и читал стихи на балкарском из «Книги земли» («Жер китабы»). Настроение было лучше. Кайсыну завтра обязательно надо быть в Тырныаузе.

17 июня.

Славный мальчик Ильяс. Все время зовет: «Деда, деда!» Мы собирали черешни, клубнику. Ильясик ел с удовольствием. Эльдара Кайсын не мог заставить поесть как следует. «Посмотри на себя, ты как из Освенцима»,— говорил он ему.

18 июня.

Приехал Кайсын, принес красивые розы, которые его внучка сорвала для него в саду своей бабушки Тамары. Мы пообедали и поехали в Ак-Су (Белая Речка). Выпили родниковой воды. Потом приехали к нему на работу. Пришли домой, и он поспал. Вечером вышла провожать. Очень долго ждали такси. Не дождалось. Остановилась какая-то машина, и Кайсын уехал на ней.

19 июня.

Приехал в 12 часов. Кайсын, я, Расул, Ахматик и Мачраил поехали в Кашхатау. Мы с Бэлочкой приготовили личины. Поели, выпили айран, взяли с собой Бэлочку и поехали на Голубые озера. Поднялись на верхние озера, покатались на водных велосипедах. Я с Бэлой, Расул с Мачраилом, Ахмат с Кайсыном. По пути домой заехали к Марзият. Расула и Ахмата оставили в Кашхатау, попрощались с наной и поехали в Нальчик. По дороге увидели старика, остановились, а он оказался двоюродным братом моего папы — Текеев Дауд. Довезли его до дочери, которая живет в Александровке. Вечером нас на курмаплык пригласил Касым Акаев. После этого Кайсын довез меня до дома, а сам поехал в Чегем. Позвонил и пожелал спокойной ночи.

20 июня.

НАРОД, ИМЕЮЩИЙ ТАКОГО СЫНА, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ!

15 ноября.

Столько месяцев не прилагивалась к дневнику, а событий было много. Я с Кайсыном ездила в Москву. Он участвовал в работе сессии Верховного Совета СССР, потом был на съезде писателей. Нас вместе пригласили на вечер Луговского. Столько впечатлений! В Москве пробыли 15 дней. Жили в гостинице «Москва».

Это, если не ошибаюсь, был конец июня — начало июля.

В сентябре поехали в Ташкент, на юбилей Шукрулло. После юбилея опять поехали в Москву. Были в Душанбе на семидесятилетии Мирзо Турсун-Заде. В октябре поехали в Баку, на юбилей Мирзы Ибрагимова. Как любят Кайсына, как ценят — я вижу воочию. В Душанбе Кайсын познакомил меня с Фаиз Ахмадом Фаизом, Мунном Бисеу, Адонисом. Было много гостей из зарубежных стран и надо было видеть своими глазами их отношение к Кулневу, а когда он произнес речь, был всеобщий восторг. Кулнев — неповторимая личность, это истина.

В Ташкенте Шараф Рашидович Рашидов пригласил Кайсына к себе. Кайсын взял с собой и Давида Никитича. Они беседовали. Потом мы сфотографировались вместе. Очень хорошее впечатление у меня оставил Шараф Рашидович. Доброс, хорошее лицо, обаятельный, скромный, смотрелся гораздо моложе своих лет. Перед нашим отъездом подарил мне кофейный сервиз Ташкентского фарфорового завода. Там были все удивлены, говорили, что не помнят, чтобы Рашидов делал кому-либо подарки.

Наибольшее впечатление после Тбилиси на меня произвел Душанбе. Небольшой город, но от всего, что я видела, осталось непередаваемое очарование. Красивый народ, красивые национальные костюмы, в которых они ходят повседневно. Эти костюмы красят улицы города. С нами здесь был и Ванечка Драч — любимец Кайсына. Мы ходили с ним по магазинам, покупая подарки, беседовали и подружился.

В Баку чудесное впечатление оставила семья Мирзы, его чудесная жена Сара-ханум. Сам Мирза Аждарович — прекрасный человек. Кайсын его очень любит и ценит. Давид Кугультинов тоже был на юбилее. Кайсын ждал его приезда. Я обратила внимание на то, как умеют в этих республиках ценить талант. Если бы Кулнев был поэтом многочисленного народа...

Нас, балкарцев, всего несколько десятков тысяч, неизвестно, какой процент из них читает, любит, понимает, чувствует поэзию. Многие читают Кулиева на русском. Вот и жалеешь, что балкарцев так мало. В поэзии Кулиева нет никакого украшательства, в ней суровая правда жизни. Если боль — до трагизма, если любовь — то переполнена нежностью до боли. Как бы ни было трудно — жить! Выстоять! Не очернить себя, свои помыслы непростительным поступком. Об этом говорится неназойливо, но ты ощущаешь все тончайшие нити, когда читаешь поэта в оригинале. Поэзия Кулиева — редчайшее чудо! Таков и он сам. Они с Азаматом уехали в Москву. Звонил, у него хорошее настроение.

Вчера и сегодня приходил к нему Алим, вместе завтракали. Алим должен сниматься в кино в Ташкенте, но по техническим причинам съемки отложили до апреля будущего года. Кайсын сейчас доволен им. Я тоже так обрадовалась! Хоть бы все у них сложилось хорошо.

1982 год.

Давно ничего не записывала. Кайсын ругает — хочет, чтобы я вела дневник регулярно, а мне все некогда. Сейчас болею, лежу в постели, так что времени хоть отбавляй. Вот и пишу. Событий за это время произошло довольно много, не знаю, все ли сохранилось в памяти.

Пока не завершили ремонт, жить в Чегеме было невозможно и Кайсын почти все время находился у меня.

Кайсын, кажется, 18 января, поехал в Западный Берлин и вернулся в начале февраля. А 18 февраля мы наконец-то зарегистрировались! Сколько лет мы пытались это сделать! Мешало то одно, то другое. Видно, судьба наша была такова. (...)

Уймутся теперь наши «доброжелатели», думала я. Их ведь так интересует чужая жизнь. Эта формальность, бумажка, как говорит Кайсын, она больше нужна была для неугомонных. Нашей любви нужны были мы — Кайсын и я.

20 февраля Кайсын поехал в Москву на проверку к академику Лопаткину. Папа мой приехал в Чегем, т. к. уезжая, Кайсын строго предупредил меня, чтобы ни в коем случае я не оставалась в доме одна. Поэтому, чередуясь, приезжали то папа, то мама.

Кайсын сообщил радостную весть: после проверки академик поздравил Кайсына, сказал, что есть улучшение, болезнь не прогрессирует. Через каждые 15 дней будут внутримышечно колоть эстрадин. Часто звонил, говорил, что страшно соскучился: «Целую твою фотографию». В своем паспорте он

держал две фотографии, снятые нашим артистом, фотографом Алексеем Шахмурзаевым. На одной я снята до замужества, а на другой — с Ахматиком. Позже он добавил к ним фотографию Ахмата, снятую для документов. Иногда он показывал мне, как целует фотографию, сучая по нам.

Выписавшись из больницы, Кайсын задержался в Москве по делам, касающимся сыновей — Эльдара и Алима. Попросил, чтобы в эти дни я находилась в городской квартире: «Я буду часто звонить, звонить в город удобней, можно сразу по коду, а в Чегем приходится заказывать переговоры». Узнав от Бэлы, что я заболела, звонил в день по несколько раз: «Если бы не эти вечные дела, я ни секунды не оставался бы здесь. Прости меня, что приходится оставлять тебя, больную, без внимания». Какой он удивительный! — не перестаю изумляться. Только влюбленный юноша способен на такое. Видно, он прав, когда говорит, что чувства его не были растрачены: «Все, что было до тебя, были поиски настоящего, и только с тобой я приобрел то, что искал...» Поэтому и сокрушается: «Если бы это произошло еще тогда, лет 12—13 назад, сколько времени мы были бы рядом. Я придел бы тебя, везде возил бы с собой. Ни на кого никогда не смотрел бы, был бы верен тебе. Ты родила бы мне много детей, они были бы хорошие, как ты. Но ничего не поделаешь, судьба...»

2 марта мы с Бэлочкой приехали в Чегем, чтобы подготовиться к встрече с Кайсыном. Сняв пальто в маленьком домике, зашла в большой. Бэла оставалась во времянке. Почуввав кисловатый запах, подумала, что это пахнет замоченный мной накануне отъезда в Нальчик комбикорм для кур. В доме было холодно, потому что батареи лопнули, и мы еще не поменяли их.

Включила камин, затем подошла к плите, поднесла спичку к конфорке... Раздался взрыв! К моему счастью, я отпрыгнула влево, к стене. С грохотом снесло несколько дверей и рассыпало их в щепки, выбросив в конец двора. Все гудело, трещало, горело, колыхались занавески. Я выбежала в коридор. Потом подумала: «Я все равно умру, а если взорвется дом, люди начнут судачить — она принесла в этот дом зло...» Вновь побежала на кухню — руки дрожат, не знаю, какую конфорку выключить. Догадалась повернуть вентиль и отключить газ полностью. Платок на моей голове обуглился, костюм горел. Стекло в спальне Ахмата было выбито, я догадалась выбраться во двор через него. Бэла стояла растерянная, от газа у нее текли слезы. Я не разрешила вызвать «скорую», намазала лицо и ноги оливковым маслом. Через некоторое время меня стало знобить, Бэла настояла и вызвала скорую. Меня положили в Чегемскую больницу. Я попросила Бэлочку

позвонить Жанне, чтобы она подготовила Кайсына к этой неожиданности. Хотя... Неожиданность ли это? Он ведь чувал что-то, уезжая, предупреждал, чтобы я не оставалась одна...

3 марта. Открылась дверь в палате, где лежала я, и появился Кайсын. Он шел, всем корпусом подавшись вперед. Был неимоверно бледен. Нагнувшись ко мне, рассматривал лицо, спрашивал — очень больно? Благодарил судьбу, что осталась живой. Когда я призналась ему, что не боялась умереть, а боялась, что взорвется дом и хотела его спасти, он возмутился: «Зачем мне нужен этот дом без тебя? Я сам его взорвал бы!.. Ну ничего, ты теперь долго будешь жить!..»

После его ухода женщины в палате говорили, что завидуют мне белой завистью.

8 марта. Пришел радостный, принес много тюльпанов. Поздравил меня, женщин. Долго сидел. Мы все с удовольствием смотрели на него и слушали.

9 марта Кайсын пришел с Сагидом. По лицу поняла — что-то случилось. Умерла его сестра Марьям. Хотел скрыть от меня, но он должен ехать на похороны и находиться там несколько дней, поэтому пришлось сказать об этом горе. Через два дня, возвращаясь из Лашкуты, с похорон, зашли проведать меня Шаханов, Кучуков, Эльбаев. Их послал Кайсын. «Не волнуйся, Элизат, Кайсын одет тепло, в валенках, за ним смотрят». Дни холодные, как бы не простудился.

13 марта вечером Кайсын приехал из Лашкуты, а 14-го пришел в больницу, сказал, что не может жить без меня. Удивлялся, как умудрился прожить без меня столько лет.

15 марта, в день моего рождения, меня выписали из больницы. Я обещала врачам, что буду лежать, пока не выздоровлею совсем.

Сначала Кайсын повез меня и Бэлочку к «Раненому камню» в Чегемской долине. Он рассказал, как пришла идея назвать один из своих сборников — «Раненый камень».

Приехав домой, ели курицу. Перед тем, как поехать за мной в больницу, Кайсын решил приготовить обед и переварил курицу. «Не вкусная», — переживал он. «Очень вкусная. Если даже невкусная, все равно вкусная, потому что Вы ее приготовили», — успокаивала я.

Пришли гости проведать меня. Приехал врач из Нальчика. Запретил вставать. Оставил всевозможные аэрозоли. Денег не хотел брать, но Кайсын был неумолим.

Вечером Бэлочка приготовила салат, пожарила мясо и пригласила всех за стол. Кайсын поздравил меня с днем рождения, пожелал здоровья мне, себе, Ахматикку: «Желаю здоровья твоему папе, маме за то, что они породили тебя. Благодарю судьбу за то, что мы наконец вместе!»

Кайсын пригласил газетчиков, и они проверяли емкости. Хотел вызвать и милицию, но потом раздумал: «У тебя есть враги, догадываюсь, кто. Будь осторожна. Они все не стоят мизинца твоего».

Видно, меня просквозило вчера, раны на ногах обнажились, и я не могу вставать.

23 марта. Приехал Азамат, будет жить у нас. В большом доме холодно, он не отапливается, мы сами живем в маленьком домике, который отапливается форсункой. Пришлось перенести камни в спальню большого дома. Итак — за нами ухаживает сам Кайсын Кулпев. Кормит нас несколько раз в день, моет грязную посуду. Все терпеливо сносит. А еще куры, индюки. А своя работа? Места себе не нахожу, скорей бы встать. Он говорит: «Ты больна, твое дело лежать, лечиться, а когда выздоровеешь, ты будешь ухаживать за мной».

26 марта. Кайсын был на юбилее телевидения. Приехав, весело спросил по-узбекски: «Ахвал кандай?» (Как дела, настроение?) В тон ему ответила: «Джудаям яхшы». Потом сказал, что получил письмо. Просил меня набраться мужества: «Таких писем даже сам Александр Сергеевич Пушкин не получал». Письмо пришло в Союз писателей из Чальчика. Начиналось по-балкарски, а дальше по-русски. Адресат был неизвестен, но догадаться было нетрудно: «Это написал грязный, подлый человек. Змееныши. Не расстраивайся», — сказал Кайсын.

— Я разве из-за себя расстраиваюсь? Вам нельзя волноваться, как они этого не понимают?..

Проплакала всю ночь. Этого они и добивались. Кайсын не рад был, что показал это «подметное письмо». Взял и разорвал в клочья. Мне сказал, чтобы я не показывала своего настроения, не доставляла радость им: «Есть люди, которые ждут твоих слез, они будут осчастливлены этим. Они обвиняют тебя в свойственных им грехах. Грязь к тебе не пристанет. Я не должен был показывать тебе это письмо. Прости меня».

27 марта.

Утром Кайсын спросил: «Проснулась, половчаночка? Не хочешь открывать глаза на грязный мир?» Принес завтрак.

— А сами вы не поели?

— Поел, поел, за меня не беспокойся.

Вот так всегда. За всех в ответе он. Мы все должны быть в ответе за его жизнь и покой, по увы... Скорей бы выздороветь.

Кайсын вышел во двор. Через некоторое время принес два маленьких куриных яйца, смотрит на них, радуется, что вчерашние цыплята стали нести яйца. Рассказал о петушке-вояке, который, желая подчинить себе весь куриный и петушиный род, ходит заклеванный. Он и на людей кидается, такое у него самомнение: «Самый маленький, а какой воинственный! — смеется Кайсын.— Даже важный индюк Диммо боится его — маленького драчуна. Только одна курица не боится, это она заклевала бедного. Он весь в крови. Видно, она у них самая главная...»

День сегодня чудесный, солнечный. Кайсын привез из города, Ахматика и Бэлочку. Пока в чегемском доме идет ремонт, Расул и Ахмат под присмотром Бэлы находятся в городской квартире. Поели. Бэла убирала в доме, а Кайсын с Ахматом сели в кресла-качалки. Загорая, они беседуют на родном балкарском языке, что так радует Кайсына. Потом они подсели ко мне, и Кайсын стал читать из дневника Сухотиной-Толстой о молоканах, у которых отняли детей. Лев Николаевич писал царю, в Сенат и добился возвращения детей их родителям. Прочитав, Кайсын сказал: «Даже ради одного этого поступка стоило родиться Толстому. Вот какие люди живут иногда на этой земле, Ахматик».

Бэла с Ахматом собрались уезжать, Кайсын дал денег, чтобы купить обувь для Расула и Ахматика. Сказал, что, как только потеплеет, дети должны жить здесь. К Расулу, хоть он и не родной ему, Кайсын относится, как к своему ребенку.

После обеда Кайсын читал свои новые стихи. Он читает, я слушаю, тщетно пытаюсь уловить хоть какой-нибудь изъян, все настолько совершенно, что даешься диву!

К нам стучат. Пришел его любимец — Сафарбий Кудаев. Он приехал из Киргизии, привез Кайсыну приветы и подарок — тельпек, киргизскую шапку. Сафарбий посидел немного, и Кайсын пошел его провожать. Стоя у ворот, они о чем-то говорят, громко смеясь.

Кайсын стал готовить ужин. Поужинав, я принялась за дневник. Приходили Сагид с женой Любой. Принесли молоко и домашнее масло. Как только они ушли, Кайсын заставил меня выпить молоко. Когда кто-нибудь приносит молоко или сыр, он в шутку говорит: «Принесли взятку».

Сейчас Кайсын в другой комнатке вычитывает рукопись своей книги. Читает вслух. Открыл дверь, подошел ко мне, обнял, поцеловал и пошел продолжать работу. Уже половина одиннадцатого. Пора спать.

28 марта.

Кайсын встал в шесть утра, собирается с Сафарбием поехать в Баксан на рынок покупать барана. Хотел открыть сейф, но ключ не входил в замочную скважину. Думал, что не тот ключ, перерыл все в поисках нужного, не нашел. Решил отложить поездку, но Сафарбий сказал, что у него есть деньги, и они поехали. Приехал в восьмом часу, ничего не привез, т. к. бараны очень дорогие — по 200, 250 — 300 рублей. Поехал в Нальчик по делам. После его отъезда приехал Хусей Кулиев. Долго ждал Кайсына. Я успела проголодаться и была рада, когда Кайсын привез два теплых лаваша. С удовольствием поела.

Кайсын купил у соседа барана, позвал Сафарбия и Сагида, чтобы они зарезали его. Через час принес в тарелке жерме, сохту, вареное мясо, все уговаривал меня поесть, говорил при этом ласковые слова.

Гости разошлись в одиннадцатом часу ночи. Да, забыла. Нашелся ключ от сейфа.

Племянники Сагида завтра должны ехать в Ленинград и надо достать билеты на самолет. Кайсын сказал, что об этом надо было предупредить его заблаговременно.

Кайсын удивлялся, что устал: «Элизаточка, ты еще не разочаровалась во мне?»

— Почему так спросили?

— Мало ли... Я стар, ты молода. Может, для тебя лучше было бы, если твой муж был молодым?

— Меня устраивает мой муж таким, какой он есть.

— Это правда? Значит, не разочаровалась?

— Нет.

— Правильно. Не разочаровывайся. Люби меня. Кроме тебя, у меня никого нет. Ты мое счастье.

— Вы мое счастье.

Он сегодня целый день был на ногах. Славный мой. Сейчас лег на диван. Уснул. Пусть поспит.

29 марта.

Кайсын после ночного телефонного звонка проснулся и плохо спал. Я его успокаивала. Уснули часов в пять утра. Он проснулся в седьмом часу, долго кашлял. Чтобы мне не мешать, ушел в другую комнату и я опять уснула. Пока я спала, покормил всю живность во дворе. Утром читал мне воспоминания Чертковой о Толстом. Кто-то постучал в ворота. Это Бэлочка приехала из города. Она приготовила нам завтрак. Азамат спал. Бэлочка занялась уборкой в доме. Кайсын ска-

зал, чтобы в следующий приезд она обязательно привезла с собой Ахматика и Расула.

Кайсын позвонил в город, в управление сельхозтехники, насчет ограды. Они сказали, что материал готов и сейчас при- шлют за ним машину, чтобы он сам посмотрел.

Азамату пришла повестка из военкомата. Кайсын погово- рил с горвоенкомом, и тот дал отсрочку до осени. Материал для ограды тоже посмотрел и одобрил. Вернулся быстро, был довольный, почти веселый. Привез много продуктов.

30 марта.

День сегодня чудесный, солнечный. Азамат с отцом поеха- ли в город. Часа через два Кайсын привез Ахматика и Бэ- лочку, Расула не нашли. Они сели в кресла-качалки; заго- рая, о чем-то беседовали. Кайсын показал Ахмату индюш- ку, которая должна будет скоро выводить индюшат. Ахмат поставил около нее корм, чтобы она могла клевать, не вста- вая. Кайсын похвалил его: «Мени акъыяллы жашым, къарт- лыкъ жашым» (Мой умный сын, сын моей старости). Он по- просил Бэлочку приготовить жаркое в большой сковороде, а сам с Ахматом пошел в сад. Бэла накормила нас и собралась уезжать. Ахмата Кайсын не отпустил. Они оба сели около меня, и мы слушали, как Кайсын читал воспоминания совре- менников о Толстом.

Послышался детский голос. Кайсын с Ахматом вышли во двор. Пришла женщина с грудным ребенком, просит написать заявление в райисполком. Кайсын продиктовал, я написала. Ахмат зашел и показал три индюшковых яйца, сказал, что вторая индюшка тоже села выводить птенцов, и скоро у нас будет много маленьких индюшат.

— Ахмат, наверное, ты будешь хозяйственным, как наш Сафарбий!

Ахмат рассмеялся, а я сказала, что вряд ли Ахмата, кроме спорта, что-то интересует, на что Ахмат ответил: «А папины книги?»

— Ай, аперим Ахматчыкъ, ай, молодец! Всегда так гово- ри, вот это сын!

Они легли на диван, обнявшись. Скорей бы закончился ремонт, и мы забрали Расула и Ахмата сюда. Дел много. В большом доме надо все переделывать. Кайсын договорился с рембытстроем, и они начнут ремонт, как только потеплеет.

1 апреля.

Кайсын много лет собирался написать книгу прозы в сти- хах и никак не мог приступить к ней. Сегодня, встав на рас-

свете, на первой странице желтой тетради стал писать. Если закончит ее, собирается переводить на русский язык сам. Он рад, что начал книгу, которую задумал давно.

Ахматик проснулся. После завтрака Кайсын отвез его в Шальчик. Приходили родственники Кайсына, не дождалась и уехали. Сафарбий принес масло и черпую икру. Приехал Кайсын и, увидев «Брехуновского», обрадовался. Я сказала, что он принес икру. «О, тогда он сегодня не Брехуновский!» — засмеялся Кайсын. Приготовили бутерброды и стали потчевать меня, потом вышли во двор. Сафарбий что-то рассказывает, а Кайсын громко смеется. Разговор их продолжался до позднего вечера. Проводив гостя, Кайсын, вопреки своим правилам, не стал читать, а лег спать.

2 апреля.

Кайсын проснулся рано, зажег форсунку. В другой комнате стал вычитывать свою рукопись. Написал утром новое стихотворение. Накормил кур, индюков. В половине девятого подошел ко мне; увидев, что не сплю, поцеловал и сказал, что погода портится: «Ранним утром погода была чудесная, а ты не видела этого рассвета». Вышел, потом пришел и говорит: «Нет одной курочки. Да и другие разбрелись по соседским огородам. Наша соседка утверждает, что, когда мною петухов, куры не несутся. Я этого не знал. А у нас четыре петуха». Кайсын опять вышел поискать кур. Куры, индюки (мы не могли их резать), собаки, кошки для него как бы олицетворение деревенской идиллии. Ему нравится кормить их, наблюдать за ними.

Настроение у него сегодня неважное. Я сказала, что слышала, как он утром читал новое стихотворение. А он: «Я думал, ты спишь, а ты, оказывается, притворялась спящей».

— Я не притворялась, я слушала.

— Поэзия, искусство! Кому это нужно? Никому. Людям надо есть, пить, поносить друг друга, блудить, клеветать, убивать. Никому не нужна твоя поэзия. Тебе тоже не нужна. Пока сам не прочитаю, не изъявляешь желанья послушать, мне это обидно.

— Я очень люблю слушать, когда вы читаете. А просить самой... Я просто боюсь вам помешать. Вдруг вы заняты важными мыслями... Вы знаете очень хорошо, что чтение ваших стихов мне всегда доставляет радость.

— Не знаю, может быть...

Да, у него настроение сегодня плохое. Это из-за телеграммы, полученной вчера вечером. Он ее скомкал и разорвал.

Кайсын пошел в большой дом, чтобы позвонить. Вернув-

шись, заставил меня поесть, накормил Азамата. Потом на короткое время уснул. Проснулся и говорит:

— Элизаточка, ты не обращай внимания на мое плохое настроение. У меня много дум. То счастье, какое ты мне даешь, не сравнится с целым состоянием. Это щедрый дар для смертного человека. Жаль только, что я стар для тебя.

— Это не так.

— Ты убеждай меня, что это не так.

— Я вам всегда говорю об этом.

— Говори всегда, что я не стар, что ты любишь меня и, кто знает, может быть, тогда я сброшу тяжесть лет.

Кайсын встал, чтобы привести в порядок грабли. Хочет убрать сгнившие листья в саду. Недоволен собой, считает себя обленившимся. Я перечу: «Ну уж, если вы ленивый!...»

— Обленился, даже противно. От старости это.

3 апреля.

Кайсын проснулся рано, хотя вчера лег поздно: вычитывал свою рукопись, потом читал мой дневник. Сделал замечание по поводу ведения. Знаю, что делаю неумело. Как только встану на ноги, вести дневник будет некогда. Сказала ему об этом, а он говорит: «Нет. Раз начала, надо находить время и записывать. Не все, а главное. И так надо делать день за днем».

Сегодня, проснувшись, умылся, поработал над рукописью, приготовил завтрак. Есть я не хотела. Кайсын сказал, что набралось много рукописей, так что работы мне хватит. Пока не выздоровлю окончательно, печатать не разрешает. Даже в ванную (она в большом доме) хотел нести меня на руках, но я не позволила, оперлась на него и так пошла.

Поработав с час, подошел ко мне и вновь заговорил о Толстом: «Толстой со всеми нужными и ненужными людьми пространно разговаривал, потому что по натуре своей был проповедник».

19 час. 20 мин. В окно вижу, как Кайсын с тряпкой в руке вытирает стол под виноградником. Зашел в комнату и говорит: «Такой шашлык, Элизаточка, даже короли не едали. Давай, давай, ешь, брось писать. Половчанская княжна! Сейчас ты меня разозлишь, я не посмотрю, что ты княжна. Ешь, ешь скорей».

— Я потом...

— Ты такая упрямая, все хочешь делать по-своему.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, когда это нужно. Но если я сказал, ты долж-

на немедленно слушаться меня. Какой смысл есть холодный шашлык?

— Повинуюсь, мой повелитель!

— Вот так.

Принес чай с лимоном. Я сказала: «Вы — мой ухаживатель».

— Да, да, ухаживатель, — засмеялся он. — Ты мой ребенок. Только немного упрямая, но это ничего.

Пошел в сад. Так интересно наблюдать за ним. Он сел лицом к маленькому дому и мне хорошо видно. Беседует с Азаматом.

Размышляет ли он, беседует, ест, пьет ли чай, работает — все у него так ладно получается. Распахнутый, светлый, добрый. Столп доброты и доброжелательности. В учебнике по географии или истории, сейчас уже не помню, был изображен крупный мужчина и вокруг него много детей — река Нил с детьми. Кайсын мне напоминает тот рисунок.

4 апреля.

Сегодня день пасмурный, дождливый. Кайсын спрашивает Азамата: «Что с тобой? Почему такой мрачный?» Азамат нехотя что-то ответил и вышел. Кайсын волнуется. Я говорю:

— Может, из-за погоды? На меня погода тоже действует.

— На меня погода никогда не действует. Человек жив, здоров, работоспособен. Что еще надо?

— У природы нет плохой погоды... Это слова Эльдара Рязанова?

— Это слова Кайсына Кулиева. Я это стихотворение давно написал. Рязанов повторил, но это ничего. Кайсына Кулиева можно повторять.

Зашел в другую комнатку, стал читать.

5 апреля.

Я сегодня встала. Мне Кайсын разрешил немного походить. Бэлочка приготовила обед, и мы все обедали в саду под виноградником.

Кайсын с Азаматом поехали в город. Кайсыну надо сделать укол, а потом он должен выразить соболезнование певцу Сергею Беппасву по поводу смерти его матери. Азамат приехал раньше Кайсына, на такси. Привез картошку, пуфики. Кайсын приехал с Расулом и Ахматом. Все работали в саду. Вечером пили чай под виноградником: Кайсын, я, Азамат, Расул, Ахмат. Обслуживала Бэлочка, ей помогал Ахмат. Бэла с Ахматом все время говорят по-русски, а Кайсын гром-

ко: «Ахмат, Ахмат, что я тебе говорил? Разговаривай на своем родном балкарском языке. Я все время тебя хвалю, а ты... Нет, так не делай, ты же хорошо говоришь по-балкарски. Я хочу и Азамата научить, а то, что такое? Балкарцы, а по-своему не говорят...»

Бэлочка вымыла посуду, и они собрались уезжать. Кайсын сказал: «Как только закончим ремонт, вам надо будет переехать сюда. Элизат говорит, что вы не очень хотите сюда. Так нельзя. Или вы не хотите со мной жить?»

— Хотим.

— Ну, все тогда. Приезжайте часто. Видите, какая умница Бэлочка, она не забывает нас.

Кайсын пошел провожать их, сказал, что посадит их в такси, просил, чтобы я не волновалась.

Сейчас он в другой комнатке. Включил настольную лампу и пишет. Перед сном мысленно посылаю ему воздушный поцелуй.

6 апреля.

Вечером был телефонный звонок. Кайсын поднял трубку и стал в бешенстве кричать: «Ты с ума сошел? Вы решили свести меня с ума!» и т. д.

Было ужасно. Он же болен, ему необходим покой. Что делать? «Не болезнь меня убьет, нет. Я из железа и камня, если столько лет могу выносить все это».

7 апреля.

Еще с ночи болит голова. Кайсын говорит: «Ты прости меня, Элизаточка. Я всю жизнь вот так живу. Я мученик. У меня нет покоя, все время живу в страхе».

Утром я встала, хоть Кайсын боялся, что натружу ноги, приготовила завтрак. Позавтракав, Кайсын и Азамат пошли окапывать деревья. Я готовила обед. После обеда спросил:

— Может, тебе трудно со мной? Ты не скрывай от меня ничего, я пойму. Может, ты хочешь уйти от меня, испугалась такой жизни? Если это так, не мучай ни себя, ни меня. Если ты так хочешь, я освобожу тебя, как бы мне ни было трудно, я сделаю, как ты хочешь. Ты испугалась трудностей. Удивляться нечему. Все хотят жить спокойно, никому не хочется жить плохо. Я тебя понимаю, Элизаточка. Это только такой несчастный, как я, может выносить такое.

Бедный мой! Не трудностей я испугалась. У меня до сих пор ноет сердце от жалости к нему. Если бы он был здоров, не болел, еще можно было бы как-то вынести все это, но он болен. Когда его не трогают, мы так спокойно живем, и со-

стояние здоровья его улучшается. Стоит только нарушить покой, Кайсын не может спать, дрожит, нервничает. Какое лекарство, какие уколы помогут после такого?

Я сказала Кайсыну, что у меня болит голова, поэтому плохое настроение. Все пройдет.

Кайсын хотел поехать в Нальчик. Ждали Бэлочку, а ее нет и нет. Азамат поехал к матери. Бэлочка не приехала, и Кайсын поехал на рынок. Приехал с Расулом, привезли продукты. Бэла передала манты, они были еще теплые. Кайсын купил Расулу брюки. «Расул поблагодарил, поцеловал меня. Хороший мальчик, добрый», — радовался Кайсын. Окопав деревья, Расул уехал домой.

Днем Кайсын хромал, болело колено, а вечером его знобило. Я напоила его чаем, дала электрогрелку. Читал, потом, прерывая чтение, говорил: «Элизаточка, я люблю тебя. Все прах, кроме моей любви к природе и к тебе».

Как хорошо, когда нам никто не мешает, когда мы остаемся наедине.

8 апреля.

Кайсын встал рано. До сих пор работает в саду. Проведать меня приехали сестры Шаваевы (родственницы Кулиева), чета Байчекуевых — Абдин и Сакинат. Они недавно поженились, и она привезла, как положено спохе, подарки Кайсыну. Он был тронут ее вниманием. Днем приезжали Ахматик с Бэлочкой. Проводив гостей, до вечера работали в саду, и я в том числе. Кайсын приказал мне лечь, т. к. ноги опять разболелись. Бэла готовила и убирала в доме. Ахмат хорошо и без усталости работал — почти полную тачку, груженную камнями, возил. Кайсын хвалил его: «Вот это молодец! Пелнуан (силач, богатырь)! Вот это сила! Видите, какой у меня хороший сын!» А Ахмат продолжал работать с еще большим усердием. Вечером я проводила их. Сегодня Кайсын проработал восемь часов! А я три. А еще жалуется, что старик. Устали. Легли спать.

9 апреля.

Встали в девятом часу. Поработали в саду. Потом позавтракали вдвоем. Пришли его родственники проведать меня. Попили чай.

Совсем забыла. Вчера брат Сагида, Макау, принес колючка. Такой хорошенький, серенький, пушистый. Чувствует себя на новом месте, как дома. Кайсын назвал его Токуй. Я покормила его.

На обед сегодня сварила курицу. День прошел спокойно, счастливо. На улице дождь.

10 апреля.

Кайсын встал позже, чем обычно, в семь часов. Приехали Азамат и Бэлочка. Пока я убирала, Бэлочка приготовила манты. Пришел Сагид, и мы все вместе пообедали. Манты получились очень вкусные. Так что хвалили Бэлочку. Затем Азамат рисовал портрет Кайсына. Пили кофе по рецепту Шаханова. Кайсын с Сагидом привезли большое корыто, чтобы растворить в нем известку. Будем белить стволы деревьев, но сегодня белить нельзя, идет дождь.

Кайсын сейчас отвечает на письма, я делаю очередную запись в дневнике.

Раньше Кайсын любил работать во второй комнатке маленького домика, а теперь работает в первой, т. к. мы спим во второй. Зимой газовые емкости вышли из строя, трубы замерзли и лопнули. Кайсын хотел создать для меня все городские условия, но пока не получается. Он привел в порядок первую комнату: на письменном столе стоит настольная лампа с ярким абажуром. Он любит, когда она горит, включает ее даже днем. Над письменным столом мы повесили три небольших портрета его самых любимых трагических поэтов двадцатого века: Бориса Пастернака, Анны Ахматовой и Федерико Гарсиа Лорки. Подходящего портрета своего учителя Кязима, тоже трагического поэта, он пока не нашел. Кязим должен, по словам Кайсына, занять место с вышеназванными поэтами. Над изголовьем своей кровати повесил мой портретик в металлической рамке.

Кайсын ответил на письма Пимену Панченко, Нафи Джусойты, Борису Олейнику, Андрею Дементьеву. Я заклеила конверты и написала адреса. Сейчас идем спать.

12 апреля.

Вчера вечером Кайсын читал мои записи. Ничего особенного не сказал, кроме замечания, что я перепутала числа. Разница в одном дне. Я обещала исправить. Вчера ничего не записывала, потому что валилась с ног от усталости. Дотемна работали в саду.

Сегодня с утра зашел Кайсын. Похвалил, что встала.

— Ты вчера очень много поработала, думал, не сможешь утром встать, а ты встала.

— Вы тоже много работали, а встали раньше меня.

— Ну, я другое дело. Я привык к сельской жизни. И ты у меня скоро станешь крестьяночкой. Я приучу тебя.

Только хотела покормить Кайсына и Азамата, пришли Са-

гид с братом, чтобы с Кайсыном пойти по какому-то делу в райпо. Они боялись, что не застанут начальство на месте, и Кайсыну не пришлось позавтракать и принять вовремя лекарство.

Приехал через два часа. Есть не хотел: «Пока ходил туда да сюда, расхотелось есть». Но я заставила. Просьбу племянников выполнил. После завтрака опять уехал, привез гладильную доску, две лопаты, ящик для белья, палас для кабинета в маленьком доме. Он эти дни занят оборудованием своего кабинета. Получились очень уютные комнатки. Сегодня я не работала в саду. Убирала, готовила завтрак, обед, ужин.

13 апреля.

В восемь утра пришли Сагид, Макау, Маштай Кудав и еще один родственник. Позавтракали. К обеду Маштай ушел, но пришел Ишай. Обедали под виноградником. Пошла мыть посуду. Кайсын идет за мной и шепчет: «Мне надо работать, а работать, видно, не придется».

— Так скажите.

— Как скажешь, обидятся.

— Они же ваши близкие. Давайте я скажу.

— Я прошу тебя, Элизаточка, ничего не говори, а то они возненавидят тебя!..

17 апреля.

Завтракали вместе с гостем. Сегодня пришел Ибрагим, племянник Кайсына, сын Гешепез. Его называют Биляш.

Вышла во двор и увидела Ахматка, с удивлением смотревшего на спорящих: Азамат хочет рисовать Кайсына в киргизском халате, а Кайсын не соглашается, убеждая его, что этот халат не типичный для балкарцев, но Азамат настаивает на своем. Азамат попросил меня показать сорочки Кайсына и выбрал одну. Кайсын одел ее, сел в кресло, и Азамат стал рисовать. Ахмат не захотел оставаться и быстро ушел. Я проводила его. Ушел и Ибрагим.

— Почему Ахматик так быстро ушел? — спросил вечером Кайсын.

— Потому что здесь ему делать нечего.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что вы жили не с нами. Вероятно, он не чувствует к себе должного внимания, тепла.

— Элизаточка, я его очень люблю, зачем ты так говоришь? Все время твержу — приезжайте. Не только Ахмата, но и Расула. Прошу привозить Бэлу. Я люблю и Расула, по-

тому что его родила ты. Ты сейчас несправедливо со мной разговаривала. Наберись терпения. Закончится ремонт и мы будем все вместе.

18 апреля.

Как и в предыдущие дни, завтрак, обед и ужин проходят с родственниками. Кайсын злится: опять получил телеграмму...

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Последний день 1984 года, 2 часа 35 минут ночи.

Десять минут прошло с тех пор, как заснул Кайсын. До этого были мучительные боли. В 9 часов вечера ему сделали укол, но и это не помогло. Видеть его мучения выше сил. Ему все хуже и хуже. Не знаешь, что делать, чем помочь. Даже сон у него мучительный.

Мы приехали сюда 21 декабря, в надежде, что поможет экстрасенс Юрий Павлович Крымский. Приехать к нему нам посоветовал Даниил Долинский. После первого сеанса Кайсын поспал 6 часов с перерывами. Он давно не спал столько. Вторая ночь была мучительной. Последующие три ночи были сносными. Лицо сразу посвежело. Потом не выдержал и съел немного меда. На мед у Кайсына аллергия. Начался зуд по всему телу. Дело в том, что ему посоветовали растирать больную ногу водкой и он заставлял меня делать это, хотя я предупреждала, что нельзя так часто растирать. Когда болеешь, цепляешься за все. А еще раньше, в Дубултах, от спиртового компресса у него на ноге образовался незначительный ожог, трещинки еще не полностью зажили, а тут начался зуд, и он расчесал ногу до крови. Я старалась отвлекать его и не давала чесать. Пришел Юрий Павлович и, считая, что у Кайсына тромбофлебит, принес яблочный уксус, чтобы сделать компресс. Я была против этого, но Кайсын настоял на своем. В результате он так расчесал ногу, что она покраснела и вспухла. Бывало такое и раньше, но если он не утруждал ногу, опухоль быстро проходила. Но вот уже несколько дней, как она не проходит. Вызвали в гостиницу травматолога Лакшину. Она отрицала тромбофлебит. Из-за гнойничков на ноге она решила, что у Кайсына рожистое воспаление. Я объяснила ей, от чего эти гнойнички. По ее распоряжению в гостиницу приехали рентгенологи с переносной аппаратурой, сделали несколько снимков. Вечером Лакшина позвонила к нам и сказала, что у Кайсына надкостница, придется оперировать. Договорились положить его в обкомов-

скую больницу, а она будет приходить туда и назначать нужные процедуры (у нее отдельная клиника).

Сейчас Кайсын проснулся. Я ему говорю: «Вы поспали 40 минут». А он: «Разве это сон?» А потом: «Это тоже неплохо. Я больше всего боялся этих страданий. Завидовал тем, кто сразу умирал, без мучений». Вышел в туалет, вернувшись, улет и стонет. Спросил, который час. Я ответила: «12 минут 4-го». Сетует, как дотянет до утра. Говорит, что медсестра не так, как надо, сделала укол: «Иначе почему бы я не спал? Всего второй укол. Нет, я не смогу дотянуть до утра». Хочет, чтобы сделали болеутоляющее. Говорит: «Теперь мне все ясно, ничего не поможет, все иллюзия — и Галдан, и грузин-врачеватель, все иллюзия, промысел. К концу иду. Только страдания».

В общем, мы легли в больницу 28 декабря. Сразу сделали несколько снимков, взяли кровь из пальца, из вены, анализ мочи. У меня тоже взяли, т. к. Кайсын сказал им, что за меня он больше волнуется и боится, чем за себя. У меня давно болит грудная клетка, но все некогда обратиться к врачам.

Кайсын опять встал. Невозможно двигаться. Все говорит: «Как дотянуть до утра? Кайсын пропал, Кайсын пропал». Все время ворочается. Хоть бы успокоился, хоть бы помог ему Бог. Уж сколько можно просить, умолять, взывать о помощи. Все тщетно.

Тщательно просмотрели анализы, т. к. Юрий Крымский сказал врачам об аденоме. Повторные снимки не подтвердили остеополымнелит. Заведующий отделением вызвал уролога, он нащупал аденому. Потом вызвали меня в коридор и сообщили то, о чем я догадывалась и во что боялась верить. Много дней я провела в бессильных слезах, догадываясь о настоящей болезни Кайсына. Думала, больше не смогу плакать. Они сказали, что страшное началось. Уже поражена печень, анемия крови: «Мы только даемся диву его духу».

Сейчас Кайсын сказал: «Может, вызвать медсестру, может, даст что-нибудь?» Я говорю: «Зачем? Не надо, лучше потерпеть». А он: «Чего теперь жалеть, надо как-то продлить дни» (по-балкарски так: «Энди ненгп аяйса, алайсыз да белгилиди, кюнлени етдюрюрге керекди»).

Он знает. Догадывается. Врачи убеждены, что боль в поге из-за этой страшной болезни. Господи! Зачем ты не пощадил Кайсына? Мало было горя в его жизни? Или ты посчитал, что я была всю жизнь сверхсчастлива и решил исковеркать мою жизнь? Почему одним много счастья, а другим надо показать только краешек и потом издевательски его прятать? За какое зло, содеянное им, ты так мучаешь его? За эти годы, что мы вместе, я не видела в нем тени бесчеловеч-

ности. Значит, надо быть иным, чтобы получить твою милость? За что ты обрек его на такие муки? Сегодня он сказал: «Почему я не купил револьвер? Перерезал бы себе горло, только нечем». И все это слышать!..

Утро. 5 минут 5-го. Ворочается, стонет.

15 минут 5-го. Кажется, заснул.

Он очень переживает за меня и за Ахматика: «Что с вами будет? Азамат все-таки закончил художественную школу. А Ахмат и ты, как вы будете? Ты совсем не приспособленная ни к чему. Я же не знал, что заболелю, иначе ни за что не ввел бы тебя в беду. Прости меня».

Как-то я видела сон, будто Қайсына нет на свете, а я только начинаю это осознавать. Горько плачу и говорю женщинам, что до сих пор не верю, что его нет, иначе как жить без него, как жить? Проснулась в слезах. Долго плакала наяву. Тогда было счастливое время. Таких болей не было. Были иногда неприятности чисто бытовые, житейские, но не было такого страха за жизнь. Тогда, в Дубултах, он, хоть и хромая, но мог ходить на прогулку...

Проснулся. Опять стонет. Но в сравнении с будущими днями это, наверное, терпимые дни. Надо, видимо, rasseудать так.

Под утро, с перерывами, но все же немного поспал. Утром помазала ему ногу лоринденом, боль чуть притихла, вскипятила траву Галдана (тибетский врачеватель) и дала выпить, через полчаса надо было поесть. Поел. Он бреется (лежа), чтобы не опуститься совсем — так он говорит. Сказал, что сильно проголодался. Мы обходимся больничной пищей. О том, что мы в Ростове, не сообщали никому. Иначе от посетителей отбоя не будет. Приходят только Юрий Павлович и Даниил Маркович. Галя — жена Долинского — удивительная, редкая женщина, заботится о нас, как может. У нее самой большое горе — больна дочь. Палату нам дали одноместную, люкс, наверное, был занят. Меня хотели поместить в двухместный, на 8 этаже. Қайсын считает, что так даже было бы лучше — я смогла бы хотя бы немного поспать. Но какой был бы сон? Я все время думала бы, как он там один? Поэтому кое-как поместили в его палату вторую кровать и мы вместе. Можно было устроиться в двухместную, но она без удобств.

3 января 1985 года.

5 часов 10 минут.

В два часа ночи сделали болеутоляющую инъекцию, до укола мучился страшно. Вчера, после того, как врач сообщил

ему об истинной причине боли в ноге, Кайсын, как ни странно, почувствовал себя лучше, нога перестала болеть. Но лицо сразу посерело. Я была возмущена непростительным, на мой взгляд, поступком врача. Пыталась переубедить Кайсына. Он казался спокойным, даже спал. А врачу сказал: «Что ж, доктор, если Верховный призовет, пойдем, что же делать?»

В 12 ночи он стал жаловаться на боли в области желудка. Я подсела к нему, стала слегка поглаживать живот, явно ощутила увеличившуюся печень и что-то твердое, с кулак, в районе желудка. Из-за сильной пульсации было впечатление, будто сердце его переместилось со своего места. Лечащий врач переживала. Она мне сказала, что, если начнутся боли в печени, Кайсыну будет нестерпимо трудно. Не знаю, что делать? Ехать в Бурятию? Как повезешь его в таком состоянии и есть ли смысл? Везти опять в Кремлевскую? Но он сам оттуда ушел, когда узнал, что должны вводить адрибластин. Да и боюсь, что поздно. Эта мысль убивает меня. Что я буду делать, как буду жить без него? И наше материальное положение сейчас оставляет желать лучшего. Выпуск книг задерживается. Помощи ниоткуда нет. Такова реальность, а все думают, что я катаюсь как сыр в масле. Все наши с Кайсыном радужные планы рушатся

Видеть же страдания Кайсына — нет ничего невыносимей. Он иногда причитает, как причитают женщины над телом усопшего. Какие же это боли должны быть? Стонет он, стону и я.

О, если бы произошло чудо! О, если бы оно произошло, Господи, соверши чудо! Я умоляю тебя, Господи! Пожалей Кайсына! Помогни ему встать на ноги! Дай ему силы еще пожить! Если ты оделил нас хоть крупницей счастья, то не дай нам потерять его. Я прошу тебя, прошу!

7 часов 40 минут. Проснулся и снова уснул.

Вчера, когда врач сообщил Кайсыну его диагноз, через час он взял ручку и стал писать. Через некоторое время сказал, что пишет «реквием» себе. Я посмотрела на него, и увидев на моем лице растерянность, обиду, он сразу отступил и сказал: «Нет, нет, пишу «Реквием Индири Ганди». Он начал его писать еще в Чегеме, но не продолжил, а здесь очень быстро закончил. Я перепечатала на балкарском, потом стала печатать подстрочник на русском. Дважды брался за сказку, но напечатала всего 10 машинописных страниц. Здесь бы я могла печатать, времени больше, чем дома, но он не может диктовать, быстро устает.

8 ч. 00 мин. Проснулся, сходил в ванную. Лег. Я легла рядом. Он обеими руками обнял меня и немного поспал. Я боя-

лась, что он отлежит свою руку и хотела тихонько высвободить ее, но он сказал, что так хорошо. Сегодня собираемся работать над сказкой. Сейчас опять уснул. К чему я все это пишу? Утешение какое-то, что ли? Иначе можно сойти с ума.

4 января.

12 часов ночи.

Вчера и сегодня чувствовал себя почти хорошо, но к вечеру возобновились боли. Сделали два укола, один болеутоляющий. Выпил и снотворное. Нога сильно болела. Он хотел выпить и вторую таблетку, но я не дала. Как всегда, стала поглаживать ногу, он успокоился и уснул. Наверное, действовали уколы. Я боюсь, что его организм привыкнет к ним, поэтому стараюсь убедить его, чтобы он старался внутренне расслабиться. Как только близится вечер, он начинает волноваться и, как мне кажется, вызывает боль. Он так устал, что больше не имеет сил сопротивляться. Опять проснулся от боли.

Сегодня печатала подстрочные переводы. Несколько подстрочников дали Долинскому. В три часа пригласили профессора Коваленко. Они с Кайсыном оказались однополчанами. Лечащий врач Кайсына ознакомила профессора с анализами, и тот осмотрел Кайсына. Нам он ничего не сказал.

Кайсын опять проснулся. Даже уколы уже не действуют. Вечером звонила к Долинским. Оказывается, Ахматик звонил к ним, волнуется. Даниил Маркович еле его успокоил, сказав, что Кайсын чувствует себя лучше. Он просил передать, что дома все в порядке, пусть мама не волнуется. Получили ценное письмо с лекарством из Бурятии и завтра вечером они с Бэлочкой отправят лекарство с проводницей поезда Нальчик—Москва, а Долинский в воскресенье, шестого, пойдет к поезду и заберет его. Это лекарство у нас закончилось еще вчера и пока получим—пройдет три дня. Перерыв нежелателен.

Сейчас Кайсын спит, скинув одеяло. Боюсь укрыть, вдруг проснется.

17 минут второго. Проснулся. Говорит в полусонном состоянии какие-то невнятные слова. Стал обвинять медсестру, что не тот укол она сделала, что нога отрывается, что второй раз не дали снотворное: «Как бороться, с кем бороться? Ты обреченный, ты обреченный!» По-балкарски произнес: «Болмады, къан жаугъанды» («Не вышло, конец»). Я сказала: «Успокойтесь. Вы же хоть немного послали, значит, лекарство действует».

— Какое поспал? Я не спал. Она не тот укол сделала.

«Болмапды, болмайды, бут да жокъ, зат да жокъ, ауруу, ауруу, къуру да ауруу. Мен фактыр. Жокъду тынчлыкъ, игилик. Заманында берилмесе дарман алай боллукъ эди». («Не получается, не получается, нет поги, ничего нет, только боль, боль и только боль. Я несчастный. Нет покоя, хорошего. Если вовремя не дают лекарство, конечно, так бывает».)

Я принесла лекарство, он выпил его.

— Эсинде жокъду игирек болган, тынчайган. Болалмайма, не этейим? Жарлы Къайсын. Онгмаган. («И в помине нет улучшения, успокоения. Не выдерживаю, что делать? Бедный Кайсын. Невезучий».) Таш да жыларыкъды. («И камень заплачет».) Непоправимая беда. Бары да чепуха. («Все чепуха».) Ничего не поможет. Кюйгенди, битену аягъым бишгенди («Сгорела, вся нога сварилась».)

Как коварна эта болезнь, она уничтожает в человеке все: силу воли, мужество. Кайсын ложится то на одну сторону кровати, то на другую. Размаривает сон, а боль не дает уснуть. Когда поглаживаешь его ногу, он хоть ненадолго засыпает. Все стараешься делать, чтобы ему было легче, а он недоволен, выговаривает. Я уже еле держусь, могу в один из дней свалиться и не встать. За мной смотреть будет никому. Уже без двадцати три. Кайсын проснулся и мучается, опять винит медсестру. Спросил, который час, я ответила, а он: «Как я доживу до утра? Она перепутала лекарство. Это, наверно, проклятая болезнь. Наверно, нет спасения». Вроде уснул. Да, спит. А за окном опять дождь. Вчера тоже всю ночь шел. Дождь в январе. Все в этом мире перепуталось. У людей нет надежды на завтрашний день, большинство живет днем сегодняшним, милосердие встречается редко.

Кайсына все время мучает жажда. Сейчас выпил холодный калмыцкий чай, который Галя Долинская присылает через мужа каждый день. Она плачет, думая о Кайсыне, успокаивает меня, а у самой больная Наташа. Сколько лет надеется, что дочь выздоровеет.

6 января.

Проболел целый день. Ночью, в 10 часов, сделали обезболивающий укол, дали супрастин. Выпил снотворное. Мучился почти до трех ночи, потом лежал тихо.

7 января.

Приготовила лекарство Галдана. Сейчас у Кайсына будут брать кровь из вены повторно. Он еще не ел. Хочет успеть дописать детскую книжку, а роман на балкарском вряд ли успеет дописать.

Какую мы, кажется, глупость допустили, упустив время, надо было сразу ехать к Лопаткину.

Вечером он диктовал, я печатала. Пришел Виктор Стрелков. Он добрый человек. Так старался подбодрить Кайсына. Потом пришли Елена Нестерова, Даниил Маркович, Юрий Крымский. Они каждый день приходят.

Вчера обошлись без уколов, выпил лишь две таблетки снотворного. Сегодня не помогают ни уколы, ни таблетки.

8 января.

С утра боли усилились, все хочет, чтобы сделали уколы. Я отвлекаю и вроде успокаивается. Поспал часа два. Вчера и сегодня врачи занимались мной, завтра будут делать рентгеноскопию. Мы сегодня сидим на молоке. После больничной еды мучает изжога.

Сейчас 18 ч. 45 мин. Кайсын читает Лермонтова и плачет, читает Блока — то же самое, поет старинные балкарские песни — плачет. Я говорю: «Не надо так, иначе нога начнет болеть». А он:

— Ты ничего не чувствуешь.

— А зачем мне их сейчас чувствовать, когда вы больны?

— Ты проживешь сто лет.

— Боюсь, и до шестидесяти не доживу. Не мне, с моим характером, долго жить.

Сегодня немного продиктовал. А сейчас прошу, но не хочет. Увлёкся поэзией. Это неплохо, но плакать не стоит, нога сразу начнет болеть. Как только боль отпускает, пытается сесть, начинает ерзать, переходить с одной стороны кровати на другую. Он очень непослушный. Все делает по-своему, в итоге виноватой оказываюсь я: «Не надо было меня слушать, надо было заставить». Я сказала ему: «Ребенка можно отшлепать и заставить слушаться, а вас как заставить?»

— Ты упрямая, Элизат.

Затем начинает читать: «Для иных ты муза и чудо, для меня ты мученье и ад». Дальше не может вспомнить. Откашливается, произнося: «Чиригенди битеу нчим (Все сгнило внутри)». Читает Блока: «О доблестях, о подвигах, о славе», «Есть в напевах твоих сокровенных...»

10 января.

13 часов. Вчера мне сделали рентгеноскопию, ничего хорошего. Бог с ним. Главное Кайсын, а не я. Лишь бы ему помог Бог. Вся надежда на лекарства Галдана. Кайсын тоже верит в них. Хотела, чтобы он подиктовал, но никак не смогла заставить. Галя передала через Даниила Марковича суще-

ных раков. Говорит, лечат рак мозга. А что лечит представительную железу? Не знаю.

Кайсын так проникновенно смотрел на меня. Любимый, славный мой.

— Элизаточка, что пишешь?

— Пишу о том, какой вы у меня добрый, славный, красивый.

— Я красивый? Был когда-то.

— Нет, вы именно в эти годы стали красивым. Черты смягчились, и доброта оквозит во всем вашем облике.

— Ты любишь меня?

— Очень.

— Ты мне часто говори ласковые слова.

— Я не умею.

— Для этого не нужно умение, надо чувствовать.

— Если бы я могла выразить все, что у меня здесь...

— Хорошо, хорошо, моя Элизаточка, моя хорошая, терпеливая Элизаточка. Ты самоотверженная, самая лучшая. Я рад, что сумел воспеть тебя, чем-то хорошим ответить на твою доброту. Ты мне не просто жена, ты любимая жена Кайсына Кулиева, знай и помни это.

— Знаю и помню.

Принесли обед. Опять будет изжога, но Кайсын говорит, что проголодался. Сейчас накормлю.

11 января.

Приходил Юрий Павлович, проводил сеанс. Кайсын прав, когда говорит, что все это промысел. Печень у Кайсына такая увеличенная, а Юрий Павлович говорит, что ничего в печени нет такого, чтобы волноваться. Может, утешает? Сейчас Кайсын так стонал. Нет сил это слышать. Хоть бы поспал. Вчера днем он себя чувствовал лучше, и я уж поверила, что он идет на поправку.

Приходили Лена Нестерова и Даниил Долинский. Лена принесла паштет, торт и молоко, а Даниил Маркович калмыцкий чай в термосе. Они пофилософствовали, и Кайсын немного отвлекся. Когда я вышла провожать гостей, ко мне подошла одна женщина и, плача, стала говорить о своем несчастье. У нее рак. Работает заведующей аптекой. Я немного задержалась, успокаивая эту женщину. Когда зашла в палату, Кайсын взволнованно сказал: «Не оставляй меня. Когда тебя нет рядом, кажется, небо обрушивается на меня. А ты ушла и тебя нет и нет. Где ты была до сих пор?» Я объяснила ему, что не могла оставить без внимания не-

счастную женщину. Он успокоился, взял мою руку и повторил: «Не оставляй меня».

12 января.

12 часов. С утра стонал, причитал. Потом хотел править мои подстрочки, а нечем. Опять ни одной ручки, все куда-то подевались. Поругал меня. Я дала карандаш. Не захотел. Настроение у него плохое. У меня тоже. Хочется домой. Увидев, что я грустная, попросил сесть к нему. Я не сажусь. Он просит: «Иди ко мне, моя любимая Элизаточка. Ты обиделась на меня? Не обижайся. Прости меня. Ты очень точно все перевела и не нужно править. Иди ко мне». Не удержалась, конечно, под села к нему, а он говорит: «Наклонись ко мне». Поцеловал глаза, лицо, потом нос. Я засмеялась, а он:

— Сразу другое лицо. Когда ты бываешь не в духе, твое лицо становится, как маска, а когда улыбаешься, нет красивой твоего лица. Улыбка тебя очень красит. Ты красивая, стройная, я люблю тебя. Только иногда бываешь вредной (Къулбайланы пулеметчугъу — пулеметик Кульбаевых), но ненадолго. Это хорошо, а то, знаешь, есть такие женщины, которые как начнут дуться, то продолжают днями.

— На вас невозможно долго обижаться, вы и лед сумеете растопить.

И действительно. Я не перестаю даваться диву его уменью влюблять в себя. Он чародей! И голос его и весь он чародейный, и не дай бог остаться без него...

МОСКВА. БОЛЬНИЦА.

1985 год.

14 марта.

После ростовской больницы я хотела Кайсына сразу везти в Москву, но он рвался в Чегем. Мой младший брат Володя и его жена Роза приехали в Ростов и помогли привезти Кайсына домой. Как только узнали, что Кайсын приехал, народу собралось много, не отходили от него, заполнив дом. Ему тяжело, но людей обижать не хочет, вот и терпит. В таком тяжелом состоянии сел за руль своей машины и поехал со мной в Чегемский ЗАГС, чтобы поставить подпись и забрать свидетельство о рождении Ахмата: «Ахмат отныне будет носить свою настоящую фамилию. Теперь со спокойной совестью можно ехать куда угодно».

Мы поехали в Москву. На Курском вокзале Кайсына ждали с носилками. Нас привезли в гостиницу «Москва». Работники гостиницы были взволнованы. Даже на вокзале,

увидев лежащего на носилках поэта, люди шептались: «Кайсын Кулиев, Кайсын Кулиев, он болеет!»

22 января мы легли в Кунцевскую больницу. Кайсыну советовали ложиться в больницу на Мичуринском проспекте, где он лежал раньше, но т. к. меня не могли положить вместе с ним, он решил, невзирая на условия, лечь в Кунцево. Условия здесь прекрасные, представляю тогда, какие они в больнице на Мичуринском. Кайсына положили в урологию, на 5-м этаже, а меня — в проктологию, на 2-м. Потом меня тоже перевели в его палату № 580. Ему сделали операцию голени — взяли (отщипнули) косточку на биопсию. Анализам нет конца. Столько волнений. Знаешь, каким будет результат, и все же надеешься на что-то. Возле Кайсына плакать нельзя, выйду в конец коридора и плачу. Долго отсутствовать нельзя — начнет переживать. Какое это мучение — ждать. Анализы подтвердили предположение ростовских врачей. Кайсыну стали делать обезболивающие уколы, но и это мало помогало. Тогда стали колоть морфий. Ему это понравилось. Стал часто нажимать на кнопку вызова, чтобы ему сделали укол. Я нервничала, потому что много нельзя. Тут еще старшая медсестра сказала, что от морфия в первую очередь атрофируются клетки мозга и кишечника. Я, естественно, перепугалась, стала говорить об этом Кайсыну, но убедить его было невозможно: «Зачем ты жалеешь, чего ты жалеешь, так пусть я хоть проживу без боли!» Тогда я стала уговаривать медсестер (их много), чтобы они вместо морфия кололи более безвредное обезболивающее, к которому не так привыкает организм. Спасибо им, они поняли меня, пошли навстречу. Попросила заведующего отделением Козлова Вадима Петровича сказать Кайсыну о вреде таких уколов. Он согласился.

14 марта.

Вчера и сегодня Кайсын плачет и говорит:

— Ты не понимаешь, отчего я плачу. Не потому, что умру. Все когда-нибудь умирают. Я мог умереть и молодым. Я плачу, потому что только наладил свою жизнь; мне кажется, вся моя предыдущая жизнь прошла в нетопленном, холодном доме. Только теперь я собрался было жить — купил дом, привел его в порядок, думал, заживем теперь с тобой, а получается не так, как я мечтал. Умереть сейчас, когда, наконец, с таким трудом я сумел сделать, чтобы ты и Ахмат были со мной, когда я, наконец, почувствовал тепло, и — умереть. Вот почему я плачу.

— Понимаю. Еще ничего неизвестно. Бог, может, еще смилостивится, пожалеет. Надо верить.

— Не люблю этих слов.

— Я хочу сказать, что надо как-то успокоиться внутренне. Еще ничего неизвестно.

— Как неизвестно? Все известно.

— Да хоть и так. Всякое бывает. Вдруг все будет хорошо.

Обняла его, потом, чтобы отвлечь, стала брить ему бороду. Он любит мерный звук бритвы, мало-помалу успокоился.

15 марта.

Позвонил Расул и поздравил с днем моего рождения. Я в шутку говорю Кайсыну: «Такой день, человеку 45 лет, а его ни одна душа не поздравила, кроме Расула!» Кайсын расстроился, что забыл поздравить и стал оправдываться. Ссылался на болезнь, напомнил, как он поздравлял меня раньше. Я поцеловала его и сказала, что пошутила и что все помню. Помню и те необыкновенно красивые черные розы, которые он специально достал в оранжерее на мой день рождения, не всякая женщина получала такие подарки. Успокоился, стал поздравлять, пожелал счастья и чтоб Ахматик и Расул были добрыми и послушными.

— Если я выберусь живым отсюда, я осчастливлю тебя. Одену, как королеву. Буду работать, как вол. А тебе я очень благодарен. Что бы я делал без тебя? Думаешь, я не понимаю, как тебе трудно? Бог даст, встану на ноги и ты увидишь, как умеет благодарить Кайсын.

— Мне ничего не нужно. Лишь бы вы были здоровы. Высшим подарком для меня явится только ваше здоровье.

— Если я буду здоров, значит, и деньги будут. Тебе очень пойдут красивые наряды. Куплю тебе и кольца, и серьги, и ты не будешь чувствовать себя неловко среди наших знакомых...

Бедный мой, о чем он думает? Пусть бы я всю жизнь ходила нищенкой, лишь бы он жил!

23 марта.

Сказал, что мерзнет пятка. Стала греть ногу. В это время диктор радио объявила песню на стихи Кайсына Кулиева в переводе Н. Гребнева «Все еще впереди» в исполнении Александра Ведерникова. Кайсын слушал, а потом поднял правую руку, сжал в кулак и, потрясая ею в такт музыке, произнес: «Не забывают Кайсына Кулиева, еще помнят Кайсына». А когда прозвучали слова: «Горе забудется, чудо свершится, сбудется все, что покуда лишь снится. Все еще впереди, все еще впереди!», на глаза его навернулись слезы, он, продол-

жая сжимать кулак, на балкарском языке произнес слова, означающие, что еще поборемся с болезнью, как бы она ни зажимала в тиски. Я обрадовалась, что он стал противоборствовать, а то было совсем отчаялся, потерял веру. В последнее время я часто вижу слезы в его глазах, но он говорит, что, когда плачет, набирается сил: «Это не те слезы, о ко-
рых ты думаешь».

Какая нужна сила воли, чтобы выдержать! Раньше с помощью костылей мог добираться до ванной, а теперь скоро три месяца, как не поднимается совершенно. А мы привыкли видеть Кайсына Кулиева всегда бодрым, жизнестойким, привыкли видеть в нем опору и опирались на него все, не задумываясь, каково ему нести эту тяжесть. Но его болезнь показала, как он дорог людям, как любят его. Кабардино-Балкария будто на часах. Чуть ли не половина Москвы болеет за него; звонят, спрашивают. Из разных республик приезжают. Врачи нервничают, потому что нельзя пропускать к больному столько посетителей. Газеты, радио, телевидение постоянно говорят о творчестве Кулиева, о его личности — спасибо им. Это дает ему силы противостоять болезни. Поистине — друг познается в беде.

У меня немеет левая нога, даже кость болит именно в том месте, где болит у Кайсына. Это мне показалось странным, и я сказала ему об этом.

— Не дай бог тебе заболеть, тогда я совсем пропал. Старайся не болеть, а то кто за мной будет смотреть? Кому я нужен? Никому — старый, больной.

— Какой же вы старый? Вы не старый. Старый, когда дряхлый.

— Элизаточка, я уже дряхлый.

— Нет, не дряхлый. Мне вы нужны.

Он подумал и сказал: «А это уже многое. Я хотел сделать тебя счастливой». Я сказала, что счастлива и стала читать его стихотворение, посвященное мне, на балкарском: «Сюйдюм сени насыплы этерге» («Полюбил тебя, чтобы сделать счастливой».) Он попросил прочесть и другие стихи. Читала и перед глазами проплывали наши дни. Он умел одаривать радостью.

26 марта.

Меня хотели оперировать: нашли камень в желчном пузыре. Я от операции отказалась, хотя врачи настаивали на этом. Кто в таком случае будет ухаживать за Кайсыном?

Мы будем оставаться в больнице, пока не закончат рентгенотерапию. Это лечение назначил академик Павлов —

прекрасный врач, интеллигентнейший человек. Пусть обречен человек, пусть все, что делает врач, не даст ничего, кроме облегчения, но доброжелательство, милосердие, которое сквозит в облике этого человека, придают сил больному. У него — Божий дар. Мы полюбили его. Видеть его для нас — радость, успокоение и даже надежда. Спасибо Богу, жизни за то, что они не лишают общество таких людей.

С первых же дней в больницу к нам приходил милый, дорогой, любимый наш Мустай Карим. С большим трудом (зимой это невозможно) нашел кумыс в каком-то совхозе Башкортостана и прислал через летчиков. Через несколько дней уже сам привез необходимый, как нам сказали, для Кайсына кумыс. Но в этот раз был карантин и Кайсын не смог его увидеть. Я пошла к проходной и встретила его.

До карантина успел у нас побывать Левон Мкртчян. Он прилетел из Еревана. Левон — наш изумительный, необыкновенный друг. Сразу предложил свои услуги — что делать, кому позвонить, с кем переговорить. Привез деньги — вдруг понадобятся. Денег мы не взяли. В больнице все есть. Светлая личность — Левон, похож на Кайсына. Армяне чтут, любят Кайсына.

Был у нас и Михаил Дудин, наш милый Миша Дудин. Увидев Кайсына, не смог сдержать слез... Он постоянно звонит, интересуется: «Как самочувствие моего Кайсына?»

Кайсын чувствовал себя плохо, когда пришел его проводить Расул Гамзатов. Расул очень расстроился, сразу поник, хотя пытался сдержать себя. Расул Гамзатович тоже постоянно звонит, интересуется, переживает за своего названного брата.

Москвичи звонят постоянно. Из разных республик звонят ежедневно. Несмотря на карантин, все равно приходят. Выхожу к проходной № 2 и сообщаю им о состоянии Кайсына.

Из далекого Казахстана приехали писатели Абдижамил Нурпенсов и Калтай Мухаметжанов. Калтай принес шубат, казы и фрукты. Их, к сожалению, не пропустили к Кайсыну.

После карантина приезжал земляк и родственник наш Ханафи Хутуев. Кайсын очень обрадовался ему. Он был со Светланой Алиевой. С ними хотел зайти и мой родственник, живущий в Москве, Тахир Черкесов, но его не пропустили. Кажется, обиделся. Зав. отделением возмущается: «Может, всю Москву пустить к вам?»

Приезжали из Чегема Сафарбий и Сагид. Из Бабугента — Марзият с дочерью Людой. Из Нальчика — Жанна. Радовались, что Кайсын выглядит посвежевшим. Много людей бывало у Кайсына, всех не перечислить. Может, произойдет чу-

до, поможет бог, и Кайсын будет еще на ногах. Мы теперь знаем его истинных друзей.

Звонил Мустай Карим. Он опять в Москве. Придет в четверг. Увидеть его нам доставит большую радость.

27 марта.

Приезжал к Кайсыну министр здравоохранения страны Евгений Иванович Чазов, одобрил наше решение уехать домой.

Утром приходил академик Лонаткин, сказал, что Кайсын хорошо выглядит. Наш отъезд домой одобрил.

В 17 часов пришли проведать Кайсына руководители нашей республики: Борис Касымович Чабдаров, Муса Ильясович Докшоков, Николай Филимонович Симанкин, Аубекир Жунусович Чофанов. Они принесли очень красивые розы. Тимбора Кубатиевич Мальбахов просил руководителей республики проведать Кайсына. Сам он не мог приехать в Москву из-за неотложных дел. После ухода гостей настроение Кайсына опять упало. Вечером кушать не захотел, но я заставила его съесть немного каши. У него снова начался зуд всего тела. Выпил супрастин и его затошнило. Вырвал. Через некоторое время попросил судно. Опять кровь из кишечника. Все утро мое болит, нет сил ни плакать, ни страдать. Убиваю в себе надежду, но она насильно врывается и опять начинаю верить, что он поднимется, будет прежним Кайсыном. О, если бы!

28 марта.

В 6 ч. 30 минут утра начала кипятить тибетскую траву. Подошла к Кайсыну, он не спал. Хотела помыть судно, а там столько крови. Надежда рухнула. В 11 часов повезли на рентгенотерапию. С утра ничего не ел. Все время просит простую воду. Жидкости пьет много, а мочеиспускание слабое.

В 17 часов пришел Мустай. Сколько в нем душевности. Так они хорошо беседовали вдвоем. Потом пришел Алим (сын). Он сказал, что начнет работать с апреля. Кайсын расстроился. Мы сказали — надо радоваться, что все так хорошо устроилось, и Мустай говорит: «Это он от радости». Устроиться на работу не так легко, тем более в Москве. Ну, слава Богу! Хоть бы все у них было удачно. Позвонила Жанна. У нее сегодня день рождения, я хотела послать ей телеграмму, но почта в больнице была закрыта и, когда она позвонила, мне было очень неловко перед ней. Завтра пошлю.

В половине седьмого Мустай попрощался с Кайсыном. Я проводила его до лифта. Сказал много теплых слов. Я бы-

ла глубоко тронута его отношением к себе, поблагодарила. Подошел Алим, и они вместе сели в лифт и уехали. Зашла в палату. Кайсын тоже сказал: «Знаешь, Элизат, все, кто любит меня, кто хочет мне добра,— любят тебя. Это хорошо».

— Конечно, хорошо.

— Только жаль, что тебе пришлось мучиться со мной. Очень трудно ухаживать за тяжелобольным, прикованным к постели.

— Это все ерунда, лишь бы Бог помог.

Все эти месяцы я так часто, и в разговоре, и в мыслях, обращалась и упоминала Бога, что иногда Кайсына это раздражало. А тут он сказал:

— Если бы он помог хотя бы прожить еще 5—10 лет... Я относился бы к тебе... Никогда ничем не обидел бы...

Он заплакал. Я успокаивала. Тогда он говорит:

— А знаешь, Элизат, при всей серьезности моей болезни, я все-таки не верю, что умру.

— Я тоже. Не сомневаюсь ни на секунду.

— Хоть бы прожить еще немного. Я же не дряхлый. Мозг работает еще. Я мог бы еще писать.

— Да, конечно. Может, все еще будет хорошо. Будем надеяться.

Эти мысли выражал он сегодня и Мустаю.

29 марта.

Опять много крови. Ночью почти не спал. В шесть утра вскипятила лекарство. К восьми остыло (надо, чтоб остывало в закрытом виде и естественным путем). Дала выпить. Его надо пить за два часа до еды. Аппетита у него нет совсем. Со вчерашнего дня жалуется на боль в животе, на тошноту, хочет все время пить. Он сильно похудел, поэтому и без того увеличенная печень сильно выделяется. Видел сон. Не стал рассказывать. Я тоже видела. Кто-то приносил в сетке бутылки со спиртным, а может, с нарзаном... Не поняла. Да, видно нам нечего ждать хорошего. Надо смириться. Все мои слезы, мольбы, бессонные ночи ни к чему не привели. Ах, бедный, бедный мой! Неужели в этом мире не нашлось спасения для тебя? Ты так любил этот мир и воспел все сущее на земле...

Вчера вечером звонил Михаил Дудин. Наладил с журналом одно дело Кайсына. Просил держаться.

— Держимся, дорогой Михаил Александрович, что нам еще остается.

У Кайсына есть истинные друзья. Я их люблю до слез. Пусть обойдут их несчастья!

Позвонила в Верховный Совет СССР, заказала три авиабилета, чтобы Кайсын мог лететь, лежа на сиденьях. В среду летим домой. Он очень спешит. Кайсын плачет и говорит: «В мои трагические дни остался неизменным другом Миша Дудин. Все делает, хлопочет, и Шерешевский тоже исполняет все, что ни попрошу».

— А Мустай?

— Ну, Мустай тоже. Но он пришел, проведаль и ушел. А Миша и Лазарь Вениаминович все делают.

— И Мустай делал бы, но он далеко живет.

Жаловаться на друзей Кайсына грех. Если что надо, ни один не откажет, не отвернется. Дамба Жалсараев и его жена Валя живут в Улан-Удэ. Оттуда они высылают лекарство самолетом через знакомых. Собирают у себя консилиум специалистов по тибетской медицине, чтобы помочь Кайсыну.

Увидев исхудавшего друга, Давид Кугультинов с трудом держался, чтобы не показать Кайсыну своего состояния. Когда я вышла провожать его, Давид плакал.

Кайсын готовится к отъезду, говорит, что, как только приедем, надо будет приводить в порядок навес, двор: «Если со мной что-нибудь случится, продай машину. Это тебе хватит и на мои расходы, и на какое-то время. Ты бережливая».

— Не дай вам бог умереть. Если случится такая беда, на меня ополчатся.

— Никто не ополчится. Ты моя законная жена. Никто не посмеет тебя обижать. Есть закон. Как бы трудно ни было, держи голову высоко. Не бойся, закон на твоей стороне. В случае чего — уговори родителей переехать в Чегем, тогда тебе будет легче. Помни, о чем я говорил тебе. Захочешь жить в Чегеме — будешь смотреть за моим домиком, следить за рукописями. Только как быть с газом? Ты не сможешь платить такие деньги. Но что-нибудь придумаем. Я поговорю с Тимборой, объясню наше положение. Не волнуйся, моя бедная Элизаточка.

— Я не волнуюсь. Лишь бы вы жили. Раньше вы меня не называли бедной, а теперь я слышу это слово несколько раз. Я не бедная, я ваша жена. Один час, самый трудный, но проведенный рядом с вами, в беседе с вами, для меня, быть может, выше всех дней.

— Спасибо тебе...

30 марта.

С утра то снег, то солнце. Кайсын опять стал говорить о смерти. Говорил о том, что надо привести в порядок маленький домик, навес: «Не иди против руководства, пусть

хоронят так, как они решат, не настраивай их против себя. Если посчитают нужным, повезут тело в город, народ посмотрит, но потом привези меня в Чегем и похороны в нашем саду. Элизат, костями ложись, но положи меня в нашем саду, а не на общем кладбище. Место ты знаешь. И не очень траться на похороны. Нам не нужна показуха. Пусть все будет скромно. И не траться на памятник. Пусть будет скромная плита и надпись: «Къули Къайсын». Если захотят хоронить в гробу, на перечь. В этом нет большого греха».

Слушая его, я невольно задала вопрос о гробе и о надписи на памятнике; когда это дошло до меня, разрыдалась. Разболелась голова, появилась слабость.

— Я просила Бога, чтобы он сохранил вам жизнь. Лишь бы вы дышали, я согласна на все, даже если вы всегда будете в этом состоянии. Лишь бы были живы.

— Это правда? Ты правду говоришь? Будешь смотреть не устанешь, не бросишь меня?

— Я перенесу все, лишь бы вы были живы.

Он обнял меня, и мы плакали.

Сейчас Кайсын убрал с себя одеяло, лежит на спине, согнул правую ногу. Кожа да кости.

Говорила с Козловым. Когда узнал, что уезжаем, не смог скрыть радости. Когда сказала об этом, Кайсын ответил: «Он боится, что я могу умереть здесь и доставить ему массу хлопот».

— Вы не умрете!

— Элизаточка, я не спешу на тот свет. Но даже если не суждено избежать этого, надо суметь уйти из жизни мужественно.

— Вы несколько раз говорили, что не умрете.

— Да. Мне кажется, я буду жить.

— Вот и не теряйте этой веры.

20 часов. Покормила его с ложечки. Кашу не хотел есть, заставила с трудом. Позвонил Ахматик. Они поговорили: «Он больше всех меня любит», — сказал Кайсын и на глаза его навернулись слезы.

— А я?

— Ты в счет не входишь. Ты моя жена — единственная, любимая, верная.

31 марта.

Звонил Дамба Жалсараев. Какие прекрасные люди — он и его жена Валя. Он, министр культуры, ездит к врачевателям Ленхобоеву, Дугарову и другим, договаривается с ними, чтобы созвали консилиум. Сказал, что завтра или послезавтра

ра мы получим другие номера трав. Кайсын надеется на эти травы.

Вчера звонил Алик Гачечиладзе — наш грузинский врачеватель. Его интересовало состояние Кайсына, он спрашивал, почему так долго не даем знать о себе. Я объяснила ему. Он хотел, чтобы мы продолжили лечение «Катрексом». Но 200 с лишним уколов не помогли.

Врачи на Кайсына смотрят, как на обреченного, а мои усилия им непонятны, непонятна моя вера в то, что Кайсын встанет на ноги.

Кайсын попросил пить, дала боржом. Выпил залпом. Потом посмотрел на правую ногу, показал руки и спросил: «И ты веришь, что я встану на ноги? Смелая же ты». Ком поднялся к горлу, не смогла произнести ни слова. До чего довела его эта проклятая болезнь! Он был, как могучий дуб, и что она оставила от него? Увидев слезы, сказал: «Не надо плакать. Я же не знал, что заболелю. Прости меня, что так получилось. Я хотел сделать тебя счастливой, но не сумел. Утешай себя мыслью о том, что были у нас счастливые дни, мгновения. Я с радостью возил тебя по стране, гордился тобой. Моим друзьям ты очень понравилась. Помнишь, как Ламара говорила о тебе? Ничего, Элизаточка, может, я еще выберусь».

— Вы должны ради меня жить.

— Я умирать совсем не собираюсь. Но если это случится, помни, о чем я говорил. Не трать много на похороны. Это люди делают, чтобы показать, какие они богатые. Свои возможности мы сами знаем. Продай машину. А может, сразу продадим, как только приедем. Деньги положишь в кассу на свое имя, а если я встану на ноги, купим новую. Будем ездить с тобой по Чегемской равнине. Я посажу тебя с правой стороны, буду любоваться тобой. Может, все еще обойдется и будет не так, как предполагают врачи.

1 апреля.

Целый день прошел в суматохе. То надо было послать медсестру за авиабилетами, то заказать пропуск для курьера, то бежать к стоматологу и т. д.

А вчера приходил Шерешевский. Кайсын ему очень обрадовался. Долго беседовали. Лазарь Веннаминович рассказал нам об одной женщине, вылечившейся от рака запущенной формы. Он с Алиной Яковлевной Чадаевой (Шерешевский живет у нее на квартире) звонили в Брянск к этой женщине, все расспросили и, уточнив подробности, Лазарь Веннаминович приехал к нам в больницу. Дал мне листок, где все от-

печатано. Приедем домой, рискнем. Вдруг поможет. Приходил Алим и сказал, что выходит на работу. Кайсын опять разволновался. Алим ушел с Лазарем Веннаминовичем.

Сейчас Кайсын долго и внимательно смотрел на меня. Я спросила: «Почему вы так смотрели, может, чем-то недовольны?»

— Только своей болезнью я недоволен. Я тебе столько труда доставляю. Если не от меня, то хоть от Бога получи хорошее. (По-балкарски: «Менден келмесе да аллахдан келсин».) Я не виноват. Хотел сделать хорошее, а получилось — видишь как. Какую тяжесть возложил на твои плечи.

Сегодня днем я читала ему вслух его стихи из новой книги «Говорю людям» в переводах Ахмадулиной, Чухонцева, Шершевского. Кайсын долго слушал и затем сказал: «Человек, создавший такую лирику, так безбожно наказан!»

Сейчас 20 часов 5 минут. Кайсын запел старинную балкарскую песню о храбром Чепелеу, которую очень любит и часто пел раньше:

Сын Жагаштока — храбрый Чепелеу!
Я постелила тебе мягкую постель,
Укрыла тебя тонкими шелками.
Но почему тебе не спится, храбрый Чепелеу?
О, почему тебе не спится, храбрый Чепелеу,
Сын Жагаштока,— храбрый Чепелеу?..

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания	5
Письма Қайсына Кулиева к Элизат. Қъули Қъайсынна Элизатха жазгъан къагъытлары	109
Из дневниковых записей	215

Кулиева Э. Э.

К Мой гений, мой ангел, мой друг... Воспоминания.
Письма. Дневники.—Нальчик: Эльбрус, 2002.—356 с.

ISBN 5-7680-1765 8

Книгу составили воспоминания и дневниковые записи жены поэта Элизат Кулиевой, а также большая часть писем Кайсына Кулиева, адресованных ей.

К 4702110600-071
М 125(03)-2002 2002

Литературно-художественное издание

Кулиева Элизат Эльбаевна

МОИ ГЕНИИ, МОИ АНГЕЛ, МОИ ДРУГ...

Воспоминания, письма, дневники

Редактор *Дж. П. Кошубаев*

Художник *И. Г. Абрамов*

Художественный редактор *И. Я. Аккизова*

Технический редактор *Л. А. Тлупова*

Корректоры: *И. Б. Кагермазов, А. Х. Алагирова, М. Я. Гузиева*

Лицензия ИД 05895 от 21.09.01

Сдано в набор 19.09.02. Подписано к печати 30.10.02. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,69+вкл. 0,84. Уч.-изд. л. 19,21+вкл. 0,64. Тираж 1000 экз. Заказ № 490

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33